

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IR SCIENTISTS' HERALD

Специальные темы выпуска:

**Конкурс Совета молодых дипломатов МИД России
«Роль отечественной дипломатии в обеспечении глобальной стабильности и
безопасности: уроки холодной войны и современность»**

**Конференция молодых ученых ДА МИД России
«Актуальные проблемы мировой политики»**

**Конкурс научных статей по международному праву
Клуба международного права ДА МИД России**

№2, 2023 (24)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (Московский ИнЯз им. Мориса Тореза)

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянец Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулёпов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник учёных-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.э.н., доцент

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Л.Н. Сидорова – научный редактор, к.полит.н., доцент

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, доцент, редактор *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

А.С. Исхаков – младший редактор.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (преыдущее название: «Вестник молодых учёных-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

- 5.1.5. International legal sciences
- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

- R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Ph.D. (Economics), docent
- O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)
- I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary
- V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)
- L.N. Sidorova – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science), docent
- N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)
- A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)
- D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)
- E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil), docent
- N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)
- A.S. Iskhakov – junior editor.

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Яковенко А.В., Галушко Д.В., Зимненко Б.Л., Комендантов С.В., Ярышев С.Н.* Переосмысление роли «мягкого права» в международно-правовом регулировании здравоохранения после пандемии COVID-19 13
- Яковенко А.В., Ярышев С.Н., Мартиросян А.Ж., Степовая Д.А.* Безопасность данных в Индии: законодательная база и тенденции в правовом регулировании 28
- Данельян А.А.* Правовые подходы к регулированию системы обеспечения международной информационной безопасности 42
- Ядгаров Ш.Ш.* Юридические особенности источников международного права в системе правового регулирования деятельности Шанхайской организации сотрудничества 56

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Синиша Атлагич, Карнович О.Г.* Западные Балканы: перспективы интеграции в ЕС 70
- Шангараев Р.Н.* Дезориентирование в контексте когнитивных войн 79
- Волков А.П.* Политические аспекты региональной безопасности в деятельности группы БРИКС 89
- Абкаиров А.Я., Ногмова А.Ш.* Роль транспортных коммуникаций в становлении Черноморско-Каспийского региона 105
- Ивочкина А.С.* Концептуальное обоснование и устойчивый прагматизм центральноазиатского вектора внешней политики Китая 119

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Воробьев С.В., Нарышкин А.А.* Инвестиционная дипломатия России 135

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ДА МИД РОССИИ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ»

- Надеждин А.Е.* Миграционные процессы в Германии: актуальная специфика и перспективы 154
- Акчурина А.В.* Трансформация культурной дипломатии Российской Федерации 173
- Алмазова А.Г.* Старение Европы: новые вызовы и как с ними справиться 188
- Алексеев Н.Н.* Кризис идентичности в современной Европе: стремление к признанию и комплексная политизация 200
- Слинько А.А., Байрамов Т.А.* Спортивная дипломатия: проблемы и вызовы 210
- Виноградова А.Е.* Политика Китайской Народной Республики в Африке: выгодна ли Африке предложенная Китаем модель торгово-экономических отношений? 226
- Коршунова Е.А.* Корпоративизм как модель представительства интересов в современных демократиях: пример Норвегии 239
- Мингаурова А.К.* Эволюция подхода Китая к обеспечению международной информационной безопасности: значение для России 256
- Новолодская А.А.* Инициатива «Пояса и пути»: вызовы и возможности 276

<i>Волчков Н.А., Савкович Е.В.</i> Саудовская Аравия в контексте обеспечения энергетической безопасности Китая	290
<i>Новиков К.О.</i> Формирование альянса США – РК – Япония: вызовы и перспективы	301
<i>Сергеева А.А.</i> Газовое партнерство ФРГ и Катара: возможности и вызовы	313
<i>Скрипка И.Р.</i> Восхождение партии «Красные» в политическом пространстве Норвегии: причины и дальнейшие перспективы	323
<i>Чернышов Ю.Г., Трущелева К.А.</i> Перспективы энергетического сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии	332
<i>Жерновая О.Р., Рохас С.М., Чих И.Н.</i> Перспективы возвращения Франции к развитию атомной энергетики	343
КОНКУРС СОВЕТА МОЛОДЫХ ДИПЛОМАТОВ МИД РОССИИ «РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ: УРОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ»	356
<i>Давыденко Р.Е.</i> Роль отечественной дипломатии в обеспечении глобальной стабильности и безопасности: уроки холодной войны и современность	357
<i>Захаров А.Н.</i> Роль отечественной дипломатии в обеспечении глобальной стабильности и безопасности: уроки холодной войны и современность	361
<i>Сорокин М.А.</i> Роль отечественной дипломатии в обеспечении глобальной стабильности и безопасности: уроки холодной войны и современность	365
КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ КЛУБА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДА МИД РОССИИ	369
<i>Неродовская Д.К.</i> Право мирного прохода как обычай международного морского права	370
Трибуна молодых ученых	
<i>Степанченко Д.А.</i> Идейные основания западной русофобии XVII в. (на материалах работ западноевропейских путешественников в России)	379
<i>Матюхин Д.С.</i> Парламентские выборы в Республике Польша 2023: стратегии ключевых партий и возможные результаты	390
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	407

CONTENT

INTERNATIONAL LAW

<i>Alexander V. Yakovenko, Dmitry V. Galushko, Bogdan L. Zimnenko, Sergey V. Komendantov, Sergey N. Yaryshev</i> Rethinking the role of “soft law” in international healthcare regulation after the COVID-19 pandemic	13
<i>Alexander V. Yakovenko, Sergey N. Yaryshev, Arevik Zh. Martirosyan, Darya A. Stepovaya</i> Data security in India: legislative framework and trends in legal regulation	28
<i>Andrey A. Danelyan</i> Legal aspects of international information security	42
<i>Shakhrukh Sh. Yadgarov</i> legal features of the sources of international law in the system of legal regulation of the activities of the Shanghai Cooperation Organization	56

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Siniša Atlagić, Oleg G. Karpovich</i> Western Balkans: prospects for EU integration	70
<i>Ruslan N. Shangaraev</i> Disorientation in the Context of Cognitive Wars	79
<i>Artem P. Volkov</i> Political aspects of regional security in the activities of the BRICS Group	89
<i>Abkhayir-Chelebi Y. Abkairov, Adelina Sh. Nogmova</i> The role of transport communications in the development of the Black Sea-Caspian region	105
<i>Anna S. Ivochkina</i> Conceptual Justification and Sustainable Pragmatism of the Central Asian Vector of China's Foreign Policy	119

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

<i>Sergey V. Vorobyov, Andrey A. Naryshkin</i> Investment Diplomacy of the Russian Federation	135
---	-----

TOPICAL ISSUES OF WORLD POLITICS

<i>Alexander E. Nadezhdin</i> Migration processes in Germany: current features and trends	154
<i>Alina V. Akchurina</i> Transformation of cultural diplomacy of the Russian Federation	173
<i>Aleksandra G. Almazova</i> The Aging of Europe: new challenges and how to cope with them	188
<i>Nikolai N. Alekseev</i> Identity crisis in modern Europe: aspiration to recognition and complex politicization	200
<i>Alexander A. Slinko, Timur A. Bayramov</i> Sport Diplomacy: Issues and Challenges	210
<i>Anastasia E. Vinogradova</i> Policy of The People’s Republic Of China In Africa: Is The Model Of Trade And Economic Relations Proposed By China Beneficial To Africa?	226
<i>Ekaterina A. Korshunova</i> Corporatism as a Model of Interest Representation in Modern Democracies: the Example of Norway	239

<i>Alina K. Mingairova</i> Evolution of China’s approach to maintaining international information security: meaning for Russia	256
<i>Alisa A. Novolodskaiia</i> Belt and Road Initiative: Challenges and opportunities	276
<i>Nazar A. Volchkov, Evgeny V. Savkovich</i> Saudi Arabia in the Context of Ensuring the Energy Security of China	290
<i>Kirill O. Novikov</i> Formation of the USA – RK – Japan alliance: challenges and prospects	301
<i>Sergeeva A. Alina</i> LNG Partnership of Germany and Qatar: Perspectives and Challenges	313
<i>Ivan R. Skripka</i> The success of the Red party in the elections in Norway: reasons and future prospects	323
<i>Yury G. Chernyshov, Ksenia A. Trushcheleva</i> Prospects of Energy Cooperation between Russia and the Countries of Southeast Asia	332
<i>Oksana R. Zhernovaya, Rojas Samper Mateo, Ilya N. Chikh</i> Prospects for the return of France to the Development of Nuclear Energy	343
THE ROLE OF RUSSIAN DIPLOMACY IN ENSURING GLOBAL STABILITY AND SECURITY: LESSONS OF THE COLD WAR AND MODERNITY	356
<i>Roman E. Davydenko</i> The role of russian diplomacy in ensuring global stability and security: lessons of the Cold War and modernity	357
<i>Andrey N. Zakharov</i> The role of russian diplomacy in ensuring global stability and security: lessons of the Cold War and modernity	361
<i>Mikhail A. Sorokin</i> The role of russian diplomacy in ensuring global stability and security: lessons of the Cold War and modernity	365
INTERNATIONAL LAW CLUB OF THE DIPLOMATIC ACADEMY OF THE RUSSIAN FOREIGN MINISTRY	369
<i>Daria K. Nerodovskaya</i> The right of innocent passage as a custom of international law of the sea	370
YOUNG SCIENTISTS’ TRIBUNE	
<i>Danil A. Stepanchenko</i> Ideological foundations of Western Russophobia of the 17th century (based on the materials of Western European travelers in Russia)	379
<i>Denis S. Matyukhin</i> Parliamentary elections in the Republic of Poland 2023: the key parties’ strategies and possible outcome	390
NOTICE TO THE AUTHORS	407

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Яковенко Александр Владимирович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права,
Ректор Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Галушко Дмитрий Вячеславович,

к.ю.н, доцент,
доцент кафедры международного права
Дипломатической академии
МИД России,
e-mail: galushkodv@gmail.com

Зимненко Богдан Леонидович,

д.ю.н., профессор, заместитель начальника Управления систематизации
законодательства и анализа судебной практики – начальник отдела
международного права Верховного Суда Российской Федерации,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Комендантов Сергей Васильевич,

к.ю.н., доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права
Дипломатической академии МИД России, член Российской ассоциации
международного права, государственный советник
Российской Федерации III класса,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Ярышев Сергей Николаевич,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права Дипломатической
академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Alexander V. Yakovenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law,
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Dmitry V. Galushko,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Chair of International Law
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russia,
galushkodv@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

Bogdan L. Zimnenko,

Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Department of Systematization of
Legislation and Analysis of Judicial Practice – Head of the Department of
International Law of the Supreme Court of the Russian Federation,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Sergey V. Komendantov,
Ph.D in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of International
Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Member of the Russian Association of International Law, State Adviser
Of the Russian Federation of the III class,
kafedra.mp@dipacademy.ru
Sergey N. Yaryshev,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of International
Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ «МЯГКОГО ПРАВА» В
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19
RETHINKING THE ROLE OF “SOFT LAW” IN INTERNATIONAL
HEALTHCARE REGULATION AFTER THE COVID-19 PANDEMIC**

Аннотация: в статье авторы рассматривают некоторые меры, принятые Всемирной организацией здравоохранения в ответ на пандемию коронавирусной инфекции. Подчеркивается, что нормы «мягкого права» играют главенствующую роль в международной регламентации сотрудничества государств в сфере здравоохранения. Анализ правотворческой деятельности ВОЗ позволил сформулировать направления использования норм «мягкого права» в совершенствовании международно-правового регулирования сферы здравоохранения.

Abstract: the paper considers some of the measures taken by the World Health Organization in response to the coronavirus pandemic. It is emphasized that the rules of “soft law” play a leading role in the international regulation of cooperation between states in the field of healthcare. An analysis of the WHO law-making activity made it possible to formulate directions for the use of “soft law” norms in improving the international legal regulation of the healthcare sector.

Ключевые слова: «мягкое право», здравоохранение, Всемирная организация здравоохранения, пандемия COVID-19, международное правотворчество.

Keywords: “soft law”, healthcare, World Health Organization, COVID-19 pandemic, international lawmaking.

Стремительное и бесконтрольное распространение коронавируса COVID-19 в мире стало вызовом всему человечеству, самым серьезным образом повлияв на текущие социально-экономические процессы как в глобальном, так и национальном масштабах и, несомненно, в будущем как на развитие экономической и социальной сферы, так и сферы юриспруденции. Коронакризис обозначил необходимость в коллективных усилиях со стороны национальных правительств, международных структур и всего населения мира. Пандемия продемонстрировала, что деятельность международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций (ООН) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в области охраны здоровья имеет решающее значение для борьбы с подобными кризисными ситуациями.

15 мая 2020 года на заседании 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в формате онлайн ее председатель Тиджани Мухаммад-Банде сообщил, что борьба с пандемией COVID-19 – это коллективная ответственность и призвал взять на вооружение Декларацию в сфере здравоохранения [7], принятую в 2010 году. В данном документе государства заявили, что медицина должна быть доступна всем жителям Земли, и пообещали увеличить расходы на первичную медико-санитарную помощь на 1–2% от ВВП [6]. Государства обязались наращивать как национальные, так и международные усилия по обеспечению надлежащего уровня охраны здоровья в мировом масштабе.

На 73-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения ВОЗ 19 мая 2020 года государства-члены консенсусом приняли резолюцию о борьбе с COVID-19, которую поддержали 140 государств [1]. Также были избраны десять государств в исполком организации (Ботсвана, Великобритания, Гана, Гвинея-Бисау, Индия, Колумбия, Мадагаскар, Оман, Республика Корея и РФ). Резолюция «Ответ COVID-19» была внесена при поддержке более 110 государств, включая Австралию, 27 государств – членов ЕС, Японию,

Великобританию, Канаду и другие, к ним позже присоединились 54 африканских государства. Ни одно из 194 государств – членов ВОЗ не высказалось против проекта резолюции «Ответ COVID-19», включая США и КНР.

Текст резолюции «Ответ COVID-19» [13] начинается с установления последствий COVID-19 от смертности и негативного влияния на физическое и психическое здоровье и социальное самочувствие. Отмечаются катастрофические последствия для экономики и общества из-за обострения неравенства как в самих государствах, так и на международном уровне. В резолюции акцентируется внимание на ответственности национальных правительств принимать и внедрять соответствующие меры по борьбе с пандемией COVID-19, учитывая особенности национальной системы здравоохранения. На 194 государства – члена ВОЗ возложены обязанности выполнять положения Устава (Конституции) ВОЗ 1946 г. [9] и Международных медико-санитарных правил 2005 г. [5].

Отдельно указывается на уставный (конституционный) мандат ВОЗ к координирующему учреждению международного сотрудничества в сфере здравоохранения и признается его ключевая руководящая роль в рамках более широкого реагирования Организации Объединенных Наций, а также важность усиления многостороннего сотрудничества в преодолении пандемии COVID-19 и ее значительных негативных последствий [13].

Тем самым в условиях пандемии, когда роль международных организаций, как общей, а особенно специальной компетенции, значительно возросла, не только невозможно отрицать их правотворческую деятельность или нивелировать ее значение, но, наоборот, можно ее только приветствовать. И хотя большинство решений международных организаций не носит юридически обязательного характера, тем не менее они играют значительную роль в практике международно-правовых отношений, их появление не остается незамеченным. Очень часто именно массив актов «мягкого права», принятых в рамках международных организаций, составляет базу

международно-правового регулирования в той или иной сфере, закладывая основы возможного признания их обязательными [4].

Анализ правотворческой деятельности свидетельствует, что основная масса правил, принятых в рамках ВОЗ, имеет рекомендательный характер. Как отмечают исследователи, одной из причин предпочтения рекомендательной формы нормотворческой деятельности ВОЗ является противопоставление коммерческих интересов транснациональных корпораций, осуществляющих деятельность в фармацевтической сфере [2]. Однако государства учитывают те решения ВОЗ, которые носят и рекомендательный характер. При этом указанная форма правотворческой деятельности ВОЗ имеет свои преимущества по сравнению с конвенциями и соглашениями, заключаемыми в рамках данной организации. Принятие документа в форме правил позволяет избежать промедления, связанного с подписанием и ратификацией документа каждым государством-участником, поскольку для правил установлена процедура «молчаливого согласия». Если в установленный срок государство не уведомило об отклонении документа или оговорках, правила становятся обязательными для него [3].

Возникновение феномена «мягкого права» произошло, в частности, вследствие двух тенденций в процессах развития международного права: поразительного увеличения субъектов правотворчества и разгосударствления правовых режимов.

Долгое время считалось, что упорядочение общественных отношений возможно только под властью суверена, который выполняет представительские функции и привлекает к ответственности тех, кто не подчиняется его воле. Никто не может подвергать сомнению решение суверенных государств, так как именно они принимают обязательные для выполнения правовые нормы. Международное право является своего рода природным состоянием взаимодействия государств. Кроме того, еще в 1956 году Ф. Джессоп обратил внимание на формирование транснационального права, регулирующего действия и события трансграничного характера,

охватывающего как публичное, так и международное частное право, а также нормы, не подпадающие ни под одну из указанных категорий [18].

Традиционно соблюдение норм национального и международного права связывается с угрозой принуждения и санкций. В условиях глобального информационного общества данный принцип не является определяющим. Попытки жестко урегулировать на нормативном уровне меры борьбы с пандемией коронавируса показали неэффективность действующих международно-правовых механизмов, тем самым создав благоприятные условия для распространения новых угроз международному миру, индивидуальной и национальной безопасности. Тем самым правотворчество перестает быть исключительным правом стран. Противодействие пандемии продемонстрировало, что большое количество международных документов разрабатывается и принимается с участием именно негосударственных акторов.

Так, концепция «мягкого права» отрицает государствоцентрическую вертикаль и иерархическую модель правотворчества, предполагая множественность и сложность мягко-правовых режимов [22]. При этом приверженцы «мягкой гармонизации» и «мягкого управления» часто ссылаются на набор привлекательных преимуществ: гибкость, приспособленность, способность решать проблемы, принятие разнообразия и т.д. Некоторые современные исследователи обращают внимание на процесс «деформализации международного права», одним из проявлений которого становится повышение значения международного «мягкого права» для формирования современных международно-правовых регуляторов в различных областях международного сотрудничества [14].

Договорная унификация в последние десятилетия уже не рассматривается как единственно возможный или даже наиболее эффективный инструмент формализации международных отношений. Все чаще упор делается на недостатках этого инструмента и возможных путях их устранения. Одним из таких недостатков признается риск «разрушения и

хаотизации» унифицированных договорных норм практикой внесения дополнений и изменений, признаваемых не всеми участниками международного договора, создавая различные форматы применения якобы единого и универсального инструмента. Инерционность и процедурная замедленность договорного закрепления динамики предмета регулирования (определенных сфер или ситуаций) становятся причинами того, что положения договора не способны в полной мере отражать эту динамику.

По аналогии со сферой здравоохранения, как отмечается некоторыми исследователями, «мягкое право» служит важным инструментом унификации международных регуляторов в сфере возобновляемой энергетики, поскольку его гибкость и высокая адаптивность позволяет толковать нормы договорного права в соответствии с текущими проблемами, что обеспечивает возможность достижения консенсуса интересов разных субъектов (международных организаций, государства, бизнеса, общественности и т.п.) на основе создания правовых регуляторов, эффективность которых будет обеспечиваться не формальной юридической силой норм, а соответствием динамических ситуаций потребностям в сфере возобновляемой энергетики [20]. Очевидно, что именно необходимость обеспечения гибкости и адаптивности является главным фактором, объясняющим привлекательность инструментов, основанных на применении «мягкого» международного права, что ситуация с противодействием пандемии COVID-19 ярко и продемонстрировала. Государства могут признать существование обязательств, связанных с воздействием на национальное законодательство, или унифицированных стандартов, основанных на актах международных организаций, и при определенных обстоятельствах могут приравнивать их к квазидоговорным обязательствам [17].

Оставаясь юридически необязательными, такие акты «мягкого права» фактически приобретают признаки и вес договорной конструкции. Создаются и эффективно работают контрольные механизмы, в которых используются как традиционные методы контроля, так и новые подходы. В итоге процесс

международного взаимодействия становится менее формализованным и в то же время не теряет эффективности в достижении цели. Процесс деформализации международного права, о котором все чаще упоминают исследователи как об одном из наиболее значимых признаков его трансформации в современных условиях, получает подтверждение на примере унификации международного права путем признания необходимости соблюдения государствами и другими субъектами актов «мягкого» международного права в качестве источника стандартов деятельности – в данном случае в сфере здравоохранения.

Подобные проблемы проявляются в различных областях международного сотрудничества с разной интенсивностью и остротой, хотя они имеют много общего.

В то же время развитие мягко-правового инструментария также зачастую связывают с распространенными трудностями при заключении международных договоров и появлением различных форм обязанностей, которые берут на себя акторы для урегулирования транснациональных проблем, количество которых постоянно растет. В частности, отмечается, что высокий уровень формальности, длительный процесс переговоров и обязательная юридическая сила сделали международные договоры не самым быстрым и оптимальным решением неизбежного или противоречивого глобального кризиса [23]. Предполагается, что в дальнейшем «международные акторы будут создавать и пытаться придерживаться ряда международных обязательств, часть которых будет иметь правовую форму, другие – будут содержаться в необязательных документах... В конце концов, международная правовая система представляет, пожалуй, сложную и динамичную паутину взаимоотношений между жестким и мягким регулированием, национальным и международным регулированием, а также различными учреждениями, деятельность которых направлена на укрепление верховенства права. В этой системе мягкое право играет все более важную и разнообразную роль» [16]. Вполне согласны с таким утверждением, поскольку

именно в таком виде и действует в настоящее время международная правовая система, когда вместо международных договоров все чаще используют акты «мягкого права» как меру быстрого реагирования, направленную на преодоление международных кризисных ситуаций. Например, одним из первых шагов международного сообщества по фактической борьбе с пандемией коронавирусной инфекции было издание Всемирной организацией здравоохранения протоколов и рекомендаций по противодействию COVID-19. Данные акты «мягкого права», юридически необязательные по своей природе, послужили оперативным инструментом для преодоления глобального кризиса, вектором для дальнейшей деятельности суверенных государств и, как следствие, легли в основу соответствующих источников «твёрдого права» их национальных правовых систем.

Несмотря на все нарекания в адрес ВОЗ по поводу ее малоэффективности во время пандемии, следует заметить, что к маю 2020 года организация мобилизовала более 300 ученых на изучение коронавируса и борьбу с ним. Под эгидой ВОЗ начали клинические «Испытания солидарности» потенциальных вакцин от коронавируса, в которых участвовали 90 стран. На онлайн-платформе организации медики всего мира, работающие с больными COVID-19, могли пройти обучение на 43 языках. ВОЗ организовала поставки средств персональной защиты и комплектов для тестирования на вирус в 125 странах мира. Генсек ООН призвал установить глобальный режим прекращения огня во всем мире, который должен помочь преодолеть пандемию. На этот призыв отозвалось 70 государств и воюющих сторон. ВОЗ запустила программу сбора средств для гуманитарной помощи наиболее уязвимым группам населения [10].

Пандемия продемонстрировала, что альтернативы сотрудничества в сфере здравоохранения в рамках ВОЗ на сегодняшний день не существует. Несмотря на недостатки в функционировании организации, которые проявили себя при такой масштабной и стремительной угрозе, уместно говорить о ее реформировании и совершенствовании [8]. Ситуация с коронавирусом может

придать ВОЗ большее значение на международной арене, а также наделить ее дополнительными рычагами влияния, способствовать созданию новых процедур принятия решений, которые должны быть гибкими и быстрыми.

Нормы «мягкого права» нашли свое особое развитие именно в рамках ВОЗ, потому что государства могут их легко и достаточно быстро принять. Их необязательный характер может помочь достижению консенсуса в комплексных сферах общественных отношений, включающих как государства с их различными интересами, так и задействованных частных акторов. В частности, в Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении «мягкое право» использовалось для уточнения того, какие нормы превалируют над другими в случае конфликта между конкурирующими правовыми режимами международной торговли и здравоохранения [15]. Данный акт «мягкого права» позволил государствам отдавать приоритет доступу к лекарствам как части права на здоровье над правами интеллектуальной собственности, обеспечивая тем самым доступ к непатентованным лекарствам.

В целом пандемия коронавирусной инфекции показала, что международные нормы в области здравоохранения имеют решающее значение для реагирования на подобные кризисные явления и для борьбы с пандемией существуют четыре конкретные возможности применения международного «мягкого права»:

1. *Разъяснение обязательств государств.* ВОЗ могла бы использовать «мягкое право» для уточнения и модификации технических рекомендаций в таких областях, как отслеживание контактов, тестирование, проведение лечения, осуществление мер реагирования и т.д.

2. *Внесение поправок в Международные медико-санитарные правила.* Несмотря на то что ВОЗ играет важнейшую роль в глобальном управлении здравоохранением, существует неопределенность в отношении ее роли в постпандемическом мире. Исследователи высказывают мнения о некоторых недостатках Международных медико-санитарных правил [21].

Также раздавались призывы к более широкой практике их применения с привлечением частных субъектов [12]. Кроме того, в связи с наличием многочисленных противоречий между государствами пересмотр Правил серьезным образом затруднен. И именно «мягкое право» могло бы обеспечить устойчивость и развитие практики их применения [24].

3. *Нормативное руководство.* ВОЗ могла бы использовать «мягкое право» для дальнейшего развития правового регулирования в таких областях, как права человека. Гуманитарное измерение имеет свое закрепление в Правилах как в качестве защиты от мер, которые неоправданно ущемляют права и свободы индивида, так и для толкования и осуществления каждого положения Правил, в частности права на здоровье [11]. Кризис с COVID-19 выявил необходимость в большем количестве нормативных указаний в контексте прав человека, например в отношении крупномасштабных карантинных, дискриминации уязвимых групп, усиления цифрового наблюдения и доступа к вакцинам.

4. *Совершенствование механизмов правоприменения.* Ранее ВОЗ использовала «мягкое» законодательство для обеспечения подотчетности. Организация могла бы стать площадкой для форума, который попытался бы ослабить политическую напряженность путем обмена информацией и обсуждения национальных оценок возникающих рисков, стал бы неофициальным посредником между государствами [19]. Генеральный директор ВОЗ также предложил систему универсального периодического обзора, в рамках которой страны соглашаются на регулярный и транспарентный обзор готовности каждой нации [25].

В заключение следует отметить, что исследование вопросов развития «мягкого права» после пандемии показывает, что международные правовые нормы в области здравоохранения в значительной степени закреплены в актах «мягкого права», которое целесообразно рассматривать как дополнение к «твердому праву». Использование «мягкого права» должно способствовать развитию правового регулирования рассматриваемой сферы, предлагая

быстрый и гибкий способ мобилизовать согласие и приверженность различных государств в быстро меняющихся условиях современного мира.

Литература

1. Итогом исторической сессии Ассамблеи здравоохранения стало глобальное обязательство бороться с пандемией COVID-19. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/19-05-2020-historic-health-assembly-ends-with-global-commitment-to-covid-19-response> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
2. Каркищенко Е. И. Международно-правовые аспекты деятельности Всемирной организации здравоохранения: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. - М., 2004.
3. Коробенкова М. А. Некоторые аспекты нормотворческой деятельности Всемирной организации здравоохранения // Социальное и пенсионное право. - 2010. - № 2. - С. 27-30.
4. Кривокапич Б.. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (часть 2) // Юридический вестник Самарского университета. - 2019. - № 1. - С. 71-79.
5. Международные медико-санитарные правила 2005 г. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/246188/9789244580493-rus.pdf> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
6. Председатель Генеральной Ассамблеи: вся система ООН – от медиков до «голубых касок» мобилизована на борьбу с COVID. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/05/1378262> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
7. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 10 октября 2019 г. Политическая декларация заседания высокого уровня по вопросу о всеобщем охвате услугами здравоохранения. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/2> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
8. Толстых В.Л. COVID-19 и международное право: общие вопросы // Московский журнал международного права. - 2021. - №3. - С. 45-62.

9. Устав (Конституция) ВОЗ. URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
10. Что делает ООН для того, чтобы победить COVID-19. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376042> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
11. Bartolini G. The failure of 'core capacities' under the WHO international health regulations // *International & Comparative Law Quarterly*. - 2021. - №70(1). - 233-250.
12. Burci G.L. The Legal Response to Pandemics // *Journal of International Humanitarian Legal Studies*. - 2020. - Vol. 11, no. 2. - Pp. 204-217,
13. COVID-19 response. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA73/A73_CONF1Rev1-en.pdf (дата обращения: 10.04.2023 г.).
14. D'Aspremont J. Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. - New York: Oxford University Press, 2011.
15. Declaration on the TRIPS agreement and public health. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm (дата обращения: 10.04.2023 г.).
16. Galbraith J., Zaring D. Soft Law as Foreign Relations Law // *Cornell Law Review*. - 2014. - Vol. 99, № 4. - P. 735-794.
17. Gruchalla-Wesierski T. A framework for Understanding "Soft Law" // *McGill law Journal*. - 1984. - Vol. 37. - P. 37-88.
18. Jessup P. C. Transnational law. - New Haven : Yale University Press, 1956.
19. Kamradt-Scott A., Lee K. The 2011 Pandemic Influenza Preparedness Framework: Global Health Secured or a Missed Opportunity? // *Political Studies*. - 2011. - № 59. - 831-847.

20. Mose T. M. Toward a Harmonized Framework for International Regulation of Renewable Energy // Uniform Law Review. - 2018. - Vol. 23, No 2. - P. 376–384.

21. Pauwelyn J., et al. When Structures Become Shackles: Stagnation and Dynamics in International Lawmaking // European Journal of International Law. - 2014. - Vol. 25, Issue 3. - P. 733–763,

22. Robilant di A. Genealogies of Soft Law - The American Journal of Comparative Law. - 2006. - Vol. 54, № 3. - P. 500.

23. Schwarcz S. L. Soft Law as Governing Law // Minnesota Law Review. - 2020. - Vol. 104. - P. 2479.

24. The Collapse of Global Cooperation under the WHO International Health Regulations at the Outset of COVID-19: Sculpting the Future of Global Health Governance. - 2020. - Vol. 25, Issue 15. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/15/collapse-global-cooperation-under-who-international-health-regulations> (дата обращения: 10.04.2023 г.).

25. WHO Director-General's opening remarks at the World Health Assembly. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-world-health-assembly> (дата обращения: 10.04.2023 г.).

26. Яковенко А.В. COVID-19: поле битвы или возможность для сотрудничества? // Международная жизнь. 2020. № 5. С. 8-11.

27. Яковенко А.В. Европа в эпоху перемен // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С. 6-14.

28. Галушко Д.В., Яковенко А.В., Ярышев С.Н. Галушко Д.В., Яковенко А.В., Ярышев С.Н. О роли «мягкого права» в международно-правовом регулировании сферы здравоохранения // Вестник ученых-международников. 2023. № 1 (23). С. 40-52.

29. Яковенко А.В., Ярышев С.Н. Международно-правовые проблемы реализации стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник ученых-международников. 2023. № 1 (23). С. 32-39.

Яковенко Александр Владимирович,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права,
Ректор Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Ярышев Сергей Николаевич,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Мартиросян Аревик Жораевна,
научный сотрудник Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Степовая Дарья Алексеевна,
аспирант факультета глобальных процессов МГУ
имени М.В. Ломоносова,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Alexander V. Yakovenko,
Doctor of law, Professor of the International Law Department,
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of
Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Sergey N. Yaryshev,
Doctor of Law, Professor of the International Law Department,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Arevik Zh. Martirosyan ,
Research Associate, Institute of Contemporary International Studies of
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Darya A.Stepovaya,
Postgraduate student student, Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
kafedra.mp@dipacademy.ru

**БЕЗОПАСНОСТЬ ДАННЫХ В ИНДИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ
БАЗА И ТЕНДЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
DATA SECURITY IN INDIA: LEGISLATIVE FRAMEWORK
AND TRENDS IN LEGAL REGULATION**

Аннотация: в настоящей статье исследовано общее состояние защиты данных в Индии, выявлены ключевые угрозы и тенденции, влияющие на правовое регулирование безопасности данных, а также обзорно представлена

законодательная база и наиболее поздние инициативы в области обеспечения безопасности данных.

Abstract: the article examines the general state of data protection in India, identifies key threats and trends affecting the legal regulation of data security, provides an overview of the legislative framework and the most recent initiatives in the field of data security.

Ключевые слова: безопасность данных, правовое регулирование безопасности данных, Индия, кибербезопасность, информационная безопасность.

Keywords: data security, legal regulation of data security, India, cybersecurity, information security.

Общая характеристика состояния защиты данных в Индии

Об актуальности обеспечения безопасности данных в Индии наглядно говорит статистика. С населением более 1,4 миллиарда человек [11] Индия занимает второе место по количеству пользователей Интернета в мире: более 687 миллионов человек имеют доступ к Интернету, что составляет около 50% населения страны. По мере того, как все больше людей в стране пользуются Интернетом и цифровыми сервисами, растут осведомленность и озабоченность по поводу безопасности данных. На актуальность данной проблемы также влияют «громкие» утечки данных, такие как скандал с Cambridge Analytica, и наличие противоречий в законодательстве. Индия превратилась в крупного игрока в мировой технологической индустрии, и в связи с растущей зависимостью от цифровых платформ страна стала уязвимой для целого ряда угроз безопасности данных. Некоторые из ключевых угроз в области безопасности данных в Индии включают: рост кибератак, внутренние утечки данных, увеличение количества атак вредоносных программ и программ-вымогателей в Индии, наконец, отсутствие комплексного законодательства о защите данных. Несмотря на растущую озабоченность по поводу безопасности данных, в Индии в настоящее время отсутствуют

всеобъемлющие законы о защите данных. Правовой вакуум в области безопасности данных затрудняет привлечение к ответственности за утечку данных и может привести к уменьшению доверия к цифровым платформам. Перед Индией стоит задача усилить свои законы о защите данных, чтобы обеспечить конфиденциальность и безопасность данных своих граждан.

На сегодняшний день индийский режим безопасности данных в значительной степени ориентирован на получение предварительного согласия субъекта данных и обеспечение принятия мер по защите данных. Не существует независимого регулятора по защите данных, субъекты данных имеют ограниченные права, а практика судебного обеспечения соблюдения прав на конфиденциальность данных практически нулевая. Однако это не удивительно, учитывая, что, когда в 2011 году был сформулирован нынешний свод законов о конфиденциальности данных, в Индии еще не было признано конституционное право на конфиденциальность данных [21]. Так, еще одним основанием необходимости принятия нового закона о конфиденциальности данных стало решение Верховного суда Индии в 2017 году, устанавливающее право на конфиденциальность информации. 24 августа 2017 года Верховный суд Индии единогласно постановил, что граждане страны имеют фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни. В вердикте приоритет отдается установлению правил защиты данных, специально защищающих право граждан на неприкосновенность частной жизни. Данное решение имело большие последствия для основополагающей инициативы Индии по цифровой идентификации и аутентификации граждан страны, сбору и хранению персональных данных, а также личной и общественной жизни, известной как система Аадхаар [2], которая уже столкнулась с юридическими проблемами, а именно с исками о нарушении конфиденциальности [22]. За последние годы в стране произошло несколько громких утечек данных. Одной из крупнейших стала утечка более 1,1 миллиарда записей системы Аадхаар в 2018 году.

Управление по уникальной идентификации Индии (Unique Identification Authority of India (UIDAI)) является официальным органом, созданным 12 июля 2016 года в соответствии с положениями Закона Аадхаара¹ (Целевое предоставление финансовых и других субсидий, льгот и услуг 2016 г.) [16]. Управление по уникальной идентификации Индии было создано для выдачи уникальных идентификационных номеров, названных Аадхаар, всем жителям страны. Биометрическая база данных содержит подробные записи о более чем миллиардном населении страны и направлена на оптимизацию государственных услуг, ускорение финансового доступа и в конечном счете создание цифрового безопасного способа взаимодействия граждан в повседневной гражданской жизни. По состоянию на январь 2023 года в общей сложности было сгенерировано около 1,359 миллиарда карт Aadhaar [1]. Как ожидалось, это должно было указывать на то, что 12-значный уникальный идентификационный номер, который обеспечивает цифровую идентификацию жителей страны, является важным инструментом социальной поддержки со стороны государства и послужит основой цифровой интеграции Индии [6]. В то же время данная система подняла ряд правовых вопросов.

В результате решения Верховного суда Индии судьи признали решающую роль технологий в интерпретации права граждан на неприкосновенность частной жизни, отменив свои прошлые решения, отрицающие фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни, как, например, по делам М.П. Шарма и других против Сатиша Чандры 1954 г. [15] и Харака Сингха против штата Уттар-Прадеш и других 1962 г. [14]. Также правительство Индии выступало с позиций, согласно которым неприкосновенность частной жизни не является неотъемлемым правом, защищаемым Конституцией [3]. Примечательно, что, выразив поддержку решению Верховного суда, правительство подчеркнуло, что неприкосновенность частной жизни «не является абсолютной» [13]. Тем не

¹ Закон Аадхаара 2016 г. был изменен Законом о внесении поправок в Закон Аадхаара и другие законы 2019 г.

менее решение Верховного суда создает прецедент для зарождающейся в стране дискуссии о правах на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. Кроме того, оно актуализирует вопрос принятия закона о защите данных. Отдельный закон о конфиденциальности данных имеет решающее значение для развития цифровой экономики Индии, а также для обеспечения бесперебойных потоков данных.

В целом наблюдается тенденция к тому, что центральное правительство пытается ввести в действие новую национальную политику по управлению данными граждан и установлению стандартов для их хранения, сбора и использования. В том числе данная политика направлена на то, чтобы заменить проект Политики доступности и использования данных Индии [5], который был представлен 21 февраля 2022 года и встречен с большой осторожностью и серьезной критикой. Это связано с тем, что в проекте Политики предусматривалась возможность того, что частному сектору мог быть предоставлен доступ к отдельным базам данных для коммерческого использования. Соответственно, без действующего закона о защите данных такой шаг мог бы негативно сказаться на обеспечении конфиденциальности и безопасности данных.

Новая же политика не будет содержать положений, связанных с монетизацией. Она предусматривает создание Индийского офиса по управлению данными, ответственного за установление всех стандартов, правил и руководящих принципов. Как заявляется, политика также направлена на извлечение пользы из огромных объемов данных, которые собирает правительство, путем их анонимизации и обеспечения легкодоступности для содействия управлению и экономическому росту, особенно в области искусственного интеллекта [10]. Одним из ключевых принципов, наряду с открытостью, безопасностью, доверием, станет подотчетность: крупные технологические компании и другие поставщики онлайн-услуг будут подотчетны своим пользователям.

Законодательная база и тенденции

Как уже упоминалось выше, в настоящее время в Индии нет всеобъемлющего и специализированного законодательства о защите данных. Некоторые положения Закона об информационных технологиях 2000 г. (Закон об ИТ) [19] с периодически вносимыми поправками, а также Правил об информационных технологиях (Разумные методы и процедуры обеспечения безопасности и конфиденциальные персональные данные или информация) 2011 г. [19], разработанных в соответствии с ним, касаются защиты личной информации и конфиденциальных персональных данных и информации.

Действующее законодательство требует, чтобы организации, обрабатывающие конфиденциальные персональные данные и информацию, придерживались разумных методов обеспечения безопасности и процедур, предписанных Правилами об информационных технологиях 2011 г. [19] Это предполагает внедрение стандартов, таких как IS/ISO/IEC 27001 [12], до обработки любых конфиденциальных персональных данных и информации, а также подготовку и внедрение программ информационной безопасности, соответствующих установленным требованиям. В соответствии с Законопроектом о защите данных были предложены сравнительно более строгие обязательства в отношении обеспечения безопасности персональных данных. Они включают в себя разработку политики, касающейся конфиденциальности, соблюдение требований к аудиту данных и ведение записей, связанных с определенной обработкой.

Помимо этого, на зимней сессии парламента Индии 2019–2020 гг. был представлен Законопроект о защите персональных данных 2019 г. [20], который существенно изменил бы законодательство. Он направлен на защиту конфиденциальности физических лиц в отношении их персональных данных и относится как к государственным, так и частным организациям, включая иностранные компании, которые имеют дело с персональными данными физических лиц в стране. Законопроект предусматривает создание органа по

защите данных, который будет отвечать за соблюдение положений законопроекта. Законопроект рассматривает персональные данные как любые данные, относящиеся к физическому лицу, которые могут быть прямо или косвенно использованы для идентификации этого лица. В нем также определяются конфиденциальные персональные данные, которые включают финансовые данные, данные о состоянии здоровья, биометрические данные, данные о касте или племени, религиозные или политические убеждения и сексуальную ориентацию. Законопроект требует, чтобы организации, собирающие персональные данные, получали согласие физического лица и предоставляли определенные сведения, такие как цель, для которой собираются данные, сведения об организации, собирающей данные, и права физического лица в отношении данных. Законопроект также предоставляет физическим лицам право на доступ к своим персональным данным, исправление неточностей и удаление их данных при определенных обстоятельствах. Законопроект налагает обязательства на организации, которые собирают персональные данные, включая требование о внедрении мер безопасности для защиты данных, уведомлении физических лиц в случае нарушения данных и проведении оценки воздействия перед обработкой конфиденциальных персональных данных.

Однако в начале августа 2022 года появилась информация о том, что законопроект был официально отозван из парламента правительством Индии. Это произошло в основном из-за противодействия со стороны крупных компаний цифрового бизнеса, гражданского общества, а также правительственного экспертного комитета.

Пересмотр Закона об информационных технологиях 2000 г., который может быть заменен [10] новым Законопроектом о защите цифровых персональных данных 2022 г. [17], является последней попыткой центрального правительства, возглавляемого Партией Бхаратия Джаната, принять первый в стране закон о конфиденциальности данных после того, как Законопроект о защите персональных данных 2019 г. был отозван.

Законопроект о защите цифровых персональных данных 2022 г. [10] был разработан Министерством электроники и информационных технологий (Ministry of Electronics and Information Technology, MeitY) и впервые внесен на рассмотрение в декабре 2019 года, с тех пор он претерпел ряд изменений и, наконец, был опубликован 18 ноября 2022 году, чем ознаменовал новую веху на пути Индии к принятию всеобъемлющей системы обеспечения конфиденциальности. После предыдущей неудачной попытки принять всеобъемлющий закон о защите данных возлагаются большие надежды на то, что на этот раз процесс будет быстрым [9]. Согласно пояснительной записке к Законопроекту [7] он направлен на установление юридических рамок регулирования сбора, использования, хранения и обработки персональных данных, а также защиту цифровых персональных данных при соблюдении баланса между индивидуальными правами, общественными интересами и интересами ИТ-сектора. Он нацелен на то, чтобы предоставить отдельным лицам больший контроль над их личными данными и установить ответственность за любое неправильное использование таких данных. Также отмечается преемственность данного Законопроекта с точки зрения мирового опыта: он базируется на тех же принципах, которые послужили основой законодательства о защите персональных данных во многих юрисдикциях по всему миру, а именно справедливости, законности и прозрачности, целевом использовании собранных данных, минимизации данных, применении разумных мер предосторожности для обеспечения несанкционированного сбора или обработки персональных данных, принципе ответственности, ограничении хранения [4]. Что касается целевого использования, то Законопроект требует, чтобы компании получали явное и осознанное согласие от физических лиц перед сбором и обработкой их персональных данных. Данные могут быть использованы только для той конкретной цели, для которой они были собраны. Законопроект предлагает создать орган по защите данных (Data Protection Authority, DPA) для надзора над соблюдением положений закона и его обеспечения. Одна из отличительных особенностей

Законопроекта – это идея о локализации данных: он устанавливает требование в отношении компаний по хранению по крайней мере одной копии персональных данных на территории Индии; конфиденциальные персональные данные, такие как финансовые и медицинские данные, должны храниться исключительно в стране.

Отраслевого законодательства по обеспечению безопасности данных нет. Однако существуют нормативные акты, директивы и лицензионные условия, изданные отраслевыми регулирующими органами в отношении платежных систем, телекоммуникаций, здравоохранения и т.д., которые предусматривают определенные обязательства по защите данных в конкретных отраслях.

В настоящее время в Индии нет специального органа, ответственного за защиту данных. Закон об ИТ предусматривает назначение судебных должностных лиц для вынесения решения о том, были ли нарушены положения Закона об ИТ. Как ранее упоминалось, Законопроект о защите данных предусматривает создание Управления по защите данных Индии для обеспечения выполнения его положений.

В случае нарушения безопасности данных, таких как несанкционированный доступ к ИТ-системам/данным и компрометация информации, организации из числа поставщиков услуг, посредников, центров обработки данных и другие должны сообщать информацию Группе реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации Индии (Computer Emergency Response Team – India, CERT-IN). О таких инцидентах требовалось информировать в течение разумного времени с момента возникновения или уведомления об инциденте, чтобы были возможности для своевременного принятия мер. 28 апреля 2022 года Группа реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации Индии выпустила новое Руководство [8], которое устанавливает требование в отношении поставщиков услуг, посредников, центров обработки данных, частных корпораций и правительственных организаций сообщать о некоторых конкретных типах киберинцидентов

(таких как целенаправленное сканирование/зондирование критических сетей/систем, компрометация критических систем/информации, несанкционированный доступ к ИТ-системам/данным и т.д.) в течение шести часов с момента обнаружения таких инцидентов или получения уведомления о них.

Закон об информационных технологиях и связанные с ним правила не предписывают обязательного требования информировать об утечках данных затронутым субъектам данных. Однако структуры, в числе которых и Группа реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации Индии, могут сообщать о таких нарушениях данных широкой общественности и соответствующим заинтересованным сторонам, в том числе для устранения и предотвращения инцидентов, связанных с нарушением безопасности данных и кибербезопасности, а также для повышения осведомленности.

Что касается штрафов за нарушения безопасности данных, то небрежное раскрытие личной информации может привести к иску о компенсации к ответственной организации в соответствии с Законом об информационных технологиях. Дальнейшее незаконное раскрытие личной информации с преступными намерениями наказывается тюремным заключением на срок до трех лет или штрафом в размере до 5 лакхов индийских рупий (около 6 700 долларов США). Положения Законопроекта о защите цифровых персональных данных

2022 г. (Digital Personal Data Protection Bill, 2022) также устанавливает санкционный механизм, включая штрафы в размере до 4% от глобального оборота компании.

В соответствии со статьей 69-А Закона об информационных технологиях и положениями Правил об информационных технологиях 2011 г. [18], либо центральное правительство через своих назначенных должностных лиц, либо компетентные суды посредством приказов могут дать указание любому правительственному учреждению или посреднику заблокировать доступ общественности к информации в интересах суверенитета и целостности

Индии, обороны страны, ее безопасности, дружественных отношений с иностранными государствами, соблюдения общественного порядка или предотвращения подстрекательства к совершению любого преступления, связанного с вышеуказанными случаями.

Законопроект о защите персональных данных включает положения о передаче персональных данных за пределы Индии. Он требует, чтобы передача конфиденциальных персональных данных могла осуществляться только с явного согласия физического лица или, если это необходимо, для выполнения контракта. В нем также излагаются требования к передаче персональных данных в страны, в которых нет надлежащих законов о защите данных.

Можно провести параллель законодательных инициатив Индии в отношении безопасности данных с европейским опытом и убедиться, что Индия предпринимает попытки внедрять его. Так, в Законопроекте о защите персональных данных подчеркивается необходимость получения от физических лиц информированного согласия на обработку их персональных данных, а также прозрачности того, как используются данные. Это соответствует глобальным тенденциям в области защиты данных, которые отражены, например, в Общем регламенте Европейского союза по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR).

Правительство Индии работает с заинтересованными сторонами ИТ-отрасли над улучшением практики защиты данных, такими как Совет по безопасности данных Индии (Data Security Council of India, DSCI), который является саморегулируемой организацией, занимающейся продвижением защиты данных и конфиденциальности. Правительство страны также внедрило программы, поощряющие развитие квалифицированной рабочей силы в области защиты данных и кибербезопасности.

Заключение

В целом в Индии все большее внимание уделяется защите данных и неприкосновенности частной жизни в связи с введением новых нормативно-

правовых актов и разработкой законодательных инициатив в данной сфере, а само состояние защиты данных в стране развивается. Правительство предпринимает шаги по усилению мер по защите данных и созданию основы для защиты персональных данных. Наблюдаются законодательные инициативы, направленные на формирование комплексного правового регулирования безопасности данных. Эти тенденции, вероятно, сохранятся по мере того, как использование цифровых технологий в Индии продолжит расти.

Список источников и литературы

1. Aadhaar Dashboard. Available at: https://uidai.gov.in/aadhaar_dashboard/index.php/ (Accessed: 24.04.2023).
2. About Unique Identification Authority of India (Aadhaar): Available at: <https://uidai.gov.in/en/about-uidai.html>
3. Amber Sinha, Pooja Saxena. Infographic: The Impending Right to Privacy Judgment, 22 August, 2017. Available at: cis-india.org/internet-governance/blog/the-wire-amber-sinha-and-pooja-saxena-august-17-2017-infographic-the-impending-right-to-privacy-judgment/
4. Baldin Anna. India: Digital Personal Data Protection Bill, 2022 - What you need to know. Dec 2022. Available at: www.dataguidance.com/opinion/india-digital-personal-data-protection-bill-2022/
5. Draft India Data Accessibility & Use Policy 2022. Available at: www.meity.gov.in/content/draft-india-data-accessibility-use-policy-2022
6. Economic Survey 2023: 135.2 crore Aadhaar numbers generated till November 2022. January 31, 2023. Available at: www.moneycontrol.com/news/business/budget/economic-survey-2023-135-2-crore-aadhaar-numbers-generated-till-november-2022-9971821.html/
7. Explanatory Note to Digital Personal Data Protection Bill, 2022. Available at: www.meity.gov.in/writereaddata/files/Explanatory%20Note-%20The%20Digital%20Personal%20Data%20Protection%20Bill,%202022.pdf/

8. FAQs on Cyber Security Directions. Available at: https://www.cert-in.org.in/PDF/FAQs_on_CyberSecurityDirections_May2022.pdf/ (Accessed: 24.04.2023).
9. Gabriela Zafir-Fortuna. Global Privacy State of Play: What to Pay Attention to in 2023. Available at: bestofprivacy.com/privacy/global-privacy-state-of-play-what-to-pay-attention-to-in-2023/
10. Gaur Viraj. India Is Moving To Replace Two-Decade-Old IT Act With New 'Digital India Act. Available at: www.thequint.com/tech-and-auto/tech-news/india-is-moving-to-replace-decades-old-it-act-with-new-digital-india-act-and-data-governance-framework-rajeev-chandrasekar#read-more#read-more/
11. India Population 1950-2023. Available at: www.macrotrends.net/countries/IND/india/population (Accessed: 24.04.2023).
12. ISO/IEC 27001:2022 Information security, cybersecurity and privacy protection — Information security management systems — Requirements. Available at: www.iso.org/standard/82875.html/
13. Right to privacy not an absolute right: Ravi Shankar Prasad. Aug 25, 2017. Available at: economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/government-has-not-given-right-to-release-data-to-anyone-ravi-shankar-prasad/articleshow/60210996.cms/
14. Supreme Court of India: Kharak Singh vs State of UP and Others, 18 December, 1962. Available at: <https://www.the-laws.com/Encyclopedia/Browse/Case?CaseId=002691004000/>
15. Supreme Court of India: M. P. Sharma and Others vs Satish Chandra, 15 March, 1954. Available at: jajharkhand.in/wp/wp-content/judicial_updates_files/07_Criminal_Law/21_search_and_seizure/M._P._Sharma_And_Others_vs_Satish_Chandra,_District_..._on_15_March,_1954.PDF/
16. The Aadhaar (Targeted Delivery of Financial and Other Subsidies, Benefits and Services) Act, 2016. Available at: www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2160?view_type=browse&sam_handle=/

17. The Digital Personal Data Protection Bill, 2022. Available at: https://www.meity.gov.in/writereaddata/files/The%20Digital%20Personal%20Data%20Potection%20Bill%2C%202022_0.pdf/

18. The Information Technology (Reasonable Security Practices and Procedures and Sensitive Personal Data or Information) Rules, 11th April, 2011. Available at: <https://www.dataguidance.com/sites/default/files/in098en.pdf/>

19. The Information Technology Act, 2000 (№ 21 of 2000), 9th June, 2000. Available at: <https://eprocure.gov.in/cppp/rulesandprocs/kbadqkdlcswfjdelrquehwuxcfmijmuixngudufgbuubgubfugbububjxcgfvsbdiibgfGhdfgFHytyhRtMjk4NzY=#:~:text=%5B9th%20June%2C%202000%5D%20An,communication%20and%20storage%20of%20information%2Chttps://eprocure.gov.in/cppp/rulesandprocs/kbadqkdlcswfjdelrquehwuxcfmijmuixngudufgbuubgubfugbububjxcgfvsbdiibgfGhdfgFHytyhRtMjk4NzY=#:~:text=%5B9th%20June%2C%202000%5D%20An,communication%20and%20storage%20of%20information%2C>

20. The Personal Data Protection Bill, Bill No. 373 of 2019. Available at: http://164.100.47.4/BillsTexts/LSBillTexts/Asintroduced/373_2019_LS_Eng.pdf/

21. Vikram Jeet Singh. India's Data Privacy Bill Withdrawn: Why did this happen, and what happens next? Aug 17, 2022. Available at: www.btglegal.com/post/india-s-data-privacy-bill-withdrawn-why-did-this-happen-and-what-happens-next/

22. What India's Landmark Court Ruling on Privacy means for Data Protection. August 25, 2017. Available at: www.albrightstonebridge.com/files/ASG%20Analysis%20-%20What%20India%27s%20Landmark%20Court%20Ruling%20on%20Privacy%20Means%20for%20Data%20Protection%20Regulation%208.25.17.pdf/

Данельян Андрей Андреевич,
д.юр.н., профессор, проректор по учебной работе и молодежной политике,
заведующий кафедрой международного права
Дипломатической академии МИД России,
danell@mail.ru

Andrey A. Danelyan,
Doctor of Law, Professor, Vice-Rector, Head of the Department of International
Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
danell@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ
К РЕГУЛИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY

Аннотация: слишком активное развитие информационных технологий стало источником новых проблем для международных отношений. Современные конфликты между государствами все чаще переходят в информационное пространство. Противоборствующие стороны начали использовать информационно-коммуникационные технологии для причинения ущерба друг другу, что противоречит правилам и нормам международного общения. В связи с этим все большее количество ученых и общественных деятелей обращаются к проблематике обеспечения международной информационной безопасности. Деятельность, связанная с обеспечением международной информационной безопасности, является одним из актуальных направлений международного сотрудничества государств по вопросам обеспечения и поддержания международной безопасности в целом.

Во многих государствах уже осознается необходимость вовлечения в сферу правового регулирования отношений, связанных с использованием систем искусственного интеллекта, Даркнета и big data. Пока регулирование осуществляется на национальном уровне, но по мере того, как будут

выработаны базовые подходы к регулированию новых технологий, стоит ожидать принятия международно-правовых актов в соответствующих сферах.

Abstract: too active development of information technologies was a source of new problems for international relations. Modern conflicts between states are increasingly moving into the information space. The opposing sides began to use information and communication technologies to cause damage to each other, which is contrary to the rules and norms of international communication. In this regard, an increasing number of scientists and public figures are turning to the issue of ensuring international information security. Activities related to ensuring international information security is one of the topical areas of international cooperation between states on the issues of ensuring and maintaining international security in general. Many states are already aware of the need to involve in the sphere of legal regulation of relations related to the use of artificial intelligence systems, Darknet and big data. So far, regulation is carried out at the national level, but as basic approaches to the regulation of new technologies are developed, we should expect the adoption of international legal acts in the relevant areas.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационная безопасность, Даркнет, big data, Интернет, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Keywords: artificial intelligence, information security, darknet, big data, internet, information and communication technologies (ICT).

В настоящее время разработка проблематики международной информационной безопасности уже не является исключительной прерогативой западных исследователей. Наличие собственных наработок по указанной теме позволяет корректировать российскую внешнюю политику. Например, по вопросам обеспечения международной информационной безопасности Россия настаивает на:

– необходимости усиления государственного контроля над глобальной сетью Интернет;

- недопустимости милитаризации информационного пространства;
- выработке общих правил поведения в сети Интернет.

Поскольку между Россией и западными странами отсутствует согласованная позиция по данным вопросам, в ближайшее время довольно сложно определить перспективы формирования единого подхода к правовому регулированию общественных отношений, складывающихся в рамках нового цифрового общества.

Выработка концептуальных основ обеспечения международной безопасности с точки зрения применения современных информационных телекоммуникационных и цифровых технологий тесно связана с концепциями обеспечения международной информационной безопасности. В научной литературе отмечается исключительная важность структур ООН в формировании правовых норм в сфере обеспечения международной информационной безопасности. Соответствующая проблематика является предметом исследований отечественных и зарубежных специалистов в области международного права [9].

К настоящему времени сложились два основных юридических подхода к регулированию системы обеспечения международной безопасности: фрагментарный и комплексный.

Данные подходы образуют основу современных концепций обеспечения информационной безопасности на различных уровнях регулирования. Изучая содержание этих подходов, можно установить основные положения соответствующих концепций. В отличие от содержания нормативно-правовых актов международного уровня по вопросам обеспечения безопасности, правовые концепции стабильны и мало изменчивы. Они определяют базовые позиции государств по вопросам международной безопасности [6].

Общими моментами для всех международных концепций обеспечения информационной безопасности являются следующие тезисы:

– признание информационных технологий в качестве существенного фактора развития современного общества с одновременной констатацией наличия новых угроз;

– обеспечение защиты национальных и международных информационно-коммуникационных сетей от внешних угроз;

– наличие серьезных угроз для современных информационно-коммуникационных технологий;

– традиционные стратегии обеспечения безопасности не имеют должной эффективности при их применении к сфере информационно-коммуникационных технологий;

– требуется выработка поручений и задач, которые должны быть решены государствами для обеспечения информационной безопасности;

– необходимо налаживание международного взаимодействия и сотрудничества для выработки стратегий снижения информационных рисков и угроз [4];

– требуется объединение усилий государств для эффективного решения стоящих перед международным сообществом задач.

Кроме того, для всех моделей концепций международной информационной безопасности характерно наличие общей цели, а именно формирование международной кибербезопасности. Однако имеются и различия в данных концепциях, которые касаются некоторых моментов относительно принципов, элементов и места международной информационной безопасности в структуре международной безопасности в целом.

Общепризнано, что государство на международной арене должно своими усилиями способствовать социальному и экономическому развитию общества. При этом соответствующая деятельность государств должна соотноситься с идеями поддержания мира и международной безопасности, неприкосновенности суверенитета государств и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Также важны принципы международной информационной безопасности. Например, государства в ходе осуществления своей информационной деятельности должны принимать во внимание принцип неделимости безопасности, принцип ответственности за находящееся в их юрисдикции информационное пространство. Неделимость безопасности означает, что для обеспечения национальной безопасности государства имеет значение состояние защищенности всех основных сфер жизни общества у других государств и всего мирового сообщества в целом.

Стоит отметить, что в настоящее время в специальной литературе и в международной практике нет единства насчет перечня и содержания принципов международной информационной безопасности.

К числу проблем можно отнести вопросы о структуре международной информационной безопасности, а также о наличии потребности в правовом регулировании соответствующих отношений. Данная проблематика актуализируется в связи с широким применением современных информационно-коммуникационных технологий при совершении преступлений международного характера, в том числе террористических актов и военных действий. Различия взглядов ученых объясняются отношением к базовой проблеме наличия потребности обеспечения информационной безопасности международного сообщества. С практических позиций это означает необходимость принятия единого комплексного соглашения между государствами [7].

В соответствии с постулатами первой концепции, которая получила название фрагментарной, современная международная информационная безопасность направлена в первую очередь на противодействие совершению уголовных преступлений в сфере высоких технологий. Именно данный аспект нуждается в правовом регулировании нормами международного права. В неразрывной связи с указанным аспектом находится задача правового противодействия террористической деятельности, совершаемой посредством

информационно-коммуникационных технологий и реализуемой непосредственно в информационном пространстве [8].

Вторая концепция именуется комплексной. В соответствии с ее идеями требуется широкое освещение проблематики в сфере международной информационной безопасности. Сторонники названной концепции считают, что международная безопасность является неделимой, поэтому государства должны обеспечивать комплексный подход к вопросу обеспечения национальной и международной безопасности в целом, не акцентируя внимание исключительно на вопросах информационной безопасности.

Исходя из названия концепции использование информационно-коммуникационных технологий для предотвращения военных, террористических и преступных угроз должно реализовываться комплексно. Вследствие этой базовой идеи соответствующее международно-правовое регулирование должно распространяться на все составные части международной информационной безопасности.

Проблемным вопросом в данной доктрине является необходимость осуществления правового регулирования как составной части международной информационной безопасности. Известно, что международно-правовое регулирование может иметь как информационное, так и коммуникационное направление. С точки зрения международного права названные направления принято рассматривать с позиций недопущения использования информационно-коммуникационных технологий в двух случаях:

- при причинении ущерба правам и законным интересам граждан;
- при причинении ущерба основополагающим частям государства.

Наиболее общим проявлением вышеперечисленных негативных действий является трансграничное распространение информации при помощи информационно-коммуникационных технологий. Причем речь идет об информации, содержание которой вступает в противоречие с принципами и нормами международного права. Также не исключено, что негативным

проявлением незаконных действий станет использование информационных сетей государств для распространения запрещенной информации.

Говоря о техническом направлении, стоит отметить, что соответствующее противодействие направлено на причинение вреда различным структурным элементам государства (например, финансовой, политической и другим сферам).

Информационный и коммуникационный элементы находятся в тесной связи с составными частями международной информационной безопасности. Поэтому можно заключить, что каждая составная часть международной информационной безопасности имеет некоторые специфические функциональные элементы. Такая связь легко устанавливается на основании изучения, например, международных соглашений регионального характера. К таким документам следует отнести Соглашение о сотрудничестве государств – членов СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 2001 года [2] и Конвенцию о киберпреступности.

Представители фрагментарной концепции вообще не рассматривают вопрос о регулировании и соотношении содержательного и технического элементов международной информационной безопасности. Сторонники фрагментарной концепции полагают, что достаточными являются нормы Конвенции о киберпреступности с соответствующими дополнительными протоколами. В соответствии с положениями комплексной концепции допускается возможность правового регулирования одновременно функциональных и структурных элементов международной информационной безопасности. В качестве примера такого типа регулирования можно привести Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанное в 2009 году [3].

Для формирования содержания концепции правового регулирования международной информационной безопасности немаловажное значение

имеет разрешение вопроса о месте международной информационной безопасности в рамках международной безопасности в целом.

Особое внимание стоит обратить и на тот факт, что еще в 80-е годы XX века предлагались концепции, в соответствии с которыми должна быть сформирована единая концепция международной безопасности без видового разделения.

Эта концепция представляла собой прежде всего документ политического характера с соответствующим инструментарием, но специалистами она все же увязывалась с международным правом [11]. Довольно популярным является мнение о том, что нормы в сфере международной информационной безопасности должны получить развитие в контексте обеспечения полной системы международной безопасности [10]. В подтверждение обоснованности предложенного взгляда на решение проблемы можно привести принятую Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию №41/92 «О создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности» [1].

В ходе обсуждения содержания указанного документа выдвигались предложения о создании Всемирной программы обеспечения мира и безопасности на планете [14]. При этом информационная безопасность занимает особое место в структуре международной безопасности.

В настоящее время очевидно, что институт международной информационной безопасности образует самостоятельный блок проблем в международном праве. Можно признать, что названная проблематика является многоаспектной, так как в ней можно выделить социологические, правовые и экономические смысловые составляющие.

Если говорить о правовой стороне института международной информационной безопасности, то на этот счет существуют различные взгляды научного сообщества.

Так, по мнению одних специалистов, отсутствуют настоятельная потребность и необходимость в выработке сложной иерархической системы

нормативно-правовых актов в сфере обеспечения международной безопасности с отдельным выделением блока документов, посвященных международной информационной безопасности [5].

Сторонники полярного мнения считают, что именно информационная безопасность представляет собой ключевую составную часть международной безопасности, что вызывает необходимость специального правового регулирования [13].

Следует заметить, что указанные концепции не являются устойчивыми. Причинами этого становится деятельность отдельных государств, направленная на разработку средств информационного подавления и ведения информационных войн. С другой стороны, большинство государств заинтересованы и предпринимают соответствующие действия для выработки наиболее оптимальных подходов к регулированию проблем международной информационной безопасности.

Ведущая роль в координации усилий международного сообщества по обеспечению международной информационной безопасности принадлежит ООН, деятельность которой преимущественно направлена на создание нормативно-правовой базы противодействия совершению преступных деяний при помощи информационно-коммуникационных технологий, но не предусматривает при этом механизм превентивных действий для купирования подобной угрозы еще на стадии планирования и проектирования. На международном уровне нет общепризнанного списка запрещенных для посещения сетевых ресурсов, доступ к которым должен быть заблокирован на национальном и региональном уровнях с учетом интересов региональных стратегических партнеров – поставщиков информации в глобальной сети Интернет.

Ярким примером правового регулирования информационной безопасности на государственном уровне служит попытка Роскомнадзора заблокировать набиравший популярность в Российской Федерации мессенджер Telegram в апреле 2018 года. Однако подобная попытка была

неудачной: сервис Telegram ни на день не прекращал свою деятельность, и любой человек, даже технически не подкованный, мог свободно пользоваться услугами данного сервиса. Более того, в попытке показать свою доминирующую роль Роскомнадзор ошибочно заблокировал ряд действующих IP-адресов крупных технологических компаний, посредством которых сервис Telegram раздавал динамические адреса для доступа к своим сервисам, таких как LG, HP, Philips и др.

Все это лишь доказывает сложность не только правового регулирования информационной безопасности, но и сложность техническую, которая является следствием недостаточного вовлечения государственного и регионального контроля в вопросах обмена информацией.

Возвращаясь к концепциям регулирования системы обеспечения международной безопасности по части вопросов информационной безопасности, резюмируем, что исторически сложились две основные противоборствующие концепции. Наиболее предпочтительной является комплексная концепция, так как проблематика обеспечения международной безопасности в современных условиях не может не учитывать всю совокупность негативных факторов, влияющих на состояние защищенности основных сфер жизнедеятельности общества. Более того, недопустимо игнорировать и другие возрастающие риски для международной безопасности в целом. Однако с учетом скорости распространения информации и потенциального ущерба, к которому может привести дезинформация о важных событиях в стране или регионе, акцент стоит делать именно на информационной безопасности как компоненте регулирования международной безопасности.

Доступ к той или иной информации можно осуществлять по принципу проверки данных модератором сетевого ресурса. В качестве модератора сетевого ресурса предлагается создать ряд межгосударственных экспертных комиссий, работающих в конкретном геополитическом регионе. Каждая такая комиссия должна будет в установленные временные рамки выработать

требования к информации, которую будут собирать и анализировать автоматизированные системы территориальных центров обработки данных (ТЦОД) и выдавать ее в автоматическом режиме конечному пользователю. Подобные комиссии должны иметь централизованный орган управления, для чего необходимо пересмотреть структуру ООН и в случае необходимости создать новый орган с полномочиями на вынесение соответствующих резолюций на ограничение информации на межгосударственном уровне.

Помимо этого, межгосударственные экспертные комиссии по анализу информации должны напрямую взаимодействовать с федеральными надзорными органами и органами безопасности государств. Принимая во внимание действующие законы государств-участников, такие комиссии и сам по себе орган ООН должны руководствоваться едиными для всех принципами свободы доступа к информации, непредвзятости к требованиям по ее содержанию, транспарентности в выборе критериев информативности и, конечно, легитимности ее распространения в конкретном территориальном субъекте.

В качестве стандарта информационной безопасности предлагается использовать доработанный и опробованный временем в западных странах стандарт ISO/IEC 27002:2007, представляющий собой свод практических советов по менеджменту информационной безопасности для тех, кто отвечает за создание, реализацию или обслуживание систем менеджмента информационной безопасности. Данный стандарт безопасности нашел свое прямое отражение в действующих нормативно-технических документах целого ряда стран, а его основы были положены в такие законодательные акты, как Общий регламент защиты персональных данных в Европе (General Data Protection Regulation) [15] и Федеральный закон Российской Федерации о персональных данных от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ.

Важно подчеркнуть тот факт, что конкретное государство, взявшее на себя обязательства по контролю и мониторингу распространения информации в своем территориальном регионе, должно выполнять двойной контроль

аудита всех транзакций пересылаемой информации в сети Интернет. Зеркалирование подобных транзакций должно происходить посредством взаимодействия ТЦОД на государственном уровне, в автоматическом режиме, за пределами того территориального субъекта, где происходит сбор и анализ информации, и, кроме того, иметь возможность протоколирования аудита всех без исключения поставщиков информации – своего рода аналог технологии blockchain². Подобные меры необходимы для обоюдного контроля процесса распространения информации в информационных экосистемах стран – участниц концепции.

Информационные технологии активно внедряются в деятельность управленческих и правоохранительных органов на национальном и международном уровнях. Такая возможность и необходимость связаны с тем, что современная преступность стала преимущественно носить информационный характер. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста компьютерных преступлений, а равно иных преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий [16]. Угроза распространения данного вида преступности носит международный характер, вследствие чего принимаются соответствующие нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с киберпреступностью.

Важно отметить, что использование злоумышленниками современных технологий для совершения противоправных деяний в киберпространстве не проходит бесследно и предполагает оставление цифровых следов их деятельности. То есть существует принципиальная возможность использования новейших технологий для раскрытия и расследования подобных преступлений. Такая возможность составляет основу

2 Blockchain (блокчейн) — выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Связь между блоками обеспечивается не только нумерацией, но и тем, что каждый блок содержит свою собственную хеш-сумму и хеш-сумму предыдущего блока. Для изменения информации в блоке придется редактировать и все последующие блоки. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся на множестве разных компьютеров независимо друг от друга. Это делает крайне затруднительным внесение изменений в информацию, уже включенную в блоки.

соответствующего международно-правового регулирования в сфере информационной безопасности.

Список использованных источников

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №41/92 от 04.12.1986 года «О создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности» [Электронный ресурс]: <https://undocs.org/ru/A/RES/41/92>
2. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01.06.2001 года // СПС «Консультант-плюс».
3. Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009 года) // СПС «Консультант-плюс».
4. *Бейнар И.А.* Формирование концепции экономического обеспечения информационной безопасности // *Информация и безопасность*. 2007. №4. С. 596-599.
5. *Борисов Д.А.* Безопасность человека в современной теории и практике международных отношений // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. №343. С. 79-82.
6. *Дюкарев В.В.* Современные проблемы и концепции международной безопасности // В сборнике: *Вопросы права и политики*, 2011. С. 124-135.
7. *Замышляев Д.В.* Национальные интересы и обеспечение национальной безопасности государств в рамках концепции международных отношений // *Международное публичное и частное право*. 2003. №1. С. 32-36.
8. *Ибрагимов Л.Х.* Интернет-терроризм как феномен современных политических коммуникаций // *Информационные войны*. 2016. №2. С. 71-75.
9. *Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.* Проблема безопасности в современных международных отношениях: Учебное пособие. Ярославль ЯрГУ, 2005. – 114 с.

10. *Кочетков В.В.* Изменения в подходах к международной безопасности в начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. 2010. №4. С. 30-35.

11. *Лисаускайте В.В.* Проблемы реформирования концепции международной безопасности в международном публичном праве // Безопасность XXI века: материалы конференции. 2001. С. 77-80.

12. *Нежелский А.А.* Теоретические основы исследования информационных войн и информационной безопасности государства // Власть. 2018. №6. С. 70-74.

13. *Тихонов В.Н., Маркова А.Ю.* Международно-правовое регулирование информационной безопасности // Аллея науки. 2017. №15. С. 547-550.

14. Положения Всемирной программы обеспечения мира и безопасности на планете [Электронный ресурс]: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/peace-and-security/index.html>

15. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс]: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679>

16. Актуальные киберугрозы [Электронный ресурс]: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019>

Ядгаров Шахрух Шавкатович,
слушатель аспирантуры Дипломатической Академии
Министерства иностранных дел России,
sh.yadgarov@gmail.com

Shakhrukh Sh. Yadgarov,
postgraduate student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
sh.yadgarov@gmail.com

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

**LEGAL FEATURES OF THE SOURCES OF INTERNATIONAL LAW
IN THE SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES
OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION**

Аннотация: в статье исследуются научно-практические проблемы, связанные с характеристикой юридических документов, регулирующих деятельность Шанхайской организации сотрудничества, как источников международного права. Автор рассматривает решения организации в форматах коммюнике, декларации, совместных заявлений как формы закрепления норм «мягкого права», не содержащих конкретных международно-правовых обязательств, одновременно содействующих дальнейшему укреплению международного правопорядка. Вместе с тем некоторые решения, связанные с внутренней деятельностью самой организации и затрагивающие вопросы ее жизнедеятельности и функционирования, не определяются как источники международного права. В качестве эффективного структурного элемента правовой базы ШОС указаны международные договоры. В качестве теоретической базы выступают исследования О.В. Кашлача, Р.Ф. Халафяна, Е.А. Шибяевой, Ф.И. Кожевникова. Для выявления основных проблем характеристики

международных документов были проанализированы нормативно-правовые акты, принятые Шанхайской организацией сотрудничества, а также специально созданные органы, в частности Региональная антитеррористическая структура и ее деятельность. Особо отмечено значение обычаев в международном праве. В качестве примера использования международного обычая в международном праве было взято дело о континентальном шлейфе Северного моря. По итогам делается вывод о том, что международно-правовые документы в сферах обеспечения глобальной безопасности больше приобретают статус правовых обычаев, а правовая база деятельности ШОС включает в себя практически все источники международного права, в частности решения ШОС.

Abstract: the article examines scientific and practical problems related to the specification of legal documents regulating the activities of the Shanghai Cooperation Organization as sources of international law. The author considers the decisions of the Organization in the formats of communiqués, declarations, joint statements as a form of fixing the norms of "soft law" that do not contain specific international legal obligations, while at the same time contributing to the further strengthening of the international legal order. At the same time, some decisions related to the internal activities of the Organization itself and affecting the issues of its functioning are not considered as sources of international law. International treaties are indicated as an effective structural element of the legal framework of the SCO. The theoretical basis of the study is the research of O.V. Kashlach, R.F. Khalafyan, E.A. Shibaeva, F.I. Kozhevnikov. The legal acts adopted by the Shanghai Cooperation Organization, as well as specially created bodies, in particular the Regional Anti-Terrorist Structure and its activities were analyzed to identify the main problems of specification of international documents. The importance of customs in international law is especially noted. The case of the continental plume of the North Sea was taken as an example of the use of international custom in international law. Based on the results, it is concluded that international legal documents in the spheres of ensuring global security are more acquiring the status

of legal customs, and the legal framework for the activities of the SCO includes almost all sources of international law, in particular the decisions of the SCO.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, коммюнике, международный договор, международное право, правовой обычай.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, communiqué, international treaty, international law, legal custom.

Введение

В механизме правового регулирования деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) задействованы практически все источники международного права, что является важнейшим фактором, обуславливающим усиление влияния данного межгосударственного институционального объединения на вопросы обеспечения универсальной и региональной безопасности, поступательного экономического развития. Умелое использование всего инструментария международно-правового регулирования позволяет реализовать политическую волю государств – участников ШОС в востребованные международной ситуацией юридические документы, налагающие конкретные обязательства на членов организации по борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организованной преступностью, унификации законодательств и другим ключевым направлениям сотрудничества. В данной статье рассматриваются научно-практические проблемы, связанные с характеристикой документов, составляющих правовую базу регулирования деятельности ШОС, в качестве источников международного права.

Анализ показывает, что наиболее часто используемым источником правового регулирования деятельности ШОС служат ее решения, носящие политический характер и содержащие в себе мнение государств-членов по мировой и региональной проблематике. При этом решения могут носить такие названия, как коммюнике, декларация, совместные заявления и т.д. Будучи

формами закрепления норм так называемого «мягкого права», они не содержат конкретных взаимных международно-правовых обязательств, однако содействуют дальнейшему укреплению международного правопорядка, поскольку выражают консолидированное мнение государств по наиболее актуальным вопросам политического и социально-экономического сотрудничества, соблюдения норм международного права. Так, в Самаркандской декларации Совета глав государств – членов ШОС, принятой по итогам заседания Совета глав государств-членов в городе Самарканде 16 сентября 2022 года, отмечается, что государства-члены призывают к соблюдению в полном объеме Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (КЗХО) в качестве эффективного инструмента в сфере разоружения и нераспространения. Они подчеркивают важность скорейшего уничтожения всех заявленных запасов химического оружия. Государства-члены вновь заявляют о поддержке Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и выступают за принятие согласованных решений для того, чтобы преодолеть разногласия в рамках организации, обеспечить ее целостность и эффективную работу в соответствии с Конвенцией [10].

Методология

В науке остается дискуссионным вопрос, следует ли считать решения международных организаций, в том числе ШОС, не имеющих обязательной юридической силы, источниками международного права.

Так, О.В. Кашлач отмечает, что в международно-правовой литературе много внимания уделяют исследованию норм международного права. Но существует целый массив правил, которые закреплены в различных нормативных документах, регулируют международные отношения и не подпадают под определение международно-правовой нормы. Тем не менее без существования таких правил полноценное регулирование международных отношений было бы невозможным. В литературе такие нормы обозначают как «мягкое право» [5, с. 26].

С точки зрения Р.Ф. Халафяна, действие и реализация норм международного «мягкого права» предполагают определенную связь с системой международного права и международной правовой системой в целом – способствуют развитию международного права, международной практики и правосознания. При этом специфика реализации международного «мягкого права» заключается не только в наличии собственных средств обеспечения исполнения (преобладает политическое давление, моральная оценка и др.), но и тех средств, которые являются более распространенными в международном праве (мониторинг соблюдения и др.) [8, с. 10].

По нашему мнению, нормы «мягкого права», отраженные в решениях международных организаций, несмотря на свой диспозитивный характер, служат источниками международного права, поскольку накладывают на государства определенные политико-правовые обязательства, исполнять которые субъекты международного права все-таки стремятся, поскольку содержание норм «мягкого права», во-первых, представляет собой отражение консолидированной в норме «мягкого права» воли государств – членов организации. Во-вторых, исполнение международной нормы «мягкого права» обеспечивается принципом взаимности соблюдения международных обязательств, являющимся краеугольным камнем обеспечения мирового правопорядка.

Так в Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС, принятой по итогам состоявшегося в Душанбе 17 сентября 2021 года заседания Совета глав государств – членов ШОС, государства-члены выразили готовность расширять каналы правового сотрудничества, повышать его эффективность, содействовать развитию прямого взаимодействия между органами прокуратуры. Они будут стремиться к созданию механизма надежного и быстрого обмена правовой информацией о действующих в государствах – членах ШОС практиках надзора за соблюдением законодательства, права и юстиции, а также по вопросам борьбы с преступностью и любыми другими

данными, имеющими отношение к противодействию незаконной деятельности транснационального характера [4].

Особый научно-практический интерес представляют решения международных организаций, охватывающие вопросы, связанные с внутренней деятельностью самой организации. Следует согласиться с Е.А. Шибасовой, отмечавшей, что «исследование проблем компетенции организации по вопросам внутренней деятельности и внутреннего права международной организации представляет значительный практический и научный интерес, поскольку эффективная деятельность международной организации зависит в первую очередь от ее нормального внутреннего функционирования. Практическое значение данных проблем связано также с совершенствованием внутриорганизационного механизма международных организаций» [14, с. 127].

В рамках ШОС принят большой массив решений, регулирующих внутреннюю деятельность самой организации, в частности решения о вступлении определенного государства в состав организации. Такие решения вносят изменения в организационную структуру ШОС и не направлены на международно-правовое регулирование отношений за рамками организационной деятельности самой ШОС. В этом свете вряд ли можно согласиться с мнением о том, что некоторые решения органов международных организаций относятся к источникам международного права. В их числе прежде всего различные акты, касающиеся жизнедеятельности и функционирования самой организации, – разнообразные регламенты, процедурные правила, правила внутреннего распорядка и т.д. [7, с. 74]. Решения международных организаций, относящиеся к регулированию внутри процедурных вопросов, не направлены на регулирование межгосударственных отношений, являющихся предметом международного права, не носят характер политико-правовых обязательств для субъектов международного права, в связи с чем, по нашему мнению, не могут считаться источниками международного права.

Как показывает анализ, основной удельный вес правового регулирования деятельности ШОС приходится на такой источник, как решения международных организаций, принимаемые в виде деклараций и коммюнике. Такую ситуацию считаем закономерной и органично вытекающей из природы формирования механизма международного правового регулирования, в котором путь согласования воле государств-участников проходит определенные этапы, в рамках которых первоначально выражается приверженность к соблюдению общепризнанных норм международного права в контексте той или иной острой политической ситуации, с дальнейшим постепенным согласованием позиций государств-участников в нормы международного договорного права.

Безусловно, одним из наиболее эффективных структурных элементов правовой базы регулирования деятельности ШОС являются международные договоры. Преимущества международных договоров очевидны: конкретная регламентация взаимных прав и обязательств государств-участников, возможность имплементации международных договоров в национальное законодательство государств-участников, закрепление институционального механизма, способствующего реализации международных договоров и выполнения государствами-участниками договора своих международно-правовых обязательств, гибкость международных договоров в качестве инструмента регулирования международных отношений, в том числе возможности частичного присоединения путем оговорок и т.д. Как справедливо отмечал российский ученый О.И. Тиунов: «... договор, тем не менее, обладает по сравнению с обычаем решающим преимуществом. Он объединяет нормы на системной основе, с помощью которой можно отрегулировать широкий круг отношений между участниками договора, что невозможно сделать посредством обычая» [12, с. 270].

В рамках ШОС приняты важнейшие международные договоры, ставшие фактически образцом правового регулирования наиболее актуальных проблем, включая борьбу с международным терроризмом и организованной

преступностью. Так, в Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, где не только были даны единые дефиниции вышеуказанным явлениям, определены основные направления взаимного сотрудничества, в том числе путем направления соответствующих запросов. В соответствии со статьей 8 Конвенции: Взаимодействие между центральными компетентными органами Сторон в рамках настоящей Конвенции осуществляется в двустороннем и многостороннем форматах на основании запроса об оказании содействия, а также путем информирования по инициативе центрального компетентного органа одной из Сторон. Запрашиваемый центральный компетентный орган принимает все необходимые меры для обеспечения быстрого и возможно более полного исполнения запроса и в возможно короткие сроки информирует о результатах его рассмотрения (ст.9 Конвенции).

В обеспечение реализации положений Шанхайской конвенции государствами – участниками ШОС на основе подписанного 7 июня 2002 года Соглашения был создан постоянно действующий орган – Региональная антитеррористическая структура. Как отмечается в литературе, роль Региональной антитеррористической структуры в деятельности ШОС очень велика. Этот орган призван содействовать координации и взаимодействию компетентных органов государств – членов ШОС в одном из приоритетных направлений деятельности организации – в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Результаты исследования

Среди основных задач РАТС выделяются разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом для соответствующих структур ШОС; содействие компетентным органам сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; сбор и анализ информации по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; формирование банка данных РАТС о международных террористических, сепаратистских и иных

экстремистских организациях, о состоянии, динамике и тенденциях распространения терроризма, сепаратизма и экстремизма, о неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку терроризму, сепаратизму и экстремизму и т.д. [1, с. 267–268].

Особое значение в системе правового регулирования деятельности ШОС имеют обычаи. Будучи древнейшим источником международного права, они не утратили свою особую юридическую значимость до сих пор. Как справедливо отмечается в литературе, в реальной политике государства стремятся опираться на международно-правовые нормы как договорного, так и обычного характера, согласованно считая и те, и другие нормы юридически обязательными. Это первоначально данное согласие, проявившее себя в соответствующей практике государств, выступает неким гарантом последующего добросовестного выполнения норм прогрессивно развивающегося международного права, обеспечения эффективности международного правопорядка, соответствия ему политики государств. Современная роль международного обычая состоит в том, что он продолжает оставаться основным, наряду с международными конвенциями, источником международного права. Во взаимодействии, взаимодополняемости этих двух основных источников международного права обеспечиваются его стержневые функции [2, с. 53].

О роли международного обычая в качестве источника правового регулирования межгосударственных отношений также писал советский ученый Ф.И. Кожевников, отмечая, что, несмотря на неопределенность, шаткость, условность и относительность обычая, было бы неправильно недооценивать или тем более игнорировать его значение как источника права. Следует сказать, что целый ряд институтов в области международного права покоится исключительно на обычае. Более того, в правовой литературе среди источников положительного международного права обычаю даже нередко отводят первое место по значению, а договорам – второе [6].

Как известно, для признания международным обычаям необходимо наличие двух составляющих: длительная устоявшаяся практика и согласие государств принять определенное устоявшееся правило поведения в качестве обязательной нормы (*opinion juris*) [9, с. 124–148]. Обязательность наличия этих двух элементов также подтверждена судебной практикой. Принимая решение по делу о континентальном шельфе Северного моря 1969 г. (споры между ФРГ и Нидерландами, ФРГ и Данией), суд рассматривал, как создается общая (обычная) норма международного права, и в этом контексте отметил: «Соответствующие действия государства должны не только соответствовать установившейся практике (*settled practice*), но они также должны быть такими или должны быть выполнены таким образом, чтобы быть доказательством убеждения в том, что такая практика является обязательной в силу существования нормы права (*by the existence of a rule of law*), которая предписывает такую практику. Потребность в таком убеждении, то есть наличие субъективного элемента, подразумевается в самом понятии *opinio juris sive necessitates*» [3, с. 9].

На современном этапе, в условиях серьезных противоречий в интересах стран, обладающих огромным и разрушительным военным потенциалом, включая оружие массового поражения, попыток навязать однополярный мир, в том числе силовыми методами, явными фактами военной расправы одних государств над другими, экспорта «цветных революций» ради достижения узких политических интересов и удовлетворения политических амбиций в ущерб сложившейся десятилетиями архитектуре международной безопасности, роль обычаев в правовом регулировании межгосударственных отношений возрастает. Следует согласиться с Л.Р. Шаммасовой, отмечавшей, что представление о международно-правовом обычае не является неизменным. Развитие интеграционных процессов, ускорение темпов межгосударственного взаимодействия, появление в международном праве категории императивных норм (*jus cogens*), несомненно, оказали влияние и на характер обычая. В результате возникла необходимость выявить последствия

этого влияния, уточнить особенности международного обычая и его место в международно-правовом регулировании. Сделать это тем более необходимо, учитывая, что в форме обычая могут быть закреплены общепризнанные принципы и нормы международного права [13, с. 5].

Полагаем, что существующее мнение в науке международного права о том, что международно-правовые обязательства государств в ключевых сферах обеспечения глобальной безопасности приобретают статус обычаев, является обоснованным и подлежащим повсеместному юридическому закреплению практически всеми субъектами международного права. Одна из таких ключевых, жизненно важных для человечества сфер – закрепление обязательств государств по нераспространению ядерного оружия в качестве нормы международного обычая. Российский исследователь Е.А. Сидорова справедливо отмечает, что помимо договорного характера международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия обладает и обычно-правовым характером. Нормы международно-правового режима нераспространения ядерного оружия, закреплённые в различных формах, обладают обязательной юридической силой. Они являются нормами *jus cogens* с универсальным применением, порождающим отношения *erga omnes*. Эти нормы обязаны соблюдать все государства мира вне зависимости от их участия или неучастия в Договоре о нераспространении ядерного оружия [11, с. 9–10].

Правовые обычаи служат одним из основных источников правовой базы деятельности ШОС, в рамках которой принимаются документы, содействующие укреплению международного правопорядка, где подтверждаются приверженность и стремление дальнейшего усиления действующих международно-правовых обычных норм в ключевых сферах международной безопасности, в том числе в вышеуказанной сфере обеспечения режима нераспространения ядерного оружия. Так, в Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС государства-участники отметили приверженность целям и задачам Устава ООН и Хартии ШОС,

принципам взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, мирного разрешения возможных разногласий путем диалога и взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах.

В Декларации также отмечена важность устойчивой реализации Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе и в соответствии с резолюцией 2231 СБ ООН, в связи с чем государства-участники призывают всех участников к неукоснительному исполнению своих обязательств для всестороннего и результативного выполнения документа. Государства-члены, являющиеся участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, выступают за неукоснительное соблюдение положений Договора, всестороннее сбалансированное продвижение всех зафиксированных в нем целей и принципов, укрепление глобального режима нераспространения ядерного оружия, продолжение процесса ядерного разоружения, а также содействие равноправному взаимовыгодному сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях [4].

Заключение

Таким образом, правовая база деятельности ШОС вбирает в себя практически все источники международного права, преимущества каждого из которых достаточно эффективно используются государствами-членами. Однако основной массив документов приходится на решения ШОС, поскольку они являются удобным юридическим инструментом согласования воле государств по вопросам глобальной и региональной проблематики. Между тем ШОС активно использует потенциал международно-правового договорного регулирования и международных обычаев, закрепляя обязательства государств-участников, создавая эффективные институциональные

механизмы, способствующие выполнению договорных норм и общепризнанных норм международного права.

Список литературы

1. Барков А.В. Шанхайская организация сотрудничества // Московский журнал международного права. 2003. №1 — С.267-268

2. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. 2013. Роль международного обычая в правовом обеспечении политики государства. — Международное право и современные теории международных отношений: аспекты сочетаемости (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.). Под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс»; Издательство «МГИМО-Университет». С.53.

3. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. №2. — С.9.

4. Душанбинская Декларация двадцатилетия ШОС - <http://rus.sectesco.org/load/779610/>

5. Кашлач О.В. Нормы мягкого права: понятие и признаки // Журнал международного права и международных отношений. №2. 2006. — С.26.

6. Кожевников Ф.И. Учебное пособие по международному публичному праву. Выпуск I. История и понятие международного права. М.: Юриздат НКЮ СССР. 1954.

7. Кривокапич Б. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (Часть 2) // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. — С.74.

8. Р.М.Халафян. Нормы международного «мягкого права в правовой системе Российской Федерации». Автореф. дисс.канд. юрид. наук. Казань, 2016. — С.10

9. Ромашев Ю.С. Признание практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*) при формировании международного обычая // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. — С.124-148;
10. Самаркандская Декларации Совета глав государств-членов ШОС - <http://rus.sectsco.org/load/913203/>
11. Сидорова Е.А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления. Автореф дисс канд юрид наук. М.2010, — С.9-10.
12. Тиунов О.С. Влияние международных договоров и международных обычаев на национальное законодательство//Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» 2009. — С.270
13. Шаммасова Л.Р. Международно-правовой обычай в современном международном праве. -Автореф дисс. канд юрид наук, Казань, 2006. — С.5
14. Шибеева Е.А. Юридическая природа и правовое положение специализированных учреждений ООН: Дис. докт. юрид. наук. М., 1969. — С.127.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Синиша Атлагич,

доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра русских исследований,
Белградский университет (Сербия),
iamp@dipacademy.ru

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,
проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России.
iamp@dipacademy.ru

Siniša ATLAGIĆ,

PhD at Faculty of Political Sciences, Professor,
Head of the Center for Russian Studies,
University of Belgrade (Serbia),
iamp@dipacademy.ru

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (Political Science), Professor,
Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
iamp@dipacademy.ru

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ В ЕС

WESTERN BALKANS: PROSPECTS FOR EU INTEGRATION

Аннотация: в статье анализируется роль и значение «Берлинского процесса» в рамках реализации интеграционных процессов Западных Балкан в Европейский союз, а также насколько это отвечает национальным интересам отдельных государств данного региона.

Abstract: the article analyzes the role and significance of the "Berlin Process" in the framework of the implementation of the integration processes of the Western Balkans into the European Union, as well as how it meets the national interests of individual states in this region.

Ключевые слова: «Берлинский процесс», Балканы, национальные интересы, сотрудничество, приоритеты, ЕС, рынок.

Keywords: "Berlin process", Balkans, national interests, cooperation, priorities, EU, market

На проходившем в Берлине в конце 2022 года очередном ежегодном саммите Европа – Западные Балканы под эгидой «Берлинского процесса» канцлер ФРГ Олаф Шольц в очередной раз озвучил намерение своей страны содействовать скорейшему принятию в Евросоюз всех государств региона. По его словам, интеграция западнобалканских стран в ЕС является особенно актуальной для безопасности Европы в нынешних международных условиях.

Участники саммита подписали три соглашения, призванные заложить основы для создания общего регионального рынка. Достигнутые договоренности предусматривают взаимное признание национальных удостоверений личности, дипломов о высшем образовании и профессиональных квалификаций. Канцлер Германии назвал принятые решения «прорывом», поскольку удалось преодолеть сопротивление Сербии, которая долгое время возражала против того, чтобы действие документов распространялось на двусторонние отношения между Белградом и Приштиной [1].

«Берлинский процесс», запущенный в 2014 году по инициативе главы правительства Германии в то время Ангелы Меркель, задумывался как ежегодный форум с целью содействовать продвижению Западных Балкан к членству в Евросоюзе. Немецкие аналитики констатируют, что до последнего времени он приносил мало практической пользы и годился разве что для совместных фотосессий ведущих политиков. Однако последнее мероприятие в Берлине министр иностранных дел Германии Анналена Бербок преподносит как «историческое», ставя достижение конкретных результатов в заслугу исключительно немецкой дипломатии [2].

По инициативе Берлина формат ежегодного мероприятия был расширен. Параллельно со встречей глав шести государств и правительств региона с руководителями стран ЕС и Великобритании прошел Форум гражданского

общества и аналитического сообщества. Более 100 представителей гражданских организаций и политологических центров приняли участие в двухдневной конференции, где обсуждались различные темы – от регионального экономического сотрудничества до вступления в ЕС. Непосредственными организаторами мероприятия выступила Ассоциация Юго-Восточной Европы совместно с немецким Институтом Аспена. В качестве целей фигурировала презентация рекомендаций по ускорению евроинтеграции, открытое их обсуждение с лицами, принимающими решения, предоставление платформы для обмена мнениями и опытом между гражданскими активистами с Западных Балкан и европейскими коллегами. Кроме того, в Берлине был проведен комплекс мероприятий (организованный Региональным бюро молодежного сотрудничества и Франко-германским молодежным бюро Форума молодежи Западных Балкан). Более 70 представителям из стран региона предоставили возможность поговорить о роли молодежи в «Берлинском процессе» [3].

Специалисты констатируют, что интерес к Западным Балканам в странах ЕС возрос после начала российской специальной военной операции (СВО) на Украине, поскольку регион давно рассматривается с точки зрения конкуренции с другими внешнеполитическими игроками (Россией, Китаем и Турцией) за сферы влияния. Еще весной 2022 года О. Шольц высказался в этом контексте за возрождение «Берлинского процесса». Летом федеральный канцлер посетил Сербию, Северную Македонию и Косово. Линия на ускорение приема западнобалканских государств в ЕС получила поддержку среди влиятельных немецких социал-демократов. Правоконсервативное крыло фракции Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в бундестаге, состоящее из 91 депутата, опубликовало документ, в котором указало на то, что расширение ЕС на восток чрезвычайно важно с геополитической точки зрения. Депутаты призвали содействовать проведению Евросоюзом более активной внешней политики на Западных Балканах, усилить давление на Сербию, приблизить евроинтеграцию Боснии и

Герцеговины (БиГ), где внутренняя напряженность провоцируется внешними игроками. Для ускорения приема новых членов правые социал-демократы предлагают отказаться от принципа единогласия в ЕС [4].

Албанский политолог Ардиан Хакай согласен с тем, что «Берлинский процесс» впервые привел к ощутимым результатам. По его словам, последовательная активность в регионе специального посланника Германии Мануэля Саррачина, его регулярные контакты со всеми заинтересованными сторонами, а также сфокусированный подход, направленный на малые, но достижимые цели, оказали необходимое воздействие на позиции местных политических элит [5].

Профессор Флориан Бибер, возглавляющий Центр по изучению Юго-Восточной Европы в австрийском Университете Граца, считает, что последний саммит ЕС – Западные Балканы опровергает сложившееся в последние годы мнение о тупике «Берлинского процесса» на фоне замедления темпов евроинтеграции стран Западно-Балканского региона. Вместе с тем, по его словам, препятствий на этом пути остается довольно много. К ним относятся нестабильная политическая ситуация в БиГ, трудности в переговорах ЕС с Северной Македонией и Албанией, тупик в нормализации отношений Сербии и Косово, что является самой болезненной темой с точки зрения безопасности в регионе. Сербия находится в центре внимания не только из-за проблемы Косово, но и из-за безуспешных пока попыток Брюсселя добиться приведения ее внешней политики в соответствие с линией Евросоюза. Это касается двух аспектов – присоединения к санкциям против России и гармонизации сербского и европейского визовых режимов. Недовольство Брюсселя вызывает ситуация, когда Сербия предоставляет возможность гражданам ряда государств (например, Индии или Туниса) въезжать без визы, что позволяет им далее через БиГ пытаться проникнуть на территорию ЕС.

Эксперт из Восточного комитета немецкой экономики подчеркивает, что центральным вопросом «Берлинского процесса» является создание

общего регионального рынка Западных Балкан, связанного с рынком Евросоюза. В этом плане достигнутые соглашения могут способствовать повышению мобильности населения и, таким образом, развитию экономического сотрудничества в регионе, что будет важным шагом к созданию общего рынка. Следующим этапом должна быть унификация нормативно-правового регулирования. Вместе с тем, по ее словам, трудно оценить, как соглашения будут действовать на практике. Аналогичные сомнения высказывает Ф. Бибер. Он констатирует, что за последние восемь лет было много заявлений о намерениях и решений, которые в лучшем случае выполнялись лишь частично [6].

Специалисты Консультативной группы по европейской политике на Балканах отмечают, что свобода передвижения имеет большой потенциал для стабилизации региона и ослабления напряженности. Однако достигнутые договоренности еще должны быть ратифицированы национальными парламентами. Без политической воли к быстрой реализации подписанных соглашений стабильности не достичь. В будущем потребуется рассмотреть вопрос об учреждении специального координационного органа по поддержке деятельности и постоянному взаимодействию с правительствами стран Западных Балкан, гражданским обществом и другими участниками для обеспечения выполнения принятых на саммитах решений [7].

С момента запуска «Берлинского процесса» в 2014 году его цели включали в себя достижение существенного прогресса в региональном экономическом сотрудничестве, создании основ для устойчивого развития и прекращении двусторонних и внутренних вопросов. На протяжении многих лет правительства стран, принимающих ежегодные саммиты, добавляли темы в соответствии со своими предпочтениями, но без механизмов координации и контроля судьба многих из них остается неясной. Позитивные результаты в основном касаются развития экономики и инфраструктуры, в то время как продвижение к целям примирения и урегулирования сохраняющихся межгосударственных проблем остается скромным. Экспертная группа по

политике Балкан в Европе сомневается, может ли региональное сотрудничество на Западных Балканах быстро выйти за рамки технических вопросов, констатируя, что для заключения трех нынешних соглашений потребовалось целых два года [8].

Заместитель директора Европейского совета по международным отношениям Вессела Чернева отмечает, что расширение ЕС сегодня в большей степени, чем раньше рассматривается европейскими политиками как геополитический вопрос и в этом состоит серьезное изменение подхода. Текущая дискуссия гораздо меньше касается правовых аспектов или будущего устройства Евросоюза, а определяется преимущественно осознанием того, что, если Европа не будет активно сотрудничать со странами Западных Балкан, возникнет вакуум, который немедленно будет заполняться Россией, Китаем и в определенной степени Турцией [9].

Эксперт немецкого фонда «Наука и политика» Барбара Липперт призывает к тому, чтобы повышенное внимание ЕС к региону, вызванное в основном конфликтом на Украине, стало постоянной нормой. Большинство граждан ЕС выступает за ускорение приема новых членов. Рейтинг одобрения в традиционно скептически настроенных странах, таких как Австрия (45%), Франция (47%), Нидерланды (46%) и Германия (53%), по-прежнему ниже среднего показателя по ЕС (58%), но недавно в Дании, например, вырос до 62%. Однако снижение уровня жизни, связанное с последствиями военного конфликта в Европе, по мнению Б. Липперт, способно вновь вызвать скептицизм среди европейцев [10].

Опросы в странах Западных Балкан по-прежнему достаточно позитивны с точки зрения доверия к ЕС, хотя разочарование по поводу вялотекущего процесса вступления распространяется в регионе уже давно. Во многих странах это затронуло даже чиновников и представителей политической элиты, которые нередко делают негативные по отношению к ЕС заявления. Эксперт по Западным Балканам Душан Релич объясняет эту ситуацию «растущей общей атмосферой нервозности» в Юго-Восточной Европе,

поскольку условия жизни в регионе с годами ухудшились – от «качества демократии» и верховенства закона до мер социальной поддержки. Регион переживает процесс регресса и политических потрясений. Даже спустя годы после окончания вооруженных конфликтов концепция демократического гражданского общества там не получила признания. Экономически регион остается «европейской богадельней», зависимой от финансовой помощи ЕС. Первоначально громко заявив о перспективах вступления, Брюссель впоследствии стал «приглушать» свои обещания.

По словам Д. Релича, объективной причиной довольно сдержанной линии ЕС в последние годы является негативный опыт предыдущих раундов расширения, рост нарушений принципов верховенства закона и демократии как в странах, уже входящих в ЕС, таких как Польша и Венгрия, так и в присоединяющихся государствах, а также способность к приему новых членов самого Евросоюза, который сам нуждается в реформах, чтобы быть в состоянии без ущерба для себя осуществить дальнейшие интеграционные шаги [11].

Аналитики Венского института международных экономических исследований считают, что Евросоюз не в состоянии быстро реализовать собственные обещания, данные еще в 2003 году на саммите в Салониках, о будущем членстве западнобалканских государств. Беспомощность Брюсселя особенно видна на примере бывшей югославской республики Македонии, которая поменяла свое название на «Северная Македония» под давлением Греции, чтобы устранить препятствия на пути евро-атлантической интеграции, однако встретила противодействие со стороны болгар, которые стали оспаривать право македонцев на национальную идентификацию. Премьер-министр Албании Эди Рама с сарказмом предложил канцлеру Германии переименовать соседнюю страну в «Западную Болгарию».

Аналитик немецкого фонда «Наука и политика» Маргит Вунш Гаарман проводит мысль о том, что саммиты ЕС – Западные Балканы до последнего времени в основном воспринимались странами региона как катастрофические.

Поэтому Сербия в 2019 году стала движущей силой новой инициативы, первоначально названной «мини-Шенгеном», впоследствии переименованной в «Открытые Балканы». Подразумевалось, что она не будет противоречить «Берлинскому процессу», а поможет в его реализации, поскольку оба формата фактически преследуют одинаковую цель – развитие региональной интеграции. Немецкий эксперт сетует на то, что «Открытые Балканы» (в рамках которых пока объединились только три страны – Албания, Сербия и Северная Македония) получают мало поддержки со стороны ЕС по причине того, что в Брюсселе опасаются негативных последствий дублирования с «Берлинским процессом». Однако, по ее мнению, это, напротив, имеет позитивный эффект. Например, переговоры по соглашениям, подписанным в ноябре 2022 года в Берлине, начинались еще в 2021 году, но не достигали результата из-за разногласий между Сербией и Косово. Прогресс стал возможен только после того, как к компромиссу вначале пришли участники «Открытых Балкан» (в июне 2022 года), а затем Белград и Приштина (в августе 2022 года). Подобная ситуация дала повод Э. Раде прямо заявить, что продвигаемый сербами формат является инструментом реализации «Берлинского процесса» [12]. Это, действительно, прозвучало небезосновательно с учетом реализации поставленных целей перед данным интеграционным объединением.

Список литературы

- 1 EU-Erweiterung Westbalkan // Infoportal östliches Europa. 30.11.2022. – <https://osteuropa.lpb-bw.de>.
- 2 Kreizer N. Konferenz in Berlin: Finden die Westbalkan-Länder doch den Weg in die EU? // Deutsche Welle. 01.11.2022.- <https://www.dw.com>.
- 3 Berlin Process 2022: Western Balkans week in Berlin // European Western Balkans. 01.11.2022. – <https://europeanwesternbalkans.com>.
- 4 Wehner M. Westbalkan-Gipfel: Scholz will raschen Beitritt in die EU // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 03.11.2022. – <https://www.faz.net>.

5 Kreizer N. Konferenz in Berlin: Finden die Westbalkan-Länder doch den Weg in die EU? // Deutsche Welle. 01.11.2022. – <https://www.dw.com>.

6 Kreizer N. Konferenz in Berlin: Finden die Westbalkan-Länder doch den Weg in die EU? // Deutsche Welle. 01.11.2022. – <https://www.dw.com>.

7 Djolai M. How to capitalise on the relative success of the Berlin Process // BiEPAG. 07.11.2022. – <https://www.biepag.eu>.

8 Marianovic Rudan A. Can the Berlin process do better? // BiEPAG. 08.11.2022. – <https://www.biepag.eu>.

9 Starinac M. New momentum in enlargement a sign of EU's geopolitical awareness // European Western Balkans. 14.11.2022. – <https://europeanwesternbalkans.com>.

10 Lippert B. Die nächste EU-Osterweiterung wird kompliziert und teuer. Beitrittsverhandlungen, Assoziierung und neue Formate aufeinander abstimmen // SWP-Aktuell 2022/A 48. 26.07.2022. – <https://www.swp-berlin.org>.

11 EU-Erweiterung Westbalkan // Infoportal östliches Europa. 30.11.2022. – <https://osteuropa.lpb-bw.de>.

12 Wunsch Gaarmann M. Die «Open Balkan»-Initiative ergänzt den Berliner Prozess // SWP. Kurz gesagt. 03.11.2022. – <https://www.swp-berlin.org>.

Шангараев Руслан Насимович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
стратегических коммуникаций и государственного управления
Дипломатической академии МИД России,
shang143@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Ph.D. (Economics), Associate Professor
of the Department of strategic communications and public administration,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
shang143@mail.ru

ДЕЗОРИЕНТИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН DISORIENTATION IN THE CONTEXT OF COGNITIVE WARS

Аннотация: с окончанием холодной войны, появлением новых технологий информационного противоборства и стремлением акторов к расширению сферы своего геополитического влияния на мировой арене происходит неизбежное нарастание напряженности в межгосударственных отношениях. Деформация традиционного миропорядка сопровождается активизацией деятельности иностранных государств, которые активно ведут поиск новых методов оказания влияния на различные категории населения для смены нелояльных себе политических режимов.

Abstract: with the end of the cold war, the emergence of new technologies of information warfare and the desire of actors to expand their sphere of geopolitical influence on the world stage, there is an inevitable increase in tension in interstate relations. The deformation of the traditional world order is accompanied by the intensification of the activities of foreign states, which are actively searching for new methods of exerting beneficial influence on various categories of the population to change disloyal political regimes.

Ключевые слова: гибридная война, когнитивная война, дезориентирование, дезинформация, информационное противоборство,

геополитика.

Keywords: hybrid warfare, cognitive warfare, disorientation, disinformation, information warfare, geopolitics.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на заседании Совета Безопасности, заявил: «Суверенитет и территориальная целостность – фундаментальные ценности. Речь идет об обеспечении независимости и единства нашего государства, надежной защите территории, конституционного строя, своевременной нейтрализации внутренних и внешних угроз. Однако сегодня в мире все чаще звучит язык ультиматумов и санкций. Само понятие государственного суверенитета размывается. Неудобные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются. Для этого в ход идут так называемые революции, а если называть вещи своими именами – просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне» [1].

При этом ведущие российские и зарубежные ученые сходятся во мнении, что «цветные революции» являются инструментом реализации внешнеполитической стратегии США. Доктрины военно-политического экспансионизма США и их союзников для изменения мирового политического ландшафта включают в себя гибридное воздействие, значимую часть которого составляет информационно-психологическое воздействие. Прежде всего они ориентированы на регионы и страны, где установление американской гегемонии невозможно в результате осуществления «превентивных войн».

Актуальная суть сегодняшней глобальной повестки заключается в том, что инструменты ведения войны и соперничества мирного времени перемешались до степени совмещения, радикально повлияв на спектр формируемых угроз государственному суверенитету. Это привело к возникновению нового типа межгосударственного противоборства – когнитивных войн, цель которых заключается в уничтожении самосознания,

изменении ментальной, цивилизационной основы общества противника [2]. При этом ведение подобных войн требует значительных финансовых ресурсов как на разработку их стратегии, так и на непосредственную реализацию агрессивных планов.

Американские эксперты в области информационного противоборства отмечают, что в 2022 году проблема распространения вводящей в заблуждение информации (misinformation) [3] в интернет-пространстве, прежде всего на социальных платформах, станет еще более острой и значительной [4]. Сам по себе термин «дезориентация» (misinformation) употребляется в западных СМИ применительно к распространению недостоверной или ошибочной информации, когда преследуется цель ввести людей в заблуждение или направить их на ложный путь. При этом термин «дезориентация» имеет обычно несколько менее негативный оттенок, чем понятие «дезинформация» (dis-information), относящееся, как правило, к деятельности подрывных элементов, экстремистов и политических противников.

Анжана Сусарла (Anjana Susarla), профессор в области алгоритмов искусственного интеллекта кафедры систем вычисления и обработки данных Института предпринимательской деятельности при Университете штата Мичиган (Michigan State University), полагает, что локализовать указанное негативное явление возможно лишь при условии ужесточения правительственного контроля над ресурсами Всемирной сети.

Эксперт напоминает о «великой лунной мистификации» (Great Moon Hoax) позапрошлого века, когда начиная с 25 августа 1835 года в целях роста своего тиража нью-йоркская газета The Sun публиковала серию из шести сенсационных материалов о наличии жизни и даже некой цивилизации на ближайшем спутнике Земли [5]. Таким образом, феномен дезориентирования общественности посредством СМИ существовал с момента их появления, однако возможности социальных платформ Интернета значительно расширили сферы его использования, масштабы распространения и охват аудитории. В результате указанные инструменты Всемирной паутины стали

эффективным средством контроля формирования мировоззрения большинства населения, что и сделало практикуемое манипуляторами дезориентирование фундаментальной проблемой современного общества [6].

Поэтому удивительно, что Юридический комитет Сената США (Senate Judiciary Committee) организовал в ноябре 2020 года заслушивание показаний руководителей компании Facebook (ныне Meta) Марка Цукерберга (Mark Zuckerberg) и платформы Twitter Джека Дорси (Jack Dorsey) по поводу политики модерирования контента в ходе состоявшихся президентских выборов [7].

Как полагает А. Сусарла, в борьбе с дезориентированием существуют два основных вызова. Первый заключается в явном недостатке норм и механизмов регулирования деятельности социальных платформ. В частности, решению проблемы могли бы способствовать обеспечение прозрачности их информационной политики, расширение прав пользователей по контролю за использованием собственных персональных данных [8]. Кроме того, необходимо проводить независимый аудит и регулярные проверки деятельности интернет-платформ, включая создание инструментов объективной оценки алгоритмов обработки информационных потоков. В этом случае можно будет отследить, каким образом и в какой мере практикуемые приемы и методы формирования новостных лент и подачи контента влияют на его восприятие населением [9]. Дело в том, что средства Всемирной сети оказывают воздействие на создание поведенческих привычек пользователей и стереотипов их взаимодействия с окружением. При этом применяемые программы обработки данных и определения приоритетов подачи сведений играют все более существенную роль в установлении пределов доступа граждан к информации.

Вторая сложность, по мнению А. Сусарлы, состоит в том, что расовые, гендерные и иные предубеждения руководителей и сотрудников социальных платформ неизбежно влияют на их информационную политику, в частности находят свое отражение в алгоритмах модерирования контента, усугубляя

проблему дезориентирования. Этот недостаток не удалось устранить даже после создания механизмов выдвижения на передний план материалов из наиболее авторитетных источников и маркировки отдельных сообщений как ошибочных, ложных или же фальшивых [10]. Например, в действительности акцент на источниках информации по медицинской проблематике может быть полезен лишь людям с определенным объемом знаний в данной области, количество которых по сравнению с общим числом пользователей непропорционально мало [11; 12].

Как полагает А. Сусарла, еще одной задачей в сфере борьбы с дезориентированием является необходимость систематического выявления конкретных источников недостоверных и фальшивых сведений. К примеру, принадлежащий пекинской компании ByteDance сервис для создания и просмотра коротких видео TikTok по-прежнему остается вне сферы пристального внимания государственных органов.

Его материалы оказывают влияние на процесс формирования образа жизни пользователей, предпочтений в сфере культуры и даже в пищевых продуктах. Кроме того, при изучении источников дезориентирующих сведений следует учитывать, что контент на языках национальных меньшинств, например в случае с США на испанском, оказывает более сильное негативное влияние на пользователей, чем на английском [13]. При этом социальные платформы чаще распространяют подобную продукцию в расчете именно на такие недоминирующие группы населения.

Как подчеркивает А. Сусарла, отсутствие независимого аудита средств Интернета, непрозрачность процесса проверки фактов, влияние расовых и гендерных предубеждений на формирование алгоритмов модерирования информационных потоков диктуют срочную необходимость принятия норм правительственного контроля над ресурсами Всемирной сети.

В свою очередь, специалист в области коммуникации из Аризонского университета (University of Arizona) Дэм Хи Ким (Dam Hee Kim) полагает, что, хотя пропаганда фальшивых сведений представляет собой далеко не новый

феномен, уровень ущерба обществу от него в последнее время достигает значительных пределов. Так, распространение дезориентирующей информации на тему пандемии коронавируса унесло большое количество жизней. Лживые сообщения в ходе избирательных кампаний способны потрясти основы демократии [14]. Более того, подобные действия ведут к подрыву доверия граждан ко всей политической системе [15]. Неслучайно многие американцы считают сфальсифицированные новости общественным злом.

Чем яснее люди осознают себя объектами лживой пропаганды, тем циничнее они подходят к определению предпочтительных кандидатов во время голосования. Проведенные Дэм Хи Ким и ее коллегами исследования по проблеме распространения фальшивых сведений в ходе избирательных кампаний позволяют сделать три основных вывода [16].

Во-первых, социальные платформы, созданные изначально в целях объединения людей, могут способствовать процессу разъединения общества. Это обусловлено их чрезвычайной перенасыщенностью фальшивой информацией [17]. В результате потребители содержащихся в них материалов все более цинично и презрительно относятся не только к демократическим устоям, но и политическим деятелям, СМИ, а также другим пользователям.

Во-вторых, политики, средства массовой информации и электорат страдают от дезинформации. В реальности лишь немногие из них причастны к созданию дезориентирующих сведений. Основная часть подобной продукции исходит от иностранных организаций и политически маргинальных групп, которые преследуют свои финансовые или идеологические цели. Тем не менее потребители фальшивых сообщений из числа пользователей социальных платформ возлагают вину за их распространение именно на политических деятелей, СМИ и других граждан.

В-третьих, можно сделать вывод о том, что даже люди, стремящиеся к получению достоверной и полной информации, не застрахованы от дезориентирования [18]. Дело в том, что многие доверяют лживым

сообщениям и делятся ими со своим окружением. Для успешной борьбы с таким явлением необходимо изучать психологию восприятия сетевых новостей. В частности, пользователи социальных платформ, которые предпочитают самостоятельно, последовательно и осмысленно обрабатывать, структурировать и анализировать информацию, по мере освоения фальшивок становятся более циничными по отношению к политике, чем их менее опытные коллеги. Такие критически настроенные личности могут впасть в состояние фрустрации из-за необходимости отсеивать значительный объем дезориентирующих сведений. В результате демократическое общество лишится поддержки вдумчивых и заинтересованных граждан, что вызывает некоторую обеспокоенность.

По мнению Дэм Хи Ким, необходимо преодолевать указанные тенденции. В связи с этим представляют интерес предложения о целенаправленном повышении сетевой грамотности (media literacy), ориентированные прежде всего на менее искушенных в политике граждан [19]. Кроме того, важно разьяснять роль фальшивок на социальных платформах, кто и зачем их создает, а также какие слои американских граждан верят подобным сообщениям. Все это могло бы способствовать преодолению раскола в обществе.

Специалист в области государственной политики, средств массовой коммуникации и обработки информации Итан Цукерман (Ethan Zuckerman) из Массачусетского университета считает, что уже в 2022 году феномен дезориентирования станет неотъемлемой составной частью глобальной концепции пропаганды. Аналогичного мнения придерживается также Франческа Триподи (Francesca Tripodi) из Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле, которая готовит к изданию в издательстве Йельского университета (Yale University Press) свою новую книгу «Учебник для пропагандистов: как консервативные элиты используют системы поиска в собственных интересах и угрожают демократии».

С точки зрения И. Цукермана, в абсолютном большинстве случаев

дезориентирующая информация появляется далеко не случайно, она не является следствием какого-то невинного заблуждения или недоразумения. Подобная продукция создается намеренно конкретными компаниями и организациями в целях продвижения своих политических или идеологических установок. Следует осознать, что Facebook и другие социальные платформы стали ареной политических сражений между отдельными группами. Это позволит понять, что человеческие заблуждения невозможно исправить только лишь с помощью достоверных фактов. Как отмечает И. Цукерман, информационное противоборство во Всемирной сети определяется комплексом различных факторов, включая взгляды и предубеждения людей, этнические особенности граждан [20] и взаимодействие между членами общества [21].

А совокупность всех этих параметров определяет результат указанного процесса. По его оценке, на пространстве [22] Интернета лживые утверждения стали неотъемлемой составной частью политического дискурса.

В заключение можно отметить, что расширение «гибридных» форм противоборства между государствами и их коалициями привело к трансформации традиционных форм межгосударственного противоборства. Все больший вес в них приобретает использование политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов достижения политических целей. Целью когнитивных войн является дестабилизация внутривнутриполитического пространства в государстве путем дезориентирования его населения и генерирования протестного потенциала в обществе, обострения существующих противоречий. В результате это может привести к формированию угроз «цветных революций». В этой связи нуждаются в научном изучении исследовании зарубежных мозговых центров, необходимо расширение спектра потенциальных угроз с их стороны, определение возможных очагов нестабильности, которые могут быть использованы в антигосударственных целях.

Список литературы

1. Путин В.В. Выступление на заседании Совета Безопасности 22 июля 2014 г. – URL: [http:// special.kremlin.ru/events/president/transcripts/46305](http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/46305) (дата обращения 19.01.2021).
2. А.М. Ильницкий, кандидат технических наук, "Ментальная война России", <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/336904/>
3. Italie L. Dictionary.com chooses «misinformation» as word of the year 11 The Baltimore Sun. 2018. November 26. — <https://www.baltimoresun.com>.
4. Susarla A., Hee Kim D., Zuckerman E. Misinformation could be a growing challenge in 2022, experts predict // United Press International. 2021. December 28. — <https://www.upi.com>.
5. A Brief History of Fake News // CITS. 2018. — <https://www.cits.ucsb.edu>.
6. Susarla A. Facebook begins to shift from being a free and open platform into a responsible public utility // The Conversation. 2018. August 17. — <https://theconversation.com>.
7. Fung B., YurieffK., Iyengar R. Mark Zuckerberg and Jack Dorsey face Senate grilling over moderation practices II CNN Business. 2020. November 18. — <https://edition.cnn.com>.
8. Susarla A., Chakravorti B., Calo R. 3 ways Congress could hold Facebook accountable for its actions // The Conversation. 2021. November 10. — <https://theconversation.com>.
9. Bartley N., Abeliuk A., Ferrara E., Lerman K. Auditing Algorithmic Bias on Twitter // ACM Digital Library. 2021. June 22. — <https://dl.acm.org>.
10. w Elias J. YouTube to add labels to some health videos amid misinformation backlash II CNBC. 2021. July 19. — <https://www.cnbc.com>.
11. Susarla A. Biases in algorithms hurt those looking for information on health // The Conversation. 2020. July 14. — <https://theconversation.com>.

12. Douek E. 1 Billion TikTok Users Understand What Congress Doesn't // The Atlantic. 2021. October 10. — <https://www.theatlantic.com>.
13. Valencia S. Misinformation online is bad in English. But it's far worse in Spanish. // The Washington Post. 2021. October 28. — <https://www.washingtonpost.com>.
14. Mitchell A., Gottfried J., Stocking G., Walker M., Fedeli S. Many Americans Say Made-Up News Is a Critical Problem That Needs To Be Fixed // Pew Research Center. 2019. June 5. — <https://www.pewresearch.org>.
15. Blue A. Misinformation May Breed Political Cynics // University of Arizona. 2020. October 27. — <https://news.arizona.edu>.
16. Mo Jones-Jang, Dam Hee Kim, Kenski K. Perceptions of mis- or disinformation exposure predict political cynicism: Evidence from a two-wave survey during the 2018 US midterm elections // SAGE Journals. 2020. July 20. — <https://journals.sagepub.com>.
17. Digital News Report 2021 // Reuters Institute for the Study of Journalism | University of Oxford. 2021. — <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk>.
18. Shyam Sundar S. Why do we fall for fake news? // The Conversation. 2016. December 8. — <https://theconversation.com>.
19. Yeoman F., Morris K. Why media education in schools needs to be about much more than «fake news» // The Conversation. 2020. January 7. — <https://theconversation.com>.
20. Clark C., Liu B., Wlnegard B., Ditto P. Tribalism Is Human Nature // Current Directions in Psychological Science. SAGE Journals. 2019. August 20. — <https://journals.sagepub.com>.
22. Gambetta D. Signaling. The Oxford Handbook of Analytical Sociology // Oxford Handbooks Online. June 2017. — <https://www.oxfordhandbooks.com>.

Волков Артем Петрович,
соискатель Дипломатической академии МИД России,
bayr03@bk.ru

Artem P. Volkov,
Ph.D. Candidate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
bayr03@bk.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППЫ БРИКС

POLITICAL ASPECTS OF REGIONAL SECURITY IN THE ACTIVITIES OF THE BRICS GROUP

Аннотация: в статье раскрываются актуальные аспекты разработки и реализации согласованной политики стран – участниц группы БРИКС в сфере региональной безопасности с учетом обострения текущей геополитической ситуации. На примере развития политической повестки группы БРИКС и действий отдельных государств – членов организации продемонстрировано возрастающее значение вопросов безопасности. Деятельность «большой тройки» БРИКС – России, Индии и Китая – в области безопасности подчиняется идеям формирования многополярного миропорядка, а также отражению угроз со стороны коллективного Запада. Вместе с тем индивидуальный порядок действий каждого государства в отдельности, а также отсутствие общего представления о задачах координации совместных усилий препятствуют проведению согласованной политики в сфере региональной безопасности всех государств – участников БРИКС.

Abstract: the article reveals the current aspects of the development and implementation of a coordinated policy of the BRICS Group member countries in the field of regional security, taking into account the aggravation of the current geopolitical situation. The increasing importance of security issues is demonstrated by the example of the development of the political agenda of the BRICS group and the actions of individual member states of the organization. The activities of the "big three" BRICS – Russia, India and China – in the field of security are subject to the

ideas of forming a multipolar world order, as well as repelling threats from the collective West. At the same time, the individual order of actions of each state separately, as well as the lack of a common understanding of the tasks of coordinating joint efforts, hinders the implementation of a coordinated policy in the field of regional security of all BRICS member states.

Ключевые слова: региональная безопасность, многополярный мир, межгосударственная интеграция, военная политика.

Keywords: regional security, multipolar world, interstate integration, military policy.

Введение

Постановка вопроса о роли политики региональной безопасности в деятельности группы БРИКС является достаточно нетипичным ракурсом для научного исследования данной формы межгосударственной интеграции, поскольку обычно деятельность организации принято рассматривать преимущественно в политико-экономическом контексте. Усиление геополитической напряженности в мире, во многом связанное с началом проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины 24 февраля 2022 года, стало катализатором совместной деятельности государств БРИКС не только по поиску путей выхода из сложившейся кризисной ситуации, но и разработке новых контуров архитектуры региональной безопасности [7, с. 47].

Прежде всего, необходимо отметить, что возникновение и развитие международной интеграции государств БРИКС на начальных этапах не предполагало какого-либо согласования военной политики или политики в области безопасности между членами группы. Первоначально термин БРИК был создан в 2001 году как концепция для обозначения изменений, происходивших в международном порядке, в котором страны Глобального Юга (обобщенное наименование южных экономически слабых государств)

играли все более важную роль в мировом экономическом росте и развитии международной политики [11, с. 67].

Однако с ростом популярности термина правительства этих стран воспользовались возможностью использовать его в поддержку своих национальных интересов на геополитической арене. На первых порах своего развития блок БРИК привел к институционализации совместных усилий четырех стран в экономической сфере, после чего группа БРИК стала развиваться как механизм, с помощью которого его члены могли определять области сотрудничества и влиять на международно-политическую повестку дня. ЮАР присоединилась к БРИКС в 2011 году, через два года после создания данного блока [3, с. 142].

Формирующийся экономический блок (БРИКС) первоначально был полностью привержен трем наиболее стратегическим и жизненно важным сегментам мирового порядка, а именно экономическому управлению, устойчивому развитию и сотрудничеству, что является потребностью развивающихся экономик. Политические аспекты безопасности стали предметом для совместного рассмотрения в период глубокой и сложной геополитической трансформации международной ситуации, которая стала проявляться в виде финансовых и военно-политических проблем в разных регионах планеты. Особенно явно аспекты региональной безопасности проявили себя в период революционных потрясений в Северной Африке (т.н. «арабская весна»), события которых попали в фокус внимания лидеров государств группы БРИКС.

14-й саммит БРИКС, прошедший в Пекине 23 июня 2022 года, стал кульминацией в обсуждении проблем безопасности, когда лидеры государств подчеркнули значимость проведения согласованной политики в сфере глобальной безопасности [6, с. 64]. В этом контексте международная интеграция развивающихся стран особенно важна как инструмент обеспечения стабильного и сбалансированного развития государств в долгосрочной перспективе. Растущая экономическая мощь и, следовательно,

политический вес развивающихся стран формируют условия для перехода к многополярной системе международных отношений. Следовательно, обращение к анализу политических аспектов региональной безопасности в деятельности группы БРИКС актуально и современно в условиях возрастающей геополитической напряженности, требующей надлежащего научного обоснования принимаемых государствами мер в данной области.

Интеграция проблематики региональной безопасности в политическую повестку группы БРИКС

Региональная безопасность представляет собой процесс, охватывающий «государственные, национальные и социальные интересы в рамках территориальных образований и включает организацию системы жизнедеятельности регионов как международного, так и внутригосударственного уровня» [8, с. 108]. Интересы обеспечения региональной безопасности традиционно выступают как предмет согласованных усилий государств, объединенных в военно-политические блоки, однако реже попадают в фокус внимания международных экономических интеграций. Для объединений государств экономического типа вопросы безопасности обычно являются фоновым условием развития хозяйственных связей, так как выстраивание торгово-экономических отношений между странами в условиях военных конфликтов затруднительно. Этот подход позволяет проследить процесс проникновения и распространения интересов региональной безопасности в политическую повестку группы БРИКС.

Межгосударственная интеграция государств БРИКС (первоначально – БРИК) возникла в условиях разворачивающегося мирового финансового кризиса, помещая в фокус внимания лидеров данных государств прежде всего вопросы экономического характера. По мере вызревания понимания странами, входящими в группу БРИКС, роли данной организации в условиях трансформации мирового устройства в его переходе от однополярной к многополярной модели становилось очевидным, что они должны

рассматривать вопросы региональной безопасности как вектор развития совместных усилий на международной арене.

С 2014 по 2018 год институционализация БРИКС усилилась, продолжалась работа на высшем уровне с региональными партнерами. Первая прямая связь с ШОС, которая занимает промежуточное положение между военным блоком и регулярным совещанием по безопасности, состоялась в 2015 году, когда лидеры стран БРИКС обсуждали вопросы устойчивого глобального и регионального управления с лидерами ШОС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В 2016 году в Гоа лидеры БРИКС обсудили вопросы борьбы с терроризмом во всех проявлениях, финансированием терроризма, отмыванием денег, незаконным оборотом наркотиков и иной транснациональной преступностью [10, с. 120]. Это стало первым шагом на пути к интеграции вопросов безопасности в политическую повестку группы БРИКС. В это же время лидерам БРИКС также пришлось справиться с внутренним кризисом. За пять дней до саммита в Гоа Индия и Китай начали отвод войск в регионе Доклам, чтобы положить конец почти трехмесячному противостоянию.

В сентябре 2017 года в Сямыне Си Цзиньпин призвал удвоить усилия государств-членов по всестороннему углублению партнерства БРИКС и вступлению во второе «золотое десятилетие» сотрудничества БРИКС [9, с. 96]. Лидеры обсудили реформу ООН и проблемы глобальной безопасности здравоохранения. В июле 2018 года в Йоханнесбурге президент Сирил Рамафоса изложил свою стратегию по возвращению Южной Африки в нужное русло и налаживанию отношений с мировыми лидерами [14, с. 9]. Страны БРИКС поддержали центральную роль ООН в решении традиционных и новых проблем безопасности. Реформа Совета Безопасности ООН касается расширения представительства в нем стран с развивающимися экономиками, что позволило бы более справедливо и эффективно отражать политические и экономические реалии, порождаемые глобальными вызовами. КНР и Российская Федерация поддержали стремление Бразилии, Индии, ЮАР

активнее участвовать в международных вопросах, рассматриваемых Советом Безопасности ООН [15, с. 10].

Саммит БРИКС, проходивший в Бразилиа 13–14 ноября 2019 года, состоял из 114 мероприятий, охватывающих широкий круг тем, при этом коммюнике саммита содержало 49 обязательств. Перечень принятых обязательств возглавляли преступность и борьба с коррупцией, а также в нем присутствовали вопросы региональной безопасности. Таким образом, саммит затронул вопросы экономики, безопасности и экологии [5, с. 79–80].

Московский саммит БРИКС был проведен 17 ноября 2020 года в виртуальной форме после того, как в мае Россия решила отложить саммит, первоначально запланированный на июль. На это повлияли противостояние по поводу китайско-индийской линии фактического контроля в Ладакхе, которое началось в июне, и растущая напряженность в двусторонних отношениях этих стран [12, с. 156].

В 2020 году взаимодействие БРИКС, как и G20, плавно перешло в онлайн-режим: более 150 мероприятий и 30 документов были приняты почти в соответствии с планом, среди которых также была и контртеррористическая стратегия действий государства группы. Это показало, что группа стала платформой для междивизиационного диалога. В период коронавирусной пандемии страны БРИКС не предложили никаких преобразующих решений или институциональных инноваций. Аналогично G20, группа вносила предложения о постепенных изменениях организации и продолжила свое развитие, чему способствовала впечатляющая динамика ее многочисленных внутренних механизмов сотрудничества и коммуникационных сетей.

Таким образом, развитие политической повестки группы БРИКС демонстрирует постепенное вовлечение в ее состав вопросов региональной безопасности, которые представлены в первую очередь проблемами борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью. Опыт взаимодействия стран группы БРИКС дополнился конфликтным взаимодействием между Китаем и Индией в регионе Доклам, что продемонстрировало значимость

миротворческих инициатив внутри данной организации и необходимость включения вопросов безопасности в программы и стратегии современных усилий членов группы.

Подходы БРИКС к многосторонней политике в области региональной безопасности

Несмотря на появление скепсиса в отношении экономических перспектив объединения Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, данная группа продолжает привлекать значительное внимание как потенциальный актор согласованной политики уравнивания по отношению к развитому миру. Члены БРИКС позиционируют себя как страны, стремящиеся и способные поддерживать высокий уровень экономического роста без чрезмерной зависимости от развитых стран. Государства – участники БРИКС утверждают, что их совместные усилия представляют собой образцы независимой внешней политики и стратегии действий в области безопасности, основанные на их четком понимании национальных интересов и направленные на сплочение вокруг БРИКС группы развивающихся стран, предположительно находящихся в процессе выбора между союзом с Западом и суверенными дипломатическими стратегиями.

На волне серьезной конфронтации с Западом из-за Украины Россия может настаивать на повышении авторитета БРИКС как инструмента координации международной стратегии в области региональной безопасности. Поэтому важно установить, в какой степени БРИКС как многосторонний институт может быть наполнен содержанием в области политики безопасности. Внешнеполитические устремления стран БРИКС в значительной степени сосредоточены на их соответствующих соседях. В результате ключевые цели внешней политики и политики безопасности БРИКС либо специфичны для каждой страны-члена, либо – как в случае с Китаем и Индией – взаимно противоположны. Наиболее очевидный разрыв в области региональной безопасности наблюдается между Индией и Китаем. Существующие противоречия между отдельными странами, в частности

Индией и Китаем, носят как военно-политический, так и экономический характер [4, с. 444].

С другой стороны, препятствием для проведения согласованной политики в области региональной безопасности является заметная географическая распределенность участников группы БРИКС. За исключением Китая, который претендует на статус мировой державы, остальные члены организации имеют статус региональных держав, при этом у них мало контактов друг с другом в сфере безопасности.

Взаимодействие стран группы БРИКС в области региональной безопасности в современных условиях преимущественно можно проследить в контексте противодействия однополярной модели мировой гегемонии США или шире – условного коллективного Запада. Несмотря на отсутствие предпосылок к согласованной политике в области региональной безопасности, страны БРИКС находят целесообразным объединение усилий по уравниванию влияния развитых западных стран. Действительно, каждая страна БРИКС обеспокоена преобладанием Запада в определенной области – от дипломатии до способности проецировать «жесткую силу» за счет передовых военных технологий. Другими словами, если что-то и может стимулировать взаимодействие между членами БРИКС в области безопасности, так это их позиционирование по отношению к развитым в военно-технологическом плане государствам коллективного Запада.

Отношения в области безопасности между странами БРИКС в значительной степени определяются их подходом к вызовам со стороны экономических, военных, технологических и иных преимуществ США и их союзников в мировой политике. Например, Россия и Китай обычно заявляют, что они координируют политику безопасности в первую очередь для того, чтобы «продвигать многополярный мир» и «противостоять гегемонии» – термин для обозначения действий по уравниванию позиций США на международной арене [2]. Бразилия имеет опыт сопротивления стремлению Соединенных Штатов к панамериканской экономической интеграции, а Индия

последовательно отказывалась от требований США по денуклеаризации. Одним из возможных исключений из этого правила является индо-китайская диада, в которой обе стороны руководствовались в основном мотивами, специфичными для их регионального соперничества, насчитывающего по меньшей мере несколько десятилетий.

Согласованные усилия государств БРИКС в области региональной безопасности как ответные меры на действия западных стран

Политическая повестка стран группы БРИКС в области региональной безопасности является результатом ответной реакции на наличие потенциальных угроз со стороны стран коллективного Запада, прежде всего в силу наличия у последних передовых военных технологий и связанных с ними военных стратегий управления региональными конфликтами. Озабоченность со стороны государств БРИКС вызывают попытки США и союзников развернуть средства противоракетной обороны, а также достижения в области высокоточных обычных вооружений, включая те, которые потенциально могут быть развернуты в космосе.

И Китай, и Россия представляют собой страны с развивающейся экономикой. Цель их политики – построение справедливого мирового политического и экономического порядка. Обе страны – постоянные члены Совета Безопасности ООН. Как ответственные державы они осознают, что при сегодняшнем уровне технологического и военного развития мир не может позволить себе допустить конфликт глобального масштаба и что «ядерную войну нельзя выиграть или вести». Обе страны высказываются за диалог с США и другими развитыми странами для решения проблем в двусторонних и многосторонних отношениях. И Китай, и Россия решительно выступают против милитаризации космического пространства, гонки вооружений в нем и особенно превращения космического пространства в территорию военных конфликтов [16, с. 97]. Отдельные государства БРИКС, в первую очередь Индия, негативно относятся к инициативам США ужесточить режим ядерного нераспространения и значительно сократить ядерные арсеналы.

Аспекты международных стратегий управления конфликтами, отстаиваемых Западом и вызывающих обеспокоенность среди стран БРИКС, включают вооруженное вмешательство с целью прекращения насильственного конфликта (например, гражданской войны); угрозы политической изоляции, экономических санкций или силового наказания одной из сторон во внутреннем конфликте (в результате чего баланс обычно склоняется в пользу других сторон); достаточно свободное толкование мандата Совета Безопасности ООН на вмешательство в конфликты. Наконец, изменения в доктрине Запада, произошедшие за последние два десятилетия и беспокоящие государства БРИКС, включают в себя новые представления о солидарности с людьми, страдающими от злоупотреблений правительства; утверждения об универсальном характере прав человека; взаимодействие между западными правительствами, оппозиционными движениями и политическими активистами в развивающихся странах.

Итак, три области – технологическая, стратегическая и доктринальная, – в которых инновации под руководством Запада вызывают озабоченность России, Китая и в некоторой степени Индии, тесно взаимосвязаны. Опасения БРИКС связаны с потенциальным применением ультрасовременного высокоточного оружия против правительственных сил под предлогом прекращения внутренних вооруженных конфликтов или наказания правительства-мишени за массовое нарушение прав человека. Москва, Пекин и Нью-Дели склонны считать гуманитарные проблемы «дымовой завесой» для действий, направленных на достижение геополитических преимуществ, обеспечение доступа к ресурсам или установление марионеточных правительств в стратегически важных для Запада странах.

Члены «большой тройки» БРИКС попытались компенсировать преимущество Запада, предприняв асимметричные меры. Например, Россия, обеспокоенная возможными последствиями развертывания американской противоракетной обороны для жизнеспособности российских средств стратегического сдерживания, начала модернизацию своих мобильных

стратегических ядерных ракет – потенциала, наименее подверженного внезапному первому обезоруживающему удару. Китай также преуспел в выработке асимметричных ответов на технологическое превосходство США в ряде областей, имеющих для него значение.

Столь же легко найти примеры асимметричных ответов на вооруженный интервенционизм. Они включали дипломатическую поддержку и военную помощь России правительству Башара Асада в Сирии [13, с. 55], а также попытки России и Китая защитить Иран от ужесточения дополнительных санкций ООН, предложенных Соединенными Штатами и их союзниками. Инновации западной доктрины солидаризма, всеобщих прав человека и возможность военной интервенции даже в отсутствие одобрения Совета Безопасности ООН также вызвали отчетливую асимметричную реакцию. В разное время китайские, индийские и российские власти позаботились об ограничении свободы действий для транснациональных неправительственных организаций (далее – НПО), которые обычно рассматриваются в этих странах как агенты западного влияния. Данные меры призваны лишить коллективный Запад права апеллировать к ущемлению институтов гражданского общества ради введения экономических санкций или даже прямой интервенции.

Российская и китайская стратегии нейтрализации предполагаемого технологического превосходства Запада, а также нежелательных стратегических и доктринальных инноваций заключаются в наложении юридических ограничений на поведение Запада с помощью многосторонних, двусторонних конвенций или дипломатии. В свою очередь, Индия стремится узаконить свое обладание ядерным оружием вне рамок Договора о нераспространении, призывая к ликвидации ядерного оружия [1], что стало бы условием для того, чтобы Нью-Дели отказался от своего собственного ядерного арсенала. В противном случае Индия настаивает на том, чтобы ее приняли в данный договор на «недискриминационной» основе, то есть в качестве государства, обладающего ядерным оружием.

Китай и Россия уже давно сопротивляются западному интервенционизму путем многосторонней дипломатии. Обе стороны наложили вето или угрожали наложить вето на резолюции, открывающие возможности для интервенции в бывшей Югославии, Ираке и Сирии. Москва и Пекин неустанно заявляют о незаменимости мандата Совета Безопасности ООН для вмешательства в дела суверенных государств даже в ситуациях, когда вето постоянного государства – члена Совета Безопасности ООН может помешать международному сообществу немедленно прекратить вооруженный конфликт. Россия, Китай и Индия также отказались признать Косово независимым государством. В этом решении Китаем и Индией двигало главным образом нежелание создать прецедент успешной сецессии.

Россия, Китай и Индия противостояли западным доктринальным инновациям, разрабатывая и продвигая свои собственные концепции. Они утверждали, что суверенитет является одним из немногих мощных стабилизаторов в мировой политике наряду с балансом сил, то есть предотвращением «гегемонии» любого отдельного государства. Россия также активно продвигала нарратив о неизбежном участии внешних сил в любых массовых антиправительственных протестах или другой деятельности радикальной оппозиции. Россия заявляет, что у радикального массового протеста нет иного способа заручиться человеческой и материальной поддержкой, кроме как получить ее от иностранного государства, которое коварно стремится подорвать власть в стране, где проходит протест. Оба нарратива оказались надежным ответом на риторику транснационального солидаризма Запада и завоевали популярность среди ряда развивающихся стран с уязвимыми политическими режимами, обеспокоенных потенциальным вмешательством Запада.

Заключение

Систематизация ответных реакций на вызовы со стороны коллективного Запада помогает понять диапазон вариантов, доступных «большой тройке» БРИКС для многосторонней координации действий в сфере региональной

безопасности по отношению к США и их союзникам. Чтобы проследить эту эволюцию и определить, насколько три страны БРИКС склонны координировать свою политику в отношении Запада, необходимо понимать общий контекст представлений о неминуемом упадке США как экономической и дипломатической державы. Именно данные представления выступают катализатором усилий в области региональной безопасности и расширения геополитического влияния государств БРИКС как нового полюса многополярного мира. На самом Западе этот пессимизм в значительной степени ослаб с тех пор, как достиг своего пика в 2009–2010 годах. Однако многие лица, принимающие решения в России, Китае и Индии, похоже, исходят из предположения, что упадок Запада продолжится. Можно планировать противостоять действиям или игнорировать мнение США и их союзников только в том случае, если ты убежден, что материальные последствия такого разногласия со временем будут только уменьшаться, а не увеличиваться.

Озабоченность Индии вызовами для региональной безопасности, исходящими от США и их политики, носит ограниченный характер. Нью-Дели не рассматривает Вашингтон как стратегического соперника и предпочитает реагировать на региональные угрозы, развивая собственные симметричные возможности. Индия не склонна участвовать в многосторонних усилиях, направленных на ограничение технологического прогресса развитых стран, например в области противоракетной обороны.

Для китайского внешнеполитического дискурса типично растущее влияние реалистической школы мысли, которая делает акцент на переговорах великих держав и прагматизме во внешних отношениях. Для Китая многосторонность служит средством противодействия навязыванию ему чужой воли. Пекин предпочитает многосторонность для продвижения своих собственных двусторонних целей, придерживаясь стратегий асимметричного реагирования. Такой подход возник по мере того, как убежденность китайских политиков в упадке американского могущества неуклонно росла. Отвечая на

многочисленные рестрикции со стороны коллективного Запада, Россия требует признания своей собственной сферы влияния.

Можно сделать вывод, что перспективы многостороннего сотрудничества трех крупнейших членов БРИКС в области безопасности, направленного на уравнивание мощи Запада, на текущий момент времени выглядят ограниченными. Индия, похоже, не желает и не в состоянии последовательно бросать вызов развитым странам, в то время как Китай и Россия время от времени объединяются, чтобы выступить против политики США. Китай и Россия, вероятно, продолжают сотрудничать в продвижении ограничений западной гегемонии на многосторонних форумах, в первую очередь в ООН и на других международных площадках. Однако это свидетельствует об ограниченности возможностей для проведения согласованной политики в сфере региональной безопасности всех государств – участников БРИКС.

Список источников и литературы

1. Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. №14. 1970 г. Ст. 1669.
2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Москва, 16 июля 2001 г.) // Российская газета. 17 июля 2011 г. №134.
3. Агоннуде Б.В. ЮАР и БРИКС: политические и экономические аспекты сотрудничества при администрации Джейкоба Зумы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 3. С. 141-152.
4. Асадов Б.Р.О., Гавриленко В.А., Немченко С.Б. Вопросы теории международного сотрудничества в сфере безопасности в рамках БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 437-449.
5. Бадар А.И. Девятый саммит БРИКС: проблемы и вызовы // Вопросы новой экономики. 2018. № 1 (45). С. 78-82.

6. Буряков А.С. Специфика развития сотрудничества в рамках БРИКС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 2 (96). С. 64-67.
7. Денисова Д.Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2 (17). С. 40-54.
8. Жуков А.В., Кононов С.В. Формирование понятия «региональная безопасность» в истории мировой философской мысли // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 103-110.
9. Зулькарнай И.У. Саммит БРИКС (Китай) и III восточный экономический форум (Россия) // Проблемы востоковедения. 2017. № 3 (77). С. 96-97.
10. Краснов Ю.К. Саммит БРИКС в Индии: проблемы и перспективы сотрудничества // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10. С. 120-124.
11. Лагутина М.Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 1. С. 66-82.
12. Леонова О.Г., Попова Н.В. Новые приоритеты БРИКС. Навстречу 12-му саммиту БРИКС в России // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 151-163.
13. Попова Н.В. БРИКС как перспективное направление внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества арабских стран // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020. № 1. С. 53-68.
14. Савинов Р.С., Архангельская А.А. X саммит БРИКС: новая эпоха во внешней политике ЮАР? // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10 (735). С. 8-11.
15. Ступаков Н.В. Консолидирующая роль Йоханнесбургской декларации десятого саммита БРИКС 25-27 июля 2018 г. в ЮАР для обеспечения евразийской и международной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 2 (15). С. 6-15.

16. Янь Л. Китай и Россия сотрудничество в сфере безопасности // Свободная мысль. 2022. № 5 (1695). С. 91-106.
17. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. (2-е издание, с изменениями и дополнениями) Москва, 2020
18. Карпович О.Г. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности в России и странах Европы. Монография / Москва, 2003.
19. Карпович О.Г. Цветная "революция зонтиков" в Гонконге: начало "китайской весны" // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 6 (35). С. 990-996.
- 20.

Абкаиров Абхайир-Челеби Якуб оглы,
аспирант, Астраханский государственный университет,
Abhair123@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1239-6490

Abkairov Abkhayir-Chelebi Yakub ogly,
Ph.D student, Astrakhan State University,
Abhair123@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1239-6490

Ногмова Аделина Шафиковна,
кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров
высшей квалификации Дипломатической академии МИД России,
adelinamid@mail.ru
Adelina Sh. Nogmova,
Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor,
Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training
of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
adelinamid@mail.ru

**РОЛЬ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ
ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА
THE ROLE OF TRANSPORT COMMUNICATIONS
IN THE DEVELOPMENT OF THE BLACK SEA-CASPIAN REGION**

Аннотация: на сегодняшний день происходит постепенная трансформация юго-западных территорий Российской Федерации. В связи с интенсификацией торгово-экономических связей Каспийский регион переживает серьезные изменения, которая позволяет говорить о постепенном формировании нового Черноморско-Каспийского региона. Данная статья призвана отразить роль транспортных коммуникаций в становлении нового макрорегиона, а также затронуть те проблемы, которые возникают в процессе его развития. Предполагается, что именно разрешение существующих вызовов в сфере региональной логистики станет тем фундаментом, на котором и будет создан Черноморско-Каспийский регион. По этой же причине данная статья построена на использовании проблемного подхода.

Abstract: today, a gradual transformation of the southwestern territories of the Russian Federation is taking place – the Caspian region, due to the intensification of trade and economic ties, is undergoing a serious transformation, which allows us

to talk about the gradual formation of a new Black Sea-Caspian region. This article is intended to reflect the role of transport communications in the formation of a new macro-region, as well as to touch upon the problems that arise in the process of its development. It is assumed that it is the resolution of existing challenges in the field of regional logistics that will become the foundation on which the Black Sea-Caspian region will be created. For the same reason, this article is based on a problematic approach.

Ключевые слова: Черноморско-Каспийский регион, МКТ «Север – Юг», развитие Астраханской области, поворот на Восток.

Key words: Black Sea-Caspian region, МКТ "North-South", development of the Astrakhan region, "pivot to the East".

Черноморско-Каспийский регион на сегодняшний день становится одним из наиболее перспективных направлений развития как для России, так и ряда соседних государств. Территория данного региона определяется по-разному: в работах И.С. Зонна [9], В.В. Котилко [14], К. Алиева [23] акцент делается на Кавказско-Каспийском регионе, в исследовании Р.Х. Усманова, В.Г. Головина [16] затрагиваются также черноморские европейские страны и их интересы, а И.В. Андропова и Е.В. Пак [1] рассматривают как часть исследуемого региона даже Индию, которая является одним из конечных пунктов местных торговых путей.

Вместе с тем чаще всего Черноморско-Каспийский регион рассматривается с позиции геополитической проблематики. Изучение интересов вовлеченных в региональную деятельность государств составляет основу целого ряда исследовательских работ [3; 8; 12]. Однако сам Черноморско-Каспийский регион как элемент геополитической или экономико-политической действительности – явление относительно новое. В этом контексте следует обратить внимание на совместный труд А.В. Дмитриева, П.Л. Карабущенко и Р.Х. Усманова «Геополитика Каспийского региона (взгляд из России)» [7], в котором анализируются этапы

развития исследуемого макрорегиона. Вполне естественно, что его основанием является общность географии и истории, как и общность хозяйственной деятельности, но отмечается также, что данные элементы имели тенденцию к дезинтеграции и постоянной смене выстраиваемой конфигурации, что приводило к неустойчивости формирующегося образования. В качестве последнего этапа в данном исследовании выделяется формирование единого правового пространства, сформированного при этом вокруг экономических связей, существующих в регионе [7].

Это отличает Черноморско-Каспийский регион, т.к. основой его выделения становится именно формирование в его рамках единого торгово-транспортного пространства, связывающего сразу несколько регионов в нескольких плоскостях, в первую очередь географических – именно здесь сходятся Европа и Азия, Старый Свет и Ближний Восток. Во-вторых, что более важно, данный регион соединяет экономику Европы и Азии. Через Черноморско-Каспийский регион проходят две торгово-транспортные оси – МТК (международный транспортный коридор) «Запад – Восток» и более оживленный «Север – Юг», функционирующий с 2000 года [21], – которые связывают Европейский союз, Российскую Федерацию, страны Центральной Азии, Индию и Китайскую Народную Республику. По этому же маршруту проходят грузы в Беларусь, Армению, Сирию и Оман [2].

Системообразующим ядром региона остается именно транспортная система, которая может быть разделена на несколько условных направлений, основанных на доминирующем в них маршруте. По этой причине наиболее логичным представляется изучение роли транспортных коммуникаций в развитии региона именно через призму существующих торговых маршрутов, которые традиционно отсылают к Каспийскому региону – экономическому центру Черноморско-Каспийского макрорегиона. При этом предпочтение отдается проблемному подходу. Изучение стоящих перед данной территорией вызовов и позволит определить тенденции формирования Черноморско-Каспийского региона.

Главным (или центральным) направлением служит транскаспийский маршрут, включающий в себя прикаспийские порты стран СНГ – российскую Астрахань, казахстанский Актау, азербайджанский Баку, туркменский Туркменбаши, а также иранский Бендер-Энзели, в котором и принимается большая часть кораблей каспийских флотилий. Здесь транспортные суда разгружаются, а дальнейшая грузоперевозка осуществляется посредством авто- и железных дорог. Следующим пунктом назначения является иранский порт Бендер-Аббас, в котором происходит погрузка уже на корабли транспортных флотилий Индийского океана. Конечная точка данного маршрута – индийский порт Нава-Шева. Следует отметить, что Индия чаще всего становится конечной точкой всех маршрутов МТК «Север – Юг», хотя ряд товаров, поставляемых на данный субконтинент, затем обрабатывается и перепродается в третьи страны. Так, к примеру, происходит с российскими нефтепродуктами, ввозимыми в Индию [1].

Следующее направление можно условно назвать западным. Это связано с тем, что основной маршрут проходит по западному побережью Каспийского моря, из России в Азербайджан, затем в Иран. При этом основой данного направления является железнодорожная сеть, проходящая через станции Самур и Астара. Кроме того, данная часть МТК «Север – Юг» связана также и с Турцией через Грузию.

Восточное направление представляет собой железнодорожную сеть, проходящую по восточному берегу Каспийского моря и соединяющую Россию, Казахстан, Туркменистан и Иран. При этом данное направление предполагает своей конечной точкой порты Индии, в частности Нава-Шева.

Кроме того, Черноморско-Каспийский регион также характеризуется большим числом трубопроводов, проходящих из стран Центральной Азии в Россию, а оттуда на юг, в Турцию. Примечательно, что, несмотря на тот факт, что на каспийском шельфе обнаружены запасы нефти и природного газа, основная ценность региона в области энергоносителей состоит именно в наличии крупной трубопроводной сети. В данном случае будет уместнее

говорить о МКТ «Запад – Восток» или даже «Восток – Запад»: энергоносители, добытые в Казахстане и Туркмении, транспортируются на Запад с Востока по трубопроводам, которые также предполагают два основных маршрута.

Меньший из них предполагает перераспределение энергоресурсов по южному побережью Каспийского моря, а также по дну моря из Туркмении в Азербайджан, оттуда, через Грузию, в Турцию, которая выступает посредником в продаже туркменских и азербайджанских нефти и газа [22].

Северный маршрут, отличающийся большими объемами проходимого ресурса, предполагает, что углеводороды из стран Центральной Азии, в том числе и Туркмении, проходят по северному берегу Каспия, концентрируются в южных регионах Российской Федерации, откуда отправляются в Турцию по «Турецкому потоку». Функционирование данного потока во многом обуславливает формирование и становление именно Черноморско-Каспийского региона [15].

Таким образом, само существование Черноморско-Каспийского региона обусловлено существованием особой транспортной системы. Подобное перераспределение товаров из Европы и Азии позволяет сравнить данный регион с Суэцким каналом. В некотором смысле порты и железнодорожные маршруты Каспия, а также сеть трубопроводов предоставляют те же функции, что и Суэц.

В современных условиях введенных против Российской Федерации санкций и связанного с этим поворота на Восток Черноморско-Каспийский регион начинает обретать новое значение. Предполагающийся рост товарооборота со странами Средней Азии и Дальнего Востока, в особенности с Индией и Китаем, должен быть встречен адекватной программой развития территории и транспортных систем.

Естественно, что в условиях санкций транспортная нагрузка на существующие в регионе торговые узлы должна стремительно возрасти. Уже в 2022 году наблюдался рост числа перевозимых товаров. К примеру, поставки

нефти в Индию увеличились более чем в 30 раз по сравнению с годом ранее [24]. Предполагается, что нагрузка будет увеличиваться в последующие годы. Евразийский банк развития рассчитывает, что к 2030 году объемы грузоперевозок по МТК «Север – Юг» составят 14,6 млн тонн [24]. Кроме того, при благоприятных условиях это число может составить и 24,7 млн тонн [24]. На сегодняшний день данный транспортный коридор пропускает 5 млн тонн товаров ежегодно [18].

Важно также отметить, что сегодня 20% грузов транспортируется в контейнерах [18], в то время как в будущем данное число может возрасти до 50% [17] в основном за счет увеличения объема перевозимого зерна. Однако предполагается, что данный прогноз может быть изменен: МТК «Север – Юг» может стать основным маршрутом перевозки текстильных изделий, продуктов питания, металла, минеральных удобрений и иных наименований, требующих повышения потенциала контейнерных перевозок, который на сегодня составляет 198 тыс. TEU и может быть увеличен до 416 тыс. TEU [17]. При этом подобный прогноз остается «оптимистическим сценарием», то есть предполагает эффективный и своевременный ввод новых мощностей.

Решение данных проблем является крайне актуальным и требует оперативности, так как промедление в подобной ситуации ведет к возрастанию потенциальных издержек, а также к потере ожидаемой прибыли как для частных компаний, так и для государственного бюджета.

Одним из непосредственных методов решения данной проблемы является увеличение торговых флотилий Каспийского моря. Так, предполагается, что в течение следующих нескольких лет торговая флотилия Казахстана увеличится на 4 танкера [13], Азербайджана – на 3, России – на 14 [1]. Иран также продолжит расширение своей каспийской торговой флотилии, которая уже насчитывает 24 транспортных судна [11]. При этом необходимо понимать, что большую часть используемых в регионе судов составляют корабли типа «река-море», приспособленные к использованию как в условиях Каспийского моря, так и в судоходных реках, таких как Волга и Дон. Однако

большая часть подобных судов может быть названа устаревшей, следовательно, необходимо не только увеличивать размеры существующих флотилий, но и проводить постепенную замену имеющихся активов, которые требуют все больше ресурсов на эксплуатацию [5].

Кроме того, для роста товарооборота в регионе необходима и модернизация существующей портовой инфраструктуры, способной обеспечить оперативную процедуру погрузки и разгрузки транспортных конвоев.

Нельзя забывать о необходимости развития железнодорожной системы, существующей в регионе, в особенности тех участков побережья Каспийского моря, на которых активно используются паромные переправы. Большая часть из них является железнодорожными – 13, еще 6 – автомобильными [6].

В условиях, предполагающих столь комплексный процесс модернизации региона, можно согласиться с И.В. Андроновой и Е.В. Паком в том, что необходимо осуществление проекта, сопоставимого с созданием «Каспийского консорциума развития» [1], участие в котором должны принять страны побережья Каспийского моря.

Действительно, создание подобной кооперативной структуры способно решить одну из самых важных задач, перед которой стоит регион – привлечение инвестиций в развитие транспортных проектов. Во-первых, консолидируемые подобной структурой ресурсы должны использоваться для модернизации существующих активов, а также для развития инфраструктурных проектов. Во-вторых, данная структура сможет провести модернизацию портового оборудования, увеличить число задействованных специалистов, а также создать комплекс узкоспециализированных портов. Последнее в особенности важно в контексте увеличения объемов перевозимых контейнерным методом товаров, в условиях, что именно к подобному методу транспортировки существующие мощности портов остаются наименее пригодными. Рост же объемов контейнерной отгрузки угрожает ситуацией перегрузки мощностей, что влечет за собой дополнительные убытки.

Еще одним важным направлением является консолидация производственных возможностей каспийских стран, в особенности в вопросе расширения и модернизации действующих торговых флотилий. Существующие на сегодняшний день проекты по спуску на воду новых контейнеровозов и танкеров, о чем было сказано выше, недостаточны и не способны обслуживать объемы, которые, предположительно, должны стать реальностью уже в ближайшие несколько лет. Если на сегодняшний день доля контейнерных перевозок составляет 20% [18], а ее рост прогнозируется до 50% [17], при условии и общего роста перевозимых через транспортные узлы Каспия, то и увеличение торговых флотилий должно быть пропорциональным. Естественно, что решение данной проблемы каждой страной по отдельности не сможет предоставить оптимальных мощностей. Следовательно, строительство новых транспортных судов должно стать коллективной задачей для всего Черноморско-Каспийского региона.

Следует отметить важность формирования единого маршрутного оператора для всей существующей транспортной линии, в особенности это связано с процедурами пограничного контроля, а также выстраиванием эффективной погрузочной работы. Данная проблема хорошо видна на примере перевозок грузов из Северной Европы в Индию. Так, в 2021 году проводилась перевозка контейнерных грузов из Финляндии в Индию (в порт Нава-Шева). Весь маршрут, около восьми тысяч километров, был преодолен за 30 дней. При этом из данного срока 12 дней ушло на ожидание контейнеровоза [19]. Создание единого оператора и формирование выверенной логистической цепочки окажут благотворное влияние на развитие Черноморско-Каспийского региона.

Перечисленные выше меры должны способствовать гармоничному развитию транспортной системы Каспия, развитию самого региона и укреплению международных отношений в регионе. Кроме того, реализация подобных проектов окажет долгосрочное влияние на торгово-экономическую ситуацию в изучаемом макрорегионе. Вместе с тем подобные проекты имеют

стратегическое значение для России, следовательно, горизонт планирования этих проектов должен составлять десятилетия.

На взгляд автора, следует обратить внимание также на ряд проектов, осуществление которых на сегодняшний день кажется следующим логическим шагом в развитии изучаемого региона. Сегодня Черноморско-Каспийский регион как цельная структура имеет ряд серьезных проблем. Приведенная выше информация характеризует в большей степени непосредственно Каспийский регион. Если рассматривать именно российскую часть Каспия, то основной акцент должен быть сделан на Астрахани – основном транспортном узле региона. Именно здесь происходит большая часть перераспределения грузов, идущих из/в Азию, здесь сосредоточено ядро МТК «Север – Юг» и «Запад – Восток». При этом важная особенность данного участка – схождение в одной точке морского, автомобильного и железнодорожного транспорта. Необходимо отметить, что общий уровень развития мультимодальных торговых центров в России остается относительно низким, что демонстрирует одно из перспективных направлений развития региона. Это особенно актуально в свете возрастающей потребности дальнейшей интеграции транспортных сетей черноморского и каспийского побережий [10]. Данное направление развития отметил и Президент Российской Федерации В.В. Путин во время совещания по вопросам социально-экономического развития Астраханской области в Актубинске в 2019 году [20].

Недостатками подобной ситуации являются концентрация всего транспортного потока, повышение требований к мощности обслуживающей инфраструктуры в условиях ограниченности ресурсов, высокого износа оборудования и нехватки транспортных судов. В таких условиях простая модернизация морских и речных портов кажется недостаточной.

По этой причине большие надежды возлагаются на реализацию давно существующего проекта по расширению Волго-Донского канала. Новый,

второй Волго-Донской канал должен дублировать уже действующую артерию, соединяющую Каспийское и Черное моря [4].

Реализация данного проекта должна создать единую систему морских путей между морями, что позволит снизить нагрузку на портовую инфраструктуру в районе Астрахани, а также сильнее связать экономическое взаимодействие между двумя побережьями. Существующий на данный момент Волго-Донской канал, работающий 211 суток в году, способен ежегодно пропускать около 5 тыс. судов, или 16,5 млн тонн в год. В случае реализации прогнозов [4] Евразийского банка развития, даже не самым оптимистических, существующих мощностей будет также недостаточно. В таких условиях расширение судоходства между данными участками является приоритетной задачей развития региона.

Примечательно, что именно транспортная сеть, как железнодорожная, так и водная, представляет собой экономическое ядро, на основе которого и происходит формирование Черноморско-Каспийского региона. Связь между двумя акваториями создает уникальные условия для торговли между странами Европы и Азии: открытие сквозного пути из одного моря в другое позволяет обусловить выход Казахстану, Азербайджану и Туркмении в мировой океан, расширит возможности экспорта товаров и перераспределения благ. При этом сам Черноморско-Каспийский регион формируется за счет приращения к Каспийскому региону побережья Черного моря и создания единого транспортного узла.

Черноморско-Каспийский регион на сегодняшний день находится в процессе становления. Основой его формирования является транспортная система, соединяющая акватории Черного и Каспийского морей. По этой причине следует воспринимать российский Каспий как отдельный элемент большей экономико-географической целостности. Однако дальнейшее развитие региона напрямую зависит от будущей ситуации в мировой экономике и международной торговле. Стабилизация экономических отношений со странами Европы разительно повысит значимость

Черноморско-Каспийского торгового коридора, в особенности если произойдет интенсификация именно контейнерных грузоперевозок. Вместе с тем благоприятное влияние может способствовать росту экономических отношений России со странами Африки. В таком случае торговое значение черноморского побережья повысится даже при новой активизации торговли энергоносителями. Укрепление подобных экономических связей стран Центральной Азии, особенно Азербайджана, Туркмении и Казахстана, сможет повысить значимость изучаемого макрорегиона.

Таким образом, Черноморско-Каспийский регион на сегодняшний день все еще остается в состоянии становления и формирования. Данный макрорегион развивается по той же внутренней логике, что и Каспийский регион – его основой является развитие торгово-экономического взаимодействия России, Азербайджана, Ирана, Туркмении и Казахстана, а также увеличение товарооборота и организация особой логистической сети, позволяющей связать в единую цепь протяженные торговые пути из Европы в Азию, преимущественно в Индию. Разрешение существующих на текущий момент проблем пропорциональности роста пропускных мощностей данного региона и увеличения числа контейнерных грузоперевозок способствует углублению интеграции международных субъектов данного региона, а также изменяет географию экономического взаимодействия. Расширение логистических цепочек и транспортных артерий способствует развитию взаимодействия побережий Черного и Каспийского морей, превращению данной территории в единую торгово-экономическую зону.

Список литературы

1. Андропова И.В., Пак Е.В. Перспективы реализации экономического потенциала Каспийского региона на примере транспорта // Российский внешнеэкономический вестник, - № 9, - 2022, - С. 94-106.
2. Баженов Ю. Международные транспортные коридоры как фактор интеграции пространства Евразии // Русская народная линия 2012. – 15 мая. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/05/31/mezhdunarodnyye_transportnye_koridory_kak_faktor_integracii_prostranstva_evrazii (Дата обращения: 26.02.2023)
3. Ващенко А.В. Политическая экспертиза проблем региональной безопасности (черноморско-каспийский регион): этапы, институты, технологии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, - № 1 (62), - 2020, - С. 76-84.;
4. Галимов И.М., Левачев С.Н., Агафонова Е.А., Александрова Д.Д. О результатах сопоставления проектов каналов «Евразия» и «Волго-Дон 2» по основным техническим параметрам // Природообустройство, - № 2, 2021, - С. 85-91.
5. Голубчик А.М. Транспортно-экспедиторский бизнес: создание, становление, управление. – М.: Издательство «ТрансЛит». – 2011. – 317 с.
6. Грузовой флот в Каспийском регионе и его перспективы. PortNews. Режим доступа: <https://portnews.ru/comments/2816/> (Дата обращения: 26.02.2023)
7. Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х. Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России) – Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2004. – 318 с.
8. Добаев И. П., Дугин А.Г. Геополитические трансформации в Черноморско-Каспийском регионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, - № 1-2, - 2005, - С. 95-107.;
9. Зонн И.С. Новый Каспий. География, экономика, политика. – Москва: Восток-Запад, 2008. – 544 с.

10. Интегрированная транспортная система / под науч. рук. П. Чистякова. – М.: Центр стратегических разработок, 2018. – 278 с.
11. Иран наращивает торговлю с соседними прикаспийскими странами. Каспийский вестник. Режим доступа: <http://casp-geo.ru/11154-2/> (Дата обращения: 26.02.2023)
12. Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991-2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, - № 3, - 2021, - С. 498-516.
13. Казахстанский грузовой флот получил ещё один сухогруз. SPUTNIK Казахстан. Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/20161006/kazahstanskij-gruzovoj-fl-ot-poluchil-eshche-odinsuhogruz-784926.html> (Дата обращения: 26.02.2023)
14. Котилко В.В. Сценарии создания организации каспийского экономического сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 11 (104). – С. 19–33.
15. Макарова С.М. 2005. 03. 011-014. Экспортные маршруты и транспортировка каспийской нефти и газа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал, - № 3, - 2005, - С. 43-51.
16. Маркелов К.А., Усманов Р.Х., Головин В.Г. Черноморско-каспийский регион: от геополитики к геоэкономике транспортных систем // Каспийский регион: политика, экономика, культура, - № 1 (58), - 2019, - С. 74-88.
17. Международный транспортный коридор «Север-Юг»: создание транспортного каркаса Евразии. ЕАБР. Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_2021_Report_5_INSTC_rus.pdf (Дата обращения: 26.02.2023).
18. Посол Ирана: порт Санкт-Петербург должен иметь выход в Персидский залив. РЖД Партнёр. Режим доступа: <https://www.rzd->

partner.ru/wate-transport/comments/posol-irana-portsankt-peterburg-dolzhen-imet-vykhod-v-persidskiy-zaliv/ (Дата обращения: 26.02.2023)

19. «РЖД Логистика» и Nurminen Logistics завершили тестирование маршрута из Финляндии в Индию по МТК «Север-Юг». РЖД Логистика. 11.08.2021. https://rzdlog.ru/press/2679/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru

20. Совецание по вопросам социально-экономического развития Астраханской области // Официальный портал Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/regions/AST/events/60518> (Дата обращения: 06.03.2023)

21. Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг» от 12.09.2000 г. – Режим доступа: [/https://www.lawmix.ru/abrolaw/8224](https://www.lawmix.ru/abrolaw/8224) (Дата обращения: 26.02.2023)

22. Ховард Ч. Каспийская нефть и газ: экспортные маршруты и транспортировка // Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития, - № 2007, - 2007, - С. 108-138.

23. Aliyev K. Security in the Caucasus: Caspian Crossroads: Interview with US Lt. Gen. William E. Odom // Caspian Crossroads Magazine. – Winter 1999. – Vol. 4, issue 2.

24. Exclusive: India's Russian coal purchases spike despite sanctions. Reuters. Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/exclusive-indias-russian-coal-buying-spikes-traders-offer-steep-discounts-2022-06-18/> (Дата обращения: 26.02.2023)

Ивочкина Анна Сергеевна,
соискатель Дипломатической академии МИД России,
e-mail.ru petukhova@mail.ru

Anna S. Ivochkina,
Candidate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail.ru petukhova@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ И УСТОЙЧИВЫЙ
ПРАГМАТИЗМ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ВЕКТОРА
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ**

**CONCEPTUAL JUSTIFICATION AND SUSTAINABLE
PRAGMATISM OF THE CENTRAL ASIAN VECTOR
OF CHINA'S FOREIGN POLICY**

Аннотация: главная цель внешнеполитической стратегии КНР на протяжении всей ее истории оставалась неизменной – вернуть и закрепить утраченный вследствие опиумных войн статус великой державы. Однако реализация данной цели осуществляется сегодня другими средствами: на смену стратегии интеграции и ревизионизма Мао Цзэдуна пришла позиция усиления единого Китая как региональной и мировой державы.

Abstract: the main goal of the PRC's foreign policy strategy throughout its history has remained unchanged – to regain and consolidate the status of a great power lost as a result of the opium wars. However, this goal is being realized today by other means: the strategy of integration and revisionism of Mao Zedong has been replaced by the position of strengthening a unified China as a regional and world power.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, мировая держава, приграничное сотрудничество, Центральная Азия, международные отношения, «всеобъемлющая дипломатия», «мирное развитие», «гармоничный мир».

Keywords: China's foreign policy, world power, cross-border cooperation, Central Asia, international relations, "comprehensive diplomacy", "peaceful development", "harmonious peace".

Концептуальное видение внешней политики Китая на современном этапе

Сегодняшняя внешняя политика Китая в основном может быть охарактеризована тремя понятиями – «всеобъемлющая дипломатия», «мирное развитие» и «гармоничный мир» [1].

Во-первых, «всеобъемлющая дипломатия» означает, что:

1) Китай будет и впредь защищать свои национальные интересы, а не идеологические цели;

2) Китай подчеркивает всеобъемлющий характер своей внешней политики, включая развитые и развивающиеся страны и регионы, и охватывает все способы международного взаимодействия (двустороннее, многостороннее и региональное) в области экономики, политики, вооруженных сил, технологий, культуры, образования и туризма. Формулировка «всеобъемлющая дипломатия» в отличие от прежнего принципа КПК, определявшегося как «склонность к одной стороне», предназначена для того, чтобы показать степень, в которой китайские лидеры поддерживают высоко интернационалистскую и неидеологическую внешнюю политику [2].

Во-вторых, начиная с середины 1990-х годов китайское руководство утвердило «мир и развитие» в качестве основы китайской внешней политики. В последние годы «мир, развитие, сотрудничество» стали основными принципами китайской дипломатии. 6-й председатель КНР Ху Цзиньтао предложил «сотрудничество», подчеркнув, что Китай будет участвовать в многосторонних организациях. Более того, в двусторонней и многосторонней дипломатии Пекина был сделан акцент на «экономическом развитии». После 2004 года концепция развития мирных отношений характеризует внешнюю

политику Китая, отражая стремление государства избежать ошибок прошлых восходящих держав путем установления доверия других стран по отношению к средствам и направлениям поведения Китая в международной политике. Очевидно, что в процессе усиления в системе международных отношений КНР внимательна к интересам других наций, а значит, не будет использовать военное соревнование как средство достижения национального возрождения [2].

В-третьих, в 2005 году Ху Цзиньтао начал призывать к построению «гармоничного мира» как внешнего проявления внутренней политики Китая по построению «гармоничного общества». Для 6-го председателя КНР гармоничный мир – это мир, в котором государства ведут деятельность, уважая национальный суверенитет друг друга, принимают разнообразие национальных политических систем и ценностей и способствуют национальному развитию, справедливо распределяя экономические выгоды [2].

«Гармоничный мир (мировоззрение)» включает в себя два аспекта:

1) отход от традиционно реакционного и воинственного взгляда на внешнюю политику как на борьбу против некоего количества внешних сил. На XVII съезде партии Ху произнес фразу: «Китай будет стремиться к тому, чтобы сделать международный порядок более справедливым и равноправным».

2) Китайская концепция мира-гармонии подчеркивает, насколько тесно Китай связан с международным сообществом. Кроме того, он стремится к устранению разрыва между внутренними и внешними делами как к способу улучшения политической координации КНР. Другими словами, Китай может способствовать обеспечению «гармоничного мира» только в том случае, если его внутренние субъекты в равной степени осведомлены о вызовах и потенциалах внешней политики и имеют возможность содействовать политике непосредственной помощи внутреннему экономическому развитию [2].

Основными внешнеполитическими задачами Китая являются:

- содействие экономическому развитию;
- восстановление доверия;
- противодействие ограничениям;
- расширение и диверсификация доступа к природным ресурсам.

После принятия политики «реформ и открытости» Китай должен поддерживать благоприятные международные условия, способствующие внутренним экономическим реформам, развитию и модернизации. Бывший китайский лидер Дэн Сяопин поставил эти цели в качестве основных задач на протяжении всей эпохи реформ. Китайская дипломатия стремится минимизировать угрозы со стороны периферии и региональных государств, стабилизировать региональную безопасность, разрешить территориальные противоречия и ответить на транснациональные вызовы, чтобы обеспечить условия, позволяющие продолжить ориентироваться на экономическое развитие и наращивание всесторонней национальной мощи. Китай использует внешнюю политику для увеличения прибыли в экономике, инвестициях, ресурсах и технологиях и, в частности, стремится устанавливать и поддерживать двусторонние политические отношения для обеспечения безопасности экономического роста. По мере роста экономики Китая и ускорения глобализации его поведение способствует закреплению «экономической дипломатии» в качестве приоритетной для внешней политики КНР [1].

Что касается «восстановления доверия» [3], начиная с середины 1990-х годов китайские лидеры и аналитики начали обращать внимание на конкретную политику, вызывающую подозрения среди азиатских стран в отношении намерений Пекина, например суверенный спор в Южно-Китайском море и Тайваньский кризис 1995–1996 годов. На рубеже веков быстро растущая экономика Китая и наращивание им военного потенциала стали вызывать разную степень озабоченности со стороны держав Азии и международного сообщества. Чтобы не допустить роста недоверия, Пекин

заявил, что «хочет предоставлять перспективу, а не позиционировать угрозу» [1]. Другими словами, КНР не только не намеревается подрывать интересы азиатских держав в области экономики и безопасности, но могла бы сыграть важную роль в обеспечении их национальных интересов. Поэтому следующим шагом Китая стало осуществление серии политических мер, направленных на снижение уровня озабоченности у внешних субъектов по упомянутым вопросам. Так, чтобы создать имидж пользующегося доверием регионального субъекта и ответственной крупной державы, Китай активно участвовал в многосторонних экономических организациях и организациях по обеспечению безопасности в Азии и продвигал «широкую периферийную дипломатию» в своей региональной политике, что в конечном итоге привело к разработке стратегии «мирного развития».

Третья внешнеполитическая задача Китая – «противодействие ограничениям» – состоит в том, чтобы ослабить желание и способность другой страны ограничить влияние и свободу действий КНР в международных делах. Китай считает, что внешняя политика США призвана воспрепятствовать превращению Китая в великую державу или предотвратить это. Действия США в Азии, такие как подписание американо-японского Соглашения о взаимном сотрудничестве и безопасности, военные поставки на Тайвань и военное присутствие в Центральной Азии, рассматриваются Китаем как стратегия сдерживания, нацеленная на ограничение китайской власти. По китайской оценке, США никогда не отказывались от своих усилий по созданию «маленького НАТО» в Азии, чтобы сбалансировать китайскую мощь в регионе. Поэтому Китай стремится установить политические отношения, которые в совокупности создают условия, в которых США не могут использовать свою сеть дипломатии или военного сотрудничества, чтобы ограничить свободу действий КНР [12; 13].

Наконец, Китай расширяет и диверсифицирует доступ к природным ресурсам, особенно к источникам углеводородной энергии. Начиная с 1990-х годов резко возрос спрос КНР на энергоносители, что заставило Китай начать

поиски устранения этого дефицита для поддержания своей экономической устойчивости. Нужно отметить, что это поддерживает усилия Китая по развитию дипломатических отношений в русле прагматизма с богатыми ресурсами регионами уже на протяжении более чем десятилетия. Потребность Пекина в безопасном и непрерывном доступе к импортируемым ресурсам с каждым годом только растет. КНР уделяет внимание зависимости от импорта из регионов, особенно с Ближнего Востока, чья доля в импорте нефти КНР составляет около 45%. Эти опасения Китая находят свое отражение и в дипломатии. КНР ищет новые разветвленные каналы для продвижения политических отношений, которые обеспечивали бы постоянный доступ к природным и энергоресурсам. Усилия по обновлению двусторонних отношений с Зимбабве, Малайзией и Центральной Азией являются подтверждением этой стратегии.

Из вышеупомянутого можно сделать вывод, что гармоничное мировоззрение – это «новая концепция внешней политики Китая» и «новое развитие во внешнеполитическом мышлении КНР» [4]. Также китайская внешняя политика понимается как «политика добрососедства», в которой особое внимание уделяется двусторонним и многосторонним дипломатическим путям улучшения отношений с соседними государствами. Улучшение отношений с соседями не только снижает угрозу национальной безопасности в отношении Китая, но и обеспечивает мирную и стабильную международную обстановку в пользу его экономического развития. Под руководством понятия «гармоничного мировоззрения» Китай активно поддерживает хорошие отношения с соседними государствами с целью создания мирной обстановки, отвечающей общим интересам КНР и ее соседей, содействия миру и развитию в Азии.

Приграничное сотрудничество Китая

Гармоничное мировоззрение можно рассматривать как альтернативу китайскому предложению о «мирном подъеме», выдвинутому в 2002 году. Ответом на это предложение стала негативная реакция международного

сообщества, в частности соседних стран, поскольку «подъем» подразумевает увеличение объема относительной власти и потенциального давления, угрозы в отношении соседних стран. Предложение «гармоничного мира» вместо «мирного подъема» состоит в том, чтобы устранить имидж КНР как потенциального субъекта, бросающего вызов международной системе [5].

Китай приложил немалые усилия в различных областях для достижения региональной стабильности. Сущность китайской дипломатии добрососедства можно отразить в четырех пунктах:

1) мирные переговоры для разрешения пограничных конфликтов и улучшения отношений с соседними странами;

2) выстраивание партнерских и кооперативных отношений, развитие сотрудничества в двустороннем диалоге;

3) участие в многосторонних дипломатических механизмах и содействие совместному разрешению конфликтов;

4) укрепление экономического и торгового сотрудничества. Дипломатия добрососедства показывает, что «гармоничный мир» является новой китайской дипломатией и основной внешнеполитической стратегией.

На XV съезде партии в 1997 году соответствующая политика была более четко обозначена [5]. Бывший лидер КПК Цзян Цзэминь подчеркнул, что «выстраивание добрососедства – это долгосрочная позиция страны, она не изменится; что касается конфликтующих вопросов между страной и ее соседями, следует следить за поддержанием мира, стабилизацией общей ситуации и поиском решения посредством дружественных переговоров». В докладе XVI съезда партии также отмечается, что Китай «должен и впредь укреплять добрососедство и дружбу, региональное сотрудничество и обмен с соседними государствами» [6]. Это первый раз, когда лозунг «дружить и поддерживать хорошие отношения с соседом» был четко обозначен, обогатив политический смысл дипломатии добрососедства.

Пересмотр внешнеполитической стратегии КНР можно наблюдать в период с начала 1990-х годов. Относительно системы международных

отношений, претерпевающей в тот период кардинальные изменения, Китай все чаще начал заявлять о неприятии однополярного мира во главе с США. Результаты осмысления Пекином произошедших в мировой системе перемен были изложены на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в 2002 году. С теоретической точки зрения определяющим является доклад «Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой» генерального секретаря КПК Цзян Цзэминя [6]. В предыдущих заявлениях, сделанных начиная с 1982 года на XII, XIII, XIV и XV партийных съездах, «противодействие гегемонизму и поддержание международного мира» определялись в качестве основополагающих принципов и целей внешней политики Китая. На XVI съезде партии впервые за 20 лет руководство КНР заявляет, что главной целью и основополагающим принципом китайской внешней политики становится уже не «противодействие гегемонизму» или конкретному государству, а «содействие установлению мира во всем мире и взаимному развитию» [7].

Профессор, директор Центра изучения России и Центральной Азии Фуданьского университета Чжао Хуашэн [9], опираясь на свои исследования, в середине 2000-х годов обозначил следующие направления центральноазиатской стратегии КНР в качестве приоритетных: противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму (концепция борьбы против «трех зол») [8], поддержание безопасности на пограничных территориях, обеспечение региональной стабильности, содействие экономическому развитию региона, недопущение попадания региона под влияние государств или военных блоков, настроенных против Китая, обеспечение стабильного доступа к энергоресурсам в регионе [9].

Центральноазиатский вектор внешней политики Китая

Хотя дружественные отношения между Китаем и Центральной Азией уходят вглубь истории Шелкового пути, граница между ними никогда не была четко определена и согласована до распада Советского Союза. Основы

современного взаимодействия с будущими независимыми республиками региона были заложены на переговорах о границе между Китаем и Советским Союзом, проходившими с ноября 1989 года, ведь эти два государства имели довольно протяженную общую границу, большая часть которой была предметом споров. Пекин считал, что он стал жертвой «неравных договоров», подписанных в XIX веке с европейскими империями, в частности с царской Россией. В советское время Китай надеялся восстановить 1 500 000 км², из которых почти две трети, то есть 910 000 км², находились в Центральной Азии [10]. В течение многих десятилетий напряженные отношения между советской и китайской коммунистическими партиями препятствовали какому-либо урегулированию этих споров, которые, таким образом, были завещаны новым независимым государствам. В начале 1990-х годов власти Китая, все еще находящиеся под международными санкциями после насильственных действий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года, согласились сократить свои территориальные претензии до «всего лишь» 34 000 км², главным образом из-за желания обеспечить политических союзников в Центральной Азии. В рамках сближения СССР с Китаем Пекин и Москва договорились провести переговоры по урегулированию их пограничного спора в восточной части (северо-восточные провинции Китая и Дальний Восток СССР) и западной части (границы с советскими республиками Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном). Хотя прорисовка и демаркация границы заняли длительный период времени, Пекину и Москве удалось согласовать ряд мер по укреплению доверия в приграничных районах. Когда Советский Союз распался в декабре 1991 года, Пекин и Москва договорились продолжить переговоры о границе с тремя новыми независимыми республиками Центральной Азии – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном [15].

Решение пограничного вопроса между Китаем и новыми независимыми республиками Центральной Азии обеспечило хорошую основу для их будущего взаимодействия. Китай был одной из первых стран, установивших дипломатические отношения с пятью республиками Центральной Азии. В

апреле 1994 года и сентябре 1997 года Китай и Казахстан подписали два пограничных соглашения. 4 июля 1998 года они подписали третье соглашение. В результате между Китаем и Казахстаном была установлена граница протяженностью 1 700 километров. 4 июля 1996 года Китай и Кыргызстан подписали Соглашение о границе между Китайской Народной Республикой и Республикой Кыргызстан. В результате длительных переговоров в августе 1999 года лидеры стран подписали дополнительное соглашение, определяющее границу на расстоянии около 1 000 километров. Разрешение же китайско-таджикской пограничной проблемы осложнялось гражданской войной в Таджикистане. Соглашение «О таджикско-китайской государственной границе» было подписано 13 августа 1999 года, но ратифицировано Высшим собранием Таджикистана лишь в 2005 году.

Таким образом, первоначально китайские власти, которым больше не приходилось вести переговоры с сильным Советским Союзом, думали, что их экономическое и геополитическое преимущество в отношении новых государств облегчит переговоры и обеспечит им некоторое превосходство, особенно когда правительства стран Центральной Азии находились в поиске партнеров и альтернатив утраченным советским субсидиям. Переговоры же оказались сложнее, чем ожидал Пекин. Правительства государств Центральной Азии, обеспокоенные будущей гегемонией Китая после более чем столетнего российско-советского господства, не могли легко уступить. Чувство гордости от вновь обретенной независимости было еще слишком сильно, что в сочетании с антикитайскими настроениями не позволило руководству новых государств в регионе уступить территории [20]. Наконец, угроза международного терроризма помешала переговорам относительно демилитаризации границы и отодвинула идею будущего совместного наблюдения за ними. Таким образом, Пекин довольствовался передачей территорий, намного меньших, чем те, которые были указаны в его первоначальных претензиях. Но области, которые он приобрел в результате серии подписанных договоров, тем не менее имеют реальную экономическую

и стратегическую целесообразность, так как открывают доступ к рекам, недрам и высокогорным перевалам.

В целом дипломатия добрососедства стала ключевым направлением внешней политики КНР в период после окончания холодной войны. Пекин применяет свою политику «дружеских отношений» в Центральной Азии, обеспечивая периферийную стабильность посредством пропаганды добрососедства и взаимовыгодных отношений. Китай, так же как и центральноазиатские республики, участвует в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), придерживаясь принципов равенства, взаимной выгоды и общих интересов и содействуя экономическому сотрудничеству в регионе. 4-й премьер Госсовета КНР (1988–1998 гг.) Ли Пэн отметил четыре основных направления внешней политики Китая в этом Центрально-Азиатском регионе:

1) утверждение принципа «добрососедства, дружелюбия» и мирного сосуществования;

2) взаимовыгодное сотрудничество и содействие общему процветанию;

3) уважение выбора народов других государств и невмешательство в их внутреннюю политику;

4) уважение суверенитета и содействие региональной стабильности.

Выступая перед парламентом Узбекистана в 2004 году, председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что Китай готов «углублять "отношения добрососедства и дружелюбия", улучшать взаимное политическое доверие; укреплять сотрудничество в области безопасности, поддерживать региональную стабильность; обеспечивать взаимную выгоду, содействовать прагматичному сотрудничеству; расширять культурный обмен, укреплять традиционную дружбу» с Центральной Азией для дальнейшего развития двусторонних отношений [11]. На саммите ШОС в 2006 году лидер КНР выразил надежду на то, что Центральная Азия станет «регионом гармоничного мира и общего процветания».

Итак, концептуальную основу региональной политики КНР составляют принципы мирного сосуществования, концепция «гармоничного мира», «стратегических границ и жизненного пространства», а также официальные документы ШОС. В результате изучения документов и экспертных оценок, можно сделать вывод, что современной региональной политике Китая в большей степени присущ прагматизм по отношению к странам Центральной Азии, заключающийся в последовательной политике дальнейшего развития экономического сотрудничества и поддержания политической стабильности в регионе через взаимное сотрудничество.

Центральная Азия во внешней политике Китая

На сайте Carnegie Endowment 7 декабря было опубликовано детальное исследование о влиянии Китая на страны ЦА через номинально безвозмездную помощь. Автор доклада – Наргис Касенова, директор Программы по изучению Центральной Азии Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета и член совета попечителей Eurasianet.org [23].

В исследовании говорится, что Китай расширяет свое влияние в Центральной Азии, действуя через местные структуры и деятелей и приспособляясь к реалиям на местах, адаптируя и принимая на вооружение местные традиции, нормы и практики. При этом подобные адаптивные стратегии Пекина в основном ускользают от внимания лиц, отвечающих за формирование политики в странах Запада [16; 17].

Предоставление Пекином формально безвозмездной помощи – от гражданской и военной техники до строительства социально значимых объектов и организации учебы в КНР – помогает Китаю налаживать отношения в ЦА, культивируя разнообразные политические, социальные и культурные связи, в том числе на уровне правительств, лидеров и простого народа.

Китай уделяет большое внимание развитию межличностных связей. «Участие официальных лиц, военнослужащих, инженеров и других лиц из

Центральной Азии, многие из которых имеют тесные связи с правящими кругами этих стран, в организованных китайским правительством проектах и тренингах создает возможности для налаживания социальных связей и более широкого проникновения Китая в местную политику. Эта китайская стратегия перекликается с подходами центральноазиатских элит, которые придают большое значение межличностным отношениям и их развитию посредством подарков, услуг и банкетов. В этом смысле китайская и центральноазиатская политические культуры имеют заметные совпадения. Китай научился использовать эти общие черты для усиления своего влияния» [23].

Кроме того, несмотря на значительный дисбаланс сил между КНР и государствами ЦА, китайские лидеры выказывают своим центральноазиатским коллегам уважение, устраивая для этого «регулярные и тщательно срежиссированные» мероприятия. Страны Центральной Азии одаривают Китай, частично помогая ему с его политическими целями.

Китай также научился калибровать свои подарки соответственно ситуации: например, в Таджикистане, где правит несменяемый президент, Пекин применяет одни стратегии, а в Кыргызстане, где власть сменяется часто, иногда насильственными методами, Китай взял на вооружение другие методы.

В целом «сочетание материальных даров с межличностными социальными связями на уровне элит» является отличительной чертой подхода Китая к Центральной Азии.

Тайваньская исследовательская организация DoubleThink Lab 8 декабря опубликовала рейтинг стран, на которые Китай оказывает наиболее сильное влияние. В первой тройке оказались Пакистан, Камбоджа и Сингапур. Из стран Центральной Азии рейтинг возглавили Кыргызстан и Таджикистан, оказавшиеся в общем рейтинге на 8-м и 9-м местах соответственно. Затем идут Казахстан (15-е место), Узбекистан (24-е место) и Туркменистан (45-е место). По сообщению DoubleThink Lab, информация для исследования была собрана в 82 странах с марта 2021 по март 2022 года [18]. Рейтинг выстраивается не

только на основании экономического взаимодействия стран с Китаем, учитываются также связи в военной сфере, размер китайской диаспоры в стране и другие факторы.

В заключение можно отметить, что Пекин расширяет свое влияние в регионе, действуя через местные структуры и деятелей и приспособляясь к реалиям на местах, адаптируя и принимая на вооружение местные традиции, нормы и практики. Китайская помощь помогает центральноазиатским элитам улучшить свои перспективы и благосостояние, смягчить последствия недостатков их методов управления и поднять их в глазах народа. Вместе с тем жители Центральной Азии чувствуют появление новой иерархии и имеют публично выраженные опасения, что Китай заполнит и подавит их страны. Местные элиты научились извлекать выгоду из сотрудничества с Китаем и выражать благодарность, но их верность носит неустойчивый характер и определяется местной конфигурацией власти.

Список литературы и источников

1. Ming-Te Hung, Tai-Ting Liu Tony. China's Foreign Policy in Central Asia// *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları*.-2010.-Vol.5.№10.-S.92-118. URL: https://www.academia.edu/719943/Chinas_Foreign_Policy_in_Central_Asia (дата обращения: 29.01.2023).
2. Medeiros Evan. China's International Behavior. Santa Monica: RAND, 2009.-P.46-47. URL: https://www.academia.edu/3112987/China_s_International_Behavior_Activism_Opportunism_and_Diversification_by_Evan_S_Medeiros (дата обращения: 29.01.2023).
3. Jia Qingguo. Peaceful Development: China's Policy of Reassurance// *Australian Journal of International Affairs*.-2005.-Vol.59.№ 4.- P. 493-507. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10357710500367299> (дата обращения: 02.02.2023).
4. Constructing a Harmonious World: New Developments in China's

Foreign Policy Thinking. Xinhuanet. 23.08.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2006-08/23/content_4993067.htm (дата обращения: 05.02.2023).

5. Chien-Min Chao, Chih-Chia Hsu. China's Harmonious World: Theory and Significance// Prospect Quarterly.-2009.-Vol.10.№1.-P.95-99.

6. Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК. 19.11.2002.

7. Chu S. The 16th National Congress of the Chinese Communist Party and China's Foreign Policy// Leadership in a Changing China.-New York: Palgrave Political & Intern. Studies Collection, 2005.-P. 133-146. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781403980397_7 (дата обращения: 13.01.2023).

8. Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов. Фонд исторической перспективы. 02.01.2013. URL: http://www.perspektivy.info/history/rol_shankhajskoj_organizacii_sotrudnichestva_v_centralnoj_azii_sravnitelnyj_analiz_issledovatelских_diskursov_2013-11-02.htm (дата обращения: 18.11.2022).

9. Чжао Х. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества// Рабочие материалы.-2005.-№ 5.-С.50.

10. Marlene Laruelle, Sebastien Peyrouse. China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. Singapore: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/Monographs/2009_BOOK_Laruelle-Peyrouse_China-Central-Asia.pdf (дата обращения: 13.12.2022).

11. «Председатель КНР Ху Цзиньтао: "Развивать отношения дружбы и сотрудничества с Узбекистаном"». 15.06.2004. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1087244460> (дата обращения: 09.02.2023).

12. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Влияние США и внешних факторов на экономическое развитие Китая //Вопросы региональной

экономики. 2022. № 2 (51). С. 241-246.

13. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 65-72.

14. Кондаков С.А., Ногмова А.Ш. О Перспективах сотрудничества России и Китая в Центральной Азии // Ежегодник Института актуальных международных проблем. под ред. О.Г. Карповича, д-ра юрид. наук, д-ра полит. наук, проф. и М.Г. Троянского, канд. ист. наук.. Москва, 2021. С. 71-79.

15. Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Роль региональных интеграционных объединений в обеспечении стабильности и безопасности в странах Центральной Азии // Дипломатическая служба. 2018. № 3. С. 48-54.

16. Шангараев Р.Н., Лобас Е.В. Таможенные платежи в структуре федеральных доходов Российской Федерации в контексте обеспечения экономической безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 233-236.

17. Nargis Kassenova How China's Foreign Aid Fosters Social Bonds With Central Asian Ruling Elites // <https://carnegieendowment.org/2022/12/07/how-china-s-foreign-aid-fosters-social-bonds-with-central-asian-ruling-elites-pub-88579> (дата обращения:09.03.2023).

18. China Index 2022 // <https://china-index.io/> (дата обращения:09.03.2023).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Воробьев Сергей Владимирович

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России,
352147@gmail.com

Нарышкин Андрей Александрович

кандидат политических наук,
советник члена Коллегии (Министра) по торговле,
andr-naryshkin@yandex.ru

Sergey V. Vorobyov

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
352147@gmail.com

Andrey A. Naryshkin

Candidate of Political Sciences
Advisor to a member of the Board (Minister) for Trade,
andr-naryshkin@yandex.ru

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ INVESTMENT DIPLOMACY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: экономическая дипломатия любого государства ставит своей задачей не только расширение рынка сбыта отечественных производителей (экспорта товаров), но и увеличение притока инвестиций в экономику страны путем предоставления удобных инструментов для инвестиционного сотрудничества с другими странами. При анализе инвестиционного взаимодействия наибольшее значение традиционно придается привлечению прямых иностранных инвестиций в отечественную экономику, однако не менее важными являются расширение сферы влияния за рубежом и защита национальных интересов при осуществлении инвестиционной деятельности отечественными компаниями за рубежом. В данной статье проанализированы ключевые направления инвестиций в Российскую Федерацию, а также российских инвестиций в зарубежные

страны. Исходя из имеющейся информации делаются выводы о наиболее перспективных зарубежных партнерах России, ключевых инструментах, которые могут быть им интересны.

В статье также анализируется практика привлечения иностранных инвестиций в российские особые экономические зоны, а также через специальные инвестиционные контракты.

Abstract: the economic diplomacy of any state aims not only to expand the sales market of domestic producers (export of goods), but also to increase the inflow of investments into the country's economy by providing convenient tools for investment cooperation with other countries. When analyzing investment interaction, the greatest importance is traditionally given to attracting foreign direct investment in the domestic economy, but no less important are the expansion of the sphere of influence abroad and the protection of national interests in the implementation of investment activities by domestic companies abroad. This article analyzes the key areas of investment in the Russian Federation, as well as Russian investment in foreign countries. Based on the available information, conclusions are drawn about the most promising foreign partners of Russia, key tools that may be of interest to them. The article also analyzes the practice of attracting foreign investment in Russian special economic zones, as well as through special investment contracts.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, привлечение инвестиций, продвижение инвестиций, международно-правовой порядок, защита инвестиций.

Keywords: economic diplomacy, investment attraction, investment promotion, international legal order, investment protection.

Инвестиционный климат и рост интенсивности работы на европейском направлении (до 2021 г.)

В 2012 году Президент России Владимир Путин поручил Правительству России принять меры, направленные на существенное улучшение условий

осуществления предпринимательской деятельности, которые будут выражены в повышении позиции России в рейтинге Всемирного банка с 120-го места в Doing Business 2012 до 50-го – в Doing Business 2015 и 20-го – в Doing Business 2018 [1]. Решением задачи по улучшению позиций России в рейтинге занимается Агентство стратегических инициатив, которое сначала подготовило дорожные карты по развитию инвестклимата, а затем занялось контролем за их реализацией.

На рынке России как объекте привлечения зарубежных инвесторов до начала 2022 года наблюдалась инвестиционная активность западных стран, прежде всего европейских. Много было сделано руководством нашей страны для повышения привлекательности вложений в РФ. В результате Россия, занимавшая в 2011 году 124 строчку рейтинга Doing Business из 190, вышла на 28-е место в 2020 году [2]. Цель, поставленная Президентом РФ, – войти в топ-20 рейтинга – значительно приблизилась. При этом по ряду показателей Россия вошла в число стран, предоставляющих наиболее комфортные условия для бизнеса, заняв 7-е место по простоте подключения к системе электроснабжения и 12-е – по процедуре регистрации собственности [2]. В целом, основываясь на объективных критериях, международное сообщество положительно оценивало изменения в инвестиционном климате России.

Фиксация достижений в международном рейтинге стало следствием планомерной работы государственных органов по различным направлениям, включающим упрощение системы налогообложения, подключения к сетям, получения разрешения на строительство. Все это позволило совершить прорыв в международном рейтинге оценки бизнес-регулирувания Всемирного банка Doing Business.

Основные страны-инвесторы, вовлеченные в реализацию специальных инвестиционных контрактов

Пристального внимания требует вопрос о странах-партнерах, деловые круги которых готовы вкладывать инвестиции в развитие производства в России. С основой на официальную статистику Центрального Банка

Российской Федерации [3] была составлена таблица 1, отражающая топ-20 стран-инвесторов в отечественную экономику.

Таблица 1. Страны-инвесторы в экономику России

<i>№ n/n</i>	<i>Страна</i>	<i>Прямые инвестиции в Российскую Федерацию в млн долл. США с 2007 по 2021 г.</i>
1	Кипр	99 981
2	Великобритания	51 713
3	Нидерланды	51 078
4	Виргинские острова, британские	41 483
5	Багамы	35 342
6	Бермуды	33 203
7	Сингапур	30 764
8	Ирландия	30 726
9	Германия	27 241
10	Франция	20 325
11	Люксембург	12 414
12	Швейцария	12 504
13	Соединенные Штаты	10 663
14	Австрия	10 208
15	Джерси	8 024
16	Швеция	7 342
17	Гонконг	7 129
18	Гибралтар	4 874
19	Китай	4 391
20	Финляндия	3 974

Таблица 2. **Инвестиции в экономику России и российские инвестиции в зарубежные страны**

<i>№ n/n</i>	<i>Страна</i>	<i>Сумма инвестиций в Россию из-за рубежа в млн долл. США 2007–2021 гг.</i>	<i>Сумма инвестиций из России за рубеж в млн долл. США 2007–2021 гг.</i>	<i>Сальдо в млн долл. США</i>
1	Нидерланды	51 078	19456	31 622
2	Багамы	35 342	8699	26 643
3	Великобритания	51 713	27653	24 060
4	Ирландия	30 726	9772	20 954
5	Сингапур	30 764	14603	16 161
6	Бермуды	33 203	17288	15 915
7	Франция	20 325	5181	15 144
8	Германия	27 241	17649	9 592
9	Швеция	7 342	1091	6 251
10	Гонконг	7 129	940	6 189
11	Китай	4 391	451	3 940
12	Финляндия	3 974	3205	769
13	Гибралтар	4 874	5703	-829
14	Джерси	8 024	9135	-1 111
15	Люксембург	12 414	16781	-4 367
16	Соединенные Штаты	10 663	17364	-6 701
17	Австрия	10 208	18684	-8 476
18	Швейцария	12 504	27661	-15 157
19	Виргинские острова, британские	41 483	91814	-50 331
20	Кипр	99 981	244927	-144 946

Значительную часть рейтинга занимают страны с особыми условиями ведения бизнеса для зарубежных компаний (чаще именуемые офшорами) или страны, которые имеют законодательство, устанавливающее льготные условия для хранения капиталов и популярные для размещения российских активов.

Более детально рассмотреть вопрос инвестиционных вложений позволяют данные ЦБ РФ по инвестициям в Россию из-за рубежа, а также из России за рубеж с 2007 по 2021 год включительно [3]. Для наглядности в таблице 2 суммированы привлеченные 20 странами-лидерами инвестиции в Россию, представлены суммы инвестиций в эти страны из России, а также рассчитана разница в инвестициях, поступивших в Россию и ушедших за рубеж.

Принимая во внимание разницу ушедших из России за рубеж и поступивших в Россию инвестиций, можно сделать несколько интересных выводов.

Первое. Наблюдается крупный оборот инвестиционных вложений между Россией и рядом стран-офшоров. Фактически данный оборот демонстрирует готовность российского бизнеса не только выводить средства за рубеж, но и активно реинвестировать их в России. Вероятно, при формировании определенных условий в отечественной экономике все эти средства могут быть возвращены в качестве зарубежных инвестиций. Упрощение условий ведения бизнеса может стать одной из таких основ. Другими столпами должны стать надежная банковская система с выгодными инструментами для хранения и приумножения средств, общий рост числа больших (в т.ч экспортно ориентированных) проектов, вложение в реализацию которых будет представляться выгодным крупным инвесторам.

Второе. Сумма инвестиций в Россию превышает сумму российских инвестиций в ряде стран, в т.ч. в Нидерландах, Великобритании, Германии, Франции, а также в ряде небольших стран, выступающих, вероятно, удобной площадкой для реинвестирования средств. Подкрепляя данную статистику

информацией о наличии крупных инвестиционных проектов компаний из обозначенных стран в различных отраслях экономики России, можно сделать вывод о том, что в работе на подобных перспективных направлениях должен быть сделан особый упор.

Третье. В исследуемый период уже наметилась инвестиционная активность азиатских стран – это, прежде всего, упомянутый выше Сингапур, а также Гонконг и Китай. В работе на подобных перспективных направлениях может быть сделан особый упор.

В текущих реалиях глубокого политического кризиса именно на новых перспективных направлениях могут и должны быть сосредоточены усилия наших дипломатических служб с целью ознакомления потенциальных иностранных партнеров с российскими реалиями: во-первых, с имеющимися инструментами, такими как ОЭЗ и СПИК, во-вторых, с реальным положением дел в стране. Не секрет, что в зарубежной прессе Россия зачастую представлена как не самая безопасная страна, отстающая в экономическом и информационном развитии. Однако на самом деле у нас идет активная работа по внедрению новых информационных технологий, уравнивающих доступ всех к услугам и информации – это всем известные «Госуслуги», сервисы Росреестра, базы данных лицензий полезных ископаемых, ГАС «Правосудие», сервис для экспортеров «Одно окно» и многие другие. Все сервисы становятся прозрачными и обслуживаются электронными системами, исключая коррупцию. Фактически в большинстве случаев подача документов иначе как через данные сервисы невозможна.

Приоритетный характер развития «мягкой силы», к которой и отнесена экономическая дипломатия, был определен российским Президентом В.В. Путиным в ходе совещания руководства Министерства иностранных дел Российской Федерации, послов и постоянных представителей в 2012 году: «Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой мягкой силы,

безусловно, есть над чем подумать... Политика “мягкой силы” предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере».

Защита интересов отечественных инвесторов за рубежом

Защита интересов отечественных инвесторов за рубежом – неотъемлемая часть деятельности по расширению рынка сбыта отечественной продукции.

Некоторые аспекты защиты интересов российских инвесторов за рубежом были рассмотрены в трудах Н.Н. Вознесенской [4], А.А. Данельяна [7], Н.Г. Дорониной и ее соавтора [6], А.В. Козьменко [7], И.В. Мироновой [8], О.Б. Пичкова и Е.Д. Ракова [9], М.А. Цариной [10]. Однако в исследованиях указанных авторов основное внимание уделяется юридическим аспектам защиты иностранных инвестиционных вложений в РФ, отмечается создание правовой базы для их привлечения в страну.

Международные механизмы защиты иностранных инвестиций рассматривались в работах таких зарубежных исследователей, как Т. Бют и Э. Милнер [11], М. Десаи и А. Моел [12], А. Кернер [13], П. Розендорф и К. Шин [14].

Исторические аспекты формирования механизмов защиты иностранных инвестиций исследуются в работах М.А. Цариной [10] и Н.Н. Вознесенской [15]. Защита иностранных инвестиций традиционно осуществлялась способами, предусмотренными международным публичным правом. Иностранный инвестор, понесший ущерб в связи с действиями государства, на территории которого находилась его собственность, мог прибегнуть лишь к дипломатической защите со стороны своего государства. И любой возникший спор рассматривался исключительно как спор между государствами. Ситуация начала меняться с появлением на рубеже 1940–1950-х гг. соглашений о защите капиталовложений. Новый механизм, как инструмент

гарантирования интересов американских компаний в период их экономической экспансии после Второй мировой войны [16], был инициирован в 1949 году администрацией президента США Г. Трумэна, менявшего доктрину изоляционизма Монро на доктрину «сдерживания» СССР и борьбу США и их сторонников за политико-экономическую однополярность мира.

Россия в современных условиях также участвует в защите инвестиций, основным инструментом выступают соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Заключение подобных соглашений гарантирует эффективную реализацию прав физических и юридических лиц стороны соглашения на территории другого государства-подписанта, а также применение предусмотренного таким соглашением режима инвестиций вне зависимости от законодательных и иных изменений.

Такие соглашения раскрывают понятия «капиталовложения», «инвестор», определяют правовые режимы, закрепляют гарантии прав иностранных инвесторов, к которым относятся, в частности, гарантия от экспроприации, гарантии компенсации при экспроприации, беспрепятственного перевода за границу платежей в связи с капиталовложениями, разрешения споров между иностранным инвестором и принимающим инвестиции государством [10]. Соглашения о защите капиталовложений как важнейший межгосударственный механизм по защите прямых иностранных инвестиций рассматривали и некоторые зарубежные исследователи [13]. В научной литературе отмечается и альтернативная точка зрения: договоры о защите капиталовложений выгодны недемократическим странам, компенсирующим таким образом неблагоприятный инвестиционный климат внутри страны [9], а также недостаточное развитие государственных институтов [14].

Всего в 1989–2022 гг. нашей страной было заключено 82 соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, российской (советской)

стороной выполнены внутригосударственные процедуры по ратификации в отношении 70 соглашений, при этом действуют 65 соглашений [17]. Нарращивание экономического могущества страны, чему способствует расширение рынков сбыта, невозможно без локализации производств за рубежом. Такая локализация позволяет снизить себестоимость продукции, поскольку в ряде случаев производства выносятся в страны с более дешевой рабочей силой. Доставка на большие расстояния некоторых видов продукции, например строительных материалов, нерентабельна. Их выпуск должен находиться, во-первых, в непосредственной близости к потребителю, во-вторых, в непосредственной близости к минерально-сырьевой базе, выступающей основой для производства, а в идеале – и к источникам энергии.

В данных условиях защита интересов собственных инвесторов за рубежом приобретает важнейшее значение. Расширить инструментарий для защиты российских инвестиций за рубежом, одновременно обеспечив дополнительные гарантии для привлечения иностранных инвестиций в Россию, могла бы ратификация Вашингтонской конвенции между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г. Россия подписала данную конвенцию еще в 1992 году, но так и не ратифицировала ее. С подписанием Конвенции при Всемирном банке был создан Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, представляющий собой международный третейский суд – коммерческий арбитраж, разрешающий споры между государством и частными лицами, возникающие из правоотношений, связанных с инвестиционной деятельностью.

Анализ решений Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, произведенный А.А. Данельяном, показывает, что в большинстве случаев они принимаются в пользу инвесторов из стран – крупных экспортеров инвестиций, что вызывает озабоченность и недовольство стран, принимающих иностранные инвестиции [5]. Можно предположить, что такие решения обоснованы большим опытом этих стран-

инвесторов в юридическом обосновании и защите интересов своих компаний за рубежом.

Защита интересов российского бизнеса за рубежом требует, помимо правовых механизмов, эффективной работы политико-дипломатических инструментов лоббирования. В разрешении сложных вопросов, возникающих в практической работе российских компаний за рубежом, должны принимать деятельное участие не только торговые представительства России, но и дипломатические миссии, обладающие возможностью доведения проблемы до высшего политического уровня. Агрегировать такие проблемные вопросы призваны федеральные органы государственной власти, в первую очередь МИД и Минэкономразвития России. Для их решения при МИД России в 2006 году был создан Деловой совет [18], который призван вносить существенный вклад в повышение эффективности взаимодействия МИД и российского бизнеса. Деловой совет занимается развитием отношений с российским бизнесом в целях политической поддержки крупных контрактов и экономических интересов России за рубежом. Функции секретариата Совета выполняет Департамент экономического сотрудничества МИД. Деловой совет при МИД возглавляет Министр иностранных дел С.В. Лавров. В 2019 году в Сочи под его председательством состоялось в контексте подготовки к экономическому форуму и саммиту Россия – Африка (прошел в октябре 2019 года) очередное заседание Совета, посвященное развитию экономических связей России со странами Африки [19].

В повестке дня заседания Совета, состоявшегося в 2021 году, превалировала глобальная климатическая и природоохранная повестка. Данное заседание прошло под председательством Министра иностранных дел С.В. Лаврова и собрало представителей российского бизнеса в преддверии подготовки климатической конференции в Глазго [20].

Повестка дня Совета, состоявшегося 13 сентября 2022 года, была посвящена глобальному кризису, обусловившему переформатирование мирохозяйственных связей [21]. Как следствие, в числе основных

инструментов обновленной экономической дипломатии было названо формирование новых механизмов кооперации, а именно: расширение использования национальных валют, суверенных платежных систем, последовательное снижение роли доллара и евро в международной торговле, а также создание новой неподконтрольной Западу и неманипулируемой им инфраструктуры, которая включала бы международно-транспортные коридоры и производственно-сбытовые цепочки.

Учитывая обширные возможности политико-дипломатического лоббирования со стороны МИД России, Деловой совет может быть активнее задействован в решении проблем российских инвесторов за рубежом.

Другой опорой для отстаивания интересов российских инвесторов за рубежом мог бы служить институт межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Российской Федерацией и иностранными государствами, курируемый Минэкономразвития России.

Современные межправкомиссии – институт, представляющий собой площадку для диалога по различным вопросам. Россия активно участвует в работе МПК, создав их со 104 странами, а именно: 10 – со странами ближнего зарубежья, 33 – странами Европы, 28 – Азии, 17 – Африки, 15 – Северной и Южной Америки и Австралией [22].

Вопросы двусторонних отношений деловых кругов также рассматриваются в рамках деловых советов, учреждаемых на двусторонней основе деловыми объединениями России и зарубежных стран. Часто они возглавляются руководителями компаний, имеющих свои собственные бизнес-интересы. Фактически различные отечественные деловые объединения работают с одними и теми же зарубежными партнерами разрозненно, а работа по агрегированию проблемных вопросов, с которыми сталкивается отечественный бизнес, не ведется. Одно и то же зарубежное деловое объединение контактирует и с ТПП, и с РСПП, и с другими российскими контрагентами.

Рассматривая роль двусторонних межправкомиссий как институтов, призванных отстаивать интересы российских инвесторов за рубежом, можно вспомнить об инициативе по включению в состав комиссий в качестве заместителя руководителя российской части председателя какого-либо двустороннего делового совета. Такая идея прорабатывалась РСПП по инициативе его руководителя А.Н. Шохина совместно с Минэкономразвития России в 2012–2013 гг., в период руководства министерством А.Р. Белоусова. Реализация данного подхода позволила бы развернуть в практическую плоскость работу двусторонних комиссий и рабочих групп. Формирование обобщенной повестки по линии деловых кругов позволило бы продвигать интересы отечественного бизнеса на системной основе.

В таком случае ожидается консолидированное представительство деловых объединений (РСПП, ТПП, «Деловая Россия», «Опора России» и др.), которые могут учредить единый деловой совет по сотрудничеству с той или иной страной. Государство вправе ожидать такой консолидации от бизнеса и в данном случае будет отстаивать совокупные интересы российских предпринимателей.

Секретариат единого делового совета мог бы вести системную работу по сбору и анализу проблем, с которыми сталкивается российский бизнес в стране-контрагенте. В дальнейшем эти проблемы передаются руководству межправкомиссии и ставятся перед иностранными партнерами на различных уровнях. Подобным образом действует Конфедерация финской промышленности (Elinkeinoelämän Keskusliitto, ЕК), являющаяся объединением предпринимателей страны. ЕК регулярно проводит мониторинг проблем, беспокоящих финский бизнес не только внутри страны, но и при работе на конкретных рынках.

Успешный зарубежный опыт отстаивания интересов собственного бизнеса может быть применен и в России с учетом наличия надежной институциональной основы.

Формирование имиджа страны как надежного партнера в инвестиционном взаимодействии

Чрезвычайно важными ресурсами экономики являются имидж и репутация страны, что подтверждают современные исследования [23]. Так, ОАЭ удалось создать уникальный имидж безопасной страны и привлечь поток иностранных инвестиций в различные сектора экономики, обусловив невероятный рост экономики региона. Климатические условия в ОАЭ довольно суровые, однако это не стало серьезным препятствием, таким как, например, русские морозы (попросту не существующие в некоторых южных регионах страны). Необходимо работать над имиджем нашей страны за рубежом, распространяя информацию об имеющихся в России возможностях для иностранных инвесторов.

Важность налаживания информационной политики в применении к инвестиционной дипломатии подчеркивалась А.Е. Лихачевым [24] в 2006 году. В числе важнейших направлений исследователь отмечал необходимость создания интернет-портала, на котором будут представлены информация о нормативно-правовом регулировании в России, планируемых инвестпроектах, сведения о ведущих консультантах и контакты отечественных дипломатических представительств. Позднее (в 2014 году) данная идея была реализована при непосредственном участии А.Е. Лихачева: был создан «Единый портал внешнеэкономической информации». В дальнейшем идея цифровизации услуг получила еще более широкое распространение. А.Е. Лихачев отмечал также важность более активного привлечения к работе с потенциальными инвесторами зарубежных диппредставительств, говоря о важности размещения необходимой информации на их веб-сайтах [24]. Сегодня возможности интернет-площадок выросли и контактные данные необходимых ведомств стали более доступными для широкой аудитории. В ежедневной работе компаний используются не только доступные источники, но и различные агрегаторы баз данных, дающие доступ к поиску открытой, но

все же труднодоступной простому пользователю информации о потенциальных контрагентах и партнерах.

Полагаем, основные ресурсы для работы по улучшению имиджа России необходимо видеть прежде всего внутри самой страны – в своих диппредставительствах, органах государственной власти, институтах развития. В качестве инструментов могут использоваться не только выступления на публичных мероприятиях и различные переговоры. Информация должна доноситься посредством уже привычных для зарубежных партнеров источников – иностранных СМИ и блогеров. Не понаслышке представляется, что многие крупнейшие мировые СМИ готовы помогать в подготовке и распространении различных роликов, фильмов, отражающих реалии российской жизни. Безусловно, создание такого рода продукции требует немалых средств и возможно при наличии финансирования. Такими же источниками информации могут выступать популярные блоги, по аудитории своего охвата также близкие к региональным и профильным СМИ. Такие PR мероприятия при меньших затратах могут принести большой положительный эффект в дело формирования позитивного имиджа нашей страны.

Таким образом, рассматривая основные направления инвестиционной дипломатии, можно отметить следующее. Наша страна обладает широким инструментарием для привлечения зарубежных инвесторов: в их числе развитая инфраструктура, включающая доступ к необходимым сетям, открытое информационное пространство и продолжающаяся политика цифровизации и максимальной открытости многих ранее «серых» зон, выгодные условия для развития производств в особых экономических зонах, территориях опережающего развития, специальные инвестиционные контракты. Ключевым элементом для привлечения инвестиций является формирование позитивного имиджа страны за рубежом посредством привлечения зарубежных СМИ. В текущих реалиях глубокого политического кризиса именно на новых перспективных направлениях, таких как Сингапур,

Гонконг и Китай, могут и должны быть сосредоточены усилия наших дипломатических служб с целью ознакомления потенциальных иностранных партнеров с российскими реалиями. Дальнейшая работа будет распространяться на другие экономики Азии, а также на инвесторов из стран Ближнего Востока.

Инвестиционная деятельность российских компаний за рубежом также необходима для расширения рынков сбыта и экономического влияния и одновременно сопряжена с рядом очевидных трудностей и рисков. Открытие новых производств в зарубежных юрисдикциях нуждается в различного рода поддержке и содействии, которые могут быть обеспечены в рамках отладки имеющихся юридических механизмов и межгосударственных институтов.

Список литературы

1. Указ Президента РФ №596 от 7.5.2012 «О долгосрочной экономической политике» (п. «Д» раздела 1).
2. Doing Business // World bank [Official Website]. – URL: <https://archive.doingbusiness.org/en/data/exploreeconomies/russia> 1 (дата обращения: 26.02.2023).
3. Центральный Банк Российской Федерации [Офиц. сайт]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения 27.02.2023).
4. Вознесенская Н.Н. Международно-правовой механизм защиты иностранных инвестиций // Закон. 2011. № 5. С. 90–97; Вознесенская Н.Н. Правовое регулирование и защита иностранных инвестиций в России. М.: Волтерс Клувер, 2011. 312 с.; Вознесенская Н.Н. Смешанные предприятия как форма международного экономического сотрудничества. М.: Наука, 1986. 181 с.
5. Данельян А.А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... докт. юридических наук. М., 2016. 367 с.
6. Доронина Н.Г. Принципы регулирования как источник толкования нормы права (на примере двусторонних соглашений о защите капиталовложений) // Журнал российского права. 2016. № 5(233). С. 123–128; Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г. Значение двусторонних соглашений о защите капиталовложений и перспективы их совершенствования // Журнал российского права. 2017. № 9(249). С. 119–129.

7. Козьменко А.В. Вопросы юрисдикции международного центра по урегулированию инвестиционных споров // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2011. № 3. С. 169–178.
8. Миронова И.В. Международные договоры в области инвестиционных отношений с участием Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2015. № 3. С. 131–139.
9. Пичков О.Б., Раков Е.Д. Прямые иностранные инвестиции и национальные интересы государства. М.: МГИМО-Университет. 2016. 214 с.
10. Царина М.А. Правовая природа международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №4. С.106–113.
11. Bütthe T., Milner H. The Interaction of International and Domestic Institutions: Preferential Trade Agreements, Democracy, and Foreign Direct Investment. 2012. 50 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2106599
12. Desai M. A., Moel A. Czech Mate: Expropriation and Investor Protection in a Converging World // Review of Finance. 2007. №12(1). P. 221–251.
13. Kerner A. Why Should I Believe You? The Costs and Consequences of Bilateral Investment Treaties // International Studies Quarterly. 2009. № 53(1). P. 73–102.
14. Rosendorff P., Shin K. Transparency: The Political Economy of BITs and FDI Flows. New York University. 2012. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=5BAAFFE7981E1EFFB C7613B018CCEAC4?doi=10.1.1.713.1794&rep=rep1&type=pdf>
15. Вознесенская Н.Н. Международно-правовой механизм защиты иностранных инвестиций // Закон. 2011. № 5. С. 90.
16. Vandevelde K. The First Bilateral Investment Treaties: U.S. Postwar Friendship, Commerce, and Navigation Treaties. Oxford: Oxford university press, 2017. 223 p.
17. Перечень соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений // Минэкономразвития России [Официальный сайт] URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheni

ya/perechen_soglasheniy_mezhdu_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvami_inostrannyh_gosudarstv_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_kapitalovlozheniy/ (дата обращения 27.02.2023).

18. Деловой совет при Министре иностранных дел Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy/-/asset_publisher/VVbcI0If1FVU/content/id/2631736 (дата обращения: 26.02.2023).

19. О заседании Делового совета при Министре иностранных дел Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3727985 (дата обращения: 26.02.2023).

20. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на заседании Делового совета при Министре иностранных дел Российской Федерации, Москва, 28 сентября 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт] URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1777448/?ysclid=len27t9jsh402599523 (последний просмотр – 26.02.2023).

21. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на заседании Делового совета при Министре иностранных дел Российской Федерации, Москва, 13 сентября 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1829675/?ysclid=len27k87d0811698766 (последний просмотр – 26.02.2023).

22. Портал внешнеэкономической информации // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ved.gov.ru/at_mpk (последний просмотр – 19.02.2021).

23. Важенина И.С. Имидж и репутация территории // Региональная экономика: теория и практика. 2010. №23(158). С. 2–12.

24. Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. ... докт. экономических наук. М., 2006. С. 326.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

6–7 декабря 2022 года в Москве прошла IX Ежегодная международная научная конференция молодых ученых Дипломатической академии МИД России «Актуальные проблемы мировой политики».

В рамках конференции в работе 13 секций приняли участие более 160 молодых ученых, которые выступили с докладами на русском и английском языках:

- №1. Современная Европа: новые вызовы Старого Света;
- №2. Проблемы прогрессивного развития и кодификации международного права;
- №3. Североевропейские и Арктические реалии 2020-х гг.: государства и общества;
- №4. Проблемы комплексной безопасности АТР;
- №5. Будущее дипломатии: подходы и инструменты;
- №6. Энергетическая, продовольственная и антитеррористическая безопасность на Ближнем Востоке;
- №7. Цели устойчивого развития: глобальные вызовы – локальные ответы;
- №8. Международная информационная безопасность;
- №9. Ближний Восток: энергетика и региональная геополитика;
- №10. Международная экономическая система в условиях трансформации;
- №11. Global Challenges: New Perspectives;
- №12. Африка в современном мире: потенциал и проблемы развития;
- №13. Глобальная безопасность в неустойчивом мире.

Лучшие доклады рекомендованы к публикации в журнале Совета молодых ученых Дипломатической академии МИД России «Вестник ученых-международников».

Тимакова Ольга Александровна,
к.полит.н., председатель Совета молодых ученых,
доцент кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России,
заместитель главного редактора «Вестника ученых-международников»

Надеждин Александр Евгеньевич,
первый секретарь, посольство России в Германии,
кандидат политических наук,
3039210@mail.ru

Alexander E. Nadezhdin,
First secretary, Russian Embassy to Germany,
candidate of political sciences,
3039210@mail.ru

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЕРМАНИИ:
АКТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**MIGRATION PROCESSES IN GERMANY:
CURRENT FEATURES AND TRENDS**

Аннотация: в статье исследуются причины текущего обострения миграционной ситуации в Германии как фактора, способствующего дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и формирующего риски для национальной безопасности. Наряду с увеличением миграционного давления на фоне украинских событий фиксируется прирост прибывающих беженцев из кризисных регионов. Трудности с функционированием механизмов приема и адаптации прибывающих накладываются на внутренние социально-экономические проблемы, способствуя осложнению взаимоотношений правящих элит и общества.

Abstract: the article is dedicated to the causes of the current aggravation of the migration situation in Germany as a factor, which promotes destabilization of the domestic policy and builds risks for the national security. While the migration pressure amid the Ukrainian events increases, the growing number of arriving refugees from troubled regions is fixed. Troubles with the functioning of reception and adaptation mechanisms of new-comers are putting upon the internal socio-economic problems, contributing to the complication of the interaction between the ruling elites and society.

Ключевые слова: миграционные процессы, Германия, национальная безопасность, украинский кризис, социально-экономические проблемы, криминализация, принимающий социум.

Keywords: migration processes, Germany, national security, the Ukrainian crisis, social-economic problems, host society.

Германия в условиях усиления миграционного давления

Миграционная проблематика продолжает сохранять свою актуальность для стран – членов Евросоюза (далее – ЕС). Особые опасения связаны с неконтролируемыми трансграничными миграционными потоками. По данным Агентства Европейского союза по безопасности внешних границ (Фронтекс), за первые 11 месяцев 2022 года количество попыток нелегального пересечения внешних границ ЕС составило более 308 тыс., что является максимальным показателем с 2016 года. Основными странами происхождения мигрантов выступают Сирия, Афганистан, Тунис, Марокко. За первые полгода в странах Евросоюза подано 406 тыс. ходатайств на получение статуса беженца (+ 63% к аналогичному периоду 2021 года). Активность наблюдается на западнобалканском и центрально-средиземноморском маршрутах следования [9]. Неоднозначно воспринимаются периодические высказывания турецких политических деятелей о готовности провести массовую депортацию 3,7 млн сирийских беженцев, которые находятся в стране в соответствии с положениями заключенного в 2016 году Соглашения между Анкарой и Брюсселем по мигрантам [10]. На фоне призывов наиболее уязвимых перед лицом нелегальной миграции стран Евросоюза, включая Грецию, Италию, Кипр и Мальту, искать варианты снятия напряженности на внешних границах в Еврокомиссии пока ограничились принятием в конце осени 2022 года нового плана действий по противодействию нелегальным перемещениям людей. В документе декларируется заинтересованность в развитии механизмов противодействия неупорядоченной миграции, сотрудничестве с третьими

странами для пресечения исхода *мигрантов*, усилении погранконтроля, ускорении процедур рассмотрения ходатайств на предоставление убежища и проведении реадмиссии [17]. Текущее обострение миграционной ситуации актуализирует политический дискурс в сфере миграционного регулирования. Несмотря на отсутствие у Брюсселя четкой позиции и предложений по конкретным шагам, в т. ч. относительно функционирования системы «перераспределения» прибывших внутри ЕС, в экспертном сообществе высказывается мнение о наличии реальных предпосылок для повторения событий семилетней давности и правомерности использования понятия нового миграционного кризиса для обозначения текущих процессов. Суждения признанных общественно-политических деятелей, таких как премьер-министр Италии Дж. Мелони и ее испанский коллега П. Санчес, лидер Европейской народной партии в Европарламенте М. Вебер, экс-еврокомиссар по энергетике Г. Отингер, свидетельствуют о глубине дискуссии по данной тематике [19]. Алармистскую тональность обсуждению сложившейся ситуации придают высказывания представителей региональных и муниципальных администраций, в чью компетенцию входят непосредственно прием и адаптация прибывающих [20].

По аналогии с европейским кризисом 2015–2016 гг. основную миграционную нагрузку вновь испытывает Германия, что объясняется комплексом факторов, в первую очередь высоким уровнем жизни, развитой системой социальных гарантий, возможностью получить качественную медицинскую помощь или образование. Значимыми аспектами являются сохраняющийся в современном немецком обществе «комплекс вины» за преступления Третьего рейха в годы Второй мировой войны и сформировавшиеся национальные диаспоры, плотные связи которых со странами исхода облегчают начальный этап миграции, провоцируя ее дальнейшее развитие. Нельзя не отметить проводимую правительством ФРГ политику «открытых дверей», которая включает в себя привлечение иностранцев для решения проблем, связанных со старением населения и

усиливающимся дефицитом трудовых ресурсов, а также «гуманитарный» сегмент в плане приема беженцев из кризисных регионов, прежде всего стран Ближнего Востока и Северной Африки (далее – БВСА). Экономических мигрантов наряду с высоким уровнем оплаты труда привлекают стимулирование на государственном уровне индивидуальной предпринимательской деятельности в сегменте малого и среднего бизнеса, внедрение новых производственных технологий. Результаты подобной политики подтверждаются изменениями этнической структуры социума и количественным увеличением выходцев из семей с миграционным фоном³. По данным Федерального статистического ведомства (аналога Федеральной службы государственной статистики), 26% жителей современной Германии (21,2 млн чел.) можно отнести к данной категории. Большинство из них проживают в Берлине и крупных городских агломерациях на западе страны.

В рамках ЕС ФРГ продолжает оставаться основным центром притяжения иностранцев, заинтересованных в получении убежища. За 11 месяцев 2022 года в Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев Германии было подано 214 253 ходатайства (+ 43% к аналогичному периоду прошлого года). Основными странами происхождения стали Сирия, Афганистан, Турция, Ирак, Грузия и Иран. Большинство обращений поступило в профильные инстанции Северного Рейна-Вестфалии, Баварии, Баден-Вюртемберга, Нижней Саксонии. В гендерном отношении 67% беженцев являются мужчинами и 33% – женщинами; 73% из них – в возрасте до 30 лет [15]. На втором месте по количеству ходатайств на получение статуса беженца находится Франция (115 820), на третьем – Испания (111 220), на четвертом – Австрия (106 554). Германия удерживает лидирующие позиции в сегменте легальной трудовой миграции для представителей других стран,

3 Гражданин/выходец из семьи с миграционным фоном (нем. «mit Migrationshintergrund») – гражданин, который прибыл на территорию Германии после 1949 года, родился в семье иностранных граждан или немцем в семье, в которой один из родителей прибыл в страну из-за рубежа после 1949 года или сам родился в семье прибывших иностранцев. Появление понятия связано с внесением поправок 2005 г. в закон «О проведении репрезентативной статистике населения и показателей занятости» от 7 декабря 2016 г. (Gesetz zur Durchfuehrung einer Repraesentativstatistik ueber die Bevoelkerung und den Arbeitsmarkt sowie die Wohnsituation der Haushalte).

входящих в ЕС (в стране проживают почти 5 млн выходцев из других стран ЕС). Данные показатели подтверждают актуальность тенденций, отмеченных в 2016 году видным отечественным германистом, ведущим научным сотрудником Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН В.И. Васильевым, сохраняющейся после Второй мировой войны значительной привлекательности Германии для внешних миграционных потоков [1].

Украинский кризис и внутривнутриполитические процессы в Германии

В 2022 году наряду с беженцами из кризисных регионов БВСА Германия впервые в своей истории столкнулась с массовой миграцией граждан Украины. На официальном уровне параллелей с событиями европейского миграционного кризиса 2015–2016 гг. не проводилось. Действующее политическое руководство от высказываний, подобных известным словам бывшего федерального канцлера А. Меркель о приеме беженцев в рамках «гуманитарного императива» и «культуры приветствия», воздерживается, ограничиваясь общими призывами к консолидации усилий государственных структур и гражданского общества [21]. По данным Федерального статистического ведомства, в стране зарегистрировано более 1 млн украинских граждан, из которых 350 тыс. являются несовершеннолетними [9]. Подсчет реально находящихся беженцев представляется затруднительным ввиду того, что многие приезжали неупорядоченно (впоследствии возвращались обратно на родину) без прохождения процедуры обязательной регистрации. Согласно основным выводам исследования, проведенного в конце 2022 года Федеральным ведомством по делам миграции и беженцев, 60% украинцев объяснили выбор Германии в качестве страны для переезда наличием родственников или знакомых. 17% прибывших трудоустроены в соответствии с профессиональной квалификацией, 50% посещают интеграционные курсы, 72% имеют высшее образование, 75% проживают в квартире или доме, 25% хотели бы остаться в стране на длительный период. Три четверти чувствуют

себя в целом «принятыми» в немецком обществе, подтверждая необходимость получения государственной поддержки при изучении немецкого языка, поиска работы и подбора жилья [23].

На практике процесс приема украинцев сопряжен с трудностями – от первичной регистрации и размещения до оказания медицинской помощи, предоставления различных льгот и пособий. Ввиду наличия в миграционном потоке женщин в сопровождении несовершеннолетних (48%) значительные проблемы имеются с организацией учебного процесса, включая обеспечение беспрепятственного доступа, систематическое посещение дошкольных учреждений и школы, а также предоставление необходимых дидактических материалов. Данный вопрос особенно актуален для Баварии, Северного Рейна-Вестфалии и Баден-Вюртемберга, в которых находится максимальное количество детей школьного возраста. В тестовом режиме применяется практика преподавания отдельных дисциплин на украинском и немецком языках для поэтапного погружения в новую языковую среду в формате т.н. классов приветствия. Данная модель является одним из элементов интеграции и широко используется при обучении прибывших ранее детей из кризисных регионов БВСА. Применительно к текущей ситуации она подразумевает наем на работу значительного числа учителей, которые владели бы на необходимом для преподавания уровне украинским и немецким языками. Большинство прибывших учителей-украинок подобным критериям не соответствует. В непростой ситуации находятся и несовершеннолетние, которые также не могут полноценно участвовать в учебном процессе в обычных классах немецких школ [12].

Циркулирующие в СМИ сообщения относительно трудностей с функционированием механизмов приема и адаптации способствуют усилению негативного фона в обществе, которое и так встревожено растущей геополитической напряженностью и не удовлетворено официальными разъяснениями причин удорожания энергоресурсов, инфляции и повышения стоимости товаров и услуг. Особенно болезненно немцы реагируют на

информацию, свидетельствующую о значительных злоупотреблениях иностранцев при получении помощи в ущерб интересам коренного населения. В частности, как следует из репортажа телеканала MDR, в федеральной земле Тюрингия «украинские беженцы на внедорожниках приезжают в места раздачи бесплатных продуктов питания и требуют красную икру» [16]. По схожему сценарию разворачивались события и семь лет назад, когда первичная эйфория и желание немцев безвозмездно помогать выходцам из кризисных регионов, спасающимся от войны, лишений и бедности, на фоне происходивших трансформаций в обществе и резонансных репортажей СМИ постепенно сменились разочарованием.

На данном этапе большинство предпочитают публично не критиковать политический курс Берлина по оказанию Киеву всеобъемлющей поддержки и систематическим обвинениям нашей страны в ведении полномасштабной гибридной войны, инструментализации миграционных процессов в качестве элемента принуждения и внешнего давления, опасаясь автоматически пополнить ряды маргиналов и т.н. друзей России. Как представляется, усиление социально-экономических проблем в комплексе с последствиями пандемии коронавируса в краткосрочной перспективе может привести к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и открытому проявлению недовольства, в т.ч. спровоцировать агрессивные действия в отношении представителей власти и органов охраны правопорядка. Протестный потенциал прежде всего сосредоточен в населенных пунктах со значительной концентрацией представителей рабочих специальностей, малого и среднего бизнеса (в особенности Северный Рейн-Вестфалия, Баден-Вюртемберг и Нижняя Саксония).

Стихийная активность «недовольных» на данном этапе аккумулируется преимущественно на востоке страны – на территории бывшей ГДР (Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия). На массовых мероприятиях звучат призывы к проведению федеральным правительством независимого от Вашингтона внешнеполитического курса, восстановлению добрососедских отношений с

Россией, отказу от вредящих немецкой экономике санкций, урегулированию украинского кризиса в рамках переговорного процесса. Показательным стал митинг в ноябре 2022 года перед зданием Генерального консульства США в Лейпциге, который прошел под антиамериканскими лозунгами [2]. Отсутствие консенсуса в обществе находит отражение в росте популярности правых популистов из партии «Альтернатива для Германии» (декабрь 2022 года – 15%), традиционно объединяющей протестный электорат. Фиксируется снижение популярности Социал-демократической партии Германии – старшего партнера по правящей коалиции – до 18% (январь 2022 года – 24%) [22]. Острые дебаты между оппозицией и парламентским большинством свидетельствуют о разногласиях относительно приоритетов миграционной политики и устранения факторов (в частности, отсутствие эффективного контроля прибывающих на государственных границах ФРГ, выплата социальных пособий, проблемы с выполнением процедуры реадмиссии, недостаточное взаимодействие со странами исхода), которые стимулируют потоки беженцев. Высказываются сомнения относительно возможности решить проблемы дефицита трудовых ресурсов путем массового привлечения мигрантов ввиду отсутствия у них соответствующей профессиональной квалификации и низких шансов на интеграцию в рынок труда. Подтверждением противоречий стали итоги голосования по законодательному акту (371 депутат поддержал инициативу, 226 выступили против, 57 воздержались), в соответствии с которым подлежащим депортации иностранцам с установленной идентичностью, находящимся в стране не менее 5 лет и достаточным уровнем владения немецким языком, предоставляется возможность пройти процедуру оформления документов на длительное пребывание [7]. Данное нововведение может привести к тому, что в Германию устремятся те, кто уже получил статус беженца в других странах Евросоюза (т.н. вторичная миграция). В отношении принимаемых правительством ФРГ решений на миграционном треке скептически высказываются некоторые руководители на местах [13], призывая приостановить прием беженцев в связи

с нехваткой мест первичного размещения и рисками нарастания социальной напряженности (в частности, подобной позиции придерживались в администрациях Бремена, Гамбурга, Геры, Ризы, Тюбингена).

Дополнительным фактором, который может деструктивно сказаться на внутрисполитической ситуации, являются имеющиеся различия в параметрах поддержки, оказываемой прибывшим беженцам. В частности, в сравнении с выходцами из кризисных регионов БВСА все въехавшие в страну граждане Украины, в соответствии с согласованными на уровне ЕС коллективными мерами, оперативно получили широкий перечень специальных гарантий, включая отсутствие необходимости ходатайствовать об убежище, право на непрерывное пребывание сроком до 365 дней с возможностью продления, получение квалифицированной медицинской помощи и образования. Заниматься трудовой деятельностью, в соответствии с полученной ранее квалификацией, стало возможным в результате введения упрощенной процедуры признания документов о высшем образовании, полученных на Украине. Что касается финансовой поддержки, то с 1 июня 2022 года украинцы независимо от правового статуса получают государственную социальную помощь «Харц 4» в полном объеме (449 евро). В отношении выходцев из других государств продолжает действовать четкая градация, согласно которой максимальные выплаты могут быть предоставлены только лицам, имеющим юридический статус беженцев.

Миграционные потоки и вопросы обеспечения безопасности

Количественный рост беженцев – выходцев из другой культурной и религиозной идентичности – способствует усилению в немецком социуме опасений в отношении уровня готовности профильных инстанций обеспечивать внутреннюю безопасность и эффективности имеющихся у государства интеграционных механизмов. Еще не забыты события прошлого миграционного кризиса, который у среднестатистических немцев ассоциируется с новогодней ночью в Кельне и терактом на рождественском

рынке Берлина в 2016 году, массовыми столкновениями молодежи из числа мигрантов с полицией в период действовавших жестких ограничений в разгар пандемии COVID-19, резонансными убийствами в Бонне, Вюрцбурге или Мюнхене, совершенными иностранцами, прибывшими в поисках убежища. В ходе праздничных мероприятий по случаю наступления 2023 года в крупных немецких городах произошли стычки полиции с молодыми людьми, которые являются выходцами из семей с миграционным фоном. В результате массовых беспорядков в Берлине было арестовано более 100 человек. Наряду с ростом уличной преступности страна столкнулась с проявлением случаев «диаспорального» [3] и религиозно-мотивированного терроризма, усилением позиций этнических преступных сообществ, развитием рынка нелегальной трудовой деятельности. Неупорядоченная миграция стимулирует процессы формирования анклавов (зачастую речь уже идет о становлении районов, не рекомендованных к посещению – т.н. No-go area), укрепления «параллельных обществ» с собственной системой правовых установок и моделей поведения. Деструктивное воздействие данных явлений на социум исследуется немецкими специалистами в области миграционных процессов, в первую очередь К. Баде, Х. Паутцем, Ш. Ротером и Ф. Хекманом [8], которые обращают внимание на наличие подобных структур преимущественно у выходцев из мусульманского мира. Основными причинами называют патриархальную модель семьи, неприятие отдельных ценностей новой родины (взаимоотношения полов, ЛГБТ, либерализм), расовые и религиозные предубеждения в принимающем обществе. Аналитики обращают внимание на деятельность СМИ, формирующих в погоне за сенсацией зачастую неверный облик представителей других этносов и ставящих «знак равенства» между различными понятиями (например, исламисты и мусульмане или классификация всех живущих в ФРГ русскоговорящих исключительно в качестве русских и граждан России). Данный вопрос находится в фокусе исследований немецкого ученого Р. Гайслера, который усматривает тенденцию на чаще отрицательное изображение миграции в медийном

пространстве, в котором тиражируются популистские тезисы о ее конфликтном потенциале, угрозах для безопасности и дополнительной финансовой нагрузке на общество [14].

В условиях нарастания внешнего миграционного давления обостряется вопрос с выходом на критические показатели загрузки мест компактного размещения беженцев, в которых при неустроенном быте фиксируются случаи краж и массовых драк. Наблюдается нехватка специалистов для первичного контроля и идентификации прибывающих в целях недопущения проникновения в страну под видом беженцев как потенциальных правонарушителей и террористов, так и блокирования механизмов «вторичной миграции». Подобная схема использовалась боевиками ИГИЛ (организация, запрещенная в Российской Федерации), которые в 2015–2016 гг. пытались въехать в Германию под видом спасающихся от гражданской войны сирийцев.

Применительно к украинскому треку в полицейской службе Европейского союза фиксируют попытки незаконного импорта оружия и боеприпасов с территории Украины в страны ЕС [11]. Немецкие правоохранители основными вызовами, связанными с массовой миграцией украинцев, называют торговлю людьми и вовлечение молодых женщин в проституцию. Подобные случаи наблюдались на железнодорожных вокзалах крупных городов на востоке страны, которые стали основными центрами первичного размещения беженцев. Криминальная активность прибывших, которая была классифицирована полицией в качестве «политически мотивированных правонарушений», носила масштабный характер весной 2022 года (за период с 24 февраля по 31 марта количество зарегистрированных различных правонарушений – более трехсот) [6]. Основные деликты – вербальные оскорбления, порча имущества, демонстрация запрещенных символов, физическая агрессия в отношении русскоговорящих, постоянно проживающих в Германии. Резонанс и осуждение даже со стороны некоторых представителей немецкой общественности получила попытка поджога немецко-русской школы им. Ломоносова и нападение на представительство

РИА «Новости» в Берлине. По оценкам специалистов, украинский кризис привел к усилению рисков для сферы информационно-коммуникационных технологий, которые включают в себя распространение неустановленными лицами фейковой информации в Интернете, мессенджерах или социальных сетях для манипуляций общественным мнением и искусственного нагнетания паники, а также хищение чувствительных данных или денежных средств под видом проведения различных гуманитарных акций.

Заключение

Таким образом, миграционная проблематика не теряет своей актуальности и сохраняет воздействие на политику Евросоюза. В условиях поэтапной отмены антиковидных ограничений, которые предусматривали значительное ограничение трансграничных перемещений людей, и обострения геополитической обстановки, в первую очередь на европейском континенте, 2022 год ознаменовался значительным увеличением масштабов и переформатированием качественно-количественной структуры миграционных потоков. Основные риски связаны с неупорядоченными пространственными перемещениями, которые способствуют формированию новых вызовов как для международной, так и национальной безопасности стран-реципиентов.

Германия не утратила миграционную «привлекательность» и продолжает находиться в эпицентре данных процессов, которые характеризуются высокой интенсивностью и неоднородностью. На данном этапе можно говорить о столкновении двух потоков: «старого» – из известных кризисных регионов БВСА и «нового» – с территории Украины, что требует уточнения регулятивных механизмов для минимизации рисков негативного воздействия миграции на внутривнутриполитическую повестку дня государства, которая и так сталкивается с комплексом трудностей (рост социальной напряженности на фоне энергокризиса, инфляция, последствия пандемии коронавируса и т.д.). Усиление дисбаланса в предоставляемых выходцам из

разных стран социальных гарантиях и сегрегация беженцев по национальному признаку или государственной принадлежности в угоду актуальной политической конъюнктуре могут спровоцировать открытое проявление недовольства со стороны тех, кто длительное время находится в стране, имеет трудности с определением правового статуса и, соответственно, с получением финансовой поддержки.

В 2022 году Германия столкнулась с серьезными изменениями качества миграционных потоков. В острую фазу прошлого миграционного кризиса в страну стремились попасть одинокие молодые люди из стран БВСА с невысокой профессиональной квалификацией, низким уровнем владения иностранными языками, заинтересованные в проживании в больших городах, в которых имеются возможности для трудоустройства. В 2022 году подавляющее большинство прибывших – одинокие гражданки Украины, многие из которых имеют высшее образование и опыт квалифицированной трудовой деятельности в стране исхода, в сопровождении несовершеннолетних. Таким образом, при выработке оптимальных моделей приема и интеграции необходимо принимать во внимание данные характеристики мигрантов. Что касается представителей БВСА, то в Германию вновь стремятся молодые одинокие люди – носители иной культурной и религиозной идентичности, полноценное встраивание которых в принимающий социум с учетом имеющегося опыта является непростым процессом. Верификация механизмов контроля за прибывающими (дактилоскопия, взаимодействие со странами – потенциальными миграционными донорами по линии немецких дипломатических представительств, пересмотр критериев оказания социальной помощи для вновь прибывших иностранцев и т.д.) позволит минимизировать риски повторения событий семилетней давности. Сохранение практики приема «всех без разбора» с последующими попытками принудительной депортации «нежелательных» элементов будет приводить к усилению вызовов для национальной безопасности, включая дальнейшую криминализацию общества

и рост радикальных течений. В подобной ситуации вероятным сценарием представляется усиление антимигрантских и правозэкстремистских настроений у коренного населения, что находит подтверждение в результатах проводимых германскими учеными исследований актуальных общественно-политических процессов. В частности, из представленного университетом Лейпцига исследования следует, что на востоке Германии в 2022 году количество немцев, негативно настроенных к мигрантам, в особенности в отношении мусульман, достигло 31% (2020 год – 28%) [18]. Созданное в 2014 году движение «Пегида», которое воспринималось правящими элитами как временное маргинальное экстремистское течение, не прекратило свое существование, продолжает генерировать «недовольных» миграционной политикой Берлина и проводить общественные мероприятия.

В экспертном сообществе особую опасность усматривают в радикализации сотрудников правоохранительных органов или кадровых военных, которые придерживаются традиций вермахта, поддерживают воззрения современных националистических группировок. В данном контексте интерес представляет позиция немецкого политолога Ф. Хартлеба, объясняющего данный феномен рядом причин, включая общественно-политические изменения в Германии вследствие миграционного кризиса 2015–2016 гг., трудности при исполнении полицейскими служебных обязанностей, рост этнической преступности, повышение активности правозэкстремистского движения т.н. рейхсбюргеров, которые позиционируют себя гражданами Германской империи, не признают легитимность существования ФРГ и выступают за ликвидацию действующей политической системы [5].

Как показывает анализ миграционной политики, в Берлине заинтересованы сохранить открытость своих границ и обеспечить возможность въезда иностранных граждан с разными целями – от обучения и осуществления трудовой деятельности до приема беженцев из кризисных регионов независимо от культурной и религиозной идентичности. Миграция, наряду с гуманитарным аспектом, который подразумевает поддержку

нуждающихся в защите иностранцев из кризисных регионов, призвана решать демографические задачи в условиях старения населения, стимулировать рынок труда и поддерживать функционирование национальной экономики. При этом провозглашенную в 2015 году политику «открытых дверей» крайне неохотно перенимают другие европейские страны. Призывы немцев к партнерам по Евросоюзу к солидарности и совместным поискам распределения ответственности не находят поддержки у ряда государств. Традиционно настороженно на них реагируют представители восточноевропейских стран, которые в обход принципа «равного распределения бремени» пытаются перекладывать весь спектр миграционных задач на страны первого въезда беженцев, включая вопросы квотирования и депортации. Справедливы на этот счет замечания Т.В. Зверевой, которая указывает на сохраняющиеся трудности при выработке общих подходов в Евросоюзе на треке регулирования миграции. Эксперт усматривает тенденцию на формирование контуров субрегиональных объединений в рамках ЕС, которые в перспективе могут стать дополнительным вызовом «единству его рядов» [4].

Список источников и литературы

1. *Васильев В.И.* Миграция как благо и обуза для Германии [Текст] / В.И. Васильев // *Международная жизнь*. – 2016. – № 3. – С. 57 – 70.
2. В Лейпциге прошли антиамериканские демонстрации // Сайт информационного агентства РИА [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<https://ria.ru/20221127/protesty-1834582837.html> (дата обращения: 25.11.2022).
3. Доклад Зигмунда Баумана от 8.04.2015 г. на тему «диаспорального» терроризма. [Видео] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=SOT7ZbRCJWs> (дата обращения: 20.11.2022).

4. *Зверева Т.В.* Миграционная политика ЕС на современном этапе // Дипломатическая служба. – 2019. - №4 (84). – С.38-45.

5. Полицию Германии разъедает правый экстремизм // Сайт газеты Свободная пресса [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://svpressa.ru/world/article/276691/> (дата обращения: 20.12.2022).

6. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Martin Hess, Dr. Bernd Baumann, Dr. Gottfried Curio, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der AfD // Официальный сайт бундестага ФРГ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/013/2001397.pdf> (дата обращения: 16.11.2022).

7. Bundestag beschließt neues Aufenthaltsrecht für Geduldete // Сайт газеты Zeit [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-12/bundestag-verabschiedet-chancen-aufenthaltsrecht> (дата обращения: 28.12.2022).

8. Deutschland Einwanderungsland Begriffe-Fakten-Kontroversen Hrsg. von Karl-Heinz Meier Braun und Reinhold Weber Zentralen für politische Bildung 2013 - 255 S.

9. *EU external borders in October: Number of irregular entries on the rise* // Сайт Агентства Фронтекс [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/eu-external-borders-in-november-western-balkans-route-most-active-ULSsa7> (дата обращения: 05.01.2023).

10. EU-Turkey Agreement: Questions and Answers // Официальный сайт Европейской комиссии [Электронный ресурс] Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-963_en.htm (дата обращения: 21.11.22).

11. Europol statement on the cooperation with Ukraine // Официальный сайт полицейской службе Европейского союза [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/europol-statement-cooperation-ukraine> (дата обращения: 29.12.2022).

12. Fluechtlinge aus der Ukraine // Сайт информационной платформы Mediendienst Integration [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://mediendienst-integration.de/migration/flucht-asyl/ukrainische-fluechtlinge.html#:~:text=Dezember%202022%20wurden%20dem%20Bundesinnenministerium,im%20Ausl%C3%A4nderzentralregister%20\(AZR\)%20registriert.&text=Was%20wei%C3%9F%20man%20%C3%BCber%20](https://mediendienst-integration.de/migration/flucht-asyl/ukrainische-fluechtlinge.html#:~:text=Dezember%202022%20wurden%20dem%20Bundesinnenministerium,im%20Ausl%C3%A4nderzentralregister%20(AZR)%20registriert.&text=Was%20wei%C3%9F%20man%20%C3%BCber%20) (дата обращения: 01.12.2022).

13. Fluchtlingsituation in Niedersachsen und Bremen angespannt // Сайт газеты Kreiszeitung [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kreiszeitung.de/lokales/niedersachsen/fluechtlingssituation-in-niedersachsen-und-bremen-angespannt-92005643.html> (дата обращения: 28.12.2022).

14. *Geissler R.* Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland. Bd. 1: Problemaufriss – Forschungsstand – Bibliographie, Bielefeld 2005.

15. Im laufenden Jahr wurden in Deutschland rund 190.000 Erstanträge auf Asyl gestellt // Сайт Федерального ведомства по делам миграции и беженцев Германии [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Statistik/AsylinZahlen/aktuelle-zahlen-november-2022.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (дата обращения: 25.12.2022).

16. Kaviar und SUVs: MDR-Beitrag macht Stimmung gegen ukrainische Flüchtlinge

// Сайт телеканала MDR Германии [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.berliner-kurier.de/politik-wirtschaft/kaviar-und-suvs-mdr-beitrag-macht-stimmung-gegen-ukrainische-fluechtlinge-li.268592> (дата обращения: 14.12.2022).

17. Migration routes: Commission proposes Action Plan for Central Mediterranean to address immediate changes // Официальный сайт Европейской комиссии [Электронный ресурс] Режим доступа:

https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7068 (дата обращения: 05.01.2023).

18. Leipziger Autoritarismus-Studie: Deutsche sind zufriedener mit der Staatsform Demokratie, rechtsextreme Einstellungen nehmen ab // Официальный сайт университета Лейпцига [Электронный ресурс]

Режим доступа: <https://speicherwolke.uni-leipzig.de/index.php/s/3aHw5wrxr8Q82Pq?dir=undefined&openfile=242232598> (дата обращения: 16.12.2022).

19. Migration ist eine Zuendstoff fuer Europa // Сайт газеты Handelsblatt [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-global-challenges-die-migrationskrise-ist-zuendstoff-fuer-europa/28902334.html> (дата обращения: 03.01.23).

20. Pantelleria authorities call for help with migrants // Информационный портал Infomigrants [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.infomigrants.net/en/post/42445/pantelleria-authorities-call-for-help-with-migrants> (дата обращения: 03.01.23).

21. Scholz will fuer Ukraine-Fluchtende «alle Kraefte bundeln» Сайт журнала Spiegel [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/olaf-scholz-will-fuer-fluechtlinge-alle-kraefte-buendeln-a-fecd1128-b3a9-4cd5-9177-456477d42c14> (дата обращения: 23.11.2022).

22. Sonntagsfrage Bundestagswahl // Сайт информационной службы по тематике выборов, избирательного права, процедуры выборов и опросов [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/> (дата обращения: 03.01.2023).

23. Ukrainische Gefluchtete bringen gute Voraussetzungen fur die Teilhabe in Deutschland mit // Сайт Федерального ведомства по делам миграции и беженцев Германии [Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://www.bamf.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2022/221215-ukr-projekt-erste-ergebnisse.html?nn=282772> (дата обращения: 08.12.2022).

24. Надеждин А., Шангараев Р.Н. Опыт Германии по преодолению миграционного кризиса в Европе // Международная жизнь. 2019. № 4. С. 46-55.

25. Шангараев Р.Н., Яхменев П.А. Евразийская интеграция в условиях турбулентности международных отношений // Дипломатическая служба. 2017. № 4. С. 40-45.

Акчурина Алина Вадильевна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
akalina01@mail.ru

Научный руководитель: **Эпштейн Виталий Анатольевич,**
к.с.н., доцент кафедры мировой экономики и международных отношений
Института бизнеса и делового администрирования Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации,
epshteinv@gmail.com

Alina V. Akchurina,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
akalina01@mail.ru

Scientific adviser: **Vitaly A. Epshteyn ,**
Ph.D in Sociology, Associate professor
International Relations department, Institute of Business Studies (IBS-Moscow),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPА, Moscow),
epshteinv@gmail.com

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
TRANSFORMATION OF CULTURAL DIPLOMACY OF THE
RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация: в статье представлен ретроспективный взгляд на культурную дипломатию России и определены причины создания инструментов «мягкой силы» страны. Было выделено 4 этапа формирования данных инструментов: дягилевская антреприза и первые попытки построения образа Русского мира за рубежом, формирование официальной культурной политики в первые годы после образования СССР, совершенствование методов и институтов культурной дипломатии в СССР, современный этап развития культурной дипломатии.

Abstract: this article analyzes the phenomenon of Russian cultural diplomacy in retrospect, and identifies the reasons for the emergence of "soft power" instruments in the country. Four stages of the development of these instruments were identified: the Ballets Russes and the first attempts to build the image of the Russian world abroad, the development of an official cultural policy in the first years after

the emergence of the Soviet Union, the improvement of methods and institutions of cultural diplomacy in the USSR, the current stage of development of cultural diplomacy.

Ключевые слова: дипломатия, культура, сила, влияние, инструмент, распространение, трансформация.

Keywords: diplomacy, culture, power, influence, instrument, spread, transformation.

Введение

Культурная дипломатия представляет собой составную часть системы публичной дипломатии. У понятия «культурная дипломатия» существует множество определений. Часть исследователей обозначает культурную дипломатию как «политическую сферу, в которой государства стремятся мобилизовать свои культурные ресурсы для достижения внешнеполитических целей» [14], другие говорят о культурной дипломатии исключительно как об элементе «мягкой силы» и публичной дипломатии. Ключевой характеристикой культурной дипломатии, на наш взгляд, является применение различных аспектов культуры в качестве инструментов влияния, создания позитивного имиджа, укрепления сотрудничества, решения определенных внешнеполитических задач. Россия использует данный инструмент публичной дипломатии с начала XX века, при этом на различных этапах трансформации политической власти происходило и изменение культурной дипломатии страны.

Объект данного исследования – феномен культуры как «мягкой силы», а предметом выступает специфика процесса изменения культурной дипломатии России в XX–XXI вв.

Цель научной работы – выявить основные этапы развития культурной дипломатии России в XX–XXI вв. и определить инструменты ее осуществления на каждом из рассматриваемых этапов.

Для того чтобы достичь поставленной цели, были сформулированы следующие задачи: охарактеризовать предпосылки возникновения культурной дипломатии России в XX веке, выявить изменения в эволюции культурной дипломатии СССР/России, охарактеризовать основные инструменты, используемые для реализации культурной дипломатии на каждом из этапов развития и выявить их эффективность.

Хронологические рамки данного исследования ограничиваются периодом с начала XX века до настоящего времени.

В данной работе явление культурной дипломатии России рассматривается в ретроспективе, что позволяет определить причины зарождения данного механизма «мягкой силы», при этом в исследовании не происходит сосредоточение лишь на одном периоде, так как анализируются особенности современного этапа использования культуры в качестве инструмента внешнеполитического влияния.

Зарождение культурной дипломатии в России

Русские сезоны стали первыми в истории России методами эффективного распространения культуры за рубежом, в особенности в странах Европы. С выступлениями оперных певцов и русским балетом западная публика смогла познакомиться благодаря знаменитому импресарию, задавшему тон «высокой культуры», С. Дягилеву. Спонсором сезонов предстала западная публика, которой нравилось модернистское воплощение русской культуры на европейской сцене. Сложилась нетривиальная ситуация, когда власть отказалась участвовать в построении образа России за рубежом, по сути, предоставив карт-бланш С. Дягилеву в определении направления развития русского искусства. Дягилевские сезоны изменили представление иностранцев о культуре России, прославили русский балет и оперу. Но культурная дипломатия с политическими целями стала применяться лишь после событий Октябрьской революции и Гражданской войны, когда одной из первостепенных задач для Советской России был выход из международной изоляции. Тогда впервые были созданы организации с четким разграничением

компетенций и жестким контролем со стороны государства над их действиями, которые занимались распространением культуры уже не только в странах Запада, но и во всем мире. Отправной точкой в создании данной системы, по мнению ряда исследователей, может считаться образование в 1919 году Отдела пропаганды Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, просуществовавшего до 1943 года и сменившего несколько названий: Отдел агитации и пропаганды, Отдел пропаганды и массовых организаций, Отдел пропаганды [10]. На Отдел пропаганды возлагалась функция влияния на зарубежные массы с помощью не только политических действий, партийно-воспитательной работы, но и путем использования литературы, кинематографа, радиовещания. Хотя данный орган управления Коминтерна и являлся значимым инструментом в распространении коммунистических идей за рубежом, однако из-за слишком ярко выраженной пропагандистской направленности в деятельности Отдела в иностранных государствах к нему относились с подозрением. Именно поэтому эффективность Отдела пропаганды в использовании инструментов культурной дипломатии, таких как киноискусство, пресса или радио, была низкой. Все это послужило причиной создания организации, которая занималась бы не только политическими вопросами, но преимущественно культурной дипломатией, поэтому было образовано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). В основном данная организация знакомила иностранный мир с культурой многочисленных народов СССР, а также предоставляла возможность жителям Советского Союза узнать о достижениях культуры в других государствах. По сравнению с Отделом пропаганды смысл деятельности ВОКС заключался не столько в настойчивой пропагандистской агитации, сколько в желании представить культуру СССР в положительном ключе, то есть использовать более «мягкие» и деликатные инструменты продвижения культуры, например организовывались выставки, осуществлялась отправка советских коллективов на международные фестивали, издавался за рубежом специальный журнал «Бюллетень ВОКС»,

выходивший на английском, французском и немецком языках [12]. Важную роль в осуществлении культурной дипломатии выполнял и Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), который стал правопреемником ВОКС. Уже в 1970-е гг. ССОД включал 63 общества дружбы с социалистическими, западными, африканскими, латиноамериканскими странами [2]. К задачам обществ можно отнести: укрепление культурного сотрудничества с зарубежными странами, а также развитие туризма. Данные цели достигались путем проведения выставок, фестивалей, конференций, разработки программ обучения иностранцев русскому языку. В 1957 году [12], после событий в Венгрии, которые выявили уязвимые места в советской публичной дипломатии, решено было создать действенную и структурированную организацию, которая бы подчинялась Совету Министров СССР, – Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами (ГККС). И если Союз советских обществ дружбы выполнял функции, в некотором роде схожие с функциями современного Россотрудничества, то на ГККС возлагались полномочия в сфере координации деятельности организаций, осуществлявших связи с иностранными государствами. ГККС также отвечал за советское радиовещание за рубежом, печатную продукцию и совершенствование пропаганды. Однако через некоторое время после создания данной организации из-за того, что на ГККС было возложено множество функций, например контроля, аналитики, координации, планирования, руководства и т.д., и организация была вынуждена постоянно взаимодействовать с посольствами СССР для осуществления исполнительской деятельности, что приводило к управленческим проблемам, ее признали неэффективной. В 1967 году [12] ГККС был ликвидирован, произошел переход полномочий организации к Отделу культурных отношений МИД СССР для того, чтобы устранить проблему отсутствия управленческого порядка, а также дублирования функций. Таким образом, культурная дипломатия стала частью института внешней политики страны, так как успехи отечественной науки и

культуры могли способствовать усилению влияния отечественной дипломатии.

Развитие инструментов культурной дипломатии СССР

Помимо создания организаций, занимавшихся координированием публичной дипломатии, разрабатывались и инструменты культурной дипломатии. Так, примером эффективного использования культуры как «мягкой силы» стало проведение в СССР VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году. Этот фестиваль стал самым многочисленным за всю историю проведения данных мероприятий, в нем участвовали 34 тысячи человек, которые были гражданами 131 страны [3]. Данное мероприятие продемонстрировало, как можно всего за две недели создать позитивный образ страны. Использование киноискусства также являлось составляющей частью культурной дипломатии СССР. Крупнейшим кинофестивалем страны был Московский международный кинофестиваль, основанный в 1935 году [4]. Начало Великой Отечественной войны прервало последующее проведение фестивалей, и лишь в 1959 году [4] мероприятие было возобновлено, став важной частью мирового кинематографа. В 1949 году был создан еще один значимый инструмент публичной дипломатии СССР, Международные Сталинские премии, в 1956 году [5] переименованные в Ленинские премии, присуждаемые гражданам любой страны мира и имевшие основную цель – повысить авторитет страны среди передовых людей мира, а также усилить ее влияние в кругах интеллигенции других государств [5]. Информация о присуждении премии всегда фигурировала как в отечественных, так и в зарубежных СМИ. Церемонии вручения премий проводились не только в самом СССР, но и в крупных городах мира, что стало способом притяжения информационного внимания зарубежной прессы к Советскому Союзу. Когда церемония проводилась в самом СССР, на нее приглашалась делегация представителей государства, которое являлось родиной номинанта [5]. Таким образом, Сталинские/Ленинские премии использовались не только как инструмент «укрепления мира и дружбы между народами», но и как способ

создания события, которое привлечет внимание всего мира. В качестве инструмента культурной дипломатии применялась и выставочная дипломатия. Часто на международных выставках вне зависимости от темы СССР представлял экспонаты, которые указывали на доминирование страны в космической сфере. Привлекались и знаменитые деятели из сфер культуры и спорта для демонстрации советских товаров. Часто выставки использовались для того, чтобы донести необходимый политический посыл. Например, после событий в Венгрии на Брюссельской выставке был создан образ благополучия в государствах социалистического лагеря [6].

В рамках советской культурной дипломатии организовывалась отправка советских артистов и коллективов для выступлений в зарубежные страны. Отбором певцов, музыкантов, танцоров и актеров, а также проведением концертов занималась организация в системе Министерства культуры СССР – «Госконцерт». Иностранцы активно посещали такие концерты: билеты скупались заранее. В зарубежные страны по линии «Госконцерта» въезжали и труппы театров, например Большого, Кировского и Мариинского. Происходило налаживание двусторонних культурных связей, в Москву с гастролью приезжал Королевский балет Лондона, а в Великобританию – Большой театр. Иностранцы были готовы платить значительные суммы за то, чтобы увидеть своими глазами выступления советских звезд, и Советский Союз отправлял артистов под строгим наблюдением за пределы железного занавеса [1]. Политика страны в этом плане была похожа на то, как действовал антрепренер С. Дягилев в свое время. «Госконцерт», так же как и С. Дягилев, организовывал выступления артистов исходя из пожеланий зарубежной публики. Схема экспорта культуры, разработанная некогда великим импресарио, работала вне зависимости от политического строя и веяний эпохи, и явление «советские артисты на экспорт» это доказывает. Знаменательным событием в истории культурной дипломатии СССР стало проведение Летних Олимпийских игр 1980 г. [7], которые не только смогли

улучшить имидж страны, но и привели к возникновению новых методов осуществления культурной дипломатии.

Необходимо отметить, что в период с брежневской эпохи и до распада СССР культурная дипломатия страны достигала своего пика, а затем вновь возвращалась к самым истокам. В 1970-х гг. активно развивался Отдел культурных отношений в рамках МИД СССР, а также ключевое место в рамках публичной дипломатии занимал феномен «иностранный туризм». Использовались и новые методы построения позитивного образа страны. С началом перестройки роль традиционной советской культурной дипломатии в системе внешнеполитического взаимодействия значительно уменьшилась.

Современная культурная дипломатия России

Культурная дипломатия для современной России является средством продвижения ее интересов, формирования позитивного образа, распространения русского языка и построения диалога с другими государствами. Как правопреемница СССР, Российская Федерация унаследовала многие методы ведения публичной дипломатии. МИД РФ выполняет ключевые функции в осуществлении культурной дипломатии. В 2001 году министром иностранных дел Российской Федерации И. Ивановым были утверждены «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами». В данном документе закрепляются полномочия МИД в сфере культурной дипломатии: «К числу центральных функций МИД России относится выработка приоритетов и непосредственная реализация внешней культурной политики Российской Федерации, координация деятельности в этой области федеральных органов исполнительной власти и органов субъектов Федерации, разработка и согласование с заинтересованными министерствами и ведомствами проектов межправительственных договоренностей о культурном сотрудничестве...» [9].

Важное место в системе публичной дипломатии занимает Россотрудничество. Основная деятельность агентства заключается в

«поддержке и распространении русского языка в мире, продвижении российской науки, культуры и образования за рубежом, работе с соотечественниками, реализации мероприятий в сфере содействия международному развитию» [8]. В России существуют и другие институты, напрямую или косвенно связанные с культурной дипломатией: Фонд «Русский Мир», Фонд Горчакова, Всемирная ассоциация выпускников российских (советских) вузов. Частью современной российской культурной дипломатии является и проведение разнообразных мероприятий в зарубежных странах. Так, Правительство и Министерство культуры Российской Федерации организовали проект, созданный когда-то С. Дягилевым, – Русские сезоны – фестиваль, который каждый год проводится в одной из стран мира и демонстрирует культуру России. В 2021 году Русские сезоны состоялись в Республике Корея, где было проведено 10 концертов в 6 городах [11]. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Росконцерт», которое является правопреемником государственного концертно-гастрольного бюро СССР «Союзконцерт» [13], организует гастроли российских театров по зарубежному направлению благодаря программе «Большие гастроли», в рамках которой российские коллективы выступают в государствах ближнего зарубежья (например, в Казахстане и Узбекистане), также проводятся гастроли театров данных стран в России. Мероприятия в области международного культурного сотрудничества позволяют укреплять культурное партнерство, формировать положительный имидж и создавать доверительные отношения.

Для того чтобы оценить эффективность современной культурной дипломатии России, необходимо провести SWOT-анализ. К сильным сторонам можно отнести: образовательные программы Россотрудничества, создание филиалов российских вузов за рубежом, количество проводимых культурных и образовательных программ Русскими домами, фондами, негосударственными организациями, музейное сотрудничество, применение инструментов культурной дипломатии, доставшихся от СССР. Слабыми

сторонами являются отсутствие выраженной диверсификации культурной дипломатии в разных регионах (как правило, культурные и образовательные программы носят стандартный характер), сосредоточение по большей части на взаимодействии с соотечественниками за рубежом. Возможностями для современной культурной дипломатии России могут стать заинтересованность ряда регионов (Азия, Африка, Латинская Америка) развивать более тесное сотрудничество в научной, образовательной, музейной сферах, укрепление культурного партнерства в рамках интеграционных процессов (ЕАЭС, ШОС, БРИКС). К потенциальным угрозам можно отнести усиление позиций в сфере культурной дипломатии других акторов в традиционных для России регионах успешного применения культурной дипломатии, например в Средней Азии, где ряд стран (Турция, Китай, США и другие) активно развивает публичную дипломатию, запрет на вещание российских СМИ в ряде стран (в странах ЕС, Канаде), попытки «отмены» русской культуры.

На основе SWOT-анализа мы составили четыре потенциальные стратегии развития культурной дипломатии России.

Сильные стороны – возможности

1. Использование ряда инструментов публичной дипломатии, таких как предоставление образовательных грантов для получения высшего образования в России, проведение форумов, конференций, организация курсов повышения квалификации преподавателей русского языка, организация выставок, лекций, семинаров, кинофестивалей, повысит заинтересованность стран Азиатского, Африканского и Латиноамериканского регионов к сотрудничеству в сфере культуры.

2. Применение методов культурной дипломатии поможет России укреплять сотрудничество с партнерами в рамках ЕАЭС, ШОС, БРИКС.

Сильные стороны – угрозы

1. Увеличение количества грантов для обучения в России и совершенствование работы институтов культурной дипломатии помогут закрепить лидирующее положение страны в сфере культурной дипломатии в

ряде регионов (например, в Центральной Азии), нивелировав риски расширения деятельности других стран.

2. Использование эффективных инструментов культурной дипломатии (выставочная дипломатия, музейное сотрудничество, проведение образовательных мероприятий, деятельность Русских домов) поможет снизить негативные последствия, связанные с запретом российских СМИ в некоторых странах.

Слабые стороны – возможности

1. Заинтересованность ряда регионов развивать отношения в научной, образовательной, музейной сферах должна привести к диверсификации культурной дипломатии России.

2. Интеграционные процессы должны помочь сосредоточиться не только на соотечественниках за рубежом, но и на других группах населения.

Слабые стороны – угрозы

1. Необходимо создание четкой концепции публичной дипломатии страны в некоторых регионах, особенно в Центрально-Азиатском, для того, чтобы укрепить позиции на фоне деятельности других акторов.

2. Необходимо диверсифицировать методы публичной дипломатии в каждом из регионов на основе различных факторов для того, чтобы сделать культурную дипломатию более эффективной и снизить риски, связанные с попытками «отмены» русской культуры.

Данные стратегии могут сочетаться друг с другом, а могут использоваться отдельно. Первая стратегия позволяет понять, каким образом использовать сильные стороны с максимальной эффективностью, вторая стратегия – о том, как использовать преимущества, чтобы уменьшить потенциальные угрозы, третья помогает найти способы, как использовать возможности, чтобы избавиться от слабых сторон, и, наконец, четвертую стратегию можно интерпретировать как способ понять, на какие аспекты стоит обратить внимание, чтобы не допустить усиления угроз.

Заключение

Таким образом, можно говорить о существовании 4 основных этапов в эволюции культурной дипломатии СССР/России, каждый из которых отличался своей спецификой.

1. В первой половине XX в. использование русской культуры в качестве инструмента влияния происходило за счет частной инициативы С. Дягилева с его идеей Русских сезонов, изменивших образ России в глазах западной публики.

2. После образования СССР культурная дипломатия использовалась для реализации внешней политики страны. Культурная политика основывалась на деятельности органов культурной дипломатии (ВОКС, ССОД, ГККС). В данный период развивалась выставочная дипломатия, киноискусство, молодежная дипломатия.

3. В период с застоя и до распада СССР происходила трансформация культурной дипломатии: менялась система институтов публичной дипломатии, появлялись новые методы ее осуществления («мегасобытия», «иностранный туризм», гастроли советских артистов).

4. Перестройка и последующий распад СССР привел к деградации культурной дипломатии и снижению ее эффективности. С 1991 года Российской Федерации пришлось выстраивать свою культурную дипломатию заново, используя накопленный опыт. Основные функции в данной сфере стал выполнять МИД РФ, а агентство «Россотрудничество» развивает культурные связи России с зарубежными странами.

В качестве основного инструмента на первом этапе развития культурной дипломатии использовались гастроли русских артистов оперы и балета, на втором этапе, когда культурная дипломатия стала осуществляться непосредственно государственными органами, применялись инструменты выставочной дипломатии, молодежной политики (проведение молодежных фестивалей), также организовывались международные премии (Сталинские/Ленинские премии) и кинофестивали (Московский

международный кинофестиваль). На третьем этапе развития культурной дипломатии возникли новые методы ее осуществления, как, например, проведение «мегасобытий» (Летние Олимпийские игры 1980 г.), отправка советских артистов на гастроли в зарубежные страны, осуществляемая «Госконцертом», «иностранный туризм». На современном этапе к ключевым инструментам культурной дипломатии относятся: музейное, библиотечное, культурное сотрудничество, поддержка и распространение русского языка, выставочная дипломатия, образовательная дипломатия, проведение фестивалей, организация зарубежных гастролей российских театров и коллективов. Данные инструменты являются эффективными, однако для снижения потенциальных угроз, обозначенных нами, необходимо их диверсифицировать.

Важное место в современной системе культурной дипломатии России занимают институты публичной дипломатии и международные культурные мероприятия, проводимые страной. Необходимо отметить, что в настоящее время важно понять, какие инструменты будут необходимы России для того, чтобы эффективно использовать культурную дипломатию страны в направлении Азиатского, Африканского и Латиноамериканского регионов.

Литература

1. Артисты на экспорт, или как был устроен советский Госконцерт // МИР 24. URL: <https://mir24.tv/articles/16279884/artisty-na-eksport-ili-kak-byl-ustroen-sovetskii-goskoncert> (дата обращения: 18.01.2023).

2. Большая советская энциклопедия. в 30-ти т.. – 3-е изд. – М.: Совет. энцикл., 1969-1986. ил., карт.

3. Гришакова Л.В., Гришаков В.Ю. Подготовка к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. (на материалах Чкаловской области) // Вестник ОГУ. 2011. №16 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-k-vi-vsemirnomu-festivalyu-molodezhi-i-studentov-1957-g-na-materialah-chkalovskoy-oblasti> (дата обращения: 18.01.2023).

4. История Фестиваля // Московский Международный кинофестиваль. URL: <http://www.moscowfilmfestival.ru/miff43/theme/?id=258> (дата обращения: 18.01.2023).

5. Нагорная, О.С. «Если друзья сочтут целесообразным выдвинуть... мы поддержим»: Международные Ленинские премии мира в системе советской культурной дипломатии // НИР. 2018. №3. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/esli-druzya-sochtut-tselesoobraznym-vydvinut-my-podderzhim-mezhdunarodnye-leninskie-premii-mira-v-sisteme-sovetskoj-kulturnoy](https://cyberleninka.ru/article/n/esli-druzya-sochtut-tselesoobraznym-vydvinut-my-podderzhim-mezhdunarodnye-leninskie-premii-mira-v-sisteme-sovetskoj-kulturnoy-diplomatiyi) (дата обращения: 18.01.2023).

6. Нагорная О.С. «Лимон» за худший павильон: выставочная дипломатия послевоенного СССР // Управление в современных системах. 2017. №4 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/limon-za-hudshiy-pavilon-vystavochnaya-diplomatiya-poslevoennogo-sssr> (дата обращения: 18.01.2023).

7. Новиков, М. Морозов, А. Культурная дипломатия СССР в странах запада в годы холодной войны // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-sssr-v-stranah-zapada-v-gody-holodnoy-voyny> (дата обращения: 18.01.2023).

8. О Россотрудничестве // Русский Дом. URL: <https://ruskidom.rs/> (дата обращения: 18.01.2023).

9. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами 23.02.2001 // Утверждены министром иностранных дел Российской Федерации И.С.Ивановым. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901794645> (дата обращения: 20.04.2023)

10. Российский государственный архив социально-политической истории. Справочно-информационные материалы к документальным и музейным фондам РГАСПИ. Выпуск 3. 2004.

11. «Русские сезоны» в Республике Корея // Русские сезоны. URL: <https://russianseasons.org/ru/about-project/korea2021/> (дата обращения: 18.01.2023).

12. Трегубов Н.А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957-1967 гг.) // Управление в современных системах. 2016. №4 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-komitet-po-kulturnym-svyazyam-s-zarubezhnymi-stranami-kak-organ-sovetskoj-kulturnoy-diplomatii-1957-1967-gg> (дата обращения: 18.01.2023).

13. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «РОСКОНЦЕРТ» // Росконцерт. URL: <https://rosconcert.ru/about/> (дата обращения: 18.01.2023).

14. Цвык Г.И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-v-sovremennyh-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-na-primere-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 02.01.2023).

Алмазова Александра Георгиевна,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России,
sasha-almazova@mail.ru
Aleksandra G. Almazova,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
sasha-almazova@mail.ru

Научный руководитель:
Сидорова Лидия Николаевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и
политической философии Дипломатической академии
Министерства иностранных дел России
Scientific adviser:
Lidia N. Sidorova
Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Science and Political Philosophy
of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**СТАРЕНИЕ ЕВРОПЫ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И КАК С НИМИ СПРАВИТЬСЯ**

**THE AGING OF EUROPE:
NEW CHALLENGES AND HOW TO COPE WITH THEM**

Аннотация: в статье рассматриваются социально-экономические последствия стремительного старения населения Европы, которое вызвано увеличением продолжительности жизни и снижением уровня рождаемости. Обзор демографической ситуации в Германии, Норвегии и Болгарии демонстрирует социальную нагрузку на европейское общество, вызванную увеличением доли пожилого населения. Для поддержания экономики и уменьшения негативных социальных последствий государства должны принимать своевременные меры по адаптации своих государственных институтов к новым демографическим реалиям. В статье приводится обзор программ и инициатив ООН и некоторых европейских стран в области работы с пожилыми гражданами.

Abstract: the article examines the socio-economic consequences of the rapid aging of the European population, which is caused by an increase in life expectancy and a decrease in the birth rate. A review of the demographic situation in Germany, Norway and Bulgaria demonstrates the social burden on European society caused by an increase in the proportion of the elderly population. In order to maintain the economy and reduce negative social consequences, countries should take timely measures to adapt their state institutions to new demographic realities. The article provides an overview of the programs and initiatives of the UN and some European countries in the field of work with senior citizens.

Ключевые слова: старение, Европа, социальная поддержка, экономическое развитие, ООН, демографические тенденции

Keywords: ageing, Europe, social assistance, economic development, UN, demographic trends.

Население мира стремительно стареет. Начиная с 1950-х гг. коэффициент рождаемости в развитых странах непрерывно снижается. Доля пожилого населения увеличивается, а число трудоспособных граждан сокращается. Именно поэтому процесс старения населения является одним из наиболее важных социальных вызовов XXI в., в особенности для Европы. Эта проблема находит отражение практически во всех сферах жизни общества: в трудовых и финансовых рынках, спросе на товары и услуги, жилищном строительстве, сфере транспорта, социальной защите, а также в структуре семьи и взаимоотношениях между людьми, которые принадлежат к разным поколениям. Но самое главное – значительное старение населения ставит под сомнение будущий экономический рост государства и негативно сказывается на государственных расходах.

Феномен старения населения

С 1950-х гг. во всех регионах мира фиксируется значительное увеличение продолжительности жизни, в том числе снижение показателей

смертности в старших возрастных группах, что положительно отразилось на общих демографических показателях.

По прогнозам социологов, из-за нынешнего роста количества людей в возрастной группе от 65 лет и старше к 2050 году каждый шестой человек в мире будет старше 65 лет (16% населения) по сравнению с каждым одиннадцатым в 2019 году (9% населения) [4].

Доля пожилого населения растет вследствие увеличения продолжительности жизни и снижения уровня рождаемости. В свою очередь, увеличение продолжительности жизни является результатом прогресса медицины, улучшения условий жизни и труда, работы систем здравоохранения, а также повышения благосостояния. Снижение уровня рождаемости объясняется экономическими кризисами, вооруженными конфликтами, миграцией и, что немаловажно, возможностью людей принимать продуманные решения в репродуктивной области.

Демократия и гендерное равенство стали предпосылками сложившейся в Европе ситуации: демократические государства часто характеризуются низким уровнем рождаемости и смертности, а равенство между мужчинами и женщинами способствует активизации женщин на рынке труда, вследствие чего многие пары в настоящее время не хотят заводить много детей или иметь детей вообще [13].

Демографическая ситуация, при которой старшее поколение по своей численности превышает молодое, в основном характерна для экономически развитых стран с высоким уровнем жизни. Эту тенденцию можно проследить на примерах демографической ситуации в Германии, Норвегии и Болгарии.

Германия и Норвегия служат прекрасным примером стран со стремительно стареющим населением. В странах хорошо развита система здравоохранения, что приводит к увеличению продолжительности жизни населения. Смертность и рождаемость низкие. В 2021 году естественный прирост населения в Германии был отрицательным (-206 749 человек), т.е. смертность превысила рождаемость. Но за счет миграционного прироста

(259 482 человека) общий годовой прирост населения остался положительным и составил 0.06%. Схожую ситуацию можно наблюдать и в Норвегии.

По данным Департамента статистики ООН в области демографической и социальной статистики, доля людей трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) в Германии в 2022 году составляет 66,1%, а доля людей старше 64 лет – 20,6%. Стоит отметить, что Германия ежегодно принимает большое количество мигрантов, большинство из которых люди трудоспособного возраста, что, в свою очередь, сказывается на статистике.

Доля людей трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) в Норвегии в 2022 году составила 66%, а доля людей старше 64 лет – 16%. Норвежское королевство также славится миграционной политикой, ориентированной на прием мигрантов и их интеграцию в норвежское общество, поэтому мигранты, учитывающиеся при подсчете населения, влияют на демографическую картину страны.

По мнению социологов, ФРГ и Норвегия испытывают относительно высокую социальную нагрузку на общество. Коэффициент общей демографической нагрузки, показывающий отношение зависимой (нетрудоспособной) части населения к трудоспособной, в Германии составляет 51,3%, а в Норвегии – 51,4%. Другими словами, каждый работающий человек в Германии и Норвегии должен обеспечить более чем в 1,5 раза большее количество товаров и услуг, чем было бы необходимо для него самого. Коэффициент пенсионной нагрузки в Германии составляет 31,2%, а в Норвегии – 24,2%.

Несколько иначе обстоят дела в среднеразвитой в экономическом плане Болгарии. Доля людей трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) в Болгарии в 2022 году составила 67,9%, а доля людей старше 64 лет – 18,2%. Тем не менее естественный и миграционный приросты населения в 2021 году были отрицательными (-39 472 и -9 487 человек соответственно). Годовой прирост составил -0,71%.

Однако эксперты характеризуют Болгарию как страну с относительно низкой нагрузкой на общество (коэффициент общей демографической нагрузки равен 47,3%, а коэффициент пенсионной нагрузки – 26,8%) [3].

Ключевые показатели для анализа демографической ситуации стран приведены в таблице 1.

Таблица 1. Демографическая нагрузка на общество в Германии, Норвегии и Болгарии (составлена на основе данных Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН) [3]

Демографический показатель	Германия	Норвегия	Болгария
Доля трудоспособного населения, %	66,1	66	67,9
Доля населения старше 64 лет, %	20,6	16	18,2
Коэффициент общей демографической нагрузки, %	51,3	51,4	47,3
Коэффициент пенсионной нагрузки, %	31,2	24,2	26,8

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у стран с более высокими уровнем экономического развития и уровнем жизни социальная нагрузка на общество выше, чем у стран, уступающих им по соответствующим показателям.

Способы решения проблемы старения населения

Традиционно старение общества рассматривается в негативном ключе. Считается, что рост числа пожилых людей – это угроза благосостоянию государства и тяжкое бремя для молодежи. Однако стоит отметить, что увеличение доли пожилого населения становится проблемой только при условии, что государства не готовят и не приспособливают свои институты к подобным ситуациям. Стремительное старение населения в ближайшем будущем не прекратится, поэтому правительствам Европы (и всего мира в целом) важно признать необходимость проведения соответствующих реформ.

В докладе Европейской экономической комиссии ООН «Что ЕЭК ООН делает для вас. Старение населения: проблемы и возможности» за 2006 г. указано, что современные демографические тенденции способствуют тому, что существующие системы социальной поддержки должны быть модернизированы с учетом современного возрастного состава населения. Рожденные в период низкой рождаемости, появляясь на рынке труда, не в состоянии полностью занять рабочие места, которые освобождает старшее поколение. Их количество слишком мало. Поэтому правительствам стран нужно либо реформировать системы труда, здравоохранения и социального обеспечения и увеличивать их финансирование, либо принимать меры по выравниванию демографических показателей [12].

О таких мерах рассказала Моника Кейссер, руководитель социальной политики ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), в Париже в 2016 году в интервью программе *Insiders*. Она считает, что для решения проблем старения важно сочетать различные меры. Первой из них она выделяет увеличение пенсионного возраста, второй – развитие гендерного равенства или мобилизацию женщин на рынке труда. Кейссер заявляет, что многие женщины вынуждены заниматься уходом за детьми, а для других просто нет работы на полный рабочий день. Третья мера, по мнению Кейссер, – это привлечение трудовых мигрантов, как имеющих образование, так и неквалифицированных [7].

Таким образом, снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни заставляет развитые страны искать способы замедлить нарушение демографического баланса. Одним из таких способов, наряду с увеличением пенсионного возраста и мобилизацией женщин на рынке труда, является международная миграция. Она приводит к изменению возрастных структур населения в ряде стран и регионов [5]. Большинство мигрантов – это, как правило, люди трудоспособного возраста, которые могут заполнить пробелы в сфере труда по крайней мере временно.

До 2015 года международная трудовая миграция в Европе действительно рассматривалась как перспективный способ поддержания баланса демографических показателей. Кроме того, летом 2013 года между США и Европейским союзом состоялись переговоры о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Эту инициативу в 2007 году выдвинула бывший канцлер Германии Ангела Меркель. В процессе разработки проекта создания ЗСТ выявилась потребность в дополнительной рабочей силе в Европе. В рамках этой инициативы разрабатывались меры по привлечению мигрантов трудоспособного возраста, а также нормативно-правовая база для регулирования их потока [1]. Однако в 2016 году переговоры между Евросоюзом и США по созданию ТТИП зашли в тупик.

Усилия ООН по решению проблем, связанных со старением населения

Практически во всех европейских странах существуют программы, стратегии, центры и другие инициативы, направленные на поддержку пожилого населения в разных аспектах жизни общества, от здравоохранения до защиты прав человека. Но все они появились благодаря тому, что в 1980-е гг. ООН начала привлекать внимание мировой общественности к проблеме стремительного старения населения.

В 1982 году Генеральной Ассамблеей ООН была созвана первая Всемирная ассамблея по проблемам старения, которая разработала Венский международный план действий по проблемам старения [11]. Документ охватывал такие сферы, как здравоохранение и питание, защита пожилых людей, жилищное строительство и окружающая среда, семья, социальное обеспечение, гарантированность дохода и занятости, образование, а также сбор и анализ исследовательских данных. Главной целью Ассамблеи был призыв правительств стран мира принимать конкретные меры по данным вопросам.

Такие вопросы, как независимость и вовлеченность людей пожилого возраста, уход за ними, создание условий для их самореализации и обеспечение достойных условий жизни, нашли отражение в Принципах Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей [10], принятых Генеральной Ассамблеей в 1991 году.

Продолжением плана действий по проблемам старения, принятого в Вене в 1982 году, стала Декларация по проблемам старения (1992 г.) [2]. Декларация стала итоговым документом Международной конференции по проблемам старения. Кроме того, в ходе Конференции 1999 год был провозглашен Международным годом пожилых людей.

Вторая Всемирная ассамблея по проблемам старения состоялась 20 лет спустя, в 2002 году, в Мадриде. По сравнению с первой Ассамблеей, результат работы второй Ассамблеи был более основательным. Если, как было указано ранее, целью первой встречи являлось привлечение внимания стран к проблеме старения населения, то встреча в Мадриде была направлена на формирование международных руководящих принципов по проблемам старения в XXI в. По результатам работы Ассамблеи была принята Политическая декларация и Мадридский международный план действий по проблемам старения [9]. Суть плана заключается в задействовании потенциала пожилых людей в XXI в. и пересмотре национальных политик стран мира в отношении старшего поколения. В плане прописаны конкретные меры по следующим направлениям: «пожилые люди и развитие», улучшение состояния здоровья и повышение благосостояния в пожилом возрасте, а также обеспечение благоприятных и позитивных условий жизни.

Таким образом, ООН заложила основу для реализации национальных программ поддержки старшего поколения.

Европейские инициативы в области работы с пожилым населением

В настоящее время в Европе реализуется много социальных проектов, направленных на старшее поколение. В основном эти проекты

осуществляются неправительственными организациями, но государство охотно выделяет финансирование на их реализацию. Подобные социальные проекты призваны способствовать тому, чтобы пожилые люди не были изолированы от общества, а продолжали вести активную социальную жизнь.

Программа взаимопомощи и совместного проживания молодых и пожилых людей Ensemble2générations («Два поколения вместе»), основанная в 2017 году во Франции, дает молодым людям возможность получить доступное жилье, а старшему поколению – компанию и помощь по дому. Инициатива получила широкое распространение во Франции и несколько наград за поддержание социальных связей между поколениями [6].

Совместная программа центра RBS и Люксембургского университета «Обучение в более позднем возрасте», которая реализуется с 2011 года, представляет собой цикл занятий по 17 темам для людей в возрасте от 60 лет и лиц, досрочно вышедших на пенсию. Участники программы освобождены от платы за обучение (за исключением вступительного взноса). Благодаря этой программе пожилые люди общаются с молодежью, интеллектуально развиваются, а работающие пожилые люди получают дополнительные знания для своей профессиональной деятельности, что позволяет им дольше оставаться задействованными на рынке труда [8].

В отличие от Люксембурга и Франции, где подобными социальными проектами занимаются в основном НПО, в Германии самым ярким проектом, направленным на улучшение качества жизни пожилых людей, является стратегия «Старость как экономический фактор», реализуемая Федеральным министерством Германии по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи. Эта стратегия направлена на повышение качества жизни пожилых людей. Акцент в ней делается на развитии потенциала товаров и услуг, предназначенных для всех возрастов и на усилении роли пожилых граждан как потребителей и, что немаловажно, работников.

Заключение

Старение населения – существенная проблема для Европы. Сокращение числа трудоспособного населения по отношению к нетрудоспособному дает определенную нагрузку не только на систему социального обеспечения, но и на экономику стран Европы в целом. Чтобы экономика страны находилась на должном уровне, государственные институты должны быть адаптированы к современной демографической ситуации. Модернизация сферы труда может проходить путем привлечения трудовых мигрантов из-за рубежа, что до 2015 года рассматривалось как один из самых эффективных способов.

Деятельность ООН в 1980-е – начале 2000-х гг. дала толчок к развитию национальных проектов и стратегий, фокусирующихся на старшем поколении. Среди программ и инициатив, направленных на поддержку пожилого населения европейских стран, прослеживается ориентация на социальную сферу, в частности на повышение уровня жизни пожилых граждан, однако программ, направленных на поддержание уровня занятости среди старшего поколения, все еще мало.

Тем не менее старение населения – это вполне предсказуемое явление, которым можно и нужно управлять. Если европейские государства будут действовать своевременно и расчетливо, им удастся сгладить последствия «старения Европы».

Список литературы

1. Бибилова О. Миграционный кризис 2015 г. В Европе и его последствия // Россия и мусульманский мир. 2017. №5 (299). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-2015-g-v-evrope-i-ego-posledstviya-1> (дата обращения: 05.11.2022).
2. Декларация по проблемам старения. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declold.shtml (дата обращения: 22.12.2022).
3. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: Отдел народонаселения. URL:

<https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/indwm/default.htm> (дата обращения: 05.11.2022).

4. Мировые демографические перспективы - Отдел народонаселения - Организация Объединенных Наций (un.org). URL: <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Pyramid/901> (дата обращения: 05.11.2022).

5. *Пряжникова О. Н.* Старение населения Европы. Вызовы и перспективы // ЭСПР. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starenie-naseleniya-evropy-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 05.11.2022).

6. Ensemble2générations. URL: <https://ensemble2generations.fr/#nos-valeurs> (дата обращения: 15.12.2022).

7. Europe's demographic time bomb - Euronews. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2016/05/27/europes-demographic-time-bomb> (дата обращения: 05.11.2022).

8. RBS – CENTER FIR ALTERSFROEN. URL: http://wwen.uni.lu/university/news/latest_news/seniorstudium_informationsveranstaltung_am_30_januar (дата обращения: 15.12.2022).

9. United Nations. Madrid International Plan of Action on Ageing. / Report of the Second World Assembly on Ageing. Madrid. 8–12 April 2002. New York, NY: United Nations, 2002. URL: <https://www.un.org/development/desa/ageing/madrid-plan-of-action-and-its-implementation/second-world-assembly-on-ageing-2002.html> (дата обращения: 22.12.2022).

10. United Nations. The United Nations Principles for Older Persons. 1991. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-principles-older-persons#:~:text=1.,to%20other%20income%2Dgenerating%20opportunities> (дата обращения: 22.12.2022).

11. United Nations. Vienna International Plan of Action on Ageing. New York: United Nations, 1983. URL:

<https://www.un.org/development/desa/ageing/resources/vienna-international-plan-of-action.html> (дата обращения: 22.12.2022).

12. What UNECE does for you - Challenges and opportunities of population ageing. URL: <https://unece.org/info/publications/pub/2775> (дата обращения: 05.11.2022).

13. World Population Prospects 2019. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/news/world-population-prospects-2019-0> (дата обращения: 05.11.2022).

Алексеев Николай Николаевич,
ассистент кафедры истории и политики России,
Институт международных отношений и мировой истории
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
alekseev@imomi.unn.ru
Nikolai N. Alekseev,
Assistant to the Department of history and politics of Russia,
Institute of International Relations and World History
Lobachevsky State University ,
alekseev@imomi.unn.ru

**КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ:
СТРЕМЛЕНИЕ К ПРИЗНАНИЮ И КОМПЛЕКСНАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ**

**IDENTITY CRISIS IN MODERN EUROPE:
ASPIRATION TO RECOGNITION AND COMPLEX POLITICIZATION**

Аннотация: категория идентичности все чаще оказывается в центре современных политических конфликтов. Европейский регион отличается большим национальным, этнокультурным многообразием, что способствует формированию и взаимодействию многочисленных идентичностей. В работе представлен анализ актуальных тенденций взаимодействия идентичностей в Европе.

Ключевые слова: национальная идентичность, европейская идентичность, транснациональная идентичность, Европейский союз, политическая идентичность, региональные международные отношения, политизация идентичностей, политика памяти.

Abstract: the category of identity is increasingly at the center of contemporary political conflicts. The European region can be characterized by great national, ethno-cultural diversity, which contributes to the formation and interaction of multiple identities. The paper presents an analysis of current trends in identities interaction in Europe.

Keywords: national identity, European identity, transnational identity, European Union, political identity, regional international relations, identity politicization, politics of memory.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-314-90002.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-314-90002.

Введение

Европейский регион и европейская цивилизация в течение долгого времени развития западной цивилизации являлись платформой для внедрения передовых политических практик. В Европе, несмотря на институциональный кризис, функционирует наиболее развитое интеграционное объединение с сохраняющимися элементами наднациональности, чей экономический, политический и социокультурный потенциал до недавних пор определял безусловную притягательность европейской, либерально-демократической модели развития, фактически заявляя о ее уникальности и универсальности. Однако, в контексте глобальных преобразований в системе международных отношений и тенденций к формированию многополярного мира, Европа как один из ключевых элементов западной цивилизации теряет свое миссионерское значение [2, с. 16].

В дискурсе о европейской интеграции и европейской политике непременно фигурирует категория европейской идентичности. В разные периоды существования ЕС исследователи делали соответствующие прогнозы о будущем наиболее сформированной транснациональной идентичности – от гармоничного сосуществования и дополнения национальных идентичностей единой европейской (например, в рамках постнациональной модели) до фактического отказа от национальных привязанностей в пользу транснациональных [5, с. 212]. Ключевые тенденции современной системы международных отношений обусловили актуализацию транснациональных

идентичностей. Одними из таких тенденций являются регионализация международных отношений и рост значимости регионального уровня политики. Региональный характер большинства современных вызовов требует формирования и внедрения новых механизмов транснационального взаимодействия, чему нередко препятствуют неразрешенные конфликты внутри регионов. Кроме того, усиливается влияние на мировую политику транснациональных идентичностей, объединяющих людей из разных регионов, сформированных на основе единых ценностей, выросших из либеральных общественных движений и представляющих интересы конкретных категорий, например расовых, национальных, гендерных. Также институциональный кризис национального государства в СМО, рост числа государств, сохраняющаяся (и усугубляющаяся) проблема гармонизации этнического и политического измерений нации, массовые миграции, современные коммуникационные технологии вне национальных рамок деактуализируют национальные привязанности в качестве основных маркеров общественно-политического взаимодействия и стимулируют индивидов и сообщества к поиску и формированию новых идентичностей для политического самоопределения. Кризис либерально-демократической модели, стремление сообществ к признанию и институционализации в рамках существующих политических систем, чрезмерное число акторов в политическом поле, становление ценностей в качестве ключевого маркера новых политических идентичностей – это глобальные тенденции, особенно четко наблюдаемые в Европе.

Европейский регион, по сути, первым столкнулся с проблемой политизации идентичности, когда Европейский союз довольно успешно политизировал региональную, территориальную и цивилизационную идентичность, встроив в фундамент неотъемлемый, в некотором роде центральный компонент в виде ценностей [1, с. 23]. На практике это проявляется в том, что Европейский союз нередко выступает «от имени Европы», а термины «Европа» и «Европейский союз» используются как

взаимозаменяемые. Проблема границ европейской идентичности, как и границ Европы, широко обсуждается до сих пор. Г.С. Климова утверждает, что в современных реалиях сложно однозначно ответить на вопросы: Что значит сегодня быть европейцем? Значит ли это быть либеральным демократом, христианином или гражданином ЕС? Она подчеркивает, что даже в религиозном контексте, несмотря на прочную цивилизационную связь Европы и христианства, в европейском регионе существует мусульманская Европа, иудаистская Европа, атеистическая и даже языческая Европа – на севере и на юге [9, с. 618]. Разнообразные национальные, религиозные и культурные идентичности, сплетаясь воедино, предлагают каждому конкретному индивиду «свою Европу», формируя многочисленные уникальные европейские идентичности. Сплетение идентичностей, помимо прочего, означает существование в одном общественно-политическом пространстве различных мировоззрений, что способствует зарождению конфликтов и трансформации политических систем. По мнению профессора политологии и экономики Калифорнийского университета Жерара Роланда, в западных демократиях происходят тектонические изменения: референдум по Brexit, появление экстремистских партий (как правых, так и левых) в большинстве стран, массовые протестные движения, отказ от глобализации и свободной торговли со стороны широких слоев населения, повышенная враждебность к иммиграции, сильное недоверие к элитам, рост национализма и признаки «отречения» от Евросоюза и наднациональных организаций в целом. А. Ноури и Ж. Роланд подчеркивают, что эти явления были названы популизмом, но концептуально близко связаны с политикой идентичности и нативизмом [10, с. 422]. Целью данной статьи является выявление региональных особенностей развития, трансформации и политизации идентичностей в Европе и ЕС.

Признание – естественное право или политическая цель?

Т.А. Юдина справедливо отмечает, что каждая страна в современных условиях становится мультикультурной [5, с. 209]. Однако

мультикультурность в европейском регионе не только представлена в особо концентрированном виде, но и является в некотором роде системообразующим, доктринальным ядром европейской политики. Именно в ЕС с его «единством в многообразии» можно говорить о «культуре мультикультурности». Вместе с тем Т.А. Юдина подчеркивает, что государства стремятся добиться признания своей уникальности, ценности для ЕС, равенства в правах с другими государствами. Борьба за признание своей уникальности основывается на политике поиска различий, в то же время борьба за равенство в правах базируется на поиске общего [5, с. 209]. Данные процессы протекают параллельно, децентрализуя и дестабилизируя общественно-политическое пространство ЕС. Шведский исследователь идентичности Б. Строт довольно точно отметил, что в рамках стабильно сформированного сообщества не требуются концептуализация и осмысление идентичности, поскольку она просто существует сама по себе. Необходимость поиска или дополнительного провозглашения и манифестации идентичности указывает на то, что уже есть определенные проблемы в социальной и политической организации [11, с. 245]. Идеологическая и ценностная неограниченность либерально-демократической модели и европейских ценностей на фоне растущей общественно-политической и гражданской активности способствует перманентному формированию новых идентичностей, стремящихся к признанию, то есть институционализации и легитимизации в рамках существующих систем. Стремление к признанию определил в качестве ключевой функции идентичности в современной политике Ф. Фукуяма [4, с. 33]. В качестве инструмента реализации данного стремления исследователи определяют «политику идентичности», говоря о политической активности различных групп меньшинств, направленной на борьбу с дискриминацией и участие в политическом процессе [10, р. 423]. По мнению Т.А. Юдиной, подобные подходы применяются в ЕС всеми акторами на национальном и региональном уровнях, как социальными группами, так и отдельными личностями. Также она выделяет концептуальный конфликт –

одновременное существование потребностей в признании равного достоинства каждого и в то же время в собственном отличии, уникальности [5, с. 222]. Стремление сообществ к признанию собственной идентичности – тенденция, наблюдаемая в глобальном масштабе, в Европе она обладает определенной спецификой. Эрозия материалистических ценностей в европейском сообществе привела к постепенному росту значимости постматериалистических ценностей [10, р. 433]. В современной Европе именно постматериалистические ценности все чаще становятся основой идентичностей, стремящихся к признанию, а также субъектом политизации и целью политической борьбы. Если, например, в Ближневосточном регионе, упустившем этап постепенной поступательной национализации, в дискурсе признания доминируют традиционные национальные, этнические, религиозные идентификации, то для Европы, в особенности для Европейского союза, типовыми становятся идентичности, сформированные на ценностях конструктивизма и постмодерна. Как следствие этого, значительную часть политического и медийного дискурса занимают идентичности транснациональных и локальных сообществ, общественных движений, институтов, фокусирующихся на экологии, мире и безопасности, сексуальной свободе, равенстве полов, уважении прав меньшинств, что, однако, не исключает (а возможно усугубляет) проблему новых витков правой радикализации и национализации. Таким образом, признание, воспринимаемое одними как естественное право, возводится другими в ранг экзистенциальной, но все же политической цели или используется в качестве инструмента для ее достижения.

Политизация: есть ли идентичности вне политики?

Модернизация общественно-политических отношений, усложнение комплексов идентичностей способствовали формированию еще одной глобальной тенденции – политизации идентичностей. В Европе политизация идентичностей тесно коррелирует с популизмом и нативизмом.

М.М. Мчедлова и Д.Б. Казаринова также говорят о тенденции к политизации идентичностей, когда неполитические идентичности все чаще активизируются и трансформируются в политические «мегаидентичности» [3, с. 25]. Ключевые идентичности политизируются в Европе в рамках экологической, климатической, гендерной повесток, правах меньшинств, а также чрезвычайно актуального для ЕС вышеупомянутого стремления сообществ к признанию. Миграционные потоки (как наиболее обсуждаемые внешние, так и внутриевропейские), а также всепоглощающий характер европейских ценностей обусловили перегруженность общественного пространства идентичностями и способствовали политизации изначально неполитических идентичностей. Примечательно давно наблюдаемое укрепление в либерально-демократическом европейском социуме национальных идентичностей и их политизации с «правым уклоном». В этом контексте Т.А. Берцель и Т. Риссе выделяют инклюзивную и эксклюзивную национальные идентичности. Если первая допускает вторичные идентификации, то последняя стремится к исключительности. Популистские евроскептические партии и движения, особенно правые, активно занимались мобилизацией граждан именно с эксклюзивной, исключительной национальной идентичностью. Они намеренно использовали политику идентичности, чтобы превратить латентные ценностные установки граждан в открытое политическое поведение, то есть политизировать их [7, с. 101]. Правые и левые партии естественно концентрируют внимание избирателей в первую очередь на основанных на идентичности социальных разрывах – проблемах этноса, национализма, религии, ценностей, политизируя их и превращая в ресурс политической борьбы [10, с. 430]. Ф. Фукуяма подчеркивает, что левые интерпретации политики идентичности, напротив, усиливают стремления к проведению политики идентичности правого толка [4, с. 152].

Б. Строт пишет о политизации самой концепции идентичности. Иными словами, идентичность сегодня вряд ли вообще можно воспринимать вне политики. По мнению Б. Строта, это свидетельствует о глубоком кризисе

идентичности в Европе в целом и в ее отдельных странах, сопровождаясь все более громкой националистической и ксенофобской лексикой – политические эмоции заменяют политические институты [11, с. 227]. Растущая значимость социальных медиа и колоссальное число фейков в информационном пространстве Европы ведут к укреплению общественного скептицизма и недоверия, в особенности в эпоху постфактического релятивизма, когда проявление идентичности опережает проверку фактов [10, с. 434].

Сторонники универсалистских концепций сообщества и автономии выступают против тех, кто подчеркивает право на сохранение традиционных сообществ, которым угрожает многокультурное общество [10, с. 432]. Здесь необходимо подчеркнуть, что в Европе проходит комплекс «пограничных линий», очерчивающих «зону влияния» различных цивилизационных макроидентичностей – православно-христианской, католической, либерально-демократической и др. Находясь в противоречиях по одним вопросам (консервативная позиция Польши по ЛГБТ-повестке), в то же время проявляя сравнительное единство по другим (антироссийские санкции), политизируясь и выстраиваясь в сложные системы, данные идентичности нечетко очерчивают границу, определяя условные «Запад» и «неЗапад», формируя таким образом новые идентичности вне регионального измерения. В целом современное глобализированное информационное пространство детерриториализирует современные политические идентичности. На практике это проявляется в формировании идентичностей общественных движений, объединяющих людей в разных концах света и находящихся в сетевом пространстве, например европейская поддержка протестующих женщин в Иране. Если понимать под политизированной идентичностью политический выбор в категориях «свой» – «чужой», то «своими» в этом контексте все чаще становятся люди на разных концах планеты, «чужими» – ближайшие соседи.

Заключение

В заключение следует упомянуть другие глобальные тенденции современных идентификационных трансформаций. Идентичности все чаще имеют вневременной характер, связывая и политизируя прошлое и настоящее. В Европе также активно политизируется прошлое, что особенно важно, в категориях настоящего. Актуальным примером может служить акция противников колониальной политики, которые атаковали короля Карла III [12]. Также не менее примечателен запрос на бескомпромиссное разграничение идентичностей в контексте политического выбора – «за» и «против». Олицетворением подобного запроса выступает недавнее высказывание вице-преьера Латвии А. Пабрикса: «У нашего русского меньшинства есть выбор: они либо поддерживают эту страну и являются патриотами, либо поддерживают Путина» [6].

Проблема гармонизации многочисленных идентичностей является одним из актуальных вызовов мировой политики и международных отношений, отличается особой спецификой и динамикой в ЕС. В Европе ярко представлены постмодернистские и постструктуралистские идентичности, сформированные вне национально-государственных и этнокультурных рамок, на основе ценностей, идей. Тем не менее сохраняются и иногда актуализируются традиционные этнические, национальные, культурные привязанности. Построение стабильных систем «старых» и «новых» идентичностей пока представляется маловероятным. Можно привести известное высказывание М.А. Бакунина: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». Насколько этот принцип применим в контексте переплетающихся идентичностей – актуальный вопрос для исследовательского сообщества.

Список источников и литературы

1. *Алексеев Н.Н.* — Система идентичностей гражданина ЕС: перспективы перехода к постнационализму // *Мировая политика.* – 2019. – № 2. – С. 22 - 32.

2. Громько А.А. Метаморфозы политического неолиберализма / А. А. Громько // Современная Европа. – 2020. – № 2(95). – С. 6-19.
3. Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35.
4. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
5. Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации в современной Европе? // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 207–227.
6. Higgins A. Soviet Monuments Become Latest Target of Backlash Against War in Ukraine / Andrew Higgins // New York Times. – 2022. – September 22. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/09/25/world/europe/soviet-monuments-war.html>. – Загл. с экрана.
7. Börzel T.A., Risse T. From the euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics // Journal of European Public Policy. 2017. Т. 25. № 1. С. 83–108.
8. Börzel T.A., Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2020. Т. 58. № 1. P. 21–40.
9. Klimova G.S. European Identity between Religiousness and Secularity / G. S. Klimova // RUDN Journal of Political Science. – 2020. – Vol. 22. – No 4. – P. 617-633.
10. Noury A., Roland G. Identity Politics and Populism in Europe // Annu. Rev. Polit. Sci. - 2020. Т. 23. № 1. P. 421–439.
11. Stråth B. Identity and social solidarity: an ignored connection. A historical perspective on the state of Europe and its nations // Nations and Nationalism. 2017. Vol. 23. № 2. P. 227–247.
12. York: Student arrested after eggs thrown at King Charles // BBC. – 2022. - November 9. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-england-york-north-yorkshire-63569908> (дата обращения 11.12.2022)

Слинько Александр Анатольевич,
доктор политических наук, профессор,
Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», заведующий кафедрой политологии и политического
управления,

aleksandr_slinko@mail.ru

Байрамов Тимур Андреевич,
аспирант,
Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»,

kafppu@vrn.ranepa.ru

Alexander A. Slinko,
doctor of political sciences, professor,
Voronezh branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation, Head of the
Department of Political Science and Political Management,
aleksandr_slinko@mail.ru

Timur A. Bayramov,
postgraduate student,
Voronezh branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
kafppu@vrn.ranepa.ru

СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

SPORT DIPLOMACY: ISSUES AND CHALLENGES

Аннотация: данная статья посвящена проблеме влияния неолиберальных идеологических установок на международный спорт высших достижений. Автор доказывает, что манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов приводит к политизации спорта, его превращению в одно из направлений современной гибридной войны. На конкретных примерах исследуются движущие силы и механизмы, посредством которых «мягкая сила» спортивной дипломатии подменяется риторикой глобального противостояния России и Запада.

Abstract: this article focuses on the influence of neo-liberal ideological attitudes on international high performance sport. The author argues that the

manipulation of the consciousness of individual social groups and entire nations leads to the politicisation of sport and its transformation into one of the areas of modern hybrid warfare. The author uses specific examples to explore the driving forces and mechanisms by which the traditional «soft power» of sports diplomacy is replaced by the rhetoric of global confrontation between Russia and the West.

Ключевые слова: Олимпийское движение, МОК, спорт высших достижений, спортивная дипломатия, дискриминация, неолиберализм, постмодернистские теории, политизация спорта, гибридная война, допинг.

Key words: The Olympic Movement, the IOC, high performance sport, sport diplomacy, discrimination, neoliberalism, postmodern theories, the politicization of sport, hybrid warfare, doping.

Введение

Спорт, искусство и физическая активность могут изменять взгляды и поведение и способствовать преодолению предрассудков, а также вдохновлять людей, разрушать расовые и политические барьеры, противодействовать дискриминации и сглаживать конфликты. Такая позиция заявлена в политической декларации, принятой на Саммите мира в память о Нельсоне Манделе в 2018 году [11]. Утверждение мира и построение более счастливой жизни на планете посредством спорта и воплощения олимпийских идеалов лежит в основе Резолюции № 73/24, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 3 декабря 2018 года [12].

Глобальная трансформация системы международных отношений привела к формированию устойчивого тренда на политизацию спорта высших достижений. Утрата Вашингтоном позиции гегемона в международных делах сопровождается внутренней поляризацией общества [1]. Новый баланс политической системы США строится на конфликтной конкуренции радикальных популистских повесток [3]. Установка неолиберального глобализма [14] направлена на восстановление однополярного мира и сопровождается гибридной войной.

В этих условиях происходит снижение роли спорта как уникального средства содействия миру и развитию, в частности путем воплощения идеала олимпийского перемирия. Спортивная дипломатия, являющаяся средством продвижения «мягкой силы», теряет свой потенциал. Распределение мировых и континентальных чемпионатов производится в рамках политики «двойных стандартов», равно как и определение степени соответствия спортсменов из разных стран закрепленным в Хартии олимпийским ценностям.

Растущая роль цифровизации делает общество более чувствительным и эмоциональным [2]. Распространение дезинформации и навязывание научно необоснованных нарративов становятся одним из способов мобилизации социальных групп. В этих условиях важно определить движущие силы и механизмы, за счет которых происходит подавление потенциала спортивной дипломатии.

Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике

Использование Олимпийских игр в качестве средства достижения мира уходит корнями в Древнюю Грецию, где в отдельные исторические периоды число полисов с разными политическими режимами составляло несколько сотен [20]. Начиная с конца XX в. идея использования привлекательных образов в противовес грубому насилию была концептуально сформулирована в виде термина «мягкая сила» (“soft power”). Американский исследователь Дж. Най определил ее как «способность добиваться того, что тебе нужно, добиваться через привлекательность (attraction) более, чем через принуждение или плату» [28]. Представители конструктивизма и неолиберализма полагают, что в современных условиях глобализации и либерализации гораздо большее значение должна иметь именно «мягкая сила» [13]. Так, Д.М. Галларотти считает, что изменения в мировой политике подняли ценность «мягкой силы» по отношению к «жесткой силе» (“hard power”), в связи с чем лицам, принимающим решения, необходимо эффективно использовать «мягкую силу» в международных стратегиях [21]. Спортивная дипломатия по праву

считается одним из инструментов реализации политики «мягкой силы». Наиболее известными примерами являются т.н. «пинг-понговая дипломатия», способствовавшая сближению США и Китая в 1971 году. Аналогичный прием был использован Индией и Пакистаном в 1987 году, получив название «крикетная дипломатия» [38].

Исследователи выделяют несколько механизмов, посредством которых спорт высших достижений становится проводником «мягкой силы» [30]. Проведение крупнейших спортивных мероприятий, таких как Олимпийские игры или чемпионат мира по футболу, служит средством формирования имиджа страны и позволяет нарастить ее политический капитал. Как отметил Г. Киссинджер в своем труде «О Китае», символической кульминацией возрождения Китая стало проведение Олимпийских игр в Пекине в 2008 году, совпавшее по времени с глобальным экономическим кризисом Запада. Церемония открытия была выстроена таким образом, что «китайская цивилизация оказалась в фокусе удивления и восхищения» [5]. Стабильный рост телевизионной аудитории подчеркивает международно-политическую значимость спорта: зимнюю Олимпиаду в Пекине-2022 посмотрело более 2 млрд человек [32], а летнюю в Токио-2021 – более 3 млрд [31].

Успешное проведение чемпионата мира по футболу позволило Бразилии и ЮАР стать активными участниками различных международных форматов, таких как G20 [22]. Особенно характерен случай Бразилии, которая после успешного проведения Панамериканских игр-2007 получила не только два крупнейших старта подряд (чемпионат мира по футболу-2014 и Олимпийские игры-2016), но и провела глобальную конференцию по устойчивому развитию «Рио+20» в 2012 году, а также Всемирное молодежное путешествие – католическое мероприятие с участием папы Франциска в 2013 году.

Спортивная дипломатия направлена не только на улучшение имиджа отдельного государства, но и позволяет выстраивать дополнительные платформы для диалога. Проведенные в 1986 году в Москве Игры доброй воли позволили возобновить широкое взаимодействие между СССР и США, а

также преодолеть политику бойкота Олимпийских игр с обеих сторон. Совместное проведение чемпионата мира по футболу-2002 способствовало развитию двусторонних отношений между Японией и Южной Кореей [30]. Другим значимым событием стало выступление объединенной команды КНДР и Южной Кореи на Олимпийских играх 2018 г. в Пхенчхане. Спорт высших достижений имеет мирный потенциал не только в рамках международных отношений, но и на внутригосударственной арене, что наглядно продемонстрировал Нельсон Мандела. Проведение в ЮАР Кубка мира-1995 по регби позволило изменить отношение к этому виду спорта как к символу апартеида и в значительной степени сплотить все население республики [25].

Спорт высших достижений как одно из направлений гибридной войны

Известный военный теоретик XIX в. Карл фон Клаузевиц утверждал: «Большинство известий [во время войны] ложны, а человеческая опасливость черпает из них материал для новой лжи и неправды» [6].

Президент Франции Э. Макрон довольно точно охарактеризовал сущность современных глобальных мировых процессов как конец господства Запада. Министр иностранных дел С. Лавров отметил окончание пятисотлетнего цикла европейского доминирования в мире. При этом специалисты отмечают необычную устойчивость неолиберальной идеологии, которая в 1990–2015 гг. практически непрерывно возрождалась, несмотря на многочисленные провалы и постоянные возвращения глобального кризиса [7]. Логика невозможности отступления, сформулированная Г. Киссинджером [4], вынуждает либерально-консервативный консенсус США и Европы сформировать новую стратегию – стратегию всемирной гражданской войны [14]. Развязанная гибридная война носит характер «частичной мировой войны» [9] и направлена не только на военные, но и на гражданские институты противоборствующих сторон. Для этого используются инструменты и технологии, объединенные под термином *sharp power* [41]. О.Г. Леонова

отметила, что *sharp power* – это «совокупность информационных операций влияния и методов информационного кибертерроризма <...> технология влияния в эпоху, когда информация становится оружием» [8]. В статье для *Foreign Affairs* Дж. Най отметил, что *sharp power* представляет собой «новый термин, который описывает старую угрозу» [29]. Сущность этой технологии прочно вписывается в основные аспекты глобальной экспансии США: образование внутренней нестабильности в государстве – объекте экспансии и вычленение стратегической точки мировых политических процессов, контроль которой способствовал бы иррадиации политического и экономического влияния на как можно большее количество стран и территорий [15].

Стараниями США публичная и экономическая сферы становятся организованными вокруг принципов атаки и защиты и направлены на мобилизацию масс, в то время как под сомнение ставится способность фактов и экспертизы разрешать проблемы. Технологии *sharp power* позволяют буквально «вспарывать» информационное и смысловое поле страны-мишени, провоцировать, разжигать и усиливать существующие в нем разногласия, умело эксплуатировать расколы внутри общества, продвигая свои нарративы, мнение, точку зрения и закрепляя их в умах людей. Так, отстранение российских биатлонистов было преподнесено западной общественности в качестве соразмерного ответа на проведение спецоперации России на Украине. По мнению *The New York Times*, «имеющийся в спорте хаос, усложняющий с каждой неделей правила, практически не оставляет разделения между спортсменами и странами, что дает оправдание тем, кто выступает за наказание России и Беларуси путем запрета на участие их спортсменов» [24]. Издание привело цитату генерального секретаря Международного союза биатлонистов (IBU) Макса Кобба: «Как может быть, чтобы национальная федерация могла нормально соревноваться, когда она ворвалась в другую страну и уничтожила ее тренировочные центры?»

Отмечается, что эффективность технологий *sharp power* в значительной степени основаны на маскировке целеполагания и государственном управлении информационными операциями [8]. В спорте высших достижений подобные действия маскируются под деятельность таких организаций, как Международный олимпийский комитет (МОК) и Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА). При этом руководство МОК старательно балансирует между экономической зависимостью от западных спонсоров и стремлением к автономности при принятии решений. Такая политика приводит к противоречивым действиям и решениям со стороны олимпийского движения. В рамках одного заседания президент МОК Томас Бах подтверждает сохранение санкций по отношению к российскому спорту и заявляет о том, что «олимпийский спорт нуждается в участии всех спортсменов, <...> даже и особенно если их страны находятся в конфронтации или в состоянии войны» [24].

В качестве оружия против российского спорта Запад использует повседневность. Современная зависимость общества от данных в «реальном времени», которые транслируют уличные экраны, бегущие строки и личные гаджеты, позволяет структурировать реальность в соответствии с политической повесткой. Рекламные технологии делают упор на оперативность своих данных и способность эмоционально воздействовать на психологию толпы. Так, смягчение приговора Спортивного арбитражного суда в отношении России 17 декабря 2020 года вызвало негативную реакцию официальных спортивных чиновников США. Председатель Консультативного совета спортсменов Олимпийского и Паралимпийского комитета США Хань Сяо охарактеризовал его как «сокрушительный удар по вере американских спортсменов в международную антидопинговую систему и ее способность привлекать к ответственности плохих акторов» [37].

Технологии *sharp power* применяются в условиях информационной открытости киберпространства и получают преимущество за счет временного лага. Трудность обнаружения *fake news* позволяет дезинформации в

ускоренном порядке достигать целевой аудитории и успешно работать с ней. Характерным примером являются публикации западных СМИ о положительной допинг-пробе российской фигуристки Камилы Валиевой на Олимпийских играх в Пекине-2022. Вечером 7 февраля 2022 года Россия одержала победу в командном турнире по фигурному катанию. На следующий день, 8 февраля, появилась информация о переносе церемонии награждения на неопределенное время, а уже утром 9 февраля появились первые публикации о проблемах с допинг-тестами Валиевой [33]. Командное золото России стало «абсолютно разочаровывающей и сложной ситуацией» для главы USOPC Сары Хиршланд. По ее мнению, награждение России «несправедливо не только по отношению к спортсменам нашей [американской] команды, завоевавшим серебряную медаль, но это несправедливо по отношению ко всем спортсменам, которые приходят сюда и ожидают, что честность соревнований останется нетронутой» [39]. В стороне остались факты о том, что сама проба была взята в декабре 2021 года и передана в аккредитованную ВАДА лабораторию в Стокгольме. Кейс Валиевой показал, что эмоциональная мобилизация общественного мнения делает спортсмена уязвимым даже в ситуации, когда все последующие допинг-пробы дали отрицательный результат, а расследование по факту нарушения еще не успело начаться.

Растущая индустрия маркетинговых исследований использует «эмоциональный искусственный интеллект» для изучения движений чувств и эмоций внутри толпы с растущей научной точностью [2]. Применение технологических разработок в этой области вкупе с «клаузевицианскими» принципами ведения войны приводит к доминированию в западном информационном поле агрессивной антироссийской риторики. Так, статья, вышедшая 24 марта 2022 года в The Washington Post, представила кризис в спорте высших достижений как следствие глобального противостояния России и Запада: «Спортивного перемирия действительно не существует, и фигурное катание, как ни один другой вид спорта в мире, представляет собой фронт или небольшую прокси-войну как на льду, так и вне его» [35].

Канадский профессор Ричард Паунд сравнил действия России с апартеидом в ЮАР [37].

Леворадикальная идеология как угроза спортивной дипломатии

Корень кризиса в спорте высших достижений лежит в доминирующей в западном политическом дискурсе прикладной теории социальной справедливости (ТСС) [10]. В основе ТСС лежит постмодернистское определение власти как сети, пронизывающей все слои общества и определяющей, что люди считают истиной и как о ней говорят. Исходя из этой базовой предпосылки, сформулированной в 1970-х гг. Фуко, постмодернисты пришли к выводу, что власть, несправедливая по своей природе, производит и закрепляет дискурсы, в которых «обязательно присутствует расизм, сексизм, гомофобия, трансфобия или другие скрытые предрассудки, воспроизводимые обществом» [10]. Постмодернисты с особым скепсисом относятся к науке и другим общепринятым способам легитимации утверждений в качестве «истин», нарекая их «метанарративами», т.е. разновидностью культурных мифов, характерных для человеческой близорукости и высокомерия.

Стремление «воинов социальной справедливости» деконструировать и изменить мир обрело к началу XXI в. свои концептуальные очертания в рамках постколониализма [16], черного феминизма [17], интерсекционализма [18], критической расовой теории [19] и квир-теории [27]. Политическую поддержку активистам оказывает леволиберальное крыло Демократической партии США [3]. «Воины социальной справедливости» представляют собой мобилизованный электорат, противостоящий республиканцам в рамках «культурной войны» (culture war) [26]. Исследователи констатируют, что межпартийное размежевание по линии «консерваторы – либералы» приводит в США к более широкой поляризации в обществе и элите [1].

Из постколониальных исследований вытекает утверждение о белом человеке как символе «расистского империализма», что неизбежно сказывается на спорте высших достижений. Например, в США в 2021 году состоялось рассмотрение дела «Национальная ассоциация студенческого

спорта (NSAA) против Олстона». Против ассоциации было выдвинуто обвинение в эксплуатации чернокожих студентов-спортсменов, за счет которых финансировались менее прибыльные виды спорта с преимущественно белыми участниками [36]. Суд постановил, что имело место нарушение антимонопольного законодательства США и студенты имеют право монетизировать свое имя и образ.

Активисты ТСС исходят из предпосылки, что «такие способы получения знания, как наука, рациональное мышление, эмпиризм, объективность, универсальность и субъективность ... переоценены, в то время как эмоции, опыт, традиционные нарративы и обычаи ... недооценены» [10]. В июне 2022 года был опубликован отчет британского юриста Энн Уайт, связанный с расследованием жестокого обращения британских тренеров с гимнастками. Вывод, приведенный на основе «всестороннего и масштабного расследования обвинений», гласит, что советские тренеры, массово приехавшие в Британию в 1990-х гг., способствуют не только завоеванию медалей наивысшего уровня, но и поощряют культуру унижений, оскорблений, насилия, а также политику голодомора [42].

Истоки стремления бороться с угнетением в спорте лежат в постмодернистских критической расовой теории и теории интерсекциональности. Одной из наиболее ярких последователей концепций Белл Хукс [17] и Кимберли Креншоу [18] выступает американская теннисистка Серена Уильямс. Так, в ходе проигранного финала US Open-2018 Уильямс успела обвинить португальского арбитра К. Рамоса в предвзятости, сексизме и дискриминации. Опубликованная позднее австралийской газетой Herald Sun карикатура на неспортивное поведение Уильямс привела к скандалу с расистским подтекстом [23]. Идеи интерсекциональности в спорте воплотились в виде первого в истории изменения олимпийского девиза, который в новой редакции звучит как «Быстрее, выше, сильнее – вместе». Официально утвержденная МОК «Олимпийская повестка 2020+5» декларирует гендерное равенство, инклюзивность и многообразие. В

практическом ключе это воплощается в виде ежегодного проведения «Месяца гордости» [40], участия в женских соревнованиях мужчин-трансгендеров и небинарных спортсменов.

Доминирующие в западном политическом дискурсе прикладные постмодернистские теории представляют медицинскую науку как социальный конструкт, угнетающий маргинальные категории людей. В соответствии с постулатами квир-теории активно защищаются достижения «больных астмой» норвежских лыжников, «страдающих» от гиперактивности американских спортсменов. Применение концепции «герменевтической смерти» позволяет попавшимся на допинге спортсменам из стран Европы и США уводить разбирательства из правового поля в спектр эмоций: усилиями СМИ описывается «неудача индивида в своих попытках быть понятым», влекущая за собой крушение внутреннего «я». Таким образом, угнетение, вызванное непониманием, «способно довести маргинализованных индивидов до психической смерти» [10].

Заключение

В условиях затягивания ситуации «частичной войны» спортивная дипломатия сталкивается с рядом вызовов. Институционализировался процесс отстранения российских спортсменов по различным критериям. Технологии *sharp power*, применяемые США и странами Запада, поддерживают «оступившихся» спортсменов из опасения быть обличенными в расизме, сексизме и прочих способах угнетения. Представители «недемократических» стран вытесняются на периферию спорта высших достижений посредством «презумпции виновности».

В условиях новой колониальной политики США и Запада, обезличивающей культурное разнообразие мира под эгидой распространения «социальной справедливости», спорт высших достижений последовательно организовывается вокруг принципов конфликта. Следствием агрессивной неолиберальной политики западных элит становится фактическое

игнорирование резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, согласно которым спорт признается фактором обеспечения устойчивого развития.

Список источников и литературы

1. *Боровков И.И.* Дом разделённый: радикализация внутриполитической ситуации в США / И.И. Боровков [и др.] // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 10–31.
2. *Дэвис У.* Нервные государства / Уильям Дэвис; пер. с англ. Д. Лебедева. М.: Издательство АСТ, 2021. – 352 с.
3. *Журавлева В.Ю.* Левая дилемма Дж. Байдена и Демократической партии / В.Ю. Журавлева // Мировая экономика и международные отношения. - № 12 (66). – 2022. – С. 5-15.
4. *Киссинджер Г.* Мировой порядок / Г. Киссинджер. – М.: АСТ, 2017. – 512 с.
5. *Киссинджер Г.* О Китае / Г. Киссинджер; пер. с англ. В.И. Верченко. – М.: АСТ, 2014. - 635, [5] с.
6. *Клаузевиц К.* О войне / К. ф. Клаузевиц. – М.: Эксмо, Мидгард, 2007. 458 с.
7. *Крауч К.* Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. - 272 с.
8. *Леонова О.Г.* Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире / О.Г. Леонова // Мировая экономика и международные отношения. - № 2 (63). – 2019. – С. 21-28.
9. Папа Римский: Третья мировая война уже началась // Взгляд. - URL: <https://www.vz.ru/news/2014/9/14/705514.html> (дата обращения: 15.01.2023)
10. *Плакроуз Х.* Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / Х. Плакроуз, Д. Линдси; пер. с англ. Д. Виноградова. – М.: Individuum, 2022. – 384 с.

11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Политическая декларация, принятая на Саммите мира в память о Нельсоне Манделе». 24 сентября 2018. Документ ООН A/RES/73/1.

12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Спорт как фактор обеспечения устойчивого развития». 3 декабря 2018. Документ ООН A/RES/73/24.

13. *Русакова О.Ф.* «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ / О.Ф. Русакова, Д.М. Ковалева // Социум и власть. - № 3 (41). – 2013. – С. 15-19.

14. *Слинько А.А.* Новая динамика глобальных трансформаций 21 века: переопределение европейской политики и формирование антинеолиберальной альтернативы / А.А. Слинько, О.Л. Слинько // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума. – т. 2. – 2021. – С. 273-279.

15. *Слинько А.А.* Особенности мексикано-американской войны 1846–1848 годов и формирование модели глобальной политической экспансии США / А.А. Слинько // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. - № 4. – 2018. – С. 81-84.

16. *Спивак Г.* Могут ли угнетенные говорить? / Г. Спивак // Введение в гендерные исследования. Часть II (Хрестоматия). СПб.: Алетея, 2001.

17. *Bell H.* Postmodern Blackness / h.bell; под ред. W.T. Anderson. – London: Fontana Press, 1996. – С. 113-120.

18. *Crenshaw K.* Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory, and Antiracist Politics / K. Crenshaw // University of Chicago Legal Forum. - № 8 (1). - 1989. – С. 139-167.

19. *Delgado R.* Critical Race Theory: An Introduction / R. Delgado, J. Stefancic. - New York: New York University Press, 2017. – 167 с.

20. Delian League. – URL: https://www.worldhistory.org/Delian_League/
(дата обращения: 15.01.2023)
21. *Gallarotti G.M.* Soft Power: What is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used. - URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57/> (дата обращения: 15.01.2023)
22. *Grix J.* Interrogating States' Soft Power Strategies: A Case Study of Sports Mega-Events in Brazil and the UK / J. Grix, P.M. Brannagan, B. Houlihan // *Global Society*. - № 29 (3). – 2015. – С. 463-479.
23. Herald Sun backs Mark Knight's cartoon on Serena Williams. - URL: <https://www.heraldsun.com.au/news/victoria/herald-sun-backs-mark-knights-cartoon-on-serena-williams/news-story/30c877e3937a510d64609d89ac521d9f>
(дата обращения: 26.11.2022)
24. Hints of Russians' Return to International Sports Rekindle Debate Over Their Exclusion. - URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/24/sports/olympics/paris-russia-ban-ioc.html?searchResultPosition=4> (дата обращения: 30.11.2022)
25. How Nelson Mandela Used Rugby as a Symbol of South African Unity. - URL: <https://www.history.com/news/nelson-mandela-1995-rugby-world-cup-south-african-unity> (дата обращения: 15.01.2023)
26. *Hunter J.* Culture Wars: The Struggle To Control The Family, Art, Education, Law, And Politics In America
27. *Lorber J.* Shifting Paradigms and Challenging Categories / J. Lorber // *Social Problems*. - № 4 (53). – 2006. – С. 448.
28. *Nye J.S.* Soft power: the means to success in world politics [Text] / J.S. Nye. - New York: Public Affairs, 2004. – 191 с.
29. *Nye J.S. Jr.* How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence / J.S. Nye Jr. // *Foreign Affairs*, 2018/. - URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=nlc-fa_fatoday%E2%80%919120180124
(дата обращения: 15.01.2023)

30. *Nygård H.M.* Soft power at home and abroad: Sport diplomacy, politics and peace-building / H.M. Nygård, S. Gates // *International Area Studies Review*. – № 16 (3). – 2013. – С. 235-243.

31. Olympic Games Tokyo 2020 watched by more than 3 billion people. - URL: <https://olympics.com/ioc/news/olympic-games-tokyo-2020-watched-by-more-than-3-billion-people> (дата обращения: 26.11.2022)

32. Olympic Winter Games Beijing 2022 watched by more than 2 billion people. - URL: <https://olympics.com/ioc/news/olympic-winter-games-beijing-2022-watched-by-more-than-2-billion-people#:~:text=Olympic%20Winter%20Games%20Beijing%202022%20watched%20by%20more%20than%202%20billion%20people&text=International%20Olympic%20Committee> (дата обращения: 26.11.2022)

33. Positive drug test by Russian Kamila Valieva has forced a delay of Olympic team medals ceremony // USA Today. - URL: <https://www.usatoday.com/story/sports/olympics/beijing/2022/02/09/olympic-figure-skating-team-medals-delayed-russian-drug-test/6717526001/> (дата обращения: 15.01.2023)

34. Russian Doping: The Case for Barring Russia Entirely // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/04/sports/olympics/russia-doping-olympics.html> (дата обращения: 15.01.2023)

35. Russians make figure skating better, but Putin has turned the sport into a battleground. - URL: <https://www.washingtonpost.com/sports/olympics/2022/03/24/russians-figure-skating-championships-putin/> (дата обращения: 26.11.2022)

36. *Schlerf J.M.* The Intersection of Sports, Social Justice and the Law. - URL: <https://businesslawtoday.org/2022/03/the-intersection-of-sports-social-justice-and-the-law/> (дата обращения: 28.11.2022)

37. Top U.S. anti-doping official calls reduced Russia ban ‘a charade’. - <https://www.washingtonpost.com/sports/2020/12/17/russia-olympics-ban-reaction/> (дата обращения: 26.11.2022)

38. *Trunkos J.* Sport Diplomacy: A Review of How Sports Can be Used to Improve International Relations / J. Trunkos, B. Heere // Case Studies in Sport Diplomacy. – Morgantown: FiT Publishing, 2017. – С. 1-17.

39. USOPC chief Sarah Hirshland remains frustrated over Kamila Valieva situation // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/sports/olympics/2022/02/17/sarah-hirschland-figure-skating-russia-coping/> (дата обращения: 15.01.2023)

40. Unity in Diversity: IOC emphasises inclusion in sport during LGBTQ Pride Month. – URL: <https://olympics.com/ioc/news/unity-in-diversity-ioc-emphasises-inclusion-in-sport-during-lgbtq-pride-month> (дата обращения: 27.02.2023).

41. *Walker Ch.* The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence / Ch. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs, 2017. - URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017%E2%80%9311%E2%80%9316/meaning-sharp-power?cid=nlc-fa_fatoday%E2%80%93120171221 (дата обращения: 15.01.2023)

42. *White A.* The White review. - URL: <https://sportengland-production-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/2022-08/The%20Whyte%20Review%20Final%20Report%20of%20Anne%20Whyte.pdf?VersionId=fizNx7wABnsdz5GRldCKl6m6bYcIAqBb> (дата обращения: 26.11.2022)

Виноградова Анастасия Евгеньевна,
аспирант Дипломатической академии МИД России,
Vinogradovaanastasiia98@gmail.com

Anastasia E. Vinogradova,
Ph. D. Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
Vinogradovaanastasiia98@gmail.com

**ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В АФРИКЕ:
ВЫГОДНА ЛИ АФРИКЕ ПРЕДЛОЖЕННАЯ КИТАЕМ МОДЕЛЬ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ?
POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN AFRICA:
IS THE MODEL OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS
PROPOSED BY CHINA BENEFICIAL TO AFRICA?**

Аннотация: цель статьи – внести ясность в дискуссию о том, можно ли рассматривать отношения Китая с Африкой как акт неокOLONИализма или в них присутствуют неокOLONИальные элементы. Поскольку Китай все активнее взаимодействует с континентом, предоставляя значительные объемы иностранной помощи и кредитов, а также активизируя торговые отношения, возникает вопрос, можно ли это связать с неокOLONИальной динамикой. Исследовательский подход представляет собой качественный, а исследовательский метод – анализ конкретных случаев с фокусом на взаимодействии Китая в Африке. Исследование показывает, что в процессах взаимодействия Китая на Африканском континенте присутствуют неокOLONИальные элементы. Кроме того, данное исследование утверждает, что африканские государства должны быть все более осторожными при экспорте сырья и при позволении частным китайским компаниям инвестировать и покупать акции в значимых африканских внутренних секторах.

Abstract: the purpose of this study is to clarify the debate over whether China's relations with Africa can be viewed as an act of neocolonialism or whether there are neocolonial elements. As China increasingly engages with the continent, providing significant amounts of foreign aid and loans as well as intensifying trade

relations, the question arises whether this can be linked to neocolonial dynamics. The research approach is a qualitative approach, and the research method is a case study with a focus on China's interaction in Africa. The study shows that there are neo-colonial elements in China's interaction processes on the African continent. Finally, this study argues that African states should be increasingly cautious when exporting raw materials and when allowing private Chinese companies to invest and buy shares in significant African domestic sectors.

Ключевые слова: политика Китайской Народной Республики, политика Китая в Африке, неоколониализм, отношения Китая и Африки.

Key words: politics of the People's Republic of China, China's policy in Africa, neocolonialism, China-Africa relations.

Роль Китая в Африке

Обзор литературы о роли Китая в Африке показывает, что все чаще возникают полярные споры о том, использует ли Китай в своих интересах нестабильные государства Африки, подвергая их неоколониализму, или же китайские инвестиции являются для них реальной возможностью развития.

Некоторые исследователи освещают дискуссию о роли, которую Китай играет сегодня в Африке. Все больше усиливаются обсуждения относительно сино-пессимизма в лице лагеря западных ученых и политических деятелей, которые обвиняют Китай в колонизации континента. В то же время сино-оптимисты, включающие африканских ученых и политиков, приветствуют возможности, открывающиеся благодаря растущим китайским инвестициям, а также видят в этом желаемый отход от западного влияния [1, с. 179].

Некоторые исследователи делают вывод о том, что китайское участие в Африке заключается в дисбалансе торговых отношений в пользу Китая [11, с. 271].

Однако существует альтернативное понимание китайских инвестиций. Исследования показывают, что китайские инвестиции не являются исключительно ресурсными. С этой точки зрения, Китай заинтересован в

своей ресурсной безопасности, однако инвестиции Пекина имеют гораздо более широкий подход, чем это принято считать [2, с. 115].

Имеет место более радикальная позиция в отношении классификации текущих инвестиций на Африканском континенте. Текущая ситуация характеризуется некоторыми исследователями как «новая борьба за Африку», и утверждается, что китайские инвестиции могут быть столь же опасными, как и западные. Усиливается дискуссия, развернувшаяся вокруг Китая и его участия в так называемом «голом империализме», который включает в себя борьбу за экономическое и политическое влияние [9, с. 325].

По мнению ряда ученых, факты свидетельствуют о том, что на практике не существует непосредственных угроз китайского неокOLONиализма. Более того, они утверждают, что африканская экономика ускорила не из-за влияния США или Европы, а благодаря китайским прямым иностранным инвестициям [7, с. 53].

Политическое влияние

Данное исследование показывает, что существуют как примеры неокOLONиальных подходов, так и другие примеры, где классификация неокOLONиализма является более сложной или недостаточно удовлетворительной. На континенте наблюдается рост экспорта оружия из Китая, а также планы дальнейшего расширения оборонного сотрудничества Китая в Африке, например в ЮАР. Кроме того, на континенте все чаще появляются военные, а первая китайская военная база была открыта в Джибути [10]. Это вызвало некоторые тревожные мысли, поскольку китайцы увеличивают свои вооруженные силы из-за неопределенности в геополитической обстановке и в качестве защитных мер для обеспечения безопасности своих интересов.

Гегемонистские подходы заключаются в политической поддержке, которую Китай может получить от Африки. Исследования показывают, что после углубления взаимодействия с Африкой Китаю удалось получить

большую поддержку в ООН, например, по вопросу Тайваня и идеи «единого Китая» со стороны африканских государств [13, с. 707].

Что касается влияния Китая на формирование политики, есть результаты ученых, которые указывают на то, что чем больше торговых отношений Китай установил с африканским государством, тем больше вероятность того, что оно проголосует за решение Китая в ГА ООН [15, с. 81–82]. Кроме того, существует разница между политикой «невмешательства», которую проводит Китай, и тем, что осуществляется на практике. Таким образом, нельзя сказать, что Китай в данном случае оказывает влияние на формирование политики в странах Африки.

Культурное и образовательное влияние

Китай все активнее участвует в образовательном секторе Африки, и такие государства, как ЮАР и Уганда, внедрили китайский язык в качестве второго языка в школах [12, с. 577]. Китай также усиливает свое влияние на все более широком уровне, состоящем из программ помощи с образовательной поддержкой в виде стипендий, образовательной инфраструктуры и других партнерских программ.

Еще одно участие в образовательном секторе – это создаваемые институты Конфуция, через которые Китай продвигает свою культуру и язык. Растущее влияние на образование формирует новый взгляд на Китай, поэтому может рассматриваться как неокOLONиальный подход и инструмент для большего влияния.

Кроме того, Китай значительно увеличил проникновение своей литературы и СМИ на Африканский континент. В качестве примера можно привести газеты, радио- и телеканалы, принадлежащие китайскому правительству, представленные на континенте. Китайское правительство также заключило сделки с африканскими государствами, такими как Египет, Алжир, Тунис, Кения, Нигерия и Южная Африка, в сфере телекоммуникаций (Huawei Technologies, Zhongxing Telecom Ltd (ZTE)). Это развитие происходило в течение последних пятнадцати лет и включает в себя план

пятилетнего развития культуры и туризма в период 14-й пятилетки на 2021–2025 гг. (第十四个五年计划文化和旅游发展计划，2023–2025年), состоящего из обширных проектов по продвижению китайских публикаций и экспорта литературы с первоначальной целью формирования нового понимания Китая [4].

Стремясь снять напряженность в отношениях между местным населением и китайскими компаниями и обеспечить положительный имидж своей страны, Китай начал систематическое информационное наступление на континент. Стремление китайского руководства усилить свой голос выразилось в расширении присутствия основных китайских СМИ в Африке. Еще в 1960-х гг., когда *Beijing Review* и другие китайские журналы начали активно распространять материалы на арабском, английском, французском, хауса и суахили в книжных магазинах Танзании, ЮАР и Египта, а Пекинское радио стало сильным конкурентом таким западным гигантам, как BBC и «Голос Америки», сегодня информационное наступление Китая достигло беспрецедентных масштабов [16].

Только в 2011 году официальное китайское информационное агентство «Синьхуа» расширило свое присутствие в Африке на 5 новых филиалов, добавив региональные бюро в Найроби и Каире и 18 филиалов к существующей сети. *China Daily*, крупнейшая китайская газета, первоначально распространявшаяся на рейсах авиакомпании Kenya Airways (с 2012 года), теперь выходит еженедельно на 24 страницах в нескольких африканских странах [16].

В то же время для региона, где неграмотное взрослое население составляет 38%, радио и телевидение остаются основными средствами получения информации. Китайское международное радио еще в 2006 году открыло свою первую зарубежную радиостанцию в Найроби (Кения). К началу 2011 года телевизионная платформа CNC World информационного агентства «Синьхуа» начала вещание для африканских зрителей, а в 2012 году

была запущена африканская версия международного телеканала China Central Television (CCTV Africa) [16].

Контроль над СМИ и увеличение количества литературы для формирования представлений о Китае в Африке в данном исследовании рассматриваются как неокOLONиальный подход Китая.

Экономическое влияние

В статье отмечается наличие неокOLONиальных подходов к экономическому сектору африканских государств. Обширный объем прямых иностранных инвестиций в основном направлен на ресурсы и инфраструктурное развитие [8, с. 45–46]. Китайские транснациональные корпорации находятся на подъеме, они высоко конкурентоспособны и в настоящее время захватывают ключевые ресурсы и доли рынка в Африке. В данном исследовании утверждается, что с ростом инвестиций в инфраструктуру у Китая появляется возможность управлять торговыми отношениями в свою пользу. Более того, в настоящее время наблюдается ухудшение торговых отношений между Китаем и Африкой в связи с тем, что Китай ориентирован на сырье и в то же время способен производить промышленные товары по низким ценам, что будет препятствовать промышленному развитию Африки.

Иностранная помощь со стороны Китая вызывает все большую озабоченность, поскольку она в основном состоит из кредитов, а не субсидий. Здесь возникает вопрос, почему они дают кредиты и как африканские государства смогут их вернуть [14, с. 86–87]. Утверждается, что иностранная помощь облегчила путь транснациональным компаниям и их участие на континенте, что, следовательно, может быть связано с неокOLONиальным подходом.

В настоящее время существуют две основные угрозы, исходящие от ПИИ Китая. Первая заключается в том, что Китай проводит политику «без обязательств». Это означает, что существует потенциальный риск того, что

такая политика может укрепить авторитарные режимы и в долгосрочной перспективе подорвать экономическое развитие государства-партнера.

Вторая угроза состоит в том, что Китай увеличивает свои доходы, пользуясь преимуществами и эксплуатируя слабые институты в государстве-партнере. Во-первых, Китай стал одним из основных акторов, участвующих в разработке горнодобывающих и нефтяных месторождений в Африке, что позволяет государству-субъекту использовать больше своих природных ресурсов. Во-вторых, потребность Китая в природных ресурсах привела к росту цен на мировом рынке этих товаров [7].

Эффект от этих мер в совокупности приводит к безусловной выгоде, получаемой Китаем через доходы от экспорта африканских ресурсов или через политику «без обязательств» с помощью кредитов и других субсидий.

Торговая политика

Новая торговая политика Китая в отношении Африки сделала Пекин центральной мишенью для нарративов антикитайского сопротивления в Африке. Китайские фирмы, находящиеся под контролем государства, способны направлять торговлю между Китаем и Африкой через дополнительные рыночные решения, которые влияют на потоки. Их торговые отношения зависят исключительно от пяти переменных: «сравнительное преимущество Китая в трудоемком и капиталоемком производстве, природные ресурсы Африки и ее богатства, быстрый экономический рост Китая, заинтересованность Китая в развитии инфраструктуры в Африке и в самом Китае и, наконец, зависимость развития экономики от китайских морских перевозок и товаров легкой промышленности» [3, с. 793].

Инфраструктурные инвестиции Китая расширяют возможности для их навигации в торговых отношениях. Инфраструктурная мощь позволяет им оказывать влияние на направления экспорта и поставщиков. Масштабная экономика Китая, тарифы и производители электроэнергии, помимо прочего, позволили им «выйти на мировой уровень». Следствием этого стало то, что африканские промышленные товары все труднее попадают на рынки, и это

также затрудняет конкуренцию африканских промышленных товаров даже внутри страны [3, с. 897].

Растущий спрос Китая на сырье и его способность производить дешевые потребительские товары стали сердцевиной торговых отношений между Китаем и Африкой [3, с. 808]. Таким образом, торговля между странами заключается в том, что Китай стал основным направлением экспорта для африканских стран и он рассматривается в качестве главного направления, когда речь идет об импорте африканскими странами уже произведенных товаров. Китайский импорт сосредоточен вокруг относительно небольшого числа государств, в основном богатых ресурсами, в отличие от этого уже изготовленные китайские товары достигают практически всех частей Африки [6, с. 168–169].

Иностранная помощь Африке

Китайская внешняя помощь в основном направлена на инфраструктуру. В 2015 году Китай и Африканский союз объявили о заключении соглашения о содействии развитию африканского транспорта и судоходства, рассчитанного на 48 лет. Исследователи утверждают, что стратегия китайской внешней помощи состоит в минимизации политических рисков и облегчении работы транснациональных корпораций в секторе природных ресурсов, что частично подтверждается увеличением прямых иностранных инвестиций в сектор природных ресурсов [10, с. 86–87]. Транснациональные предприятия заинтересованы в проведении переговоров с правительством о заключении инвестиционных сделок. Также отмечается, что наибольшее сдерживающее негативное влияние иностранной помощи и ПИИ на внутреннюю политику наблюдается в государствах, обладающих значительным количеством природных ресурсов.

Риск китайской внешней помощи заключается в том, что правительства не публикуют открытые данные в отношении того, какой объем помощи они получают от Китая, что может ухудшить отношения между правительством и местным населением. Кроме того, имеется опасение, что отношения между

Африкой и Китаем перерастут в новые колониальные отношения из-за риска их ухудшения для развития африканских государств. Подозрение вызывает отсутствие условий со стороны китайской помощи. Единственное условие, о котором чаще всего говорится, заключалось в том, что подрядчики на поставки должны быть из Китая [14, с. 86–87].

Утверждается, что основная часть китайских инвестиций может быть обозначена как финансирование в целях развития, а не как помощь, что признается китайскими аналитиками, но в китайской литературе эти два понятия постоянно сливаются воедино. Именно по этой причине китайцы предоставляют большое количество долгосрочных кредитов. Помощь Китая прагматична, служит инструментом политики на континенте и создает условия для доступа к природным ресурсам и местным рынкам через индивидуальные и коммерческие проекты развития [16].

Заключение

Отношения между Китаем и Африкой становятся все более интегрированными. Экономический сектор в данном исследовании вместе с растущим военным присутствием показывает, что Китай занимается обеспечением безопасности ресурсов в африканских государствах. Помощь и инвестиции являются стратегическим способом добычи сырья в обмен на промышленные товары, что, в свою очередь, предлагается через относительно безобидную «политику невмешательства». Более того, несправедливые торговые отношения ухудшают положение собственных компаний и производителей африканских государств и держат Африку в зависимости от своих более могущественных партнеров.

В данном исследовании утверждается, что у Китая есть политический стимул добиваться поддержки со стороны африканских государств: возросла поддержка Китая в ООН африканскими государствами в таких вопросах, как отношения с Тайванем и идея «единого Китая». Наконец, растущий культурный экспорт из Китая в Африку, включая язык, технические ноу-хау, а также представление СМИ и литературы – это то, к чему следует относиться

с осторожностью, поскольку СМИ принадлежат государству или находятся под его влиянием.

Вновь возвращаясь к постановке проблемы и исследовательской теме, мы задаемся вопросом, существуют ли неоколониальные элементы или динамика в отношениях между Китаем и Африкой. Ответ на этот вопрос положительный, в некоторых из изученных аспектов есть признаки неоколониальных элементов:

1. На континенте наблюдается развитие культуры и СМИ. Данное исследование показывает, что китайские СМИ принадлежат государству и есть желание попытаться изменить представление о Китае на континенте. В связи с этими результатами возникли вопросы: В какой степени Китай будет продолжать это развитие и с какой целью? Является ли это стратегией использования китайцами каналов СМИ для завоевания популярности у африканского народа? Сегодня присутствие СМИ все больше увязывается с экономической деятельностью и вовлечением «мягкой силы». Такой подход не только классифицируется как неоколониальное взаимодействие, но и открывает возможности для будущих исследований относительно этого развития и первоначальных целей, связанных с ним. Будет ли Китай пытаться создать позитивное представление о себе на континенте, чтобы стать более привлекательным не только для государственных лидеров, но и для местного населения, с целью дальнейшего закрепления на континенте?

2. Китайское присутствие в Африке способствует экономическому процветанию, но в то же время – это «новая схватка за Африку». Данное исследование показывает, что в процесс китайского участия на континенте вовлечен политический интерес. Китайцы зависят от политической поддержки, и растущее участие Китая на континенте увеличило поддержку в КНР африканскими странами в ООН, когда речь идет о Тайване и политике «одного Китая».

В других случаях не было достаточно доказательств, чтобы утверждать, что присутствуют неокOLONиальные элементы. Например, Китай не стремится влиять на внутреннюю политику африканских государств.

Список источников и литературы

1. *Antwi-Boateng O.* New World Order Neo-Colonialism: A Contextual Comparison of Contemporary China and European Colonization in Africa. *Journal of Pan African Studies*. 2017. URL: <http://www.jpanafrican.org/vol10no2.htm> (Дата обращения 10.01.2023)
2. *Claassen C., Loots E., Bezuidenhout, H.* Chinese foreign direct investment in Africa: Making sense of a new economic reality. *African Journal of Business Management*. 2012.
3. *Elliot S.* The US-China trade rivalry is underway in Africa, and Washington is playing catch-up. 2019. URL: <https://www.cnbc.com/2019/10/09/the-uschina-trade-rivalry-is-underway-in-africa.html> (Дата обращения 10.01.2023)
4. *Grill B.* China's Expanding Media Dominance in Africa. 2019. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/china-expands-media-dominancein-africa-a-1272274.html> (дата обращения: 10.01.2023)
5. *Haugen Ø. H.* Chinese Exports to Africa: Competition, Complementarity and Cooperation between Micro-Level Actors. *Forum for Development Studies*. 2011. URL: <https://www-tandfonlinecom.proxy.lnu.se/doi/full/10.1080/08039410.2011.572286> (дата обращения: 10.01.2023)
6. *Holslag, J.* China's New Security Strategy for Africa, Parameters, URL: https://search-proquestcom.proxy.lnu.se/docview/58836708?rfr_id=info%3Axri%2Fsid%3Aprim о (дата обращения: 10.01.2023)
7. *Kolstad I., Wiig A.* Better the Devil You Know? Chinese Foreign Direct Investment in Africa. *Journal of African Business*, 2011. URL: <https://www->

tandfonlinecom.proxy.lnu.se/doi/full/10.1080/1536710X.2011.555259 (дата обращения: 10.01.2023)

8. *Lee A., Schultz K.* Comparing British and French colonial legacies: A Discontinuity Analysis of Cameroon. *Quarterly Journal of Political Science*. 2012. URL:

http://www.rochester.edu/college/faculty/alexander_lee/wpcontent/uploads/2014/07/lee-schultz-2012.pdf (дата обращения 10.01.2023)

9. *Lumumba-Kasongo T.* China-Africa Relations: A Neo-Imperialism or a Neo-Colonialism? A Reflection. *African and Asian Studies*. 2011. URL: https://brill-com.proxy.lnu.se/view/journals/aas/10/2-3/articlep234_8.xml (дата обращения 10.01.2023)

10. *McNally C. A.* Sino-Capitalism: China's Reemergence and the International Political Economy, *World Politics*. Cambridge. Cambridge University Press. 2012.

11. *Mohan, G. and Power, M.* New African Choices? The Politics of Chinese Engagement. *Review of African Political Economy*. URL: <https://www-tandfonlinecom.proxy.lnu.se/doi/full/10.1080/03056240802011394> (дата обращения 10.01.2023)

12. *Nel, N. M., Krog, S. and Lebeloane, L.* South African Grade 5 nonnative learners learning Mandarin as a second additional language with a focus on Chinese characters, *Literator*, 2019. URL: <https://search-ebshostcom.nwulib.nwu.ac.za/login.aspx?direct=true&db=lfh&AN=141257491&site=eds-live> (дата обращения 10.01.2023)

13. *Pannell, C.W.* China's Economic and Political Penetration in Africa. *Eurasian Geography and Economics*, 2008. URL: <https://www-tandfonline-com.proxy.lnu.se/doi/abs/10.2747/1539-7216.49.6.706>. Accessed (дата обращения 20.04.2023)

14. *Stambach, A. and Kwayu, A.* Confucius Institutes in Africa or How the Educational Spirit in Africa is Re-Rationalized towards the East. *Journal of Southern African Studies*, 2017.

15. Schoeman, M. China in Africa: the rise of hegemony? URL: https://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/4019/Schoeman_China%282007%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 20.04.2023)

16. *Wasserman, H.* China-Africa media relations: What we know so far. *Global Media and China.* 2018. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2059436418784787> (дата обращения 10.01.2023)

Коршунова Екатерина Андреевна,
Дипломатическая академия МИД России,
ek2001krh@mail.ru
Ekaterina A. Korshunova,
student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation.
ek2001krh@mail.ru

Научные руководители:
Сидорова Лидия Николаевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и
политической философии Дипломатической академии Министерства
иностраннных дел России,
Советова Елена Александровна,
старший преподаватель кафедры
романо-германских языков
Дипломатической академии Министерства
иностраннных дел России

Academic Supervisors:
Lidia N. Sidorova,
Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Science and Political Philosophy of the
Diplomatic Academy of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation
Elena A. Sovetova,
Senior lecturer
of the department Romano-Germanic Languages of the Diplomatic Academy
of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation

**КОРПОРАТИВИЗМ КАК МОДЕЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ:
ПРИМЕР НОРВЕГИИ
CORPORATISM AS A MODEL OF INTEREST REPRESENTATION IN
MODERN DEMOCRACIES: THE EXAMPLE OF NORWAY**

Аннотация: на протяжении второй половины XX в. социально-экономическая стабильность в европейских странах осмысливалась как результат установившейся там особой модели представительства интересов – корпоративизма. В статье рассматривается вопрос о том, насколько корректно сегодня ассоциировать европейскую социально-экономическую модель с практиками согласования интересов в рамках институтов трипартизма. В

статье приведены актуальные концепции корпоративизма, на примере Норвегии рассматриваются эмпирические данные, позволяющие судить об упадке корпоративистских каналов влияния на процесс принятия политических решений.

Abstract: the European socio-economic model is traditionally associated with strong trade union organizations, constant coordination of interests within the tripartite institutions. During the second half of the 20th century, socio-economic stability in European countries was considered as the result of a special model of interests representation established there known as corporatism. Despite the fact that the phenomenon is widely discussed by western political scientists, we can argue that in Russia this topic is rarely raised by researches. This significantly deteriorates understanding of political processes in Europe. In this paper we will provide an overview of the modern concepts of corporatism, then with Norway as an example of a state with strong corporatist channels of influence on policy making we will analyze empirical data, that can inform us on the current state of corporatism in a country.

Ключевые слова: корпоративизм, скандинавская модель, профсоюзы, демократия, Норвегия.

Key words: corporatism, Scandinavian model, trade unions, democracy, Norway.

Введение

Европейская модель экономического развития традиционно ассоциируется с активными профсоюзными организациями, постоянным согласованием интересов в рамках институтов трипартизма. На протяжении второй половины XX в. социально-экономическая стабильность во многих европейских странах осмысливалась как результат установившейся там особой модели представительства интересов – корпоративизма. При этом скандинавские страны во многих компаративистских исследованиях оценивались как наиболее корпоративистские демократии [12]. Несмотря на

существование устойчивой системы парламентской демократии, корпоративизм рассматривался как альтернативный канал артикуляции общественных интересов, влияние которого выражалось в тесном сотрудничестве правящей Рабочей партии с профсоюзными организациями, а также в доступе ограниченного числа групп интересов к процессу принятия решений. Сегодня приход глобализации с открытыми рынками труда, товаров и услуг, цены на которых уже сложно регулировать на национальном уровне, изменениями партийных стратегий привлечения электората, равно как и изменение структуры последнего составляют существенные вызовы для сохранения корпоративизма в его прежнем виде. В связи с этим не прекращаются дискуссии о том, насколько можно говорить, что некогда сильные институты корпоративизма вообще живы в Западной Европе.

В данной работе рассмотрены эмпирические данные об актуальном состоянии корпоративизма в Норвегии и основных тенденциях его развития в последние десятилетия. Эти данные проанализированы для проверки тезиса об упадке корпоративизма в Норвегии.

Концептуальные основы понятия корпоративизм в современных научных дискуссиях

В центре внимания некоторых исследователей находится поиск теоретических истоков корпоративизма как политико-идеологического течения [5]. В разное время оно вбирало в себя такие принципы, как противопоставление частного общественному в пользу последнего, необходимость согласования общественных и государственных интересов в форме «социального контракта», естественную солидарность, персонализм, наконец, для авторитарных режимов 1920–1930-х гг. было свойственно рассматривать корпоративизм как «третий путь» между либерализмом и социализмом. Подлинным субъектом социальных отношений был не отдельный индивид и не класс, а социальная группа (трудовой коллектив, семья или церковная община), в рамках которой человек реализует свою социальную сущность. Такие ячейки должны были прямо и беспрекословно

подчиняться государству, обуславливая таким образом легитимность установившейся власти [1]. Этот подход к анализу корпоративизма, который можно было бы назвать нормативным, представляет собой несколько абстрактный взгляд на развитие корпоративизма, так как предметом анализа становится именно развитие идеи о предпочтительной модели устройства общества. Вне поля зрения исследователей остается динамика развития конкретных институтов, в рамках которых происходит взаимодействие групп интересов внутри государства. Кроме того, восприятие корпоративизма как идеологии, связанной с режимами времен Б. Муссолини в Италии, президента А. Салазара в Португалии, генерала Ф. Франко в Испании, может привести к тому, что исследование превратится в высказывание оценочных суждений относительно оправданности существования диктатур как таковых.

Качественно новый подход к изучению корпоративизма в Западной Европе предложил Ф. Шмиттер в 1970-е гг. Он отказался от наделения этого явления статусом идеологии и рассматривал его как систему представительства групп интересов или как модель демократии. В статье 1974 г. “Still the century of corporativism?” он предложил понимать «новый» корпоративизм как «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурирующих между собой, иерархически упорядоченных, функционально различных категорий, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [17].

На это определение ссылаются сегодня практически все исследователи корпоративизма, то есть в политической науке оно по сути является универсальным представлением о том, что такое корпоративизм. Примечательно, что в рамках такого понимания концепта предполагается коллективное, а не индивидуальное представительство интересов, при этом

речь идет о взаимоотношениях государства и общества, а не групп интересов между собой (между ними не подразумевается конкуренции). Кроме того, это взаимодействие строится на так называемом обмене ресурсами – возможность групп интересов артикулировать свои требования в обмен на лояльность по отношению к органам власти. Именно так в 1970-е гг., по мнению Ф. Шмиттера, были устроены многие европейские демократии, которые исследователь назвал режимами с социетальным корпоративизмом.

Концепция неокорпоративизма была предложена Ф. Шмиттером как альтернатива концепции плюрализма, которая в то время обладала монополией, когда речь заходила о моделях группового представительства интересов. Плюралисты настаивали на том, что групп интересов, между которыми должны балансировать государственные органы, принимающие решения, может быть сколь угодно много, а их ресурсы разнообразны настолько, что все они могут иметь рычаги воздействия на правительства [4], в то время как корпоративисты настаивали на том, что государство выстраивает отношения лишь с наиболее авторитетными, многочисленными и влиятельными организациями, количество которых строго ограничено, кроме того, они четко централизованы и иерархичны.

Современный взгляд на перспективы развития корпоративизма в Европе не столь оптимистичен, так как исследование институтов корпоративизма показывает, что сейчас они переживают период упадка и скорее эволюционируют в сторону плюрализма [3].

Помимо этого, есть еще одна точка зрения на корпоративизм, которая осталась не без внимания со стороны Ф. Шмиттера. Речь идет о представлении корпоративизма как разновидности капитализма. Эта модель воплощается на практике в постоянном согласовании экономических интересов работников и работодателей через переговоры об условиях труда. Иными словами, речь идет о согласовании экономической политики на макроуровне. С самого начала такого подхода придерживались ученые-политэкономисты, сосредоточив свое внимание на производственных отношениях,

экономической политике и политике на рынке труда. Они едва ли признавали корпоративизм за пределами этих секторов [8]. Выходило, что экономика регулировалась не исключительно рыночными силами, не исключительно государством, а через процесс постоянного согласования интересов работников, работодателей и государства. В фокусе подобных исследований находится влияние переговоров «социальных партнеров» именно на экономическую политику.

Продолжение дискуссий о том, каким образом следует определять корпоративизм, постоянное измерение активности его институтов и сравнение этих показателей для разных стран мира говорят о том, что тема хоть и не возглавляет повестку дня в политологических дискуссиях, но все же в своей «нише» является обсуждаемой.

Понимается ли корпоративизм как модель представительства интересов или как разновидность капитализма – речь идет об исследовании механизмов согласования интересов внутри государства, на чем основывается стабильное функционирование политической системы. Без понимания этих базовых принципов невозможно грамотное исследование политических отношений. Корпоративизм в действительности является лишь одной из исследовательских парадигм, и вопрос сегодня заключается в том, насколько вообще актуально применять ее при рассмотрении современных взаимодействий групп интересов внутри государства.

В рамках данной статьи корпоративизм определен в том смысле, который ему придавал Ф. Шмиттер, то есть как модель представительства групповых интересов в условиях демократии. Для операционализации данного концепта возьмем следующие важные характеристики корпоративизма, на которые указывается в определении:

- 1) Наличие постоянного обмена ресурсами между группами интересов и правительством. Ранее исследователи пытались отследить это через взаимоотношение между Рабочей партией Норвегии и профсоюзными организациями [7].

2) Доступ групп интересов к процессу выработки и осуществления государственной политики. Здесь важно обратить внимание на институты, в рамках которых происходит качественное взаимодействие групп интересов и органов государственной власти.

Корпоративизм в странах Северной Европы

Дискуссии о судьбе корпоративизма в XXI веке затронули и страны Северной Европы. В исследованиях, проводившихся в 1990-х гг., эти государства занимали первые места в рейтингах стран с сильным корпоративизмом, что, с одной стороны, вызывало дальнейший интерес ученых к проведению компаративных исследований с целью определить, можно ли говорить об особой скандинавской модели корпоративизма. Как правило, выводы, которые делаются по результатам подобных исследований, говорят о том, что такой модели не существует [13]. Конечно, есть некоторая схожесть в общих принципах институционального устройства корпоративизма во всех этих государствах, однако законодательное регулирование трипартизма, степень включенности государства в эти отношения, общие объемы охвата населения участием в профсоюзных организациях остаются различными, а потому было бы разумно характеризовать ситуацию в каждой стране отдельно.

С другой стороны, своей задачей политологи видели проследить динамику развития корпоративизма в каждой отдельной стране на длительных временных промежутках для того, чтобы делать выводы о трансформации демократии в государствах Северной Европы [16].

В 1997 году в журнале «Полис» был опубликован перевод еще одной статьи Ф. Шмиттера, где он назвал такие страны, как Австрия, Финляндия, Швеция и Норвегия, государствами с достаточно сильными корпоративистскими традициями. В качестве предпосылок стабильного существования корпоративизма в этих странах он отметил устойчивые электоральные предпочтения, мощные социал-демократические партии, нейтралитет во внешней политике, языковое и культурное единство [6].

Видимо, последствия глобализации, трансформация партийных стратегий привлечения электората, изменения на геополитической арене не оставили от всего этого и следа.

Социал-демократическая партия (Ap) Норвегии и Конфедерация профсоюзов Норвегии (LO) : кризис «обмена ресурсами»

Ключевыми характеристиками корпоративного устройства политической системы является ограниченность групп интересов, объединенных в особые иерархично выстроенные организации, между которыми отсутствует соперничество. Государство (под которым понимаются политические круги, в руках которых находится власть) взаимодействует с этими группами на особых условиях – обмен права участвовать в процессе принятия решений на ресурсы организаций. Как правило, понятие «ресурсы» операционализируется через показатели финансовой и политической поддержки для групп интересов и наличие властных полномочий для политических партий для проведения предпочтительного для организации политического курса.

Относительно вопроса обмена поддержки на возможность участвовать в политике интересные данные приводят исследователи П.М. Кристиансен, А.С. Нергаард, С. Торстен, Х. Хильмар Ромметведт. Они выдвигают тезис о том, что бывшая некогда сильной связь между Рабочей партией Норвегии (Ap) и Норвежской конфедерацией профсоюзов (LO) сегодня ослабла так, что обмен ресурсами перестал быть важным для обеих сторон [9]. Исследователи связывают это с ослаблением позиций партии (для сравнения в период 1970-х гг. она в одиночку формировала правительство, теперь же может несколько электоральных циклов находится в оппозиции), так что сейчас ставка профсоюзов на социал-демократов не является гарантией того, что выгодная им политика непременно осуществится после выборов. Выходит, что социал-демократы просто теряли свой ресурс для обмена.

При рассмотрении данных о финансировании политических партий, публикуемых Центральным статистическим бюро Норвегии [10], мы можем

обнаружить, что НРП по-прежнему имеет некоторое преимущество в привлечении финансовых ресурсов от профсоюзных объединений во время выборов, тем не менее для консервативной партии, например, вклад частных лиц и коммерческих организаций полностью компенсирует нехватку поддержки. Кроме того, можно заключить, что часть профсоюзной поддержки «утекает» к третьим партиям (в качестве такого примера рассмотрим Партию центра Senterpartiet). Последнее можно объяснить тем, что пребывание партии в коалиционных правительствах или даже в оппозиции привело к необходимости согласовывать интересы с другими политическими силами.

Так, на Рис 1., Рис 2. и Рис. 3 приведены данные о финансовой поддержке политических партий Норвегии для тех лет, когда в стране проводились выборы в парламент. Для сравнения взяты показатели для НРП, Консервативной партии и Партии центра. Наблюдаемое явление можно охарактеризовать как диверсификацию активов групп интересов.

Рис.1

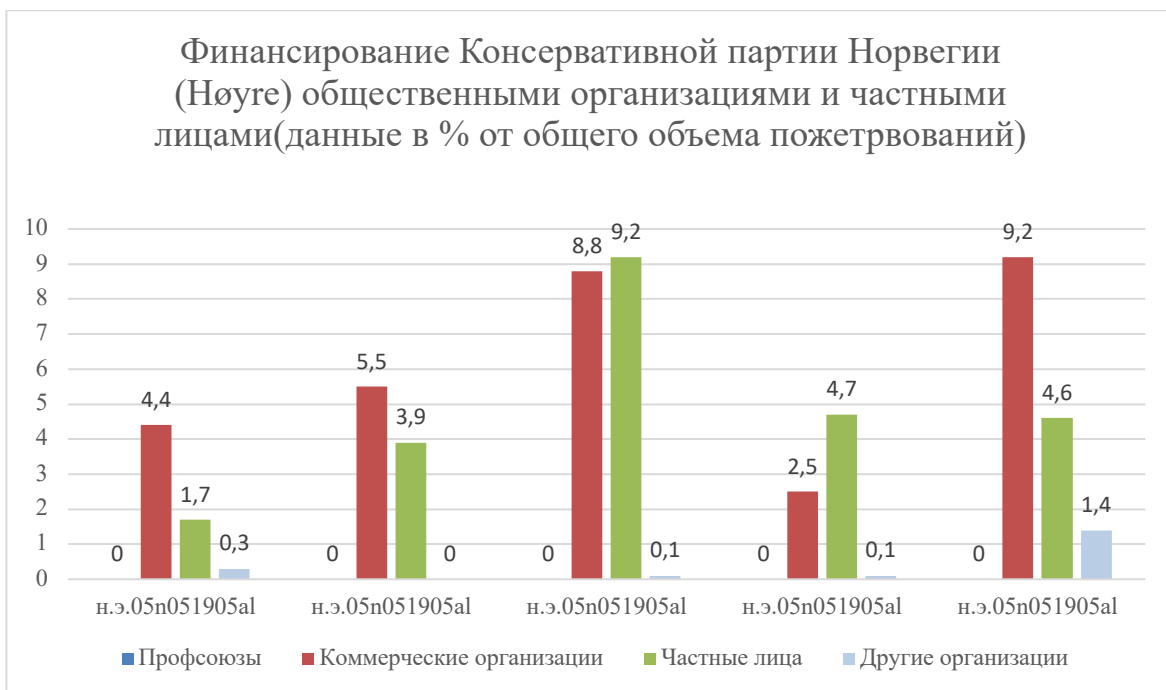

Рис. 2.

Рис. 3

Кроме того, на Рис. 4 видно, что вклад профсоюзных организаций в процентом отношении вполне сопоставим с вкладом других объединений, а иногда даже на доли процента ниже (например, см. 2013 г.).

Рис.4

Примечательно, что тогда же, когда НРП теряет стабильную поддержку электората, происходят перестройки и внутри профсоюзного движения, а именно плюрализация групп интересов. LO перестает быть единственной организацией профсоюзов в Норвегии. В 1977 году были созданы YS (Yrkesorganisasjonenes Sentralforbund), в 1997 году – Akademikerne, в 2001 году образовывается еще одна общенациональная профсоюзная организация Unio. При этом традиции разделения на синие и белые воротнички при присоединении к профсоюзной организации в Норвегии не сложилось, так что конкуренция за ресурсы между этими организациями достаточно высокая [15].

Хотя сегодня процент членства в LO достаточно высок и составляет 52% от всех состоящих в профсоюзе, но сравниться с показателем в 83% в 1958 году уже не сможет [7]. Динамика за десятилетие с 2001 по 2021 год показывает, что LO медленно, но стабильно теряет членов, в то время как членство в Unio и Akademikerne увеличивается (с 8 до 10% и с 4 до 7% от всего количества населения соответственно) [14]. Увеличивающееся количество групп интересов свидетельствует о том, что единства интересов среди одной

из сторон социального партнерства уже не наблюдается, наметилась тенденция к размыванию той самой иерархичности и централизованности профсоюзного движения, которые делали политическую систему корпоративистской. Со своей стороны, профсоюзное движение также теряет важный актив, который оно ранее использовало в обмене – единство групп интересов в рамках одной организации. Тем не менее сам процент членства в профсоюзах сегодня остается высоким – 50% от всего населения на 2021 год, в то время как в 2000 году эта цифра составляла 52% [14].

Еще одним важным ресурсом профсоюзов, который пришел в упадок в последние десятилетия, стала их способность мобилизовать электорат для голосования за конкретную партию. Механизмы коллективного членства в партии для членов профсоюза стали размываться уже в конце 1960-х гг.: в 1969 году было отменено правило, по которому необходимо было быть членом партии для вступления в профсоюз, так что многие профсоюзы просто стали разрывать свои связи с партией. К 1989 году только 24% членов партии были коллективно аффилированы в результате членства в профсоюзе [7]. Коллективное членство в партии было запрещено к 1997 году. Усугублению этой тенденции способствовал и переход социал-демократов от ориентации на рабочий класс к стратегии, условно называемой «партия для всех», так что теперь обращение за голосами к рабочим было частью обращения ко всем гражданам вне зависимости от сферы деятельности, что воспринималось как предательство интересов традиционного электората.

В итоге можно заключить, что традиционные корпоративистские связи в Норвегии приходят в упадок в 1970-х гг., а одной из причин этого является потеря обеими сторонами своих ресурсов, необходимых для политического обмена.

Сокращение доступа к процессу выработки политического курса как показатель упадка корпоративизма в Норвегии

Некоторые исследователи считают, что сущность корпоративизма в Скандинавии сегодня отражают общественные комитеты, советы или

комиссии, которые могут выступать как совещательные органы, помогая подготовить какую-либо инициативу, или же иметь исполнительную функцию. Эти комитеты могут создаваться ad-hoc для решения конкретной проблемы, а могут постоянно действовать при органе власти. Они состоят из представителей групп интересов (или, по крайней мере, хотя бы несколько представителей участвуют в их работе). Кроме того, следуя классическому определению корпоративизма, нужно заметить, что эти комитеты создаются правительством, то есть санкционированы государством. Тогда динамику развития корпоративизма можно привязать к динамике сокращения или увеличения числа таких комитетов. Данный подход в своем исследовании разработали П.М. Кристиансен, Х. Ромметведт, Т. Свенссон, А. Норгаард [18]. На графике ниже приведены данные, полученные ими в результате работы.

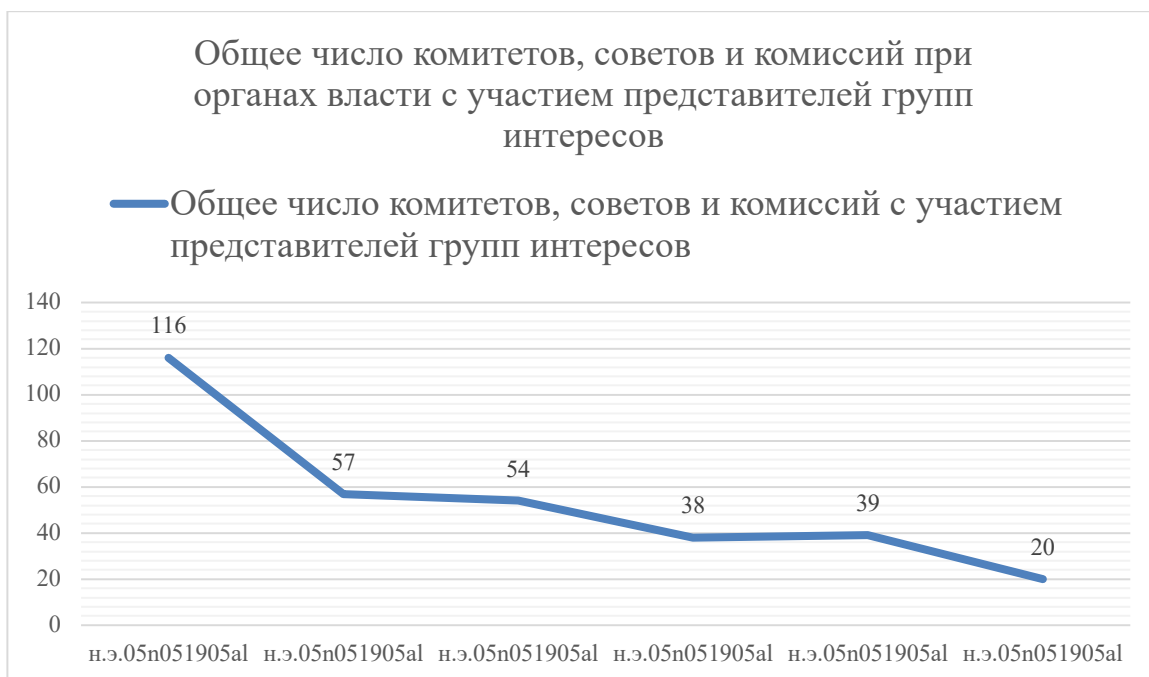

Рис.5

Как мы видим, за период с 1986 по 2005 год количество подобных совещательных комитетов существенно сократилось с 116 до 20 институтов. Конечно, исследователи делают ряд оговорок относительно валидности данного показателя для измерения корпоративизма. Например, они не разделяли комитеты по уровню значимости их решений для органов власти, не выделяли отдельно направления их деятельности, так что с опорой на

приведенные данные вряд ли можно делать какие-либо выводы о качестве работы комитетов и уровне их реального влияния. Однако само их количественное сокращение свидетельствует о том, что относительно прошлых лет корпоративизм в Норвегии, действительно, сворачивается.

Заключение

Скандинавские страны известны сильными корпоративистскими традициями. Исходя из этого, сегодня, начиная любое исследование политических отношений в Скандинавии, следует оглядываться на наследие политологов-корпоративистов.

Несмотря на то что сам концепт корпоративизма разрабатывался в 1970-е гг. и активные дискуссии относительно сущности этого понятия проходили именно тогда, изучение корпоративистских институтов в Европе не прекращается. Работа ведется в рамках двух школ: корпоративизм изучают как разновидность капитализма, который характеризуется участием бизнеса, труда и государства в разработке экономической политики, помимо этого, корпоративизм рассматривают как механизма представительства интересов организованных групп.

На основе анализа данных о структуре групп интересов и устойчивости их связей с правительством, а также данных о доступе групп интересов к процессу принятия решений в Норвегии можно заключить, что тезис об упадке корпоративизма как механизма представительства групп интересов, действительно, подтверждается. Данный вывод делается на основе сравнения данных о состоянии корпоративных институтов и связей на длительных временных промежутках (например, показателей 1986 г., с 2005 г., 2000 и 2021 гг.). При этом следует отметить, что сам процесс «сворачивания» корпоративизма проходит медленными темпами и, скорее, замечен при изучении структурных изменений во взаимодействии групп интересов с органами власти.

Список источников и литературы

1. *Пинту А.К.* Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период// БЕРЕГИНЯ.777.СОВА – 2014 – № 4(23) – С. 70-90
2. *Потапова Е.Б.* Корпоративизм в Западной Европе как объект теоретического осмысления: проверенные гипотезы и новые взгляды// Вестник СПбГУ. – 2010 – № 4(6) – С. 165 – 173
3. *Фельдман П.Я.* Корпоративизм в Западной Европе: современное состояние и перспективы эволюции// Вестник МГИМО-Университета – 2018. – 1(58). – С. 246-258
4. *Шапкин И.Н.* Корпоративизм или плюрализм: актуальные модели взаимодействия современного государства и общества // Век глобализации – 2018 – № 1 – С. 24-39
5. *Шапкин И.Н.* Теоретико-методологические истоки теории корпоративизма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2016 – № 3(23) – С. 43-53
6. *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм // Полис. – 1997 – №2 – С. 14-22
URL: http://read.virmk.ru/h/Shmitter_1.htm (дата обращения 27.12.2022)
7. *Allern E.H., Aylott N., Christiansen F.J.* Social Democrats and Trade Unions in Scandinavia: The Decline and Persistence of Institutional Relationships // European Journal of Political Research. – 2007 – № 46 – P.607–635. URL: https://www.researchgate.net/publication/230128839_Social_Democrats_and_Trade_Unions_in_Scandinavia_The_Decline_and_Persistence_of_Institutional_Relationships (accessed: 25.12.2022)
8. *Crepaz M. L.* Corporatism in decline? An empirical analysis of the impact of corporatism on macroeconomic performance and industrial disputes in 18 industrialized democracies // Comparative Political Studies. – 1992 – № 25 – P. 139-168.
9. Disrupted Exchange and Declining Corporatism: Government Authority and Interest Group Capability in Scandinavia / Christiansen P.M., Nørgaard A.S., Torsten Svensson S., Hilmar Rommetvedt H. // Government and

Opposition. – 2011 – № 3(46) – P. 365–391 URL:
https://www.researchgate.net/publication/227693705_Disrupted_Exchange_and_Declining

10. Finansiering av politiske partier // Statistisk sentralbyrå. URL:
<https://www.ssb.no/statbank/list/partifin/> (accessed: 29.12.2022)

11. *Kjellberg A., Nergaard K.* Union Density in Norway and Sweden: Stability versus Decline // Nordic journal of working life studies – 2022 – №8(12) – P.51-72. URL:
https://www.academia.edu/85235713/Union_Density_in_Norway_and_Sweden_Stability_versus_Decline (accessed: 29.12.2022)

12. *Lijphart A, Crepaz. M.* Corporatism and Consensus Democracy in Eighteen Countries: Conceptual and Empirical Linkages // British Journal of Political Science – 1991 – 21 – P. 235-246.

13. *Mailand M.* Corporatism in Denmark and Norway - yet another century of Scandinavian corporatism? // WSI Mitteilungen – 2009 –№1 URL:
https://faos.ku.dk/english/publications/2009/corporatism_in_denmark_and_norway (accessed: 29.12.2022)

14. *Nergaard K.* Organisasjonsgrader, tariffavtaledekning og arbeidskonflikter 2020 og 2021 – Oslo: Fafo-notat, 2022. – 61 p.

15. *Óskarsdóttir S.* Public committees and corporatism: How does Iceland compare to Scandinavia? // Icelandic Review of Politics and Administration. – 2018 – № 1(14) – P. 167-188. URL:
https://www.researchgate.net/publication/325470658_Public_committees_and_corporatism_How_does_Iceland_compare_to_Scandinavia (accessed: 27.12.2022)

16. *Rommetvedt H.* Scandinavian corporatism in decline/ Conference paper: Norwegian Political Science Conference (Stavanger, 4-6 January, 2017). URL:
https://www.researchgate.net/publication/312044815_Scandinavian_corporatism_in_decline (accessed: 23.12.2022)

17. *Schmitter P.C.* Still the Century of Corporatism? // *The Review of Politics* – 1974 – № 1(36) – P. 85-131. URL: <http://www.jstor.org/stable/1406080> (accessed: 29.12.2022)

18. Varieties of Democracy: Interest Groups and Corporatist Committees in Scandinavian Policy Making / Christiansen P.M., Nørgaard A.S., Torsten Svensson S., Hilmar Rommetvedt H. // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. – 2010 – №1 (21) – P. 22-40. URL: https://www.researchgate.net/publication/226441209_Varieties_of_Democracy_Interest_Groups_and_Corporatist_Committees_in_Scandinavian_Policy_Making (accessed: 29.12.2022).

Мингаирова Алина Камилевна,
Дипломатическая академия МИД России,
mrs.mingairova@mail.ru
Alina K. Mingairova,
The Diplomatic Academy of the MFA of Russia,
mrs.mingairova@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДА КИТАЯ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ
EVOLUTION OF CHINA'S APPROACH TO MAINTAINING
INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY:
MEANING FOR RUSSIA**

Аннотация: в статье представлена эволюция подхода Китая к обеспечению международной информационной безопасности (МИБ). За последние 30 лет Китай активизировал свою деятельность в тех аспектах МИБ, которые затрагивают цифровую экономику и управление Интернетом. Для России основной областью сотрудничества с Китаем в сфере МИБ являются вопросы собственно безопасности. Возможно также избирательное сотрудничество в рамках китайских инициатив Цифрового шелкового пути, Глобальной инициативы по безопасности данных и сообщества единой судьбы в киберпространстве.

Abstract: the article deals with the evolution of China's approach to maintaining international information security. Over the last 30 years China has become active in those areas of maintaining international information security that are related to digital economy and Internet governance. The issues of security per se remain the main area of Russia-China cooperation in international information security; selective cooperation under the Chinese initiatives, namely the Digital Silk Road, the Global Data Security Initiative and a community of shared destiny in cyberspace, is also possible.

Ключевые слова: Китай, международная информационная безопасность, кибербезопасность, Россия, цифровая экономика, Цифровой

шелковый путь, Глобальная инициатива по безопасности данных, большие данные, сообщество единой судьбы в киберпространстве.

Keywords: China, international information security, cybersecurity, Russia, digital economy, Digital Silk Road, Global Data Security Initiative, big data, community of shared destiny in cyberspace.

Актуальность проблемы

Место Китая в глобальном информационном пространстве трудно переоценить. Эта страна занимает первое место по числу интернет-пользователей в мире. На нее, по данным Управления международной торговли США за 2021 год, приходилось почти 50% транзакций в сфере электронной торговли [20].

Неудивительно, что при этом Китай сталкивается с большим количеством вызовов и угроз своей информационной безопасности. Об этом свидетельствует 51-й статистический отчет о развитии Интернета в Китае, опубликованный в марте 2023 года Китайским информационным интернет-центром. В отчете приводятся данные опроса пользователей, проведенного в декабре 2022 года: за последние полгода 19,6% из них сталкивались с утечкой персональных данных, 16,4% – с интернет-мошенничеством, 9% – с вирусами или троянами, 5,6% – с кражей учетной записи или пароля [40, с. 101]. Более того, от кибератак страдают не только простые граждане. Так, в Докладе о кибербезопасности Китая за 2022 год, опубликованном Rising, одним из крупнейших производителей антивирусного программного обеспечения в Китае, отмечается, что наиболее частыми целями АРТ-атак (атак, представляющих постоянную серьезную угрозу) являются государственные органы и предприятия оборонной промышленности Китая [39]. Что касается источников кибератак, то, согласно отчету Национальной группы оперативного реагирования на компьютерные инциденты/координационного центра Китая за 2020 год, большая часть иностранных атакующих центров DDoS-атак находилась в США, Нидерландах и Германии [29, с. 23].

Вышеописанные вызовы и угрозы информационной безопасности характерны и для России, в особенности после февраля 2022 года. США открыто заявили о «наступательных цифровых операциях» в поддержку Украины, усилились DDoS-атаки на сайты государственных органов, компаний, СМИ и учебных заведений [1; 2]. В октябре 2022 года количество киберпреступлений в России выросло на 20% по сравнению с началом года, причем, по словам министра внутренних дел России В.А. Колокольцева, большинство из них совершалось из-за рубежа [3].

Принимая во внимание глобальный характер Интернета, источника вышеперечисленных угроз, Россия и Китай активно участвуют в обсуждении проблем международной информационной безопасности (МИБ), а также развивают двустороннее сотрудничество в данной области. Так, официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь на пресс-конференции 20 июля 2022 года призвал все страны проявить больше стратегической самостоятельности, посредством диалога и сотрудничества вместе обеспечивать кибербезопасность [37]. В Совместном заявлении от 21 марта 2023 года об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, лидеры России и Китая озвучили ряд общих подходов к МИБ: выступили против милитаризации ИКТ, поддержали создание «многосторонней равноправной и прозрачной» системы управления Интернетом и т.д. [15].

Для понимания дальнейшей политики Китая по обеспечению МИБ и перспектив его сотрудничества с Россией в этой области представляется полезным проследить эволюцию подхода КНР к обеспечению МИБ.

Термин «информационная безопасность» в Китае

С конца 1980-х гг. в Китае стали развиваться информационные технологии, а с 1993 года началась реализация т.н. «золотых проектов» по цифровизации всех сфер экономики и госуправления Китая. В 1994 году, после переговоров с США, Китай получил доступ к мировому Интернету. Поэтому естественно, что с конца 1980-х – начала 1990-х гг. в китайских

официальных документах стал появляться термин «информационная безопасность».

В Правилах регулирования, обеспечивающих безопасность компьютерных и информационных систем 1994 г., информационная безопасность упоминается как часть безопасности этих систем, наряду с безопасностью оборудования, инфраструктуры (включая сеть), среды функционирования, а также нормальным выполнением функций компьютеров. Таким образом, под информационной безопасностью понимается техническая сохранность информации. При этом о небезопасном содержании информации напрямую не упоминается. Согласно Правилам запрещено использовать компьютерные и информационные системы для осуществления действий, наносящих вред интересам государства, коллектива, а также законным интересам граждан [31].

Похожая ситуация с терминологией наблюдается и в Положении о регулировании информационных услуг в Интернете 2000 г. «Наличие надежных мер по обеспечению сетевой (кибер-) и информационной безопасности» включает в себя «меры по обеспечению безопасности сайтов, режим управления конфиденциальностью и безопасностью информации», а также «режим управления безопасностью информации пользователей», т.е. речь идет прежде всего о сохранности информации. При этом в отдельной статье Положения содержится запрет на распространение информации определенного содержания, например информации, противоречащей основным принципам Конституции, наносящей вред безопасности государства и т.д. [35].

По мере того как в официальных документах все больше внимания уделялось безопасности Интернета, информационная безопасность все чаще включала в себя не только техническую сохранность информации, но и законность ее содержания, при этом чаще стал употребляться термин «кибербезопасность»/«безопасность сети». Так, в Решении Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о защите

безопасности Интернета от 28 декабря 2000 года говорится об обеспечении безопасности функционирования Интернета (перечисляются преступления технического характера, такие как взлом информационных систем в сфере госуслуг, оборонного строительства и передовых технологий), а также об обеспечении информационной безопасности Интернета (защита госбезопасности, социальной стабильности, экономического и социального строя, прав физических и юридических лиц) [36]. Этот же подход отражен в Законе о кибербезопасности КНР 2016 г.: его четвертый раздел посвящен информационной безопасности в сети и включает в себя требования и к обеспечению сохранности информации, и к законности ее содержания [30].

Движение Китая в русле существующих инициатив по МИБ

Необходимость международного сотрудничества в сфере информационной безопасности была закреплена в официальных документах позже, чем понятие «информационная безопасность». Это произошло тогда же, когда с данным понятием стали связывать безопасность Интернета, т.е. в 2000-х гг. Прямое указание на то, что Китай развивает международное сотрудничество в данной сфере, появляется еще позже, в белой книге «Состояние Интернета в Китае» (2010 г.), причем наибольшее внимание уделено региональному и глобальному сотрудничеству. Приоритетными направлениями международного сотрудничества в сфере МИБ на начальном этапе стали участие в выработке правил поведения государств в данной области, а также противостояние кибератакам и информпреступности. Столь позднее опубликование информации о международном сотрудничестве Китая в области информационной безопасности, его некоторая ограниченность связаны как с чувствительным характером такого сотрудничества, так и с осторожностью внешней политики китайского руководства, которое следовало принципу Дэн Сяопина «держаться в тени и ждать своего часа».

В белой книге 2010 года упоминаются такие международные организации, в рамках которых Китай осуществляет взаимодействие в сфере МИБ, как ООН, АСЕАН, ШОС, Интерпол.

На глобальном уровне Китай с самого начала (2004 г.) участвовал в деятельности всех созывов Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [23]. КНР поддерживает российскую позицию на этой площадке, выступая за суверенитет стран в управлении национальным сегментом Интернета, необходимость адаптации существующих и выработки новых норм международного права в сфере использования ИКТ.

Что касается регионального уровня, то в 2006 году Китай присоединился к Заявлению глав государств – членов ШОС по международной информационной безопасности, в котором была выражена поддержка деятельности ООН по исследованию угроз в сфере МИБ. В том же году с участием Китая была создана Группа экспертов государств – членов ШОС по МИБ. Она разработала Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения МИБ и Правила поведения в области обеспечения МИБ [6].

Сотрудничество Китая с АСЕАН в сфере МИБ началось в рамках борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности – концепцией, одновременно разрабатывавшейся в нескольких странах третьего мира [19, р. 5]. В 2002 году страны подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности. Собственно МИБ стало уделяться внимание позднее. Например, в 2012 году был принят план действий по реализации Пекинской декларации о партнерстве и сотрудничестве Китая и АСЕАН в сфере ИКТ ради общего развития, включавший в себя сотрудничество по линии национальных центров реагирования на компьютерные инциденты, проведение совместных киберучений и семинаров в рамках АСЕАН, экспертное взаимодействие, сотрудничество в сфере НИОКР и продвижения продуктов по обеспечению информационной безопасности, а также обмен опытом и информацией о планах и программах по сетевой и информационной безопасности [26].

Развивалось сотрудничество по линии Интерпола, Совместной группы связи КНР и США по сотрудничеству правоохранительных органов,

проводились консультации по киберпреступности с США, Великобританией, Германией, Италией и другими странами. Тем не менее Китай и западные страны с конца 1990-х – начала 2000-х гг. обвиняют друг друга в кибератаках. Однако западные эксперты отмечают, что Китай сдерживал активность т.н. патриотически настроенных, т.е. не связанных напрямую с государством, хакеров, в 2002 году призвав их воздержаться от атак на американские сайты, что они и сделали [24]. Можно предположить, что это было связано с нормализацией отношений Китая и США в конце 1999 года, вступлением Китая в ВТО в 2001 году, т.е. с существующим в Китае пониманием того, насколько контакты с США важны для экономического развития Китая.

В отличие от двустороннего сотрудничества с западными странами, в белой книге 2010 года нет упоминания о двустороннем сотрудничестве с Россией (при том, что Китай поддерживал российские инициативы по МИБ в ООН и ШОС). Однако вопросы информационной безопасности затрагивались в рамках деятельности Российско-китайской подкомиссии по связи и информационным технологиям Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. Так, на 8-ом заседании Подкомиссии в 2009 году китайская сторона поднимала вопрос о противоправном использовании Интернета [14].

Выдвижение Китаем собственных инициатив и расширение круга партнеров

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году Китай продолжил сотрудничество в сфере МИБ на вышеперечисленных площадках. Так, в рамках он принимает участие в деятельности Рабочей группы ООН открытого состава (РГОС) по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и самих ИКТ, а также в деятельности Спецкомитета ООН по разработке всеобъемлющей конвенции по противодействию информпреступности. Продолжается работа Группы экспертов ШОС по МИБ и взаимодействие Китая с АСЕАН, в том числе в рамках запущенного в 2021 году ежегодного Кибердиалога Китай – АСЕАН.

В то же время Китай стал проводить более активную политику в сфере МИБ, что нашло отражение в таких его инициативах, как Цифровой шелковый путь, Глобальная инициатива по безопасности данных и сообщество единой судьбы в киберпространстве. Можно констатировать, что, в отличие от предыдущего этапа, КНР стала демонстрировать свое глобальное видение управления Интернетом.

Таким переменам в политике Китая в сфере МИБ способствовал ряд факторов. Во-первых, с приходом к власти Си Цзиньпина в Китае стали по-новому интерпретировать подходы к внешней политике, заложенные Дэн Сяопином: открытость, часть политики «реформ и открытости», вышла на новый уровень, что предполагает более активное участие Китая в обсуждении глобальных проблем, в частности вопросов МИБ [43].

Во-вторых, появлению новых китайских инициатив в сфере МИБ способствовали изменения в экономическом развитии Китая. С конца 2011 года экономический рост Китая стал замедляться, поэтому было решено сделать ставку на инновационное развитие. С 2015 года действуют программы «Интернет+», «Сделано в Китае 2025», а также План действий по содействию развитию больших данных, с 2017 года – План развития искусственного интеллекта в новую эпоху. Эти программы направлены на развитие высокотехнологичного производства, цифровой экономики и электронной торговли, что создает дополнительные стимулы для обсуждения вопросов информационной безопасности со странами, использующими китайские товары и услуги в этих областях.

Продвижение цифровой экономики и китайского высокотехнологичного экспорта происходит в рамках инициативы Цифрового шелкового пути. Она была озвучена в 2017 году Председателем КНР Си Цзиньпином на первом Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Цифровой шелковый путь предполагает развитие не только транспортной инфраструктуры, но и ее цифровое оснащение в виде технологий умного

города, электронной торговли и интернет-банкинга, промышленных компьютерных сетей, связи и т.д. [4]. Ключевую роль в этом играют китайские ТНК, например Huawei, ZTE, Hikvision. На 2022 год Китай подписал меморандумы о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках Цифрового шелкового пути с 17-ю странами, однако деятельность китайских технологических ТНК этими странами не ограничивается [32; 25].

Чтобы развеять опасения о том, что китайские ТНК незаконно собирают данные иностранных пользователей, Китай в 2020 году выдвинул Глобальную инициативу по безопасности данных. В рамках этой инициативы страны обязуются «защищать открытость, безопасность и стабильность глобальных цепочек поставок информационных технологий и услуг» [5]. Инициативу поддержали Лига арабских государств, пять стран Центральной Азии и другие страны, в том числе и Россия, однако о принятии на себя конкретных международно-правовых обязательств речи пока не идет.

Еще одной инициативой Китая в сфере МИБ стало «совместное создание сообщества единой судьбы в киберпространстве». В одноименной белой книге, опубликованной в ноябре 2022 года, излагается то, как Китай управляет развитием национального сегмента Интернета и какой вклад вносит в создание сообщества единой судьбы в киберпространстве. Согласно этой белой книге круг стран, обсуждающих с Китаем проблемы международной информационной безопасности, расширился по сравнению с предыдущим периодом: Китай участвует в таких форматах, как БРИКС, форум «Китай – Африка», форум арабско-китайского сотрудничества, форум «Китай – Латинская Америка» и т.д., однако конкретных шагов по сотрудничеству в сфере МИБ с этих форматах не так много [38; 41]. Так, на Йоханнесбургском саммите БРИКС в 2018 году было предложено создать киберполицию БРИКС, но она не создана до сих пор.

Отношения Китая с США в сфере МИБ стали ухудшаться. После обвинений в промышленном шпионаже, предъявленных китайским военным, США стали угрожать Китаю экономическими санкциями. Чтобы не обострять

экономические отношения, в сентябре 2015 года Китай и США согласились не организовывать и не поддерживать кибератаки, направленные на кражу интеллектуальной собственности [21]. С приходом к власти Трампа и избранием более жесткого курса по отношению к Китаю соглашение фактически перестало соблюдаться. Например, американская компания Mandiant в 2018 году сообщила о взломах инженерных и морских компаний, особенно тех, которые связаны с Южно-Китайским морем, со стороны китайской группировки TEMP.Periscope/Левиафан [27]. Китай также неоднократно обвинял США в кибератаках. Например, в 2022 году он заявил о причастности АНБ США к хакерским атакам на Северо-западный политехнический университет в провинции Шэньси [8]. Однако противостояние в сфере МИБ на государственном уровне не всегда соответствует интересам бизнеса. Так, Microsoft активно прибегала к услугам китайских «белых хакеров» для поиска уязвимостей в своих продуктах, поэтому в 2022 году компания выступила против новых требований Министерства торговли США, согласно которым для такой деятельности необходимо получить лицензию [28].

Сотрудничество Китая в сфере МИБ с европейскими странами развивается неравномерно и испытывает на себе влияние политики США. После того, как в 2015 году Китай и США приняли на себя обязательства не организовывать и не поддерживать промышленный кибершпионаж, подобное соглашение было достигнуто между Китаем и Великобританией [42]. В то же время под давлением США большинство европейских стран свернули сотрудничество с Huawei, но у некоторых европейских стран сохраняется взаимный научный и коммерческий интерес к развитию сотрудничества с Китаем в сфере МИБ. Например, в 2018 году Китай и Германия в рамках диалога высокого уровня по безопасности провели консультации по кибербезопасности, также Германия продолжает пользоваться устройствами Huawei для использования сетей 5G [22; 34]. Однако позднее, в июле 2021

года, США, а также их партнеры в ЕС и НАТО вновь обвинили Китай в сотрудничестве с хакерами [17].

Политика Китая в сфере МИБ и российско-китайское взаимодействие

С 2013–2014 гг. активнее стало развиваться двустороннее сотрудничество России и Китая в сфере МИБ. Этому способствовал ряд факторов. Так, в 2013 году бывший сотрудник ЦРУ Э.Сноуден передал СМИ информацию о слежке правительственных организаций США за пользователями Интернета по всему миру, после чего страны стали уделять больше внимания вопросам информационной безопасности. В следующем году стало очевидным ухудшение отношений России и Китая с западными коллегами. Отношения России с Западом ухудшились из-за конфликта на Украине, Китай же в 2014 году обогнал США по ВВП (ППС) и стал крупнейшей экономикой мира, что подтолкнуло США рассматривать его как серьезного конкурента на мировой арене и навязывать эту точку зрения европейским странам.

В результате в 2015 году Россия и Китай заключили межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения МИБ. В нем дано определение информационной безопасности («состояние защищенности личности, общества, государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве»), согласован перечень угроз МИБ и направлений сотрудничества по борьбе с ними [16]. Кроме того, общие взгляды на МИБ озвучивались в совместных заявлениях лидеров России и Китая, последнее из которых было сделано в марте 2023 года во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву. 18 апреля 2023 года в Пекине состоялись двусторонние межмидовские консультации по МИБ, подтвердившие приверженность обеих стран принципам суверенного равенства государств и невмешательства в их информационное пространство [11]. Проводятся также мероприятия «полуторного трека», например Инфофорум, в рамках которого

в Китае неоднократно проводилась конференция «Доверие и безопасности в информационном обществе». В рамках мероприятий Инфофорума обсуждаются не только вопросы МИБ, но и цифровой экономики. Так, на Инфофоруме в Югре в 2022 году прошел первый Цифровой форум «Россия – Китай» [7]. При этом к инициативе Цифрового шелкового пути Россия относится с некоторой настороженностью, как к инструменту влияния Китая на постсоветском пространстве, в первую очередь в Центральной Азии [18].

Глобальная инициатива по безопасности данных актуальна для России в большей степени как для страны, в которой китайские ТНК (Tencent, Alibaba) собирают данные. Крупных российских ТНК, использующих технологии big data и потому заинтересованных в сборе данных за рубежом, не так много. В Forbes 2000 входят российские энергетические, телекоммуникационные компании и банки, которые или стали использовать технологии big data относительно недавно («Газпром» – с 2017 года), или собирают не столько персональную информацию, сколько данные о работе предприятий («Норникель»), или функционируют и собирают данные, главным образом, на территории СНГ и Европы (Сбербанк) [10; 12; 13].

Что касается инициатив Китая в области управления Интернетом, то китайская белая книга «Совместное создание сообщества единой судьбы в киберпространстве» имеет принципиальные совпадения с российской Концепцией безопасного функционирования и развития сети Интернет 2017 года [9]. В последнем разделе китайского концептуального документа, «Позиция Китая по созданию более тесного сообщества единой судьбы в киберпространстве», присутствуют положения о необходимости совместного управления основными ресурсами Интернета, поддерживается роль ООН как «основного канала» международного управления информпространством. Однако в белой книге, в отличие от Концепции, не содержится детализации принципов поведения государств и устройства системы управления Интернетом. Она носит достаточно общий, отчасти риторический характер.

Таким образом, с конца 1990-х гг. и по мере распространения Интернета Китай стал понимать информационную безопасность не только как техническую сохранность информации в компьютерных системах, но и как законность содержания информации, распространяемой в Интернете. С учетом глобального характера Интернета Китай стал сотрудничать в сфере международной информационной безопасности, проделал путь участия в уже существующих инициативах в сфере МИБ, посвященных преимущественно вопросам защиты суверенного Интернета и борьбы с киберпреступностью, до выдвижения самостоятельных глобальных инициатив, отвечающих возросшим геополитическим и экономическим интересам КНР.

Россия и Китай, изначально сотрудничавшие в сфере МИБ преимущественно в ООН и на региональных площадках, к настоящему моменту перешли к более тесному двустороннему сотрудничеству. При этом самостоятельные китайские инициативы, в принципиальном плане имеющие много общего с российскими инициативами, не во всем соответствуют интересам России. Так, Цифровой шелковый путь может привести к конкуренции России и Китая в Центральной Азии, Глобальная инициатива по безопасности данных, будучи частью дискуссии между странами, имеющими крупные ТНК, не вполне актуальна для России, а в идее создания сообщества единой судьбы человечества в киберпространстве не просматривается пока конкретных мер, в реализации которых Россия и Китай могли бы объединить свои усилия. Необходимы дальнейшее обсуждение вопросов МИБ в двустороннем и многостороннем формате, выработка конкретных формулировок и решений для реализации выдвинутых инициатив, которая послужила бы укреплению как международной информационной безопасности, так и национальной информационной безопасности двух стран.

Список источников и литературы

19. DDoS нон-стоп: второй квартал 2022 года побил рекорд по продолжительности атак // Kaspersky. — 2022. — URL:

https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2022_ddos-non-stop-vtoroj-kvartal-2022-goda-pobil-rekord-po-prodolzhitelnosti-atak (дата обращения: 22.04.2023).

20. Белый дом подтвердил проведение «киберопераций» против России // РБК. — 2022. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2022/6297d5699a7947622ed04206> (дата обращения: 22.04.2023).

21. В МВД сообщили о росте в восемь раз в 2022 году числа ложных сообщений об актах терроризма // ТАСС. — 2022. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16094089> (дата обращения: 22.04.2023).

22. Волков К. Квантовые перспективы / К. Волков // Дыхание Китая/Казахстан. — 2017 г. — №19 (566). — С. 38—39.

23. Глобальная инициатива по безопасности данных: [опубликована 8 сентября 2020 г.]. — URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/global-initiative-on-data-security-2020098/enchn> (дата обращения: 23.01.2023).

24. Демидов О. В. Игра про правила / О. В. Демидов, Е. В. Черненко // Россия в глобальной политике. — 2015 г. — Т. 13. — №4. — С. 76—90.

25. Инфофорум-Китай-19 // Инфофорум. — 2019. — URL: <https://old.infoforum.ru/conference/conference/view/id/57> (дата обращения: 22.04.2023).

26. Китай обвинил АНБ США в кибератаке на авиационный университет // SecurityLab.ru. — 2022. — URL: <https://www.securitylab.ru/news/533735.php?ysclid=lgrq7t07qs479871386> (дата обращения: 22.04.2023).

27. Концепция конвенции ООН (или концепция безопасного функционирования и развития сети Интернет): [опубликована Министерством связи и массовых коммуникаций в 2017 г.]. — URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/04/prilozheniekontseptsiiikonventsiioon.pdf?ysclid=lgs0goavhs799352359> (дата обращения: 22.04.2023).

28. Норникель при поддержке «Крок» запустил прототип корпоративного озера данных // CNews. — 2023. — URL:

<https://www.cnews.ru/news/line/2021-07->

[05_nornikel_pri_podderzhke?ysclid=ld94whjvnh446422374](https://www.cnews.ru/news/line/2021-07-05_nornikel_pri_podderzhke?ysclid=ld94whjvnh446422374) (дата обращения: 23.01.2023).

29. О российско-китайских консультациях по международной информационной безопасности // МИД России. — 2023. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1864294/?lang=ru (дата обращения: 22.04.2023).

30. От Казахстана и Украины до Китая и Индии: в каких странах есть офисы Сбербанка? // Рамблер/финансы. — 2021. — URL: <https://finance.rambler.ru/business/47064160-ot-kazahstana-i-ukrainy-do-kitaya-i-indii-v-kakih-stranah-est-ofisy-sberbanka/?ysclid=ld9yjq2cl644476841> (дата обращения: 23.01.2023).

31. ПАО «Газпром нефть» построило озеро данных на Arenadata Nadoor // Arenadata. — 2019. — URL: <https://arenadata.tech/projects/gazprom/?ysclid=ld94hux49w344979374> (дата обращения: 23.01.2023).

32. Парламентский вестник: Вопросы развития телекоммуникаций и информационных технологий обсудили в Иркутске представители России и Китая // Информационный Иркутский портал. — 2009. — URL: <http://irk-vesti.ru/vestnik-parlamenta/6070-voprosi-razvitiya-t-l-kommunikacij-i.html> (дата обращения: 22.04.2023).

33. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху: [принято 21 марта 2023 г.]. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 22.04.2023).

34. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности: [подписано 8 мая 2015 г.]. — URL:

<https://docs.cntd.ru/document/420283259?ysclid=lbjsttacd7154016822> (дата обращения: 23.01.2023).

35. США, НАТО и ЕС обвинили Китай во вредоносной киберактивности // РИА Новости. — 2021. — URL: <https://ria.ru/20210719/kiber-1741857095.html?ysclid=lgrqsu9sqd553998113> (дата обращения: 22.04.2023).

36. Цифровой Шелковый путь в Центральной Азии // Интернет-портал СНГ. — 2023. — URL: <https://e-cis.info/news/566/107475/?ysclid=lgrx4otbzo689550823> (дата обращения: 22.04.2023).

37. An Introduction to Non-Traditional Security Studies / Caballero-Anthony M., Capie D., Cook A. D. B. et al.; edited by Caballero-Anthony M. — Chennai: SAGE Publications Ltd, 2016. — 296 p.

38. China – e-Commerce // The International Trade Administration. — 2021. — URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/china-ecommerce> (дата обращения: 23.01.2023).

39. Fact Sheet: President Xi Jinping’s State Visit to the United States // The White House. President Barack Obama. — URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/25/fact-sheet-president-xi-jinpings-state-visit-united-states> (дата обращения: 22.04.2023).

40. Germany ups reliance on Huawei for 5G despite security fears – survey // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/technology/germany-ups-reliance-huawei-5g-despite-security-fears-survey-2022-12-16/> (дата обращения: 22.04.2023).

41. Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security: report of the Secretary-General: [опубликован 5 августа 2005 г.]. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/555369?ln=en> (дата обращения: 23.01.2023).

42. How the Chinese cyberthreat has evolved // The Conversation. — 2017. — URL: <https://theconversation.com/how-the-chinese-cyberthreat-has-evolved-82469> (дата обращения: 23.01.2023).

43. Mapping China's Digital Silk Road // Reconnecting Asia. — URL: <https://reconasia.csis.org/mapping-chinas-digital-silk-road/> (дата обращения: 22.04.2023).

44. Plan of Action to Implement the Beijing Declaration on ASEAN-China ICT Cooperative Partnership for Common Development: [принят 14 января 2007 г.]. — URL: <https://asean.org/plan-of-action-to-implement-the-beijing-declaration-on-asean-china-ict-cooperative-partnership-for-common-development/> (дата обращения: 22.04.2023).

45. Suspected Chinese Cyber Espionage Group (TEMP.Periscope) Targeting U.S. Engineering and Maritime Industries // Mandiant. — URL: <https://www.mandiant.com/resources/blog/suspected-chinese-espionage-group-targeting-maritime-and-engineering-industries> (дата обращения: 22.04.2023).

46. Why Commerce Went Against Microsoft on Rule to Control Cyber Exploits // Nextgov. — 2022. — URL: <https://www.nextgov.com/cybersecurity/2022/05/why-commerce-went-against-microsoft-rule-control-cyber-exploits/367575/> (дата обращения: 23.01.2023).

47. 2020 年中国互联网网络安全报告 (Доклад о кибербезопасности Интернета в Китае в 2020 г.) // CNCERT/CC. — URL: <https://www.cert.org.cn/publish/main/upload/File/2020%20Annual%20Report.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).

48. 中华人民共和国网络安全法 (Закон о кибербезопасности КНР): [принят 7 ноября 2016 г.]. — URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201611/270b43e8b35e4f7ea98502b6f0e26f8a.shtml> (дата обращения: 22.04.2023).

49. 中华人民共和国计算机信息系统安全保护条例 (Правила регулирования, обеспечивающие безопасность компьютерных и

информационных систем): [приняты 18 февраля 1994 г.]. — URL: <http://www.doczj.com/doc/3d4935447.html> (дата обращения: 22.04.2023).

50. 中国“数字丝绸之路”创造新机遇 (Китайский Цифровой шелковый путь создает новые возможности) // Belt and Road Portal. — 2022. — URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/282949.htm> (дата обращения: 22.04.2023).

51. 中国互联网状况——白皮书 (Состояние Интернета в Китае — белая книга): [опубликована 8 июня 2010 г.]. — URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/28/3/Document/661296/661296.htm> (дата обращения: 23.01.2023).

52. 中德高级别安全对话框架下的网络安全磋商在京举行 (В Пекине прошли консультации по кибербезопасности в рамках китайско-германского диалога высокого уровня по безопасности) // 中华人民共和国中央人民政府 (Центральное народное правительство КНР). — 2018. — URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-05/18/content_5291792.htm (дата обращения: 22.04.2023).

53. 互联网信息服务管理办法 (Положение о регулировании информационных услуг в Интернете): [принято 25 сентября 2000 г.]. — URL: http://www.yueyang.gov.cn/amr/55964/65082/content_1996403.html (дата обращения: 22.04.2023).

54. 全国人大常委会关于维护互联网安全的决定(Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о защите безопасности Интернета): [принято 28 декабря 2000 г.]. — URL: <http://www.scio.gov.cn/wlcb/zcfg/Document/306993/306993.htm> (дата обращения: 22.04.2023).

55. 外交部：网络安全是各国面临的共同挑战 (МИД КНР: Кибербезопасность – это общий вызов, с которым сталкиваются все страны) //

KNews. — 2022. — URL:
<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1738858721875155715&wfr=spider&for=pc>
 (дата обращения: 23.01.2023).

56. 携手构建网络空间命运共同体——白皮书(Совместное создание сообщества единой судьбы в киберпространстве — белая книга): [опубликована 7 ноября 2022 г.]. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-11/07/content_5725117.htm (дата обращения: 23.01.2023).

57. 瑞星发布《2022年中国网络安全报告》政府、军工领域成为APT攻击主要目标 (Rise опубликовала «Доклад о кибербезопасности Китая в 2022 г.», основные цели APT-атак – правительство и военная промышленность) // Rise. — 2023. — URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/rC9heRWm5WsgPtXimvp1-w> (дата обращения: 22.04.2023).

58. 第51次《中国互联网络发展状况统计报告》(51-й статистический доклад о состоянии развития Интернета в Китае) // CNNIC. — 2023. — URL: <https://cnnic.cn/NMediaFile/2023/0322/MAIN16794576367190GBA2HA1KQ.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).

59. 网络空间国际合作战略 (Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве): [опубликована 1 марта 2017 г.]. — URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-03/01/c_1120552767.htm (дата обращения: 23.01.2023).

60. 英媒：中英签订首个网络安全协定，防止对两国企业网络攻击 (Британские СМИ: Китай и Великобритания подписали первое соглашение по кибербезопасности, что позволит предотвратить кибератаки на компании обеих стран) // The Paper. — 2015. — URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1387742?commTag=true (дата обращения: 23.01.2023).

61. 金华宝、梅浩. 习近平对邓小平对外开放思想的继承与发展 (Цзинь Хуабao, Мэй Хао. Преемственность и развитие Си Цзиньпином идей

Дэн Сяопина об открытости внешнему миру) / 金华宝、梅浩 (Цзинь Хуабao, Мэй Хао) //重庆理工大学学报 (社会科学) (Журнал Чунцинского технологического университета (социальные науки). — 2018 г. — Т. 32. — № 11. — С. 134 — 140.

Новолодская Алиса Алексеевна,
магистрант МГИМО МИД РФ,
novolodskaa_a_a@my.mgimo.ru

Alisa A. Novolodskaia,
Master Student of the MGIMO University of
the Russian Ministry of Foreign Affairs,
novolodskaa_a_a@my.mgimo.ru

ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ»: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ BELT AND ROAD INITIATIVE: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Аннотация: развитие инициативы «Пояса и пути» озадачивает международное сообщество, в особенности страны Южной и Юго-Восточной Азии, а также США, которые не хотят отдавать пальму первенства КНР. В статье автор отвечает на вопрос, почему, несмотря на структурные противодействия развитию ИПП, инициатива продолжает развиваться. В статье приводится анализ достоинств и недостатков ИПП. Автор выделяет ряд факторов, которые способствуют развитию ИПП, несмотря на ее существенные недостатки. Кроме этого, делается вывод о том, что США не предлагают подобных по практическому масштабу и концептуальной наполненности инициатив для региона.

Abstract: the development of the Belt and Road initiative has puzzled the international community, in particularly the countries of South and Southeast Asia, and the United States, which does not desire to give the "palm" to China. In this article, the author answers the question of why, despite structural obstacles to the development of the BRI, the initiative continues to develop. The article analyzes the advantages and disadvantages of the BRI. The author identifies a number of aspects that contribute to the development of the BRI, despite its significant disadvantages. In addition, it concludes that the U.S. does not offer alternative initiatives for the region in terms of practical scale and conceptual content.

Ключевые слова: Инициатива «Пояса и пути», противоборство США и Китая, Юго-Восточная Азия, присутствие Китая в Африке, финансировании ИПП.

Key words: BRI, confrontation between the U.S. and China, Southeast Asia, China's presence in Africa, BRI funding.

Введение

Инициатива «Пояса и пути» (далее – ИПП) – амбициозное китайское видение архитектуры международных отношений, которое отражает стремление Китая отказаться от его давней политики сдержанности и занять все более уверенные позиции на мировой арене. Эта инициатива включает в себя усилия по укреплению жесткой, мягкой инфраструктуры и культурных связей [10]. Развитие ИПП трансформирует архитектуру международных отношений в Центральной, Южной, Юго-Восточной Азии, потенциально в Африке. В прошлом году вышла в свет статья В.Л. Нежданова, который помещает реализацию ИПП в контекст «Китайской мечты», политической концепции, предложенной Си Цзиньпином в 2012 году [4]. В.Л. Нежданов представил мнение о том, что ИПП, являясь одной из концепций «Идей Си Цзиньпина», может быть альтернативой экономического развития в западном понимании, с чем автор данной статьи полностью согласен [4].

В развитии анализа ИПП автор в данной работе ставил целью ответить на вопрос: почему, несмотря на недовольство многих стран ростом КНР, инициатива «Пояса и пути» продолжает развиваться. Под недовольством в данном случае понимаются две составляющие – опасение ряда стран того, что через расширение китайского экономического присутствия в различных регионах они окажутся под влиянием КНР и потеряют свою независимость, а также противодействие США структурным изменениям в регионе, в результате которых Китай займет более привилегированные позиции.

В рамках работы будут рассмотрены и проанализированы следующие вопросы: общая характеристика ИПП и ее достоинства; проблемы, возникающие при реализации ИПП; кейсы структурного противодействия со стороны США реализации ИПП.

Характеристика инициативы «Пояса и пути»

Чтобы подчеркнуть выгодный для всех участников характер инициативы, в 2015 году Центральное бюро компиляции и перевода Коммунистической партии Китая известило об изменении названия со стратегии «Один пояс, один путь» на инициативу «Пояса и пути» (Belt and Road Initiative) [15]. Отсутствие слова «один», а также смена «стратегии» на «инициативу» подчеркивает открытый и взаимовыгодный характер проекта, в продвижение и развитие которого могут быть вовлечены все заинтересованные акторы.

В 2015 году Министерством иностранных дел Китая был выпущен план действий, в котором конкретизировались политические цели инициативы «Пояса и пути» [6]. К ним относятся улучшение межправительственных связей, налаживание координации инфраструктурных планов, развитие мягкой инфраструктуры, укрепление культурных связей. Стоит отметить, что в рамках инициативы стимулируется создание сети аналитических центров Шелкового пути, проведение регулярных форумов, поощрение исследований [14]. Однако именно за счет продвижения повестки о строительстве жесткой инфраструктуры проект получил известность в международном сообществе.

Нет точных сведений о количестве инвестиций, которые требуются на осуществление проекта [13]. Страны, входящие в ИПП, составляют 1/3 мирового ВВП, а также почти 2/3 мирового населения [21]. Всемирный банк на 2018 год оценил расходы на реализацию этой инициативы для 70 стран в размере 575 млрд долларов США [8]. Это самый ранний показатель, который был найден автором статьи. А к 2030 году расходы, по оценкам, приведенным в статье А.А. Казанцева, могут составить 1 трл долларов США [2]. Сложность в точной оценке средств, необходимых для ИПП, связана с тем, что нет определенного количества проектов, входящих в эту зонтичную инициативу, более того не все данные об инвестициях публикуются в открытом доступе, а те, что публикуются постоянно меняются ввиду изменения условий контракта [13].

А. Хе, старший научный сотрудник научного центра CIGI⁴, отмечает, что, несмотря на кажущуюся гомогенность и централизованность инициативы, под «зонтиком» ИПП находятся многие частные компании и предприятия, которые вначале обсуждают проекты персонально с потенциальными клиентами, а затем постфактум обговаривают «присоединение» проекта к ИПП [13]. Китайские компании, работающие над проектами ИПП, получают значительную финансовую поддержку правительства, снижая финальную стоимость для клиентов, что увеличивает их конкурентоспособность. Например, в 2015 году японские строительные компании проиграли своим китайским коллегам в попытке построить проект высокоскоростной железной дороги в Индонезии [10]. Однако, как отмечается в работе исследователей азиатского региона Э. Хоар, Л. Хун, Й. Хайн, проекты в рамках ИПП финансируются не только исключительно китайскими банками, такими, как, например, Китайский банк развития, EximBank, но и многосторонними финансовыми институтами, такими как Инвестиционный фонд АСЕАН или Азиатский банк инфраструктурных инвестиций [14]. Инвестирование со стороны многосторонних финансовых институтов составляет порядка 2% от общего объема инвестиций, что также отражает лидирующую роль Китая в развитии инициативы, несмотря на попытки преподнести ее как многосторонний проект [13].

Особенностью развития инициативы также является индивидуальный подход китайских представителей, которые непосредственно приезжают в страну, где планируют реализацию какого-либо проекта и ведут переговоры на месте [13]. Такое внимание важно для стран Океании, например, которые хотят привлечь внимание к себе и своим проблемам, связанным с повышением уровня океана, что представляет для них экзистенциальную угрозу [11].

Среди других плюсов этой инициативы М. Рута, ведущий экономист Группы Всемирного банка, выделяет то, что продвижение инфраструктурных

проектов оказывает положительное влияние на глобальное благосостояние, посредством этой инициативы реализуется обширный неиспользованный потенциал стран, улучшается «связность» региона [21]. Например, в Южной Азии есть структурные ограничения, которые влияют на выстраивание отношений с регионом как с совокупностью субъектов. Стоит отметить, что, несмотря на близость стран друг к другу, это в экономическом плане дезинтегрированный регион, в котором отсутствует инфраструктура для налаживания экономических связей из-за особых географических условий и высокого уровня конфликтности. При этом некоторые проекты «Пояса и пути» уже реализуются. Например, строится Китайско-пакистанский экономический коридор – 3000-километровый коридор, который проходит от китайского Кашгара до пакистанского Гвадара.

Таким образом, китайская инициатива «Пояса и пути» – грандиозный проект, над реализацией которого работают как государственные, так и негосударственные акторы, носит открытый характер. Он объединяет страны посредством инфраструктурных проектов, развивая экономический потенциал регионов, и способствует глобальному благосостоянию. Именно этими факторами обусловлена привлекательность ИПП.

Проблемы реализации инициативы «Пояса и пути»

Несмотря на перечисленные преимущества китайской инициативы «Пояса и Пути», привлекательность ИПП не добавляет очков в пользу восприятия Китая в мировом сообществе в целом. Так, Индонезия с 2005 года получила от Китая более 47 млрд долларов на капитальные инвестиции и строительные проекты, но отношение к Китаю в стране разделилось поровну: 36% – благоприятное и 36% – неблагоприятное [22]. С другой стороны, за это же время Китай направил в Нигерию 44 млрд долларов, и 70% нигерийцев относятся к Китаю положительно [22]. В целом в международном сообществе отношение к Китаю довольно неоднозначное. В одном из исследований Pew Research Center 2019 года отражена эта противоречивость позиций. Если 70% опрошенных нигерийцев положительно относятся к Китаю, то в Индии – лишь

23%. Показатель одобрения Китая также низкий в Южной Корее, Филиппинах, Австралии, Японии, а в Европе не менее 57% респондентов относятся негативно к Китаю [22]. Приблизительно так же недоброжелательно по отношению к Китаю настроены в США и Канаде (60% и 67% опрошенных соответственно) [22]. Такие диаметрально противоположные позиции (от 70% позитивных до 67% негативных оценок) по поводу Китая можно связать со сформировавшимся в этих странах отношением к активной экономической деятельности Китая посредством ИПП. Если для африканских стран ИПП – это единственный шанс на развитие, то для азиатских стран – это тоже шанс на развитие, но восприимчивость в этих странах к возможным негативным последствиям выше. Перечислим эти негативные стороны ИПП.

Во-первых, страны боятся оказаться в неравноправных отношениях с Китаем, в результате которых может быть потеря их фактический суверенитет. Ситуация с портом Шри-Ланки Хамбантога, в результате которой ланкийские власти были вынуждены отдать порт Китаю в аренду на 99 лет, стала триггером для алармистских настроений в странах Южной и Юго-Восточной Азии [24].

Во-вторых, для некоторых стран необходимость привлекать внешнее финансирование, так требующееся для проектов «Пояса и пути», может привести к увеличению задолженности до неприемлемого уровня. Долговые обязательства, вытекающие из условий договоров по реализации проектов «Пояса и пути», заставляют страны останавливать сотрудничество в рамках этой инициативы. Например, в 2018 году Малайзия отказалась соблюдать условия сделки с Китаем, что стало первым подобным случаем с момента объявления инициативы «Пояса и пути» [3], но, вероятно, не последним. Кроме того, американская исследовательская лаборатория AidData выяснила, что сумма «скрытых» долгов в рамках китайской инициативы составляет \$385 млрд, а для некоторых стран обязательства по кредитам превышают 10% от их ВВП [1].

В-третьих, исследователи отмечают низкое качество реализуемых в рамках инициативы проектов (в частности, эксперты Шэньчжэньского университета Е.М. Андри, Цзяюань Ван, Руоюй Чжан) [7]. Китайские строители используют дешевые строительные материалы, которые не обеспечивают долговечность и прочность инфраструктурных проектов.

В-четвертых, Китай, продвигая ИПП, руководствуется исключительно своими национальными интересами, что противоречит китайской риторике о цели ИПП привести благосостояние для всех. Например, жители Филиппин протестовали против реализации китайских проектов, так как это наносит ущерб окружающей среде региона [5]. Также реализация проектов «Пояса и пути» производится при вовлечении исключительно китайских рабочих, что говорит о том, что местная рабочая сила не используется и ей не предоставляются рабочие места.

В-пятых, COVID-19 также стал проблемой в реализации ИПП, так как многие проекты были приостановлены в период пандемии и так и не реализовывались. Это выявило для участников инициативы опасность зависимости исключительно от одного игрока, который может не выполнять свои обязательства в случае региональных проблем [25].

Что касается внутренних аспектов продвижения ИПП, то С. Чжао, профессор Денверского университета, специалист по политике КНР, акцентирует внимание на жесткой политике, направленной на привлечение к реализации проектов китайских компаний, которые вынуждены вкладывать деньги в убыточные проекты [23]. Жесткая партийная установка не оставляет выбора компаниям, которые не хотят вкладываться в страны с низкой покупательской способностью, в принятии решений по поводу инвестиций в проекты «Пояса и пути». Этот пункт нельзя однозначно отнести исключительно к проблемам реализации, так как за счет политического давления власти все же обеспечивают претворение инициативы в жизнь. Однако мотивация принуждением замедляет процесс развития и распространения инициативы.

Таким образом, к факторам препятствующим реализации ИПП относятся: боязнь стран потерять свой фактический суверенитет, неприемлемый уровень финансовой задолженности, который приводит к остановке работы над проектами, низкое качество инфраструктурных объектов, отступление китайской стороны от своих обязательств в случае угроз (например, COVID-19), а также недостаточное внимание к потребностям страны реализации проекта (например, забота об экологии и предоставление рабочих мест местным жителям).

Структурное противодействие

Дж. Айкенберри, ведущий исследователь международных отношений Пристонского университета в США, пишет о том, что в Азии сложился дуальный иерархический порядок, при котором США отвечают за обеспечение безопасности в регионе, а Китай – за экономическое развитие [1]. При этом ни США, ни Китай не устраивает такое разделение, и оба игрока стремятся достигнуть полного влияния в регионе. Двусторонние связи по безопасности, сформированные США, так называемая система «оси и спиц», и экономические структуры в рамках инициативы «Пояса и пути», формируемой КНР, не взаимозаменяемы, по мнению Л. Лунга [19].

В регионе Юго-Восточной Азии, где активно развивается инициатива «Пояса и пути», США наравне с Китаем стремятся развить свое экономическое влияние. Среди американских экспертов «Пояс и путь» рассматривается как угроза для американского присутствия в регионе [9]. США стремятся вытеснить Китай с позиций экономического гегемона в регионе путем предложенных альтернатив – Blue Dot Network, а также Трехстороннего партнерства по инвестициям в инфраструктуру, куда входят США, Япония и Австралия. В 2021 году президент США Дж. Байден предложил G7 создать альтернативу китайской инициативе Build Back Better World [9]. Представитель администрации США заявил, что высокопоставленные чиновники в Сенегале и Гане приветствовали заверения в том, что, в отличие от Китая, Соединенные Штаты не будут требовать соглашений о залоге,

которые могут привести к последующему захвату портов или аэропортов. Эта американская инициатива сосредотачивается на четырех основных областях – климате, безопасности в области здравоохранения, цифровых технологиях и равенстве [12]. Стоит отметить, что эти четыре области имеют мало общего с инфраструктурными проектами и, скорее, отражают западную повестку, а не рассчитаны на страны с низким уровнем дохода. В странах Африки к югу от Сахары 55% населения не имеют доступа к электричеству, и только 2 из 10 человек имеют доступ к Интернету [9]. В данном случае достижение цели по созданию, к примеру, цифрового правительства неактуально. К тому же строительство инфраструктуры будет проводиться за счет частного капитала, однако в странах с небольшим уровнем дохода бизнес слабо заинтересован. Скорее всего, прибыль будет несоизмерима с затратами. Таким образом, последняя в списке американских инициатив является лишь стремлением вытеснить Китай с его высоких экономических позиций в регионе без реальной оценки запросов стран третьего мира, что свидетельствует о низких шансах на успех.

Более того, в США в начале 2022 году была обновлена концепция Индо-Тихоокеанского региона, в которой подчеркивались угрозы, исходящие от КНР (незаконная ловля рыбы, конфликты в Южно-Китайском море, безопасность судоходства, экономическое давление на Тайвань и Австралию) [18]. 24 мая 2022 года в Токио прошла встреча в рамках Quad, четырехстороннего диалога, который является реальным воплощением концепции ИТР. По результатам этой встречи участники заявили, что в течение следующих пяти лет Quad будет стремиться предоставить инфраструктурную помощь и инвестиции на сумму более 50 миллиардов долларов США в Индо-Тихоокеанском регионе [20]. Кроме того, США заявили о запуске Индо-Тихоокеанской экономической рамочной программы (Indo Pacific Economic Framework), которая может стать альтернативой экономическому влиянию Китая в будущем [17]. При этом стоит отметить, что эта инициатива только начинает наполняться конкретной практической

составляющей при существующих различиях в трактовках концепций ИТР. Тогда как инициатива «Пояса и пути» уже реализовывает инфраструктурные проекты в Южной, Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в практическом и концептуальном плане США не могут предложить достойной альтернативы китайской ИПП.

Заключение

Таким образом, несмотря на проблемы, с которыми сталкивается Китай при реализации ИПП, можно выделить внутренние и внешние факторы, способствующие ее развитию. К внутренним факторам относится то, что Китай обладает достаточной мощностью, чтобы предлагать альтернативные проекты развития мировому сообществу. При этом китайские проекты обладают высокой привлекательностью по таким параметрам, как цена, условия договора, масштабность предложения. Жесткая партийная направленность на реализацию ИПП также скорее способствует ее развитию. Между тем осуществление американской инициативы Build Back Better World, скорее всего, столкнется с нежеланием компаний вкладываться в страны третьего мира, а в рамках китайской реальности развитие инициативы «Пояса и пути» будет всеми способами поддерживаться властями.

К внешним факторам можно отнести разноплановость стран, включенных в инициативу «Пояса и пути», крайне разнообразных по своему экономическому и политическому потенциалу. Страны с небольшим экономическим потенциалом, такие как страны Океании, например, выбирают Китай, так как для них исключительно важно улучшить инфраструктурные условия на территории своей страны, даже несмотря на сравнительно невысокое качество проектов Китая и условия договора. Инициативы США еще не разработаны в той же мере, что китайские.

Список источников и литературы

1. *Вечерова Е.* \$385 млрд скрытых долгов: как Китай загнал бедные страны в долговую ловушку / Forbes. 2021. URL:

<https://www.forbes.ru/biznes/441767-385-mlrd-skrytyh-dolgov-kak-kitaj-zagnal-bednye-strany-v-dolgovuu-lovusku> (дата обращения: 12.12.2022).

2. *Казанцев А. А.* Инвестиции Китая в странах "одного Пояса, одного пути" // Скиф. 2019. №7 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-kitaya-v-stranah-odnogo-royasa-odnogo-puti> (дата обращения: 12.12.2022).

3. *Коростников М.* Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая / Carnegie. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77125> (дата обращения: 11.11.2022).

4. *Нежданов В. Л.* Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи: механизм реформирования международного порядка и развития КНР/ Вестник учёных-международников. 2022. URL: https://dipacademy.ru/documents/4227/Вестник_СМУ_ДА_119_2022_П_1_1.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

5. *Aaron Jed Rabena.* The Belt and Road Initiative and the Philippines' Post-Duterte China Challenge/ Fulcrum. 2022. URL: <https://fulcrum.sg/the-belt-and-road-initiative-and-the-philippines-post-duterte-china-challenge/> (дата обращения: 12.12.2022).

6. Action plan on the Belt and Road Initiative. 2015. http://english.www.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (дата обращения: 10.11.2022).

7. *Andrić E., Wang J. Zhang R.* Identifying the Critical Risks in Railway Projects Based on Fuzzy and Sensitivity Analysis: A Case Study of Belt and Road Projects/Sustainability. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331477391_Identifying_the_Critical_Risks_in_Railway_Projects_Based_on_Fuzzy_and_Sensitivity_Analysis_A_Case_Study_of_Belt_and_Road_Projects (дата обращения: 25.11.2022).

8. Belt and Road Initiative. The world bank. 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/regional-integration/brief/belt-and-road-initiative> (дата обращения: 25.11.2022).

9. *Brlnza A.* Biden's "Build Back Better World" Is an Empty Competitor to China / Foreign Policy. 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/06/29/biden-build-back-better-world-belt-road-initiative/> (дата обращения: 4.12.2022).

10. China Power Team. How Will the Belt and Road Initiative Advance China's Interests? / China Power. 2017. URL: <https://chinapower.csis.org/china-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 4.12.2022).

11. *Carol Li.* The Belt and Road Initiative in Oceania: Understanding the People's Republic of China's Strategic Interests and Engagement in the Pacific. 2022. URL: <https://www.cfedmha.org/LinkClick.aspx?fileticket=FaplgGeo2ps%3D&portalid=0> (дата обращения: 15.11.2022).

12. Countering China's Belt and Road: US plans to invest in major infrastructure projects globally in Jan. The daily star. 2021. URL: <https://www.thedailystar.net/news/world/usa/news/countering-chinas-belt-and-road-us-plans-invest-major-infrastructure-projects-globally-jan-2225936> (дата обращения: 04.12.2023).

13. *He, A.* The Belt and Road Initiative: Motivations, financing, expansion and challenges of Xi's ever-expanding strategy. CIGI Papers Series. 2019. URL: <https://www.cigionline.org/publications/belt-and-road-initiative-motivations-financing-expansion-and-challenges-xis-ever/> (дата обращения: 11.11.2022).

14. Hoare A., Lan Hong, Hein J. The Role of Investors in Promoting Sustainable Infrastructure Under the Belt and Road Initiative/ Chatham House. 2018. URL: <https://www.chathamhouse.org/2018/05/role-investors-promoting-sustainable-infrastructure-under-belt-and-road-initiative-0/2> (дата обращения: 4.11.2022).

15. How the Belt and Road Initiative got its name/ The Economist. 2020. URL: <https://www.economist.com/special-report/2020/02/06/how-the-belt-and-road-initiative-got-its-name> (дата обращения: 4.11.2022)

16. *Ikenberry J.* Political Science Quarterly. Vol. 131, No. 1, pp. 9-43. 2016// URL: <https://www-jstor->

org.proxylibrary.hse.ru/stable/43828766?searchText=Between+the+Eagle+and+the+Dragon+America%2C+China%2C+and+Middle+State+Strategies+in+East+Asia&searchUri=%2Faction%2FdoBasicSearch%3FQuery%3DBetween%2Bthe%2BEagle%2Band%2Bthe%2BDragon%253A%2BAmerica%252C%2BChina%252C%2Band%2BMiddle%2BState%2BStrategies%2Bin%2BEast%2BAsia%26so%3Drel&ab_segments=0%2FSYC-6294%2Ftest_segment_2&refreqid=fastly-default%3A240199fcd0362d33f8aa6c14f0e0da80&seq=1 (дата обращения: 11.11.2022).

17. In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (дата обращения: 12.11.2022).

18. Indo-Pacific strategy of the United States. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 5.11.2022).

19. *Loong L. H.* The Endangered Asian Century America, China, and the Perils of Confrontation. Foreign Affairs. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-06-04/lee-hsien-loong-endangered-asian-century> (дата обращения: 2.11.2022).

20. Quad Joint Leaders' Statement. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/24/quad-joint-leaders-statement/> (дата обращения: 5.11.2022).

21. *Ruta M.* Three Opportunities and Three Risks of the Belt and Road Initiative/ World Bank. 2018. URL: <https://blogs.worldbank.org/trade/three-opportunities-and-three-risks-belt-and-road-initiative> (дата обращения: 11.11.2022).

22. *Silver L., Devlin K., Huang C.* Attitudes toward China/ Pew Research Center. 2019. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/12/05/attitudes-toward-china-2019/> (дата обращения: 14.11.2022).

23. *Suisheng Zhao*. China's Belt-Road Initiative as the Signature of President Xi Jinping Diplomacy: Easier Said than Done / Journal of Contemporary China. №29. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10670564.2019.1645483?journalCode=cjcc20> (дата обращения: 11.12.2022).
24. *Thomas P. John Agnew*. Missing from the Map: Chinese Exceptionalism, Sovereignty Regimes and the Belt Road Initiative / Geopolitics. 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14650045.2019.1601082?journalCode=fgeo20> (дата обращения: 11.11.2022).
25. The impact of COVID-19 on Belt and Road Initiative infrastructure and construction projects. 2020. URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/de-de/wissen/publications/1785d344/the-impact-of-covid19-on-belt-and-road-initiative-infrastructure-and> (дата обращения: 12.11.2022).

Волчков Назар Алексеевич,
студент, Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
volchkoff@stud.tsu.ru

Савкович Евгений Владимирович,
профессор, доктор исторических наук,
профессор кафедры востоковедения,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Holly@ngs.ru

Nazar A. Volchkov,
student, National Research Tomsk State University,
volchkoff@stud.tsu.ru

Evgeny V. Savkovich,
Professor, Doctor of Sciences (History),
Professor of the Department of Oriental Studies,
National Research Tomsk State University,
Holly@ngs.ru

**САУДОВСКАЯ АРАВИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ
SAUDI ARABIA IN THE CONTEXT OF ENSURING THE
ENERGY SECURITY OF CHINA**

Аннотация: в статье рассматривается положение Саудовской Аравии в контексте обеспечения энергетической безопасности КНР. Актуальность темы обуславливается ростом потребности Китая в энергетических ресурсах и частых двусторонних контактах между руководствами этих стран. В работе охарактеризованы фундаментальные документы, определяющие цель и задачи сотрудничества КНР и Саудовской Аравии в энергетической сфере. Статья охватывает статистические данные, указывающие на позицию королевства в области нефтяных поставок в Китай. Авторы статьи считают, что двусторонние отношения государств в энергетической сфере будут усиливаться.

Abstract: the article considers the position of Saudi Arabia in the context of ensuring the energy security of the PRC. The relevance of the topic is determined by China's growing need for energy resources and frequent bilateral

contacts between the leaders of the countries. The paper describes the fundamental documents defining the goal and objectives of cooperation between China and Saudi Arabia in the energy sector. The article covers statistical data indicating the position of the kingdom in the field of oil supplies to China. The authors of the article believe that bilateral relations between states in the energy sector will intensify.

Ключевые слова: Китай, Саудовская Аравия, Ближний Восток, энергетика, безопасность, энергетическая безопасность, китайско-саудовские отношения, нефтяные поставки.

Key words: China, Saudi Arabia, Middle East, energetics, security, energy security, Sino-Saudi relations, oil supplies.

Методология исследования состоит из системного подхода, контент-анализа, статистических и вторичных данных, а также метода актуализации. Системный подход позволяет рассмотреть тему как составляющую более крупной проблематики – энергетической безопасности Китая. Контент-анализ необходим для рассмотрения содержания государственных документов Китая и Саудовской Аравии и официальных заявлений государственных лиц. Статистические данные требуются для определения позиции КНР как импортера сырой нефти и позиции Саудовской Аравии как ее экспортера. Вторичные данные требуются для определения существующих точек зрения относительно рассматриваемой проблемы. Метод актуализации необходим для прогнозирования дальнейшей роли Саудовской Аравии в контексте обеспечения энергетической безопасности Китая.

Многоуровневое и двустороннее сотрудничество Китайской Народной Республики с Королевством Саудовская Аравия в различных сферах на данный момент является одной из приоритетных задач руководств обоих государств [7]. Энергетика – ключевая отрасль, вокруг

которой развивалось и развивается сотрудничество двух государств с целью достижения своих национальных интересов.

Сотрудничество Китая и Саудовской Аравии в энергетической сфере в 1990–2019 гг.

Дипломатические отношения между КНР и Саудовской Аравией начались относительно недавно, в 1990 году, и китайской стороной было заявлено о поддержке саудитов в достижении стабильности и национальных интересов [15]. Уже в том же десятилетии правительство Китая рассматривало арабскую страну в качестве одного из приоритетных поставщиков нефти, о чем свидетельствует подписанный в 1999 году «Меморандум о взаимопонимании по нефтяному сотрудничеству между правительством Китайской Народной Республики и правительством Королевства Саудовская Аравия» [17]. Принцип стабильности нефтяных поставок из Саудовской Аравии в Китай был заложен в первые годы дипломатических отношений двух стран. В дальнейшем он лег в основу других базовых документов, затрагивающих проблему обеспечения энергетической безопасности Китая.

В 2006 году Китай продолжил курс, направленный на обеспечение энергетической безопасности посредством вовлечения Саудовской Аравии в свою энергетическую политику. Соглашение о сотрудничестве в области нефти, природного газа и полезных ископаемых стало первым официальным документом, подтверждающим комплексное сотрудничество в области энергетики [11]. Меморандум от 1999 года был, скорее, направляющим документом, ставящим в приоритет развитие конкретно нефтяной отрасли.

Правительство КНР определяло сотрудничество с Саудовской Аравией в энергетической сфере в 2010-х гг. следующими документами: «Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути в XXI в.» [23], «Документ об арабской политике» [16], «Видение и действия по

энергетическому сотрудничеству в совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути» [22]. Все эти документы затрагивают важнейший для Китая аспект – обеспечение энергетической безопасности страны путем долгосрочного сотрудничества с арабскими странами Ближнего Востока, следовательно, с Саудовской Аравией – крупнейшей и наиболее влиятельной из них. Два из трех фундаментальных документа создают основу для продвижения китайской инициативы «Пояс и путь» [9]. «Документ об арабской политике» также способствует продвижению этого проекта, так как рассматривает арабские страны Ближнего Востока – региона, входящего в инициативу. Она затрагивает решение проблемы энергобезопасности Китая. Саудовская Аравия была включена в инициативу как одна из приоритетных стран, способствующих решению этой проблемы [21].

В 2014 году Председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу с королем Саудовской Аравии Салманом ибн Абдул-Азиз Аль Саудом и заявил, что энергетика – основа двустороннего сотрудничества [3]. Более того, официальный визит главы королевства был нанесен всего спустя год после объявления о начале реализации «Пояса и пути» [9]. Этот факт указывает, что страны в то время стремились подтвердить договоренности, касающиеся энергетического сотрудничества, и соблюдать принципы, заложенные предшественниками. Саудовская Аравия намеревалась занять лидирующую позицию в энергетической повестке Китая.

В КНР понимали, что энергетика являлась приоритетным направлением для обеспечения национальной безопасности страны в условиях стремительного, хоть и незначительно замедлившегося роста экономики [12]. Стабильность королевства как партнера и потребность в увеличении потребления нефти привели к заключению всеобъемлющего стратегического партнерства с Саудовской Аравии в 2016 году [6]. Среди всех стран Персидского залива Китай прежде всего установил высший

уровень партнерства именно с Саудовской Аравией, что приоритизировало страну во внешнеполитической повестке в регионе [2; 35].

Несмотря на то что отношения Китая и Саудовской Аравии приобрели энергетический характер в 1999 году, сотрудничество стран в дальнейшем затрагивало и другие сектора энергетики, а не только нефтяные поставки [24]. Тем не менее именно поставки углеводородов из Саудовской Аравии в Китай способствовали установлению высшего уровня партнерства.

Интересы Саудовской Аравии также определяются обеспечением национальной безопасности путем сохранения стабильных нефтяных поставок, в частности в Китай. В 2017 году крупнейшим импортером саудовской нефти была Япония. В 2019 году КНР заняла первую позицию среди импортеров нефти из Саудовской Аравии. В 2020 году на долю Китая приходилось уже 25,8% всей экспортируемой из королевства сырой нефти [18]. Таким образом, в конце 2010-х гг. возрастающая роль королевства в энергетической политике КНР укрепилась.

Более тесное вовлечение Саудовской Аравии как энергетического партнера в политику Китая обсуждалось во время частых двусторонних контактов высокопоставленных лиц на государственном уровне. В период с 2006 по 2019 год бывший глава КНР Ху Цзиньтао и действующий глава КНР Си Цзиньпин проводили встречи с руководством королевства, в ходе которых они затрагивали энергетическую повестку [4]. Двустороннее обсуждение вопросов энергобезопасности Китая на высочайшем уровне говорит о приоритизации Саудовской Аравии в контексте политики в этой сфере.

Принципы сотрудничества Китайской Народной Республики и Королевства Саудовская Аравия были заложены более 20 лет назад, но главный практический результат этого сотрудничества был замечен только в 2010-х гг.: Китай стал основным импортером сырой нефти из Саудовской Аравии, что указывает на усиление зависимости стран от друг друга в

области нефтяных поставок. Частое упоминание проблемы энергетического сотрудничества во время двусторонних контактов также указывает на высокое положение этого направления в политике Китая по отношению к Саудовской Аравии. Сотрудничество двух государств в энергетической сфере в этот промежуток времени, по оценке китайского руководства, продуктивное [5].

Сотрудничество Китая и Саудовской Аравии в энергетической сфере в 2020–2022 гг. и перспективы взаимодействия

В 2021 году бывший глава МИД КНР Ван И назвал энергетическое сотрудничество с Саудовской Аравией традиционным, при этом он отметил возобновляемую энергетику как отдельную область для развития [8]. Энергетическое сотрудничество, возможно, будет меняться именно в эту сторону, но доля потребления возобновляемой энергии в КНР крайне низка [9].

Перспективы сотрудничества с Саудовской Аравией также определяются количеством запасов сырой нефти. Саудовская Аравия располагает наибольшими среди всех ближневосточных стран запасами сырой нефти [19].

Зависимость от углеводородов, экспортируемых Саудовской Аравией, определяет фокус взаимодействия стран в ближайшее время [14]. Нефтяные поставки из Саудовской Аравии в Китай имеют стратегическое значение в условиях экономического роста [13]. Вплоть до конца 2022 года королевство было крупнейшим экспортером нефти в Китай. Его экспорт в КНР в ноябре 2022 года снизился в связи с наращиванием импорта Китаем российской нефти [20]. Этот факт, однако, не дестабилизирует отношения Китая и Саудовской Аравии и не снижает роль королевства в решении проблемы энергобезопасности КНР. Стоит принять во внимание визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию в декабре 2022 года, в ходе которого обе стороны назвали энергетическое сотрудничество важным стратегическим партнерством двух стран [7].

Заключение

Значение Саудовской Аравии в энергетической политике Китая возросло за последние 30 лет, о чем свидетельствует ряд фундаментальных документов. Страна являлась крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай с 2019 по 2022 год, была включена в инициативу «Пояс и путь». Отношения Китая и Саудовской Аравии в энергетической сфере показывали положительную динамику, имели стабильный характер, укреплялись официальными визитами высокопоставленных государственных лиц.

Доверительные отношения между КНР и Саудовской Аравией, установленные посредством энергетического взаимодействия, уже привели к более тесному вовлечению Китая в систему региональной безопасности на Ближнем Востоке: нормализация отношений Саудовской Аравии и Ирана была достигнута при посредничестве КНР в марте 2023 года [1].

Курс, взятый в 1999 году и основанный на энергетике, будет продолжаться, что приведет к более тесному вовлечению Саудовской Аравии в энергетическую политику Китая, чья цель – обеспечить свою энергетическую безопасность посредством сохранения стабильных нефтяных поставок.

Литература

1. Иран приветствует важную роль Китая в разрядке напряженности между Тегераном и Эр-Риядом / Синьхуа Новости // Xinhua News Agency. – [Пекин], 2023. – URL: <http://russian.news.cn/20230314/ef6b645cb40946edbbea4f93d6908b22/c.html> (дата обращения: 16.04.2023).
2. Полончук Р. А. Ближневосточная политика Китайской Народной Республики / Р. А. Полончук, Л. А. Шашок. – М. : АНО ЦСОиП, 2021. – 168 с.
3. Сицзиньпин хуэйцзянь шатэ ванчу цзянь фу шоусян гофан дачэнь са лэй мань [Си Цзиньпин встретился с наследным принцем

Саудовской Аравии, заместителем премьер-министра и министром обороны Салманом] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу. – [Пекин], 2014. – URL:

https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/xgxw_676866/201403/t20140313_9302925.shtml (дата обращения: 29.12.2023).

4. Сянгуань синьвэнь [Связанные новости] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу. – [Пекин], 2023. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/xgxw_676866/ (дата обращения: 25.12.2022)

5. Чжунго тун шатэ алабо дэ гуаньси [Отношения между Китаем и Саудовской Аравией] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу. – [Пекин], 2022. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/ (дата обращения: 02.01.2023)

6. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ шатэ алабо ванго гуаньюй цзяньли цюаньмянь чжаньюэ хобань гуаньси дэ лянхэ шэнмин (цюаньвэнь) [Совместное заявления Китайской Народной Республики и Королевства Саудовская Аравия об установлении всеобъемлющего стратегического партнёрства (полный текст)] // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжу шатэ алабо ванго даши гуань. – [Эр-Рияд], 2016. – URL: http://sa.china-embassy.gov.cn/chn/zt/a6/201601/t20160120_2040366.htm (дата обращения: 04.01.2023)

7. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ шатэ алабо ванго лянхэ шэнмин [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Королевства Саудовская Аравия] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу. – [Пекин], 2022. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/xgxw_676866/202212/t20221209_10988250.shtml (дата обращения: 08.01.2023).

8. Шатэ ванчу муханьмодэ хуэйцзянь вань и [Наследний принц Саудовской Аравии Мохаммед встретился с Ван И] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу. – [Пекин], 2021. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/xgxw_676866/202103/t20210325_9181566.shtml (дата обращения: 08.01.2023)
9. Belt and Road Portal / Office of the Leading Group for Promoting the Belt and Road Initiative. – [Beijing], 2023. – URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/ztindex.htm> (access date: 03.01.2023)
10. BP Statistical Review of World Energy 2022 // BP. – [London], 2022. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (access date: 02.01.2023)
11. China and Saudi Arabia sign bilateral energy agreement // China Daily. – [Beijing], 2006. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/home/2006-01/23/content_514801.htm (access date: 28.12.2022)
12. China's economy grew 6.9 percent in 2015, a 25-year low // CNBC. – [Б. м.], 2016. – URL: <https://www.cnbc.com/2016/01/18/china-reveals-key-q4-2015-gdp-data.html> (access date: 03.01.2023)
13. China's Economy in 2022: A Tumultuous Year Ending with an Optimistic Outlook // China Briefing. – [Hong Kong], 2022. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-economy-in-2022-a-tumultuous-year-ending-with-an-optimistic-outlook/> (access date: 03.01.2023)
14. Column: China boosted crude oil storage even as refiners processed more // Reuters. – [London], 2022. – URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/china-boosted-crude-oil-storage-even-refiners-processed-more-russell-2022-12-15/> (access date: 03.01.2023)
15. Communique Concerning the Establishment of Diplomatic Relations Between the People's Republic of China and the Kingdom of Saudi Arabia // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. –

[Beijing], 2000. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/tyfls_665260/tyf1_665264/2631_665276/200011/t20001115_600038.html (access date: 29.12.2022)

16. Full text of China's Arab Policy Paper // The State Council of the People's Republic of China. – [Beijing], 2016. – URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm (access date: 29.12.2022)

17. Memorandum of Understanding On Petroleum Cooperation between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Kingdom of Saudi Arabia // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – [Beijing], 2002. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhq_665435/2675_665437/2878_663746/2879_663748/200206/t20020605_534596.html (access date: 25.12.2022)

18. Oil Reserves by Country // Worldometer. – [Б. м.], 2022. – URL: <https://www.worldometers.info/oil/oil-reserves-by-country/> (access date: 03.01.2023)

19. OPEC Members' proven oil reserves / Oil data: upstream // OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. – [Vienna], 2022. – URL: https://asb.opec.org/ASB_Charts.html?chapter=223 (access date: 02.01.2023)

20. Russia overtakes Saudi Arabia as China's top crude supplier in November // Arab News. – [Riyadh], 2022. – URL: <https://www.arabnews.com/node/2219241/business-economy> (access date: 28.12.2022)

21. Saudi Arabia // Belt and Road Portal. – [Beijing], 2017. – URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/gbjg/gbgk/5652.htm> (access date: 04.01.2023)

22. Vision and Actions on Energy Cooperation in Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // National Energy Administration. – [Beijing], 2017. – URL: http://www.nea.gov.cn/2017-05/12/c_136277478.htm (access date: 29.12.2022)

23. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – [Beijing], 2015. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/topics_665678/2015zt/xjpcxbayzlt2015nnh/201503/t20150328_705553.html (access date: 29.12.2022)

24. Xi backs economic diversification, social reform in Saudi Arabia // China Daily. – [Beijing], 2018. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201812/01/WS5c01e748a310eff30328c302.html> (access date: 04.01.2023)

Новиков Кирилл Олегович,
магистрант МГИМО(У),
k.o.novikov@my.mgimo.ru
Kirill O. Novikov,
MGIMO Master's Student,
k.o.novikov@my.mgimo.ru

Научный руководитель:
Дьячков Илья Владимирович,
доцент кафедры японского, корейского,
индонезийского и монгольского языков МГИМО (У)
Scientific advisor:
Pyu V. Dyachkov,
Associate Professor of the Department of Japanese, Korean,
Indonesian and Mongolian languages MGIMO University

**ФОРМИРОВАНИЕ АЛЬЯНСА США – РК – ЯПОНИЯ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
FORMATION OF THE USA – RK – JAPAN ALLIANCE:
CHALLENGES AND PROSPECTS**

Аннотация: в условиях нарастающей напряженности в АТР, где, с одной стороны, набирает обороты геополитическое и экономическое противостояние Китая и США, а, с другой стороны, сохраняется напряженность на Корейском полуострове, для США особенно важно сформировать в регионе эффективную систему альянсов. Традиционно Вашингтон имеет очень тесные двусторонние отношения с РК и Японией, которые являются основными союзниками США в регионе. В настоящее время Вашингтон стремится к углублению трехстороннего сотрудничества между США, РК и Японией с перспективой на формирование альянса между странами. Исследование рассматривает вызовы и перспективы для трехстороннего сотрудничества США, РК и Японии.

Abstract: given the increasing tensions in the Asia-Pacific region, where we can see the growing geopolitical and economic confrontation between China and the United States, as well as the hotbed of tension and instability on the Korean peninsula, it is especially important for the United States to form an effective system

of alliances in the region. Traditionally, Washington has very close bilateral relations with the Republic of Korea and Japan, which are the main allies of the United States in the region. Currently, Washington is striving if not to form an alliance between the United States, South Korea and Japan, but at least deepen trilateral cooperation between the countries. The study examines the challenges and prospects of deepening trilateral cooperation between the United States, South Korea and Japan.

Ключевые слова: США, РК, Япония, АТР, трехсторонний альянс, историческая память.

Keywords: USA, Republic of Korea, Japan, Asia-Pacific Region, trilateral alliance, historical memory.

Актуальность данного исследования обусловлена нарастающей напряженностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Совместные военные учения ВС Южной Кореи и сил Тихоокеанского командования США Vigilant Storm («Бдительный шторм»), завершившиеся 4 ноября 2022 года, а также ракетные испытания КНДР и артиллерийские учения показывают, что в настоящий момент угроза конфликта в регионе сохраняется. В связи с этим сохраняется необходимость в комплексном изучении процесса формирования регионального трехстороннего сотрудничества между США, Южной Кореей и Японией и влияния этого сотрудничества на безопасность в регионе.

Исследовательская проблема настоящей статьи заключается в оценке потенциальных возможностей и рисков в случае углубления трехстороннего сотрудничества США – РК – Япония.

Методология настоящего исследования включает в себя как общенаучные методы, такие как методы описания, анализа, синтеза и классификации, так и методы политологических и исторических исследований. В качестве исторических методов в работе используются системно-исторический подход, историко-генетический, а также историко-сравнительный методы. Из политологических методов, которые применяются

в данной работе, можно назвать деятельностный метод, коммуникативный метод, а также методы эмпирических исследований.

Говоря об **историографии** вопроса, можно отметить, что исследования по этой проблеме начались в 1990-х годах. Одной из первых работ по этому вопросу можно назвать монографию А.В. Воронцова «"Треугольник" США – Япония – Южная Корея – миф или реальность» [4], в которой он дает оценку перспективам развития трехсторонних отношений и анализирует препятствия для каждой страны в этом процессе сближения. Другим отечественным исследователем, занимавшимся этой проблемой, можно назвать С.Г. Лузянина, который в своей работе «Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности» [12] изучает генезис развития двусторонних отношений между странами «треугольника», а также систему безопасности в АТР в целом. Наконец, нельзя не отметить работы К.В. Асмолова, в частности его статью «Как формируется треугольник Вашингтон – Токио – Сеул» [1], в которой он описывает перспективы создания трехстороннего альянса между США, РК и Японией.

Несмотря на то что в зарубежной историографии в большей степени освещаются проблемы двусторонних отношений между странами, можно выделить работу Д. Кунико, Б. Глоссермана и Д. Вардена «Трехстороннее сотрудничество в Северо-Восточной Азии: ожидания и ограничения» [20], в которой ученые анализируют настоящее состояние трехстороннего сотрудничества США, РК и Японии и выявляют определенные сложности, которые могут возникнуть в процессе углубления этих отношений.

Прошедший ноябрь и последовавшие за ним месяцы свидетельствуют об углублении конфликта в Северо-Восточной Азии. Настоящий период можно определить как новый виток роста конфликтности в регионе и в этом контексте рассмотреть политику США по укреплению своих союзов в АТР. США в течение долгого времени прикладывали усилия к тому, чтобы углубить трехстороннее сотрудничество со своими основными партнерами в Азии – Южной Кореей и Японией, однако вплоть до настоящего времени в силу как

исторических, так и экономико-политических проблем эти попытки были безуспешны [1].

Реальным препятствием для создания трехстороннего альянса или, по крайней мере, развития гармоничных трехсторонних отношений в первую очередь является уровень двусторонних отношений РК и Японии. Это объясняется как политическими, так и экономическими причинами. Говоря о политических, можно выделить не решенные между РК и Японией вопросы, связанные с проблемами прошлого. Как известно, Корея вплоть до окончания Второй мировой войны была оккупирована Японией, и с этого периода у корейцев существует несколько исторических нарративов, которые осложняют развитие двусторонних отношений. Как пример мы можем выделить проблемы «женщин для утешения», насильственно мобилизованных рабочих, вопрос принадлежности острова Токто. Несмотря на то что в 1965 году между Южной Кореей и Японией было заключено соглашение о нормализации двусторонних отношений, которое подразумевало отказ со стороны Кореи от каких-либо претензий в связи с колониальным периодом [16]. Вопрос колониального прошлого был вновь актуализирован корейской стороной, и с 1990-х годов стал активно использоваться корейскими правозащитниками и правящими элитами в качестве рычага давления на Японию. Так, первым проблемным сюжетом в двусторонних отношениях стал эпизод Второй мировой войны, связанный с «женщинами для утешения». Несмотря на то что в 1993 году генеральный секретарь кабинета министров Японии Коно Ёхэй выступил с официальным заявлением, где признал существование проблемы, впоследствии, учитывая растущие требования корейской стороны, японское правительство начало испытывать раздражение по отношению к этой проблеме [6]. Премьер-министр Японии Абэ Синдзо не рассматривал в качестве серьезной проблемы этот эпизод и, напротив, усложнял отношения двух стран своими посещениями храма Ясукини, который известен тем, что стал местом захоронения японских военных преступников и солдат, участвовавших во Второй мировой войне [15].

Некоторого прогресса стороны добились в 2015 году, когда администрации Пак Кынхе и Абэ Синдзо (посредством активного посредничества США) смогли прийти к компромиссу. Так, Сеул, со своей стороны, согласился убрать памятники, посвященные вианбу, от японских посольств, а Токио приносил дополнительные извинения и отправлял 1 млрд йен корейскому фонду для компенсаций бывшим «женщинам для утешения» [6]. И хотя Япония этими шагами рассчитывала поставить точку в вопросах исторической памяти, в силу неприятия корейской оппозицией этого проекта и последующим импичментом Пак Кынхе, новая администрация Мун Джеина отказалась считаться с этими договоренностями. С тех пор каких-то существенных изменений не произошло [6].

Проблемы исторической памяти осложняют не только политические, но и экономические взаимоотношения между странами. Так, в 2018 году Верховный суд Южной Кореи вынес решение о выплате компенсации японской компании Japan Steel Works Ltd в размере 100 млн южнокорейских вон жертвам насильственной мобилизации времен японской оккупации. 28 августа 2018 года Япония убрала Южную Корею из списка стран, имеющих право на получение преференциального режима в торговле (для Южной Кореи исключение из списка сильно замедляет процесс импорта компонентов для полупроводников) [13]. Несмотря на то что японским правительством эти события рассматриваются как не связанные между собой, можно оценивать эти меры Японии как ответные на решение Верховного суда Кореи [7].

Таким образом, историческая память влияет не только на политические, но и экономические отношения между двумя странами, поэтому без решения этих проблем вопрос нормализации двусторонних и углубления трехсторонних отношений кажется маловероятным. Сложность также заключается в том, что в силу специфики проблем исторической памяти достичь компромисса на двустороннем уровне почти невозможно, и потому в данном вопросе стороны нуждаются в дополнительном медиаторе, которыми могут выступить США, способные оказать давление на своих союзников.

Следующим препятствием для углубления трехсторонних отношений может стать политика РК, которая состоит в балансировании между крупными региональными игроками – США и КНР. В то время как основным политическим союзником для Республики Кореи можно назвать США, главным экономическим партнером для РК является КНР. В силу экспортоориентированности экономики Южной Кореи она крайне заинтересована в сохранении существующего статуса-кво, где РК может вести торговлю с почти любыми странами. Однако с ростом противостояния США и КНР и углублением торговой войны между двумя странами, основной политический союзник РК может вынудить Южную Корею выбрать определенную сторону, что является крайне нежелательным для южнокорейского истеблишмента. Южная Корея как по политическим, так и экономическим соображениям не заинтересована в отказе от такого рынка, как Китай, однако настойчивые попытки США втянуть Корею в QUAD и другие организации, связанные с безопасностью в регионе, могут привести к ухудшению отношений между РК и Китаем [10]. Несмотря на то что военное сотрудничество между Японией, РК и США проходит под эгидой противостояния КНДР и интерпретируется как ответ на ее провокации, у китайского истеблишмента есть понимание того, что основной угрозой США в регионе является не КНДР, а КНР, поэтому любое военное сотрудничество во главе с США может быть потенциально направлено против Китая. В этом контексте можно обратиться к событиям 2017 года, когда в южнокорейской провинции Сончжу была размещена противоракетная система США THAAD [5]. Несмотря на заявление РК и США о том, что эта система имеет своей целью противостояние ракетным ударам КНДР, Китай, опасаясь, что радары, используемые в системах, могут также сканировать часть территории КНР и потому опасны для собственной безопасности, наложил ряд неформальных санкций на Республику Корею. Среди них можно выделить неформальный запрет на туристические поездки в РК (и последующее реальное сокращение китайского турпотока в Южную Корею), а также внезапную череду проверок

(и последующее закрытие) компании Lotte, которая работала в Китае (Lotte предоставили земельный участок для размещения военного комплекса) [19].

Иными словами, любая военная активность США в регионе вызывает серьезную озабоченность в Китае, и потому, если Республика Корея пойдет на более углубленное военное трехстороннее сотрудничество с США и Японией, реакция Китая не заставит себя ждать. Даже если это сотрудничество будет направлено против Северной Кореи, Китай может, как и в случае с развертыванием системы THAAD, принять ряд определенных неформальных санкций, и корейский бизнес понесет убытки. Поэтому это будет являться сдерживающим фактором для Южной Кореи в вопросе углубления трехстороннего сотрудничества.

Как уже было отмечено выше, несмотря на успешность двусторонних отношений по линии США – РК и США – Япония, отношения по линии РК – Япония остаются на относительно низком уровне, однако и здесь есть определенные достижения. Так, в том числе благодаря активному давлению США между Республикой Кореей и Японией в 2016 году было подписано соглашение об обмене военной информацией (General Security of Military Information Agreement, GSOMIA), позволяющее двум странам обмениваться разведданными о ракетной активности КНДР [8]. Напряжение в двусторонних отношениях и нежелание сотрудничать друг с другом вновь нашли свое отражение в 2019 году, когда южнокорейский президент Мун Чжеин подписал документ о продлении соглашения за 6 часов до истечения его срока действия. Многие исследователи при этом считают, что соглашение было подписано только из-за давления США [8].

В настоящее время страны активно выражают стремление к интенсификации сотрудничества. В том числе этому способствует современная ситуация в регионе, с обоюдными провокациями как от РК и США (военные учения ВС Южной Кореи и сил Тихоокеанского командования США Vigilant Storm («Бдительный шторм»)) [17], так и от КНДР (ракетные испытания).

В данном контексте не менее важно отметить и роль, отведенную Южной Корее и Японии в Индо-Тихоокеанской стратегии США от февраля 2022 года. Помимо того, что в стратегии в целом отмечается центральная роль этого региона в политике Соединенных Штатов, там также упоминается, что, кроме укрепления двусторонних отношений со странами-партнерами в регионе, США будут содействовать более тесному сотрудничеству стран друг с другом, в частности Японии и Кореи. Наконец, США будут стремиться к еще более тесному сотрудничеству с РК и Японией в рамках трехстороннего формата по вопросам денуклеаризации КНДР, а также другим проблемам регионального уровня [18]. Стратегия отражает заинтересованность США не только в примирении РК и Японии, но и в активизации сотрудничества с этими странами в трехстороннем формате.

Подобные тренды в политике США также важны в контексте прихода новой администрации в РК, где недавно избранный президент от консервативного крыла Юн Согёль еще во время своей предвыборной кампании заявлял о необходимости восстановления отношений с Японией и с момента избрания на должность проводит довольно прояпонскую политику [14]. Процесс сближения и потепления в отношениях между РК и Японией может обусловить прогресс в трехсторонних отношениях.

Можно отметить определенные признаки потепления в отношениях между странами на современном этапе. Среди них можно выделить встречу президента РК Юн Согёля и премьер-министра Японии Фумио Кисиды в сентябре в Нью-Йорке, после которой представители стран подчеркнули решимость в сотрудничестве друг с другом по вопросам северокорейской ракетно-ядерной угрозы, а также выступили за нормализацию двусторонних отношений [11]. Не менее важной для двустороннего и трехстороннего сотрудничества можно назвать встречу лидеров на саммите НАТО в Мадриде в 2022 году (в формате США – РК – Япония), а также поездку Юн Согёля на саммит G20 и конференцию АСЕАН в 2022 году, где прошел трехсторонний саммит министров иностранных дел США, РК и Японии, на котором

обсуждались вопросы укрепления цепочки поставок и ситуация вокруг провокаций КНДР [3]. Таким образом, можно заключить, что более прагматичная позиция нового президента Южной Кореи, растущее напряжение на Корейском полуострове стали толчком для развития двусторонних отношений РК и Японии, а также для развития отношений в трехстороннем формате. Однако это не первое сближение в отношениях между Сеулом и Токио, и потому нам еще предстоит узнать, смогут ли власти двух стран «перешагнуть» проблемы исторического прошлого ради более эффективного и крепкого сотрудничества.

Таким образом, можно отметить, что, хотя процессу углубления трехстороннего сотрудничества мешает фактор исторической памяти в отношениях РК – Токио, а также тесные экономические связи Сеула с Пекином, в целом на настоящий момент складывается положительная динамика углубления трехстороннего сотрудничества между РК, США и Японией. Пока мы не можем утверждать об очевидном формировании военно-политического блока между тремя странами, но современная повестка создает определенный фундамент для последующего более глубокого развития этих трехсторонних отношений. Важно отметить, что центральную роль в углублении этих отношений должны сыграть США, и от успешности политики Вашингтона зависит как примирение Сеула и Токио, так и уровень участия РК в антисеверокорейских и антикитайских проектах США.

Список источников и литературы

1) Асмолов К.В. «Как формируется треугольник Вашингтон-Токио-Сеул», Новое Восточное Обозрение, [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: Как формируется треугольник Вашингтон-Токио-Сеул | Новое восточное обозрение (journal-neo.org) (дата обращения: 02.01.2023).

2) Асмолов К.В. О причинах роста антикитайских настроений в Южной Корее // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. №27. Режим доступа - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/o-prichinah-rosta-antikitayskih-nastroeniy-v-yuzhnoy-koree> (дата обращения: 06.01.2023).

3) Байден заявил, что обсудил с лидерами Южной Кореи и Японии расширение помощи Украине/ РИА Новости, 13.11.2022 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: Байден заявил, что обсудил с лидерами Южной Кореи и Японии расширение помощи Украине (tass.ru)/ (дата обращения: 04.01.2023)

4) Воронцов А.В. "Треугольник" США-Япония-Южная Корея - миф или реальность. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 202 с.

5) Демонстрация силы: США разворачивают ТНААД в Южной Корее/ РИА Новости, 07.03.2017 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: Демонстрация силы: США разворачивают ТНААД в Южной Корее - РИА Новости, 07.03.2017 (ria.ru) (дата обращения: 06.01.2023).

6) Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. №4. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-politika-problema-zhenschin-dlya-utesheniya-v-sovremennyh-yuzhнокoreysko-yaponskih-otnosheniyah> (дата обращения: 06.01.2023).

7) Зантович М. В. Треугольник отношения « США – Япония- Республика Корея »: оформление нового геополитического центра в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Режим доступа. URL: Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития — Вып. 3. — 2015. 12 с. (дата обращения: 02.01.2023).

8) Ибатуллина Д.Г. Соглашение об обмене военной информацией (GSOMIA) в двухсторонних отношениях Японии и Южной Кореи и его влияние на баланс сил в АТР // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. №2. Режим доступа - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soglashenie-ob>

obmene-voennoy-informatsiey-gsomia-v-dvuhstoronnih-otnosheniyah-yaponii-i-yuzhnoy-korei-i-ego-vliyanie-na-balans-sil (дата обращения: 04.01.2023).

9) История конфликта между КНДР и Южной Кореей / РИА Новости, 23.11.2010 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: История конфликта между КНДР и Южной Кореей - РИА Новости, 23.11.2010 (ria.ru)/ (дата обращения: 04.01.2023).

10) Кун А.И., Юрченко А.В., Маматова О.М., Крупская С.Ю. Противоречия на пути создания военно-политического альянса: США-Япония-Южная Корея. 31.12.2020. XXXIV Международная научно-практическая конференция, «EurasiaScience». [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: ES-34_originalmaket_N-1.pdf - Яндекс.Документы (yandex.ru) (дата обращения: 06.01.2023).

11) Лидеры Японии и Южной Кореи обсудили КНДР / РИА Новости, 22.09.2022 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: Лидеры Японии и Южной Кореи обсудили КНДР (tass.ru) / (дата обращения: 04.01.2023)

12) Лузянин С. Г. Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности // Институт Дальнего Востока РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа.- URL : <http://www.ifesras.ru/massmedia/21/469-severo-vostochnaya-aziya-vnutrennie-i-vneshnie-izmereniya-razvitiya-ibezopasnosti> (дата обращения : 02.01.2023)

13) Медведева Ю.О. Напряжённая обстановка между Южной Кореей и Японией: политические и торгово-экономические разногласия // Казанский вестник молодых учёных. 2020. №2. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napryazhyonnaya-obstanovka-mezhdu-yuzhnoy-koreey-i-yaponiey-politicheskie-i-torgovo-ekonomicheskie-raznoglasiya> (дата обращения: 06.01.2023).

14) Парамонов О.Г. Отношения Сеула и Токио или чего хочет Вашингтон. Международная жизнь. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: Отношения Сеула и Токио или чего хочет Вашингтон | Журнал "Международная жизнь" | Дзен (dzen.ru) (дата обращения: 04.01.2023)

15) Премьер Японии впервые с 2006 года посетил "милитаристский" храм/ РИА Новости, 26.12.2013// [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:Премьер Японии впервые с 2006 года посетил "милитаристский" храм - РИА Новости, 26.12.2013 (ria.ru) (дата обращения: 06.01.2023).

16) Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. №4. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yapono-koreyskoe-uregulirovanie-v-politike-ssha-1953-1965-gg> (дата обращения: 06.01.2023).

17) Южная Корея и США завершили совместные учения авиации, вызвавшие критику в КНДР Кореей / РИА Новости, 05.11.2022 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:Южная Корея и США завершили совместные учения авиации, вызвавшие критику в КНДР (tass.ru)/ (дата обращения: 04.01.2023).

18) Indo-Pacific Strategy of the United States, February 2022 URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 20.04.2023)

19) Kim Yoo-chul. Seoul will ask Beijing to end 'THAAD retaliation' // The Korea Times. 2019-11-28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/11/356_279493.html (дата обращения: 04.01.2023).

20) Trilateral Cooperation in Northeast Asia: Expectations and Limitations. A conference report of the ROK-Japan-US Trilateral Young Leaders Dialogue / Julia Cunico, Brad Glosserman, John K. Warden. – Pacific Forum CSIS. Young Leaders. – Issues & Insights, Vol. 15, № 1. – Seoul, Republic of Korea. – November 2014.

Сергеева Алина Александровна,
студент, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
alina.a.sergeeva@mail.ru
Alina A. Sergeeva,
student, Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
alina.a.sergeeva@mail.ru

Научный руководитель:
Добижа Евгения Юрьевна,
старший преподаватель, кафедра зарубежного регионоведения,
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Yevgeniya Y. Dobizha,
Senior Lecturer, Department of Foreign Regional Studies,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

**ГАЗОВОЕ ПАРТНЕРСТВО ФРГ И КАТАРА:
ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ
LNG PARTNERSHIP OF GERMANY AND QATAR:
PERSPECTIVES AND CHALLENGES**

Аннотация: в статье анализируется сотрудничество Федеративной Республики Германия (ФРГ) и Государства Катар в области торговли сжиженным природным газом (СПГ). Автор рассматривает эволюцию отношений двух стран по линии торговли СПГ на каждом этапе, выявляет ключевые проблемы, препятствующие переходу существующих связей в более комплексный формат. Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие разногласий, катаро-германское партнерство в области торговли СПГ с высокой долей вероятности будет расширено в среднесрочной перспективе, однако формат сотрудничества может иметь разную форму. Для иллюстрации этой идеи предложено несколько сценариев.

Abstract: the article examines cooperation between the Federal Republic of Germany (FRG) and the State of Qatar in the field of liquefied natural gas (LNG)

trade. The author examines the evolution of the LNG trade at each stage, ranks key problems that prevent the development of partnership. The author concludes that despite the disagreements, the Qatari-German partnership in the field of LNG trade is likely to be expanded in the medium term, however, the format of cooperation may have different forms. Several scenarios are offered to illustrate this idea.

Ключевые слова: Катар, Германия, СПГ, энергетическое сотрудничество.

Key words: Qatar, Germany, LNG, energy partnership.

Введение

В последнее десятилетие наблюдается трансформация глобального энергетического рынка, в первую очередь его европейского сегмента, в сторону постепенной диверсификации каналов поставок и расширения сотрудничества с ближневосточными энергетическими гигантами. Глобальные изменения политического и экономического характера существенно ускорили этот процесс и вынудили европейских лидеров искать новых поставщиков энергоресурсов, а также наращивать объемы закупок СПГ. Одним из примеров организации подобного партнерства является развивающееся сотрудничество ФРГ и Катара, где Доха активно использует «газовый» фактор для укрепления собственного влияния на немецкий энергорынок. С учетом того, что изменение Германией общего вектора газовой торговли вкупе с углублением профильных связей Берлина и Дохи формирует новый международный энергетический баланс, комплексная оценка данного процесса становится крайне актуальной.

Исследовательское поле по обозначенной проблеме представлено значительным количеством работ, посвященных различным аспектам развития Катара (историческому [6], политическому [2], социально-экономическому [4]), а также всесторонней оценке его энергетической политики [11]. Также довольно комплексно представлен анализ отношений Дохи как с региональными, так и мировыми игроками в разрезе

совершенствования режимов энергетической безопасности [5; 10]. Германо-катарские отношения интересны прежде всего в разрезе финансово-инвестиционного и межкультурного взаимодействия. Однако комплексный обзор взаимодействия по линии торговли СПГ на данный момент по-прежнему раскрыт недостаточно полно. Данная статья является попыткой восполнить указанный пробел.

Источниковой базой исследования служат отчеты ведомств Катара и ФРГ, доклады и статистика, предоставляемая международными организациями, заявления политических деятелей двух государств, материалы СМИ.

Динамика развития газового партнерства

Несмотря на то что энергетическое сотрудничество Дохи и Берлина формально развивается с 1990-х гг., отношения долгое время имели ограниченный характер в силу разницы приоритетов: Берлин был ориентирован на наращивание профильных связей с РФ, в то время как ключевым направлением катарских поставок являлся Азиатско-Тихоокеанский регион.

В начале 2000-х гг. катаро-германское взаимодействие по линии торговли СПГ приобрело более комплексный характер в силу увеличения присутствия катарского бизнеса (включая компании нефтегазового сектора) на европейском рынке. Вместе с тем доля прямого импорта ФРГ по-прежнему была незначительна в связи с отсутствием у Берлина собственной инфраструктуры по приему СПГ. Основной объем поставок шел в Европу через бельгийские или голландские терминалы, что усложняло процесс и вело к дополнительным издержкам. В свою очередь, это серьезно влияло на общую динамику поставок со стороны Катара в ФРГ.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на рост числа контрактов на поставки газа из Катара и других ближневосточных государств, вплоть до конца 2010-х гг. основным поставщиком для ФРГ, как и для большинства стран ЕС, оставалась Россия, на которую приходилось около 55% закупаемого

Берлином газа [9; 35]. Подобное позиционирование объяснялось тем, что с точки зрения стоимости поставок трубопроводный газ являлся более выгодным (в силу территориальной близости РФ и наличия у Берлина соответствующей инфраструктуры), на фоне чего катарская доля на немецком энергорынке оставалась не столь значительной.

Однако в начале 2022 года произошло серьезное переосмысление роли СПГ в энергосистеме европейских стран в связи с переходом государств ЕС к политике форсированного отказа от российского газа вследствие обострения российско-украинского конфликта. На этом фоне Берлин предпочел сделать ставку на Доху ввиду наличия у нее объемов СПГ, достаточных для обеспечения первичных нужд национальной энергосистемы [13]. Кроме того, активизации газового партнерства частично поспособствовало наличие устойчивых логистических цепочек в масштабах ЕС. Так, на момент кризисных событий Катар уже обеспечивал до 50% потребностей европейского рынка в СПГ. Как результат, Берлин выступил инициатором переговоров с Дохой с целью ускорить уход от «газовой зависимости» от России [23].

Таким образом, заложенные в 1990-е гг. первичные связи создали основу для качественной трансформации подхода и пересмотра роли Катара в энергосистеме ФРГ на фоне энергетического кризиса 2022 года.

Факторы, препятствующие углублению сотрудничества

Несмотря на то что в свете глобальных трансформаций газовое партнерство двух стран получило дополнительный импульс к развитию, налицо ряд факторов, препятствующих дальнейшему расширению партнерства.

В первую очередь необходимо отметить затруднения экономического характера. Несмотря на анонсированные ФРГ планы по строительству собственных СПГ-терминалов, ни один из них не был реализован в силу нехватки финансирования: проекты признавались нерентабельными еще на стадии разработки или испытывали недостаток вложений со стороны

компании-оператора [20]. На этом фоне высказываются опасения, что создаваемая в рамках расширения партнерства с Дохой инфраструктура превратится в дополнительное «финансовое бремя» для Берлина, тем более что Доха также не проявляет значительного интереса к инвестированию в немецкую регазификационную инфраструктуру [17]. Хотя катарские компании, отвечающие за поставки СПГ за рубеж (QatarEnergy, RasGas), обладают собственными производственными линиями и танкерным флотом, достаточными для быстрого наращивания объемов поставок, отсутствие необходимой для принятия и хранения СПГ инфраструктуры у Берлина подрывает эффективность прямой кооперации двух стран.

Еще одним камнем преткновения для ФРГ стал экологический аспект. Немецкие природозащитные организации выступают против строительства терминалов, критикуют идею форсированного перехода на использование СПГ, апеллируя к угрозе резкого увеличения давления национальной промышленности на региональную экосистему (по причине большей токсичности сжиженного газа). Учитывая, что правительство Германии на данный момент представлено значительным количеством «зеленых» партий, германский истеблишмент вынужден идти на поводу социальных настроений, из-за чего строительство терминалов неоднократно приостанавливалось [21]. Влияние экологического фактора прослеживалось и при обсуждении сроков реализации контракта. Так, Доха настаивала на подписании соглашений сроком от 20 лет, однако это противоречило планам Берлина по сокращению объемов выбросов углекислого газа на 88% к 2040 году [16].

Среди прочего в определенных аспектах стороны преследуют разные интересы, что еще больше осложняло достижение консенсуса. Катар настаивал на недопущении перепродажи газа другим потребителям [3] и выступал за введение «нефтяной» индексации цен (когда стоимость СПГ привязана к ценам на нефть), в то время как Германия, стремясь хеджировать риски, напротив, выступала за отказ от какой-либо индексации [16]. Также обеим сторонам пришлось учитывать несопоставимость объемов

поставляемого СПГ с объемом прежних поставок трубопроводного газа. Катарские официальные лица все чаще подчеркивали, что Доха не сможет самостоятельно обеспечить растущие потребности Германии, используя данный тезис как обоснование для сокращения собственных обязательств перед Берлином [12].

Вместе с тем к концу 2022 года стороны пришли к определенному компромиссу: в ноябре был подписан 15-летний контракт на организацию поставок (с 2026 года) СПГ в Германию в объеме 2 млн т/г. [22]. Кроме того, начиная с 2024 года запланированы поставки СПГ с установки Golden Pass в Техасе, которая на 70% принадлежит компании Qatar Energy [8], что даст возможность перераспределить нагрузку между катарскими газовыми месторождениями и повысить общий объем поставок в ФРГ. Более того, в рамках удовлетворения «срочных» потребностей Берлина запланирован ввод в эксплуатацию зимой 2023 года плавучей регазификационной установки (ПРГУ), которая, в отличие от наземных терминалов, является более простой и дешевой в эксплуатации, а также характеризуется большей экологичностью [7]. Использование ПРГУ, в свою очередь, позволит Берлину увеличить пропускную способность собственных газоприемных систем и частично снизить накал недовольства экоактивистов по поводу строительства терминалов. Так, экологическая организация Deutsche Umwelthilfe добилась приостановки построения СПГ-терминалов, обвинив администрацию г. Брунсбюттель в игнорировании правил размещения опасных производственных объектов. В целом администрация города встретила около 14 возражений против строительства.

В то же время стоит учитывать, что заключенный в 2022 году долгосрочный контракт характеризуется шаткостью, отсроченный характер поставок не позволяет рассчитывать на твердые гарантии, ввиду чего Берлин стремится максимально диверсифицировать каналы поставок. В частности, наращивается взаимодействие с ОАЭ и Саудовской Аравией [15], Турцией и Израилем [18].

Важно учитывать, что переговоры ФРГ с другими крупными поставщиками энергоресурсов направлены в т.ч. на ослабление позиций Катара (как единственного крупного поставщика СПГ) и снижение его давления на европейских переговорщиков. В какой-то степени данный фактор поспособствовал достижению консенсуса в ноябре 2022 года, однако использовать его для получения дополнительных преференций в долгосрочной перспективе Берлин едва ли сможет.

Заключение

На фоне глобальных геополитических трансформаций сотрудничество ФРГ и Катара в газовой сфере постепенно выходит на новый уровень. Несмотря на ряд затруднений, Берлин и Доха смогли заключить соглашение по поставкам с 2026 года, что сулит странам новые возможности для дальнейшего наращивания кооперации. Однако говорить о серьезном прорыве рано в силу сохранения слабых сторон, связанных с инфраструктурной, экологической и идейной составляющими взаимодействия.

Учитывая обозначенные выше факторы, можно выделить два варианта дальнейшего развития событий. Так, первый сценарий подразумевает становление Катара как основного газового торгового партнера ФРГ. В пользу этого сценария свидетельствует то, что обе страны заинтересованы в сотрудничестве, а политическая ситуация способствует перестройке европейского энергорынка. С другой стороны, неспособность Дохи полностью перекрыть потребности ФРГ не в дальней перспективе, а в текущий период времени существенно снижает эффективность двусторонней кооперации даже при условии ее значительного углубления. По этой причине вероятность реализации данного сценария можно оценить как маловероятную.

Альтернативный сценарий подразумевает ограниченный характер сотрудничества ФРГ и Катара. В данном случае Берлин сделает ставку на диверсификацию поставщиков, что позволит свести на нет зависимость от одного из экспортеров. В этом случае Катар хоть и останется одним из

основных поставщиков, но не будет играть определяющую роль. В целом этот вариант видится наиболее вероятным в контексте текущих событий.

Так или иначе, оба сценария имеют точку пересечения: вне зависимости от итоговой роли Доха останется важным звеном германской энергосистемы, поскольку дальнейшее наращивание сотрудничества между ФРГ и Катаром остается выгодным для обеих сторон.

Список источников и литературы

1. В Саудовской Аравии открыли два новых месторождения // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3756202.html> (дата обращения: 30.11.2022).
2. *Дербенев А.С.* Катар: политические и экономические аспекты современного развития / А. С. Дербенев // Вестник московского университета. 2019. С. 193–202.
3. Доха выставила немцам ряд условий для поставок СПГ // Eadaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/05/10/katar-ne-durak-doha-vystavila-nemcam-ryad-usloviy-dlya-postavok-spg-podrobnosti> (дата обращения: 16.09.2022).
4. *Касаев Э.О.* Актуальные проблемы социально-экономического развития Катара в начале XXI века // Центр арабских и исламских исследований. Институт востоковедения РАН. М., 2013. 28 с.
5. *Кузнецов Р.С.* Катар на европейском рынке СПГ / Р. С. Кузнецов, Н. С. Славецкая, Т.Г. Тумарова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. №3. С. 90.
6. *Мелкумян Е.С.* История государств арабского залива в XX – начале XXI в. // Институт востоковедения РАН. М., 2016. 434 с.
7. СПГ-контракт между ФРГ и Катаром // Deutsche Welle.com. URL: <https://www.dw.com/ru/spgkontrakt-mezdu-frg-i-katarom-cto-nuzno-znat-o-neozidannoj-sdelke/a-63931073> (дата обращения: 30.11.2022).

8. About Golden Pass // Goldenpassing.com. URL: <https://www.goldenpassing.com/about/about-golden-pass> (date of access: 26.12.2022).
9. BP Statistical Review of World Energy. 2019. URL: www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2019.htm (date of access: 10.09.2022).
10. *Crystal A. E.* Reading entrepreneurial power in small Gulf states: Qatar and the UAE // A.E. Crystal. International Journal, 2018. 573-595 p.
11. El Mallakh Ragaei. Qatar: Energy & Development // Croom Helm, 1985. 184 p.
12. Europe can't live without Russian gas // CNN Business. URL: <https://edition.cnn.com/2022/03/25/business/mideast-summary-03-25-2022-intl/index.html> (date of access: 16.09.2022).
13. Flüssiggas für Deutschland // Handelsblatt. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/energiepolitik-fluessiggas-fuer-deutschland-emir-von-katar-will-bei-staatsbesuch-lng-deal-abschliessen/28356176.html> (date of access: 10.09.2022).
14. Germany agrees gas deal with Qatar to help end dependency on Russia // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/20/germany-gas-deal-qatar-end-energy-dependency-on-russia> (date of access: 16.09.2022).
15. Germany inks LNG deal as chancellor visits Gulf to secure energy // Reuters.com. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/germanys-scholz-sees-progress-lng-diesel-projects-uae-2022-09-25/> (date of access: 26.12.2022).
16. Germany, Qatar at odds over terms in talks on LNG supply deal // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/exclusive-germany-qatar-odds-over-terms-talks-lng-supply-deal-sources-2022-05-09/> (date of access: 16.09.2022).
17. Germany's LNG terminals completion could be delayed // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/germanys-lng-terminals->

completion-could-be-delayed-sector-lobby-says-2022-06-27/ (date of access: 12.09.2022).

18. Israel-Turkey gas pipeline discussed as European alternative to Russian energy // Reuters.com. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/israel-turkey-gas-pipeline-an-option-russia-wary-europe-sources-2022-03-29/> (date of access: 26.12.2022).

19. LNG – Deutsche Umwelthilfe // Duh. URL: <https://www.duh.de/lng/> (date of access: 14.09.2022).

20. LNG-Terminal in Wilhelmshaven gescheitert // NTV. URL: <https://www.n-tv.de/wirtschaft/LNG-Terminal-in-Wilhelmshaven-gescheitert-article22152732.html> (date of access: 14.09.2022).

21. Pipeline zum LNG-Terminal // NDR. URL: https://www.ndr.de/nachrichten/niedersachsen/oldenburg_ostfriesland/Pipeline-zum-LNG-Terminal-Behoerde-genehmigt-vorzeitigen-Bau,lng288.html (date of access: 14.09.2022).

22. QatarEnergy, ConocoPhillips sign LNG deal for Germany // Aljazeera.com. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/11/29/qatarenergy-conocophillips-sign-lng-deal-for-germany> (date of access: 26.12.2022).

23. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022 // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (date of access: 12.09.2022).

Скрипка Иван Романович,
младший научный сотрудник,
Институт Европы РАН,
iv.skripka@yandex.ru

Ivan R. Skripka,
Junior researcher,
Institute of Europe of RAS,
iv.skripka@yandex.ru

**ВОСХОЖДЕНИЕ ПАРТИИ «КРАСНЫЕ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОРВЕГИИ:
ПРИЧИНЫ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
THE SUCCESS OF THE RED PARTY IN THE ELECTIONS IN NORWAY:
REASONS AND FUTURE PROSPECTS**

Аннотация: в статье автор проводит анализ результата партии «Красные» на выборах в парламент Норвегии в 2021 году. В работе были использованы методы количественного и качественного анализа социальных сетей партии и ее официального сайта, рассмотрены опросы общественного мнения, проводившиеся до и после выборов. Автор выделяет основные причины роста результатов партии по сравнению с выборами прошлых лет: падение популярности ведущих партий Норвегии, переход партии к популизму и эффективная работа в новых и традиционных средствах массовой информации. В результате анализа деятельности «Красных» во время последнего избирательного цикла автор делает прогноз о дальнейших перспективах развития партии.

Abstract: in the article, the author analyzes the result of the Red party in the elections to the Norwegian Parliament in 2021. The methods of quantitative and qualitative analysis of the party's social networks and its official website were used in the work, and public opinion polls conducted before and after the elections were considered. The author highlights the main reasons for the growth of the party's results compared to the elections of previous years: the fall in popularity of the leading parties in Norway, the party's transition to populism and effective work in new and traditional media. As a result of the analysis of the activities of the "Reds"

during the last election cycle, the author makes a forecast about the further prospects for the development of the party.

Ключевые слова: Норвегия, выборы, парламент, стортинг, «Красные», социальные сети, популизм, политические партии.

Key words: Norway, elections, parliament, Storting, the Red party, social networks, populism, political parties.

На выборах в стортинг 2021 года партия «Красные» набрала рекордное для себя количество голосов (135 574), что позволило ей провести в парламент 8 депутатов [12]. Ранее партии не удавалось получить больше, чем одно место в стортинге. Более того, такой резкий рост стал самым заметным для всего политического пространства Норвегии. Еще интереснее, что, получив неожиданное представительство в стортинге, партия не только смогла сохранить поддержку избирателей, но и в какой-то момент стала пятой партией по популярности (почти сравнялась с Партией центра) согласно опросам Norstat для Aftenposten и NRK [6].

Успех партии «Красные» вызвал удивление в обществе и средствах массовой информации. Еще больший интерес вызвал тот факт, что в первый год своего присутствия в стортинге партии удалось увеличить число людей, выражающих ей поддержку. В связи с этим возникают следующие исследовательские задачи – выявить, какими факторами обоснован рост популярности партии «Красные», независимо от динамики левых и правых настроений в обществе, а также сделать прогноз о будущем партии в политическом ландшафте Норвегии.

Для проведения представленного исследования были использованы результаты опросов общественного мнения до и после выборов 2021 года, проведен количественный и качественный анализ социальных сетей партии, а также проанализированы материалы ведущих традиционных средств массовой информации в Норвегии (Aftenposten, NRK, Dagbladet).

Итоги парламентских выборов в Норвегии 2021 года

13 сентября 2021 года в Норвегии состоялись очередные парламентские выборы, в которых приняли участие более 3 млн избирателей (явка 77,2%). Им предстояло выбрать 169 депутатов стортинга. Опросы накануне выборов предрекали поражение консервативной партии «Хёйре» и отставку действующего правительства Эрны Сульберг. Успех прочили Норвежской рабочей партии (АП).

Итоги выборов оправдали прогнозы. Рабочая партия заняла первое место, получив 26,3% голосов (минус 1,1% по сравнению с выборами 2017 года). Второе место с 20,4% заняла партия «Хёйре» (-4,7%) [4].

Новый расклад сил между партиями сыграл важнейшую роль в итогах выборов. Партия центра набрала 13,6% (+3,3%). Часть новых избирателей отказала в доверии Партии прогресса, получившей 11,6% (-3,6%). Социалистическая левая партия (СВ) во главе с А. Лисбаккеном набрала 7,6% (+1,6%), что позволяет претендовать на участие в новом правительстве [1].

Сюрприз преподнесла партия «Красные» [4], леворадикальная партия Норвегии, собрав рекордные для себя 4,7% голосов (+2,3%) и 8 мест в стортинге. Ранее лучшим результатом «Красных» на выборах было одно парламентское место после всеобщего голосования в 2017 году. В другие годы партия набирала менее 2% голосов избирателей, что не давало ей возможность быть представленной в стортинге. Интересно, что «Красным» удалось значительно повысить свой рейтинг за последний месяц избирательной кампании. Так, опросы общественного мнения, проведенные меньше чем за 30 дней до дня голосования, показывали, что партия наберет 3,2% голосов и получит всего два депутатских мандата [12].

Причины успеха партии «Красные»

Успешное выступление партии «Красные» на парламентских выборах, а также дальнейшее закрепление их рейтинга вызвали удивление норвежского общества и политологов. Тем не менее у данного явления можно выделить несколько объективных причин.

Во-первых, на руку «малым» партиям сыграло падение популярности ведущих политических партий. Двумя главными партиями страны, вокруг которых традиционно формируется правительство Норвегии, являются Рабочая партия и партия «Хёйре». Несмотря на то что Рабочей партии удалось набрать наибольшее количество голосов, а также сформировать правительство меньшинства вместе с Партией центра, по количеству избирателей и общему проценту голосов – это худший показатель партии с 2001 года. Такая же ситуация сложилась у «Хёйре», которая была правящей на протяжении последних восьми лет. В результате роста недоверия к крупным партиям, другие смогли приумножить свой электорат. Основными причинами этого явления стали правительственные кризисы, с которыми столкнулась партия «Хёйре» (коронавирус, растущий финансовый разрыв между богатыми и бедными, миграционный кризис, доступность медицины). Рабочая партия же теряла голоса своих избирателей из-за того, что в глазах народа, находясь в оппозиции, она недостаточно явно заявляла об отличиях политического пути, который партия может предложить в качестве альтернативы. Кроме того, вследствие кризиса, вызванного COVID-19 [2], колеблющиеся избиратели предпочли партии левого толка, которые не входили в предыдущее правительство и правительственные комитеты по решению проблем заболеваемости и медицины, что помогло «Красным».

Другим важным аспектом успеха партии «Красные» стала ее эффективная работа в «новых» и традиционных средствах массовой информации. «Красные» не прошли порог во время выборов 2017 года. В начале 2021 года их рейтинг был также невысок (лишь 2,8%), из-за чего они не вызывали интерес традиционных медиа. Для решения этой проблемы партией была сформирована стратегия, согласно которой она должна была набрать популярность в социальных медиа, заинтересовать этим традиционные СМИ и в результате получить два канала связи с норвежскими избирателями.

Этот политический инструмент наглядно отражен в количественном и качественном анализе социальных сетей политических партий Норвегии. Результат показал [3], что «Красные» сделали наибольшее количество публикаций среди всех партий, получивших места в парламенте. Кроме того, партия выделялась тем, что во время предвыборной кампании сосредоточилась лишь на нескольких, наиболее важных для нее, темах: неравенство в обществе и климатическая повестка. Подтверждение того, что такая стратегия не была стихийной и принесла свои плоды, общественность получила сразу же после подсчета голосов. Ивер Астебёль, сотрудник партии, отвечающий за связи с общественностью, подробно рассказал о том, как внутри партии было принято решение применить данную стратегию на выборах 2021 года [15].

Однако два предыдущих пункта не имели бы такого эффекта, если бы «Красные» не стали предлагать людям простые решения проблем и фактически не перешли бы в разряд популистских партий. В результате этого к ним перешло звание главных популистов от правой Партии прогресса. «Красные» взяли на себя роль партии, которая выражает мнение «недовольных» граждан и последовательно работает в этом направлении. Так, партия предлагает популярные решения общественно-политических проблем, находящие отклик у избирателей, не говоря о последствиях, которые они могут иметь.

Например, партия предлагает установить максимальную цену на электроэнергию для борьбы с ростом цен, урезать зарплаты представителям парламента, сделать бесплатным лечение зубов и т.д. [13]. Такое поведение партия может позволить себе, имея своих депутатов в парламенте, но не входя в правительство. Таким образом, партия во главе с Бьернаром Мокнесом может критиковать правительство за любые действия, но не может получить претензии в ответ.

Возможности для дальнейшего роста партии «Красные»

Очевидно, что методы привлечения избирателей партии «Красные» способны дать результат и на следующих выборах. Однако возникает вопрос, сможет ли партия не только закрепить свой успех, но и развить его за время электорального периода 2021–2025 гг.

Одним из факторов роста популярности партии ранее указано падение рейтингов ведущих партий Норвегии. Для «Красных» проблема этого источника новых избирателей заключается в том, что он зависит не столько от их действий, сколько от работы конкурентов. Так, согласно данным Банка статистики Норвегии 17% избирателей, выбравших «Красных», на прошлых выборах голосовали за Рабочую партию. В связи с этим партию «Красных» должны радовать общественные опросы, которые проводились после выборов 2021 года, которые демонстрируют неуклонное падение рейтинга партии Ю.Г. Стёре, лидера AP.

Например, опрос Norstat [5], проведенный 3 января 2023 года, показал, что за партию, возглавляющую правительство, готовы проголосовать 19,4% избирателей, что на 7% меньше, чем Рабочая партия набрала на выборах 2021 года. Согласно тому же опросу 1,6% избирателей AP хотят проголосовать за партию «Красных», если выборы состоятся завтра. Таким образом, высокий потенциал партии заключается в падении популярности левого правительства.

Другой возможностью партии «Красные» можно считать их отличающуюся от других политических сил позицию в вопросе украинского кризиса и членства Норвегии в НАТО. Официальная позиция партии заключается в том, что она полностью осуждает действия Российской Федерации на территории Украины, но при этом руководство партии выступает против военной помощи Украине со стороны Норвегии [10]. Такую позицию «Красные» объясняют тем, что поставки военного оборудования увеличивают угрозу полномасштабной войны во всей Европе. Вторая причина состоит в том, что эксперты по международному праву не согласны друг с другом в том, превращает ли Норвегия отправка оружия воюющим

государствам в участника военного конфликта [10]. В то же время партия выступает за расширение гуманитарной помощи украинцам, приеме беженцев из Украины и России, прекращение любого сотрудничества с российскими государственными компаниями.

Кроме того, партия следует своей давней позиции о необходимости выхода Норвегии из НАТО и укрепления суверенной обороноспособности. Также «Красные» считают, что в результате членства в альянсе «Норвегия участвовала в нескольких войнах, противоречащих международному праву, которые дестабилизировали большие регионы, создали большие потоки беженцев...» [8]. До начала СВО такого же мнения придерживалась Левая социалистическая партия, главным требованием которой было прекращение членства страны в НАТО. Однако, начиная с весны 2022 года внутри левых появились разногласия в этом вопросе, что сделало «Красных» единственной партией с однозначным мнением по этой теме.

Помимо желания вывести Норвегию из альянса, «Красные» также голосовали в парламенте против принятия Швеции и Финляндии в состав НАТО, объясняя это тем, что этим решением они отстаивают интересы той значительной части общества Швеции и Финляндии, которая не согласна с изменением политики их стран относительно вопроса НАТО [11].

Наличие такого видения международной и военной ситуации дает партии надежду на то, что определенная часть общества поддержит такие инициативы в будущем. Этому могут способствовать экономический упадок, кризис электроэнергии, увеличивающиеся потоки беженцев, а также потенциальное размещение нового военного контингента России на границе с Норвегией.

Заключение

Партия «Красные» нашла эффективные методы для переманивания сторонников других левых партий, а также популистской Партии прогресса, что отразилось на результатах выборов 2021 года и дальнейших рейтингах. Тем не менее сейчас партия не претендует на более высокие позиции внутри

парламента и согласна играть роль «вечно критикующих». Такая стратегия имеет право на существование, но ограничивает потенциал партии. О политическом будущем и возможном развитии партии можно будет сделать выводы после выборов 2025 года, на которых она впервые будет выступать в статусе действующей парламентской партии. Закрепление высокого результата даст партийному руководству повод для серьезных мыслей о возможности сменить Рабочую партию как главную силу левых избирателей. В ином случае партия, вероятнее всего, сосредоточится на борьбе с Партией прогресса за избирателей, которые ждут популистских лозунгов и действий.

Список источников и литературы

1. *Анисимов П.А.* Перспективы развития российско-норвежских отношений после парламентских выборов в Норвегии 2021 г. Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения.”. 2021;(4):61-71. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-4-61-71>
2. Общество и политика в «эру COVID-19» / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2022. 156 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report92022_395.
3. *Скрипка И.Р.* Влияние социальных сетей на избирательную кампанию в стортинг 2021 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021 №6. С. 68-76. DOI: 10.15211/vestnikieran620216876
4. *Скрипка И. Р.* Итоги парламентских выборов в Норвегии / И. Р. Скрипка // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2021. – № 3(27). – С. 38-43. – DOI 10.15211/analytics32520213843.
5. *Aas O.I.* Starter året med et lyspunkt: Flere velgere samler seg om Ap og Sp lokalt. Aftenposten. 03.01.2023. Available at: <https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/zEMjA5/starter-aaret-med-et-lyspunkt-flere-velgere-samler-seg-om-ap-og-sp-lokalt> (accessed 06.01.2023).
6. *Alstadheim K.B.* Usikker måling i usikker tid. Aftenposten. 02.03.2022. Available at: <https://www.aftenposten.no/meninger/kommentar/i/Jxgnxb/usikker-maaling-i-usikker-tid> (accessed 21.04.2023).

7. Arbeiderpartiets partiprogram 2021-2025. Arbeiderpartiet. 17.04.2021. Available at: <https://www.arbeiderpartiet.no/om/program/> (accessed 23.12.2022).
8. Forsvarspolitik. Rødt. Available at: <https://roedt.no/forsvarspolitik> (accessed: 21.04.2023).
9. Høyres partiprogram 2021-2025. Høyre. 08.12.2020, Available at: <https://hoyre.no/politikk/partiprogram/> (accessed: 27.12.2022).
10. Krigen i Ukraina. Rødt. 15.11.2022. Available at: <https://roedt.no/ukraina> (accessed 05.01.2023).
11. *Lysberg M.* Stortinget sa i dag ja til Sverige og Finland inn i Nato, men Rødt stemte mot: – Dypt usolidarisk, sier Jonas Gahr Støre. Aftenposten. 16.06.2022. Available at: <https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/286k3q/stortinget-sa-i-dag-ja-til-sverige-og-finland-inn-i-nato-men-roedt-stemte-mot-dypt-usolidarisk-sier-jonas-gahr-stoere> (accessed 21.04.2023).
12. Norstat for NRK / Aftenposten 17. august 2021. Available at: <http://www.pollofpolls.no/?cmd=Maling&gallupid=4430> (accessed: 21.04.2023).
13. Rødts arbeidsprogram 2021-2025. Rødt. 07.03.2021. Available at: <https://roedt.no/arbeidsprogram> (accessed: 27.12.2022).
14. Statistikkbanken. 11659: Stortingsvalget. Hvor kom velgerne fra (prosent) 2021. Available at: <https://www.ssb.no/statbank/table/11659/> (accessed 05.01.2023).
15. *Svardal Y.G.* Rødt har bommet med kommunikasjonsstrategien i flere valg, men i 2021 traff de blink: – Sjukt å se at det funker. KOM24. 14.09.2021. Available at: <https://www.kom24.no/iver-aastebol-rodt-stortingsvalg-2021/rodt-har-bommet-med-kommunikasjonsstrategien-i-flere-valg-men-i-2021-traff-de-blink--sjukt-a-se-at-det-funker/386791> (accessed 02.11.2022).
16. Valgresultat 2021. NRK. 14.09.2021 // <https://www.nrk.no/valg/2021/resultat/> (accessed 25.12.2022).

Чернышов Юрий Георгиевич,

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений,
Алтайский государственный университет,
ashpi@hist.asu.ru; ashpi@ya.ru

Трущелева Ксения Андреевна,

студентка 4 курса Института истории и международных отношений,
Алтайский государственный университет,
ksenyadraw@gmail.com

Yury G. Chernyшов,

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of General History and International Relations,
Altai State University,
ashpi@hist.asu.ru; ashpi@ya.ru

Ksenia A. Trushcheleva,

4th year student of the Institute of History and International Relations,
Altai State University,
ksenyadraw@gmail.com

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИИ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
PROSPECTS OF ENERGY COOPERATION BETWEEN RUSSIA
AND THE COUNTRIES OF SOUTHEAST ASIA**

Аннотация: статья посвящена особенностям энергетического сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии. Анализируются основные этапы и приоритетные направления сотрудничества в сфере энергетики России и АСЕАН, а также рассматриваются стратегии и механизмы осуществления энергетической политики России в регионе. Значительное внимание уделяется анализу энергетического потенциала и угроз энергетической безопасности стран Юго-Восточной Азии. Основное содержание исследования составляют рассмотрение вовлеченности России в региональные энергетические процессы и анализ основных перспектив энергетического диалога.

Abstract: this article focuses on the peculiarities of Russia's energy cooperation with the countries of Southeast Asia. The main stages and priority areas of cooperation in the energy sector between Russia and ASEAN are analyzed, and

the strategies and mechanisms for implementing Russia's energy policy in the region are considered. Considerable attention is paid to the analysis of the energy potential and threats to the energy security of the countries of Southeast Asia. The main content of the study are the review of Russia's involvement in regional energy processes and analysis of the main perspectives of the energy dialogue.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, Юго-Восточная Азия, Россия, АСЕАН, энергетическая политика, перспективы, угрозы энергетической безопасности, возобновляемые источники энергии.

Key words: energy cooperation, Southeast Asia, Russia, ASEAN, energy policy, prospects, threats to energy security, sources of renewable energy.

Структура АСЕАН, объединяющая страны Юго-Восточной Азии, является одной из наиболее влиятельных современных группировок Азиатско-Тихоокеанского региона, системообразующим элементом регионального порядка. В результате изменения внешнеполитической стратегии Российской Федерации в начале XXI в. и частичной внешнеэкономической переориентации на страны Азии, которая получила название «поворота на Восток», Юго-Восточная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион в целом представляют собой стратегически важное направление для внешней политики России.

Большой исследовательский интерес вызывает участие России в процессах экономической интеграции, интенсивно происходящих в указанном регионе. Среди прочих представляется важным вопрос перспектив развития и эффективности энергетического диалога России с ЮВА. Таким образом, цель исследования заключается в выявлении ключевых моментов и особенностей энергетического сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии и анализе перспектив его развития.

Экономические отношения России и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в сфере энергоносителей сравнительно мало изучены в отечественной историографии. При работе были рассмотрены статьи

А.А. Рогожина [7], С.В. Лаврова [6], Е.А. Кузнецова [5], проанализированы официальные документы [3], а также статистические данные [10].

Энергетическое сотрудничество, безусловно, является значимым направлением с учетом того, что зависимость государств АСЕАН от состояния мирового энергетического рынка, импорта нефти и нефтепродуктов стремительно возрастает [2, с. 118]. Говоря о двустороннем энергетическом сотрудничестве, обычно рассматривают не только поставки энергоресурсов, но также и предоставление услуг по строительству и модернизации объектов энергетики, совместную добычу нефти и газа в регионе, распространение российского опыта управления энергоресурсами в рамках совместной эксплуатации в других странах, помощь в подготовке квалифицированных кадров и разработке программ развития энергетики, а также в интеграции этих программ в проекты по оптимизации использования региональных энергетических ресурсов.

Для более подробного исследования перспектив энергетического сотрудничества стоит проанализировать имеющийся в регионе энергетический потенциал и угрозы экономической безопасности, исходя из того, что такого рода показатели могут подтверждать потребность сторон в энергетическом диалоге.

Регион Юго-Восточной Азии представлен совокупностью стран с огромными различиями в масштабах и моделях использования энергии и обеспеченности энергетическими ресурсами. В состав АСЕАН входят как страны-экспортеры, так и страны-импортеры энергии. В ближайшие десятилетия в регионе Юго-Восточной Азии будет наблюдаться быстрый экономический рост – в среднем на 4,6% в год. В свою очередь, потребление энергии будет быстро расти. Так, с 1990 года потребность региона в энергии увеличилась в два с половиной раза [14, р. 15].

Прогнозируется, что общий спрос стран АСЕАН на энергию вырастет почти на две трети в течение следующих двух десятилетий и в связи со значительным ростом населения и урбанизации, поскольку потребление

энергоресурсов, как правило, быстро превышает внутреннее производство энергии. В конце 2010-х гг. в АСЕАН проживало около 680 млн человек, к 2050 году население региона увеличится до более 800 млн человек, 22% жителей АСЕАН живут в городах, численность населения которых превышает 200 тыс. человек [14, р. 16]. В течение следующих 10 лет еще 54 млн человек станут горожанами [18, р. 28]. Стоит также упомянуть о доступе населения региона к электричеству, который по состоянию на 2020 год все еще не имеют примерно 8 млн домохозяйств АСЕАН. Все это говорит о возрастающей потребности региона в выработке энергии.

Несмотря на то что Юго-Восточная Азия обладает обширным потенциалом для развития возобновляемых источников энергии, ископаемые виды топлива продолжают преобладать в регионе. В 2019 году 80% электроэнергии в регионе производилось за счет ископаемого топлива [15, с. 22]. Во время мирового эпидемиологического кризиса COVID-19, при значительном снижении спроса и добычи нефти и газа, потребление угля оставалось относительно устойчивым, а в некоторых странах региона, таких как Таиланд и Вьетнам, наблюдалось даже увеличение его использования на 12% и 32% соответственно [17, с. 45].

Страны АСЕАН разделяют общую проблему энергетической безопасности, которая заключается в удовлетворении растущего спроса на энергию безопасным, доступным и устойчивым образом. Государства – члены Ассоциации признают, что ни одно из них не может полностью решить свои энергетические проблемы самостоятельно, именно поэтому они считают региональное сотрудничество крайне важным. Недавние достижения в рамках программы ASEAN Power Grid (APG), такие как многосторонняя торговля электроэнергией в регионе, успешно реализованная между Лаосской Народно-Демократической Республикой, Таиландом, Малайзией и Сингапуром, демонстрируют приверженность сотрудничеству. Для транзита энергоресурсов с наименьшими затратами внутри региона Юго-Восточной Азии реализован проект Трансасеановского газопровода (Trans-ASEAN Gas

Pipeline, TAGP), призванного соединить пункты энергодобычи стран «десятки» с центрами потребления [18, с. 88].

Важное место в обеспечении энергоэффективности занимает энергетическая кооперация региона с соседними странами. В качестве главных партнеров и основных источников финансирования на протяжении всего периода развития энергетической программы региона АСЕАН выделяет Европейский союз, Японию, Австралию, Китай, Южную Корею и Индию. Поддержку программам АРАЕС также оказывают Германия, Швейцария, США и другие региональные и глобальные учреждения, такие как ООН и связанные с ней агентства.

Ключевые направления сотрудничества между Россией и государствами – членами АСЕАН были определены еще в Соглашении между правительствами государств – членом Ассоциации и Правительством РФ об экономическом сотрудничестве и сотрудничестве в целях развития [9, с. 3], которое было подписано в 2005 году в ходе встречи лидеров в Куала-Лумпуре. Соглашение гарантировало благоприятные условия для развития экономического сотрудничества, а также сотрудничества в области торговли, инвестиций, исследований, технологий и энергетики.

В 2006 году АСЕАН и Россия созвали первую встречу старших должностных лиц по экономическим вопросам (Консультации SEOM – Россия) и договорились встречаться по мере необходимости. Через четыре года уже была принята Рабочая программа энергетической кооперации АСЕАН и России на период до 2015 года [12]. В 2012 году министры экономики России и АСЕАН утвердили дорожную карту всестороннего экономического сотрудничества. Рабочая программа охватывала различные области торгово-экономического сотрудничества, такие как упрощение и либерализация торговых и инвестиционных процедур, энергетических ресурсов, развитие цепочек поставок. Помимо этого, в 2015 году прошли первые российско-асеановские консультации по энергетике.

Новый План работы АСЕАН – Россия по сотрудничеству в области энергетики на 2016–2020 гг. был одобрен на встрече старших должностных лиц АСЕАН по энергетике. В нем, помимо повторяющихся с предыдущим аналогичным документом вопросов об обеспечении энергетической безопасности и устойчивости посредством производства и использования возобновляемых и альтернативных источников энергии, развитии и укреплении институциональных связей между сторонами в данной области, обмена технологиями, опытом и др., впервые в отдельный пункт, имеющий наибольший приоритет над вышеперечисленными направлениями, выносятся изучение возможности сотрудничества в области гражданской ядерной энергетики. Кроме того, на повестку дня ставится вопрос о содействии упрощению процедур торговли и инвестиций в энергетический сектор. В подтверждение отмеченному в документе вопросу о торговле энергоносителями рассмотрим статистические данные. В 2021 году первыми в списке статей товаров, импортируемых АСЕАН из Российской Федерации, стоят минеральное топливо, нефтепродукты и продукты их переработки с количественным показателем в 4 млн долларов США при общем импорте энергоресурсов на 218 млн долларов США [11, с. 102]. Несмотря на низкий показатель относительно других стран, Россия с середины 2010-х гг. входит в топ-10 основных поставщиков сырой нефти и нефтепродуктов в АСЕАН [12, с. 270].

В долгосрочной перспективе Россия и страны АСЕАН имеют планы о создании совместной ESG-платформы устойчивого развития. На базе платформы они намерены реализовать экологические, природоохранные и климатические проекты в сфере энергетики.

Если оценивать энергетическое сотрудничество России с АСЕАН в целом, то энергетическое сообщество ЮВА воспринимает нашу страну как немаловажного партнера в данной сфере, признавая ее мировой авторитет в

области энергетики и учитывая мощную энергетическую базу. Привлекает партнеров из АСЕАН и надежность России как поставщика ресурсов.

Россия, в свою очередь, неоднократно заявляла о своем намерении усиливать взаимовыгодный энергетический диалог со странами региона. Практика реализации энергетических программ показывает, что совместные усилия в данной сфере будут стимулировать расширение масштабов и повышение качества всестороннего экономического сотрудничества России и АСЕАН [1, с. 174].

Россия – второй по величине производитель газа в мире – активно продвигает данное топливо как чистую альтернативу углю для удовлетворения растущих потребностей Юго-Восточной Азии в энергии.

В АСЕАН также убеждены, что природный газ (СПГ) будет служить промежуточным топливом для более широкого внедрения возобновляемых источников энергии и будет способствовать переходу к экономике с низким уровнем выбросов углерода. В таком случае РФ могла бы содействовать странам АСЕАН в обеспечении более широкого спектра источников импорта и облегчить разработку новых месторождений.

Еще один путь к решению проблем энергодефицита и охраны окружающей среды в регионе – это развитие атомной энергетики. С конца 2015 года страны региона постепенно осознают важность ядерной энергетики, снова рассматривая ее в качестве долгосрочного варианта производства электроэнергии. Однако работа по исполнению текущих проектов протекает медленно в связи с рядом факторов, мешающих их реализации. Страны ЮВА отмечают недостаток опыта обращения с радиоактивными отходами, низкую компетентность персонала органов ядерного регулирования, а также нехватку финансовых ресурсов для строительства ядерных объектов. Ввиду вышеуказанных факторов Российская Федерация способствует наращиванию в регионе нормативно-правовой базы по атомной энергетике, проводит программы повышения квалификации и обучения специалистов ЮВА в сфере атомной энергетики. Страны ЮВА, такие как Мьянма, Камбоджа и Лаос,

Таиланд, подписали соглашение о сотрудничестве с российским «Росатомом» в целях развития человеческих ресурсов и мирного использования атомной энергии [4, с. 43].

Отношения стран ЮВА и России строятся на основе системного энергетического диалога, но на практике находятся лишь в стадии своего формирования. Российская Федерация, будучи ведущей державой в сфере энергетики и имея значительный ресурсно-энергетический потенциал, при эффективной реализации энергетической деятельности может улучшить свой имидж в регионе Юго-Восточной Азии и планомерно расширить торгово-экономическое и инвестиционное взаимодействие между деловыми кругами двух рассматриваемых сторон. Для этого необходимо учитывать форсированный переход региона на возобновляемые источники энергии, для увеличения объемов которых необходимы значительные инвестиции. Российская Федерация может способствовать возобновлению в регионе ядерных проектов, продолжать проведение программ повышения квалификации и обучения специалистов ЮВА в сфере атомной энергетики. Стоит также учитывать тот факт, что в сегодняшнем энергоснабжении стран ЮВА преобладают ископаемые виды топлива, которые составляют значительную долю первичной энергии, именно поэтому все еще остаются перспективными поставки энергоносителей в регион.

Список источников и литературы

1. *Воронин А.С., Усов И.В.* Россия — АСЕАН: к энергетическому сотрудничеству через диалог // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С. 156-178. URL: <https://riss.ru/documents/185/8f56e16e0c1a4a85acbae4569e872ff5.pdf> (дата обращения: 27.10.2022 г.)
2. *Ключанская С.А.* Россия–АСЕАН: перспективные направления сотрудничества // Власть. 2016. № 6. С. 116-125. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-asean-perspektivnye-napravleniya-sotrudnichestva/viewer> (дата обращения: 30.09.2022 г.)

3. Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-восточной Азии // Россия-АСЕАН. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 24.11.2022 г.)

4. *Копылов О.В.* Энергетическое сотрудничество в интеграционном контексте ЮВА и АТР: новые возможности для России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 17. С 39-47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskoe-sotrudnichestvo-v-integratsionnom-kontekste-yuva-i-atr-novye-vozmozhnosti-dlya-rossii> (дата обращения: 12.10.2022 г.)

5. *Кузнецов Е.А.* Особенности экономических отношений Россия — АСЕАН в сфере энергоносителей на современном этапе: возможности и перспективы // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. №4. С. 164-170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ekonomicheskikh-otnosheniy-rossiya-asean-v-sfere-energonositeley-na-sovremennom-etape-vozmozhnosti-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 19.10.2022 г.)

6. *Лавров С.В.* Россия и АСЕАН могут многое сделать вместе // Международная жизнь. 2010. №10. С. 4-14. URL: <https://asean.mgimo.ru/asean/partnerstvo> (дата обращения: 19.10.2022 г.)

7. *Рогожин А.А.* Интеграционный процесс в ЮВА: энергетический аспект // Юго-восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. №11. С. 57-63. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=6550> (дата обращения: 20.10.2022 г.)

8. Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст. К 25-летию диалогового партнерства и 30-летию отношений России и АСЕАН: сборник научных статей / под редакцией Е.В. Колдуновой, В.В. Вершининой. М.: МГИМО-Университет. 2022. 183 с.

URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2022/conference-proceedings-russia-asean-in-apr> (дата обращения: 09.09.2022 г.)

9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития, Куала-Лумпур, 2005 // Россия-АСЕАН. URL: <http://russia-asean20.ru/load/30863/>.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskoe-sotrudnichestvo-v-integratsionnom-kontekste-yuva-i-atr-novye-vozmozhnosti-dlya-rossii>

10. ASEAN in Figures // ASEANFocus. Singapore: ISEAS, 2018. URL: https://www.iseas.edu.sg/wpcontent/uploads/pdfs/ASEANFocus_December2018_Final.pdf (дата обращения: 27.09.2022 г.)

11. ASEAN Statistical Yearbook 2022 // The ASEAN Secretariat, Jakarta. 2022. 299 p. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/02/ASYB-2022_0223.pdf

12. Joint Media Statement of the 28th ASEAN Ministers on Energy Meeting (AMEM). "Energy and Climate Change", Da Lat, 2010 // Association of Southeast Asian Nations: offic. website. URL: <http://www.asean.org/24940.htm> (дата обращения: 24.11.2022 г.)

13. *Liu Y., Sheng Z., Azhgaliyeva D.* Toward Energy Security in ASEAN: Impacts of Regional Integration, Renewables, and Energy Efficiency // Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2019. 19 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/541021/adbi-wp1041.pdf> (дата обращения: 12.10.2022 г.)

14. Southeast Asia Energy Outlook // International Energy Agency. 2013. 113 p. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/a4f224b1-9bee-46c4-8fa5-9ccc6d615b4/SoutheastAsiaEnergyOutlook_WEO2013SpecialReport.pdf (дата обращения: 15.10.2022 г.)

15. Southeast Asia Energy Outlook // International Energy Agency. 2019. 200 p. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/47552310-d697-498c-b112->

d987f36abf34/Southeast_Asia_Energy_Outlook_2019.pdf (дата обращения: 10.09.2022 г.)

16. Southeast Asia Energy Outlook 2013 // International Energy Agency. 138 p. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/a4f224b1-9bee-46c4-8fa5-9ceccbd615b4/SoutheastAsiaEnergyOutlook_WEO2013SpecialReport.pdf (дата обращения: 30.12.2022 г.)

17. The 6th ASEAN Energy Outlook // ASEAN Centre for Energy. 2020. 161 p. URL: <https://aseanenergy.org/the-6th-asean-energy-outlook/>

18. The 7th ASEAN Energy Outlook 2020 — 2050 // ASEAN Centre for Energy. 186 p. URL: <https://aseanenergy.sharepoint.com/PRA/ASEAN%20Energy> (дата обращения: 30.12.2022 г.)

Жерновая Оксана Романовна,
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой иностранных языков и лингвокультурологии,
Oksana.zh@mail.ru

Рохас Сампер Матео,
магистрант НИУ ВШЭ, факультет социальных наук,
bambinomateo99@gmail.com

Чих Илья Николаевич,
бакалавр ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
зарубежное регионоведение.
I.N.Chich@yandex.ru

Oksana R. Zhernovaya,
Candidate of Philology,
Head of the Department of Foreign Languages and Cultural Linguistics,
Oksana.zh@mail.RU

Rojas Samper Mateo,
Master student, National Research University Higher School of Economics,
Faculty of Social Sciences,
bambinomateo99@gmail.com

Ilya N. Chikh,
Bachelor IMOMI UNN them. N.I. Lobachevsky,
foreign Regional Studies,
I.N.Chich@yandex.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ ФРАНЦИИ
К РАЗВИТИЮ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ
PROSPECTS FOR THE RETURN OF FRANCE
TO THE DEVELOPMENT OF NUCLEAR ENERGY**

Аннотация: в статье анализируются причины возобновления строительства атомных реакторов во Франции и влияние энергетического кризиса на данный процесс. Авторы рассматривают вопрос о возможном отходе страны от «зеленой повестки» и возвращении к атомным проектам, а также выделяют основные проблемы в атомной отрасли Франции, в частности неполадки с новыми ядерными реакторами. В работе делается обзор плана правительства Макрона по реализации новой энергетической стратегии и прогноз возможных перспектив и последствий его реализации.

Annotation. The article analyzes the reasons for the resumption of the construction of nuclear reactors in France, the impact of the energy crisis on this process. The question is raised about the country's possible departure from the green agenda and return to nuclear projects. The main problems in the French nuclear industry are considered, in particular, problems with new nuclear reactors. An overview is made of the plan of the Macron government for the implementation of a new energy strategy and the forecast, possible prospects and consequences of its implementation.

Ключевые слова: энергетический кризис, атомная энергетика, «зеленая повестка» Франции, атомная промышленность, Европейский союз.

Key words: energy crisis, nuclear energy, green agenda, France, nuclear industry, European Union.

Введение

Франция – крупнейший экспортер энергии в Европе и один из мировых лидеров в атомной энергетике. Тем не менее из-за технических работ на АЭС и сокращения поставок газа из России Франция, как и другие страны, столкнулась с энергетическими проблемами. Об этом сказал министр экономики и финансов Франции Брюно Лё Мэр [22].

Мы собираемся проанализировать шаги, предпринимаемые руководством Франции для преодоления текущего энергокризиса, и определить, какую роль в этом будет играть атомная энергия и как это может сказаться на «зеленой повестке» Евросоюза.

Истоки проблемы

Энергетический кризис, с которым столкнулась Европа, стал следствием целого комплекса причин. На наш взгляд, «зеленая повестка» Европейского союза сыграла в нем весьма заметную роль. Политика ЕС по переходу к углеродной нейтральности привела к закрытию угольных шахт и перетоку инвестиций из классических энергетических предприятий в продвижение зеленых источников энергии (ветрогенераторов, солнечных батарей и др.)

[27]. Кроме того, значительный импульс движению цен на энергоносители придали санкции, введенные ЕС против России [19].

После аварии на «Фукусиме-1» развитие атомной энергетики в Европе затормозилось. Некоторые страны ЕС решили полностью отказаться от атомной энергетики или существенно сократить ее объемы [2].

В годы правления бывшего президента Франции Франсуа Олланда и в первые годы президентства Эммануэля Макрона было принято решение снизить долю ядерной энергетики в производстве электроэнергии во Франции с 75% до 50% [26]. Однако Франция – одна из немногих стран, сумевших сохранить свою атомную энергетику вопреки «зеленой повестке», во многом благодаря работе Плана Мессмера 1974 года, и доля атомной энергии в общем объеме производства энергии достигла почти 76% [12].

Недавнее заявление Макрона обозначило возвращение к строительству ядерных реакторов: «Для обеспечения энергетической независимости Франции <...> мы впервые возобновим строительство ядерных реакторов в нашей стране» [10]. Оно вовсе становится диаметрально противоположным политическому дискурсу, преобладающему в последние годы.

Несмотря на то что заявление было сделано во время сильной напряженности и рекордных цен на энергоносители, слова президента вызывают сомнения, поскольку последние атомные электростанции, которые строила Electricite de France (EDF), были весьма проблемными [29].

Проблемные реакторы

Electricite de France – крупнейшая государственная энергогенерирующая компания Франции, владеющая атомными электростанциями и занимающая практически монопольное положение. Она также является владельцем Framatome, бизнесом ядерных реакторов, который компания поглотила в 2018 году [14]. Areva – еще одна государственная компания, реструктурированная из-за проблем, с которыми столкнулась французская атомная промышленность за последнее десятилетие, и сменившая название на Orano [15]. Обе компании в последние годы испытывали серьезные трудности.

В частности, в 2016 году ядерный регулятор Франции приказал остановить 21 реактор, более трети ядерного парка Electricite de France, после того, как Areva признала дефекты в 400 деталях, изготовленных с 1965 года и используемых в парогенераторах. Инспекторы были обеспокоены высоким уровнем углерода, обнаруженным в стали кузницы Ле-Крезо, и риском разрушения стали в случае резкого изменения температуры [25].

Произошедшее отлично продемонстрировало то, что может случиться, если Франция вдруг откажется от ядерной энергии. Таким образом, началось более интенсивное использование тепловых электростанций, что наносит огромный экологический ущерб. Помимо экологов, остановку реакторов ощутили и обычные французы, увидев огромные счета за электроэнергию. Однако в 2017 году работа реакторов была возобновлена и ситуация нормализовалась. Тем не менее французский бюджет потерял около 1 млрд евро в связи с закрытием и ремонтом заводов [26].

Еще одна серьезная проблема EDF – European Pressured Water Reactor (EPR), реактор под давлением третьего поколения, который в начале века являлся флагманским проектом французской атомной промышленности [13].

Французские атомные энергоблоки EPR-1600 были впервые введены в эксплуатацию на китайской АЭС «Тайшань», где первый блок начал промышленную эксплуатацию в 2018 году, а второй – в сентябре 2019 года [3].

В июне 2021 года было обнаружено повышение концентрации инертных газов в первичном контуре первого блока. В результате 30 июля 2021 года China General Nuclear (CGN) вывела блок из эксплуатации для расследования причин повреждения топлива и замены дефектных топливных стержней [16]. Работа реактора была возобновлена только 15 августа 2022 года, после более чем годового простоя [17].

Другой реактор данного типа начал работу 12 марта 2022 года в Финляндии на АЭС «Олкилуото». При строительстве возник ряд технологических проблем, а также несколько судебных разбирательств,

первоначально реактор должен был быть введен в эксплуатацию в 2009 году [3].

Во втором квартале 2023 года планируется начало работы третьего блока на атомной электростанции во Фламанвилле, на северо-западе Франции, на берегу пролива Ла-Манш [1].

Первоначально планировалось, что блок заработает в 2013 году, а стоимость составит 3,3 млрд евро. Однако и сроки, и сметы неоднократно менялись, как из-за неоднократно возникавших в ходе строительства технических сложностей, так и из-за организационных проблем, связанных с реформированием Areva, и в конечном итоге бюджет строительства составит 12,7 млрд евро. По мнению министра экономики Франции Бруно Ле Мари, все эти проблемы и перерасход средств нанесли серьезный удар по репутации Франции в области атомной энергетики [24].

Следует отметить, что идет строительство еще двух энергоблоков на британской АЭС «Хинкли-Пойнт-С», старт промышленной эксплуатации которых запланирован на 2026 и 2027 годы [3].

На фоне собственных проблем с реакторами Франция в июле 2019 года подписала стратегический документ о взаимодействии в области строительства и эксплуатации АЭС, возобновляемых источников энергии, цифровизации, обращения с радиоактивными отходами с компанией «Росатом» [23].

Таким образом, анализируя ситуацию с французской атомной промышленностью, можно сказать, что в отрасли накопилось множество проблем, которые нанесли ущерб репутации Франции в данной сфере. Тем не менее исторически одно из лидирующих положений на рынке и малое количество конкурентов позволяют Франции сохранять свои позиции в атомной энергетике.

План Макрона

На сайте Елисейского дворца опубликован план «Франция-2030» в которой президент республики подробно изложил направления новой энергетической политики Франции [4].

Стоит отметить следующие направления:

- укрепление французской ядерной отрасли по двум основным направлениям: модернизация всех возможных ядерных реакторов и запуск крупной программы новых ядерных реакторов;
- создание небольших, инновационных ядерных реакторов с улучшенным обращением с отходами [21].

Для решения проблемы новых реакторов и урегулирования финансовой ситуации в энергетических компаниях был принят ряд мер. В частности, правительство Франции приняло решение по национализации компании EDF [11].

Ожидается, что данная мера позволит провести реорганизацию и улучшит финансовое состояние компании, которая накопила значительный долг [11]. Эти меры позволят решить вопрос поиска финансовых ресурсов для строительства новых реакторов и модернизации имеющихся. Подобный план уже был реализован с компанией Areva в 2016 году, в результате чего компания была реорганизована и сменила название на Orena. Эти шаги помогли снизить долговую нагрузку компании и изменить ее бизнес-модель [20].

Предполагается, что будет построено 6 реакторов EPR, которые будут стоить на треть меньше, чем реакторы EPR во Фламанвилле, и 50 млрд евро будет достаточно, чтобы построить их все, что будет достигнуто за счет использования масштабов и типовых проектов. Стоит отметить, что Франция также внимательно следит за эволюцией Small modular reactor (SMR). За месяц до объявления о строительстве новых реакторов Макрон выделил 1 млрд евро на разработку SMR [9].

Основным мотивом для возвращения к ядерной энергетике служит, как нам видится, ее безальтернативность в решении основных задач

энергетической политики Франции. Во-первых, ядерная энергетика наиболее полно обеспечит энергетическую независимость страны. Во-вторых, это является наиболее рациональным и экономически обоснованным решением. Ввиду исторического наследия атомная энергетика уже становится доминирующей. В-третьих, несмотря на споры по поводу отнесения атомной энергии к разряду «зеленой», атомная промышленность остается наиболее перспективной, так как является одновременно экологичной и эффективной.

Что скажет Брюссель?

Вопрос о включении атомной энергии и газа в таксономию является дискуссионным вопросом в Евросоюзе. Франция активно борется за включение ядерной энергии в планы Брюсселя. Сторонники Франции – Болгария, Хорватия, Словакия, Словения, Финляндия, Венгрия, Польша, Чехия и Румыния. Кроме того, на последнем Совете министров энергетики Нидерланды и Швеция присоединились к данной позиции [7]. Речь идет о 12 из 27 членов Евросоюза.

Главными оппонентами являются Германия, Австрия, Испания и Люксембург, наряду с природоохранными и различными некоммерческими организациями, которые акцентируют внимание на небезопасности использования атомной энергии. Наиболее яркими сторонниками включения газовых проектов в таксономию выступают зависимые от угольной генерации страны ЕС, среди которых Польша и Чехия, которые считают газ переходным топливом на пути к использованию чистых видов энергии. Главные противники такого решения – Австрия, Дания, Нидерланды и Швеция [5].

В начале февраля Европейская комиссия (ЕК) классифицировала атомную и газовую энергетiku как переходные зеленые источники энергии, способствующие переходу к безуглеродной экономике. Новые инвестиции в атомные электростанции разрешены до 2045 года, в газовую инфраструктуру – до 2030 года [6].

«Газ и атомная энергия могли бы содействовать тяжелому переходу к климатической нейтральности. Мы разработали строгие условия для их

включения в таксономию. Для них будут установлены четкие ограничения и сроки для поэтапного вывода из эксплуатации», – сказала еврокомиссар по финансам Мейрид Макгиннесс [6].

Данное решение выглядит во многом вынужденным и компромиссным, так как все страны ЕС столкнулись с проблемой обеспечения энергетической безопасности и стабильности, что вызвало необходимость отступить от жесткого курса на декарбонизацию.

Выводы

Анализируя ситуацию с французской атомной промышленностью и ее перспективы, можно сделать следующие выводы:

1. Хотя французское правительство утверждает, что строительство новых ядерных реакторов позволит Франции выполнить свои обязательства по достижению углеродной нейтральности к 2050 году и поможет снизить зависимость страны от импортируемого ископаемого топлива, успешность реализации этих планов представляется нам низкой. Строительство АЭС – процесс длительный и дорогостоящий, а эксплуатация может достигать 30, а иногда и более лет. Таким образом, назвать атомную энергетику «временной» или «переходной» не представляется возможным. АЭС остаются, как мы видим сегодня, и будут оставаться главным источником энергии для Франции.

2. Отход Европейской комиссии от первоначальных принципов «зеленой повестки» говорит о том, что приходит осознание неэффективности ветряной и солнечной электрогенерации. Кроме того, в контексте текущего кризиса страны пытаются маневрировать между необходимостью поддерживать политическую риторику в защиту окружающей среды и обеспечить потребность в энергетике любыми доступными способами.

3. В среднесрочной перспективе Франция столкнется с необходимостью крупных финансовых вложений в модернизацию и обслуживание существующих реакторов. С учетом опыта строительства реакторов в других странах строительство новых АЭС также будет сопряжено с ростом первоначальных смет и срывом сроков сдачи объектов. Однако при реальной

угрозе для энергетической безопасности страны правительство будет уделять большее внимание контролю над данными процессами.

4. В долгосрочной перспективе успешная реализация намеченных планов позволит Франции обеспечить собственную энергетическую безопасность. Кроме того, дешевая электроэнергия будет явным преимуществом при размещении производств и привлечет многие компании во Францию, что закономерно вызовет рост ВВП и улучшение экономических показателей.

Список источников и литературы

1. Атомная энергетика может помочь Европе отрезаться от России, но несколько лет будет недостаточно // The New York Times 2022, 26 апреля [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/04/26/business/russia-nuclear-power-europe.html> (дата обращения: 19.08.2022). Текст: электронный.
2. Атомные электростанции в ЕС будут проверять каждые 6 лет// Радио Свобода, 2013 13 июня [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.svoboda.mobi/a/25016286.html> (дата обращения: 25.09.2022). Текст: электронный.
3. В Европейском союзе впервые за 15 лет новый ядерный блок EPR-1600 на финской АЭС Олкилуото был подключен к сети // Научный портал «Атомная энергия 2.0» 2022, 14 марта [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/03/14/122777> (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.
4. Возьмем нашу энергетическую судьбу в свои руки! // Élysée. 2022, 24 августа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elysee.fr/> (дата обращения: 28.09.2022). Текст: электронный.
5. ЕС классифицировал газ и ядерную энергетику как "зеленые" области для инвестирования // Interfax. 2022, 2 февраля [Электронный ресурс] Режим

- доступа: <https://www.interfax.ru/world/819846> (дата обращения: 15.09.2022). Текст: электронный.
6. ЕС назвал газ и атом "зелеными" переходными источниками энергии // Информационное агентство ИТАР-ТАСС. 2022, 25 августа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/13594337> (дата обращения: 26.08.2022). Текст: электронный.
 7. За интенсивное развитие ядерной энергетики выступили 10 стран ЕС // Информационное агентство ИТАР-ТАСС. 2021, 11 октября [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/12625469> (дата обращения: 15.04.2023). Текст: электронный.
 8. Лавров Вячеслав Анатольевич Новые тренды в энергетической политике стран Евросоюза // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2016. №1 (3). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-trendy-v-energeticheskoy-politike-stran-evrosoyuza> (дата обращения: 16.04.2023).
 9. Макрон объявил о вложении 30 млрд евро для реиндустриализации Франции: 1 000 пойдут на строительство малых ядерных реакторов // Информационное агентство el Economista. 2022, 24 августа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.eleconomista.es/economia/noticias/11428265/10/21/Macron-anuncia-una-inversion-de-30000-millones-para-reindustrializar-Francia.html> (дата обращения: 20.10.2022). Текст: электронный.
 10. Макрон объявил о планах запуска новых ядерных реакторов во Франции к 2035 г. // Информационное агентство ИТАР-ТАСС. 2022, 10 февраля [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/13673349> (дата обращения: 15.08.2022). Текст: электронный.
 11. Минфин Франции хочет полностью национализировать EDF за 9,7 млрд евро. Извлечено// Информационное агентство Ведомости. 2022, 19 июля [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/07/19/932041-minfin-frantsii->

- hochet-natsionalizirovat-edf (дата обращения: 19.09.2022). Текст: электронный.
- 12.Мировая энергетика: конкуренция и сотрудничество / под ред. С.В. Жукова. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 220 с.
- 13.Наблюдение за реактором EPR// Авторитет по безопасности ядерной энергетике 2022, 27 октября [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://www.asn.fr/> (дата обращения: 18.09.2022). Текст: электронный.
14. Официальный сайт EDF Франция// [Электронный ресурс] 2022,10 октября Режим доступа: <https://www.edf.fr/> (дата обращения: 18.08.2022). Текст: электронный.
- 15.Официальный сайт Oрева // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://oreva.com/> (дата обращения: 18.09.2022). Текст: электронный.
16. Первая энергоблок АЭС «Тайшань» временно прекращает работу из-за проблем с топливными стержнями // Научный портал «Атомная энергия 2.0» 2021, 26 июля [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/07/26/115830> (дата обращения: 26.09.2022). Текст: электронный.
- 17.Первый энергоблок EPR-1600 китайской атомной станции «Тайшань» подключен к сети после длительного простоя // Научный портал «Атомная энергия 2.0» 2022, 18 августа [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/08/18/127400> (дата обращения: 26.09.2022). Текст: электронный.
18. Правительство ФРГ опровергло сообщение об отсрочке закрытия АЭС //Информационное агентство РБК.2022,17 августа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2022/62fbfb299a79477f8530203c> (дата обращения: 18.08.2022). Текст: электронный.
- 19.США признали, что санкции против России привели к энергетическому кризису // Информационное агентство ОСН. 2022,16 августа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.osnmedia.ru/world/v-ssha-priznali-chto->

- sanktsii-protiv-rossii-priveli-k-energeticheskomu-krizisu/ (дата обращения: 20.08.2022). Текст: электронный.
20. Управление и организация. // Orano. 2022, 24 августа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.orano.group/fr/groupe/gouvernance-et-organisation> (дата обращения: 20.10.2022). Текст: электронный
21. Франция 2030. // Élysée. 2022, 23 июня [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/france2030> (дата обращения: 22.09.2022). Текст: электронный.
22. Франция работает над запасными планами, поскольку надвигается энергетический кризис // Информационное агентство Reuters 2022, 27 июня [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/energy/france-is-working-energy-contingency-plans-says-finance-minister-2022-06-27/>(дата обращения :18.09.2022). Текст: электронный.
23. Французские контракты с акцентом // информационный бюллетень Госкорпорации «Росатом» 2022, 31 мая [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2021/05/31/contracts-with-french-assent/>(дата обращения: 25.09.2022). Текст: электронный.
24. Французский министр обвиняет EDF в «неприемлемых» неудачах в проектах EPR в Европе, // Научный портал «Атомная энергия 2.0» 2019, 10 октября [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://www.atomic-energy.ru/news/2019/10/10/98127> (дата обращения: 19.08.2022). Текст: электронный.
25. Французский ядерный регулятор приказывает EDF остановить реакторы для тестов//The Washington Post, 2016, 18 октября [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/french-nuclear-regulator-orders-edf-to-halt-reactors-for-tests-1476814421> (дата обращения: 17.08.2022). Текст: электронный.
26. Эксперт прокомментировал возврат Франции к ядерным реакторам // Информационное агентство РИА новости, 2021, 10 ноября [Электронный

ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/20211110/frantsiya-1758462032.html>
(дата обращения: 18.08.2022). Текст: электронный.

27. Энергокризис 2021: почему миру не хватает энергии и при чем здесь зеленая энергетика // Газета «Экосфера» 2022, 20 октября [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ecosphere.press/2021/10/20/energokrizis-2021-pochemu-miru-ne-hvataet-energii-i-pri-chem-zdes-zelenaya-energetika/>
(дата обращения: 18.09.2022). Текст: электронный.

28. EDF отключает больше ядерных реакторов после обнаружения неисправностей // Информационное агентство Reuters 2022, 15 декабря [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/europe/edf-extend-civaux-nuclear-outage-shut-down-reactors-chooz-safety-measures-2021-12-15/> (дата обращения : 17.08.2022). Текст: электронный.

29. The WSJ объявила об отказе правительства Германии от остановки последних трех атомных электростанций // Коммерсант, 2022, 17 августа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5514235> (дата обращения: 15.08.2022).
Текст: электронный.

РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ: УРОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Совет молодых дипломатов МИД России совместно с редакциями журналов «Международная жизнь» и «Вестник ученых-международников» в феврале 2023 года провели Всероссийский конкурс информационно-аналитических работ среди студентов «Роль отечественной дипломатии в обеспечении глобальной стабильности и безопасности: уроки холодной войны и современность».

В 2022 году на базе СМД МИД России был создан Клуб наставников, который представляет собой уникальную систему взаимодействия действующих молодых сотрудников центрального аппарата Министерства со студентами. На сегодняшний день в рамках Клуба за наставниками закреплены более 70 студентов Дипломатической академии МИД России. Работа наставников призвана не только повысить общую образовательную подготовку обучающихся, но и расширить их профессиональные компетенции. Руководство и члены Клуба приняли активное участие в организации и проведении конкурса, в том числе в работе комиссии.

Лучшей признана работа Ешина Артура Олеговича (МГИМО), которая опубликована в журнале «Международная жизнь».

Дипломом 1 степени удостоены:

1. Сорокин Михаил Александрович (НИУ ВШЭ, СПб)
2. Захаров Андрей Николаевич (ДА МИД России)
3. Давыденко Роман Евгеньевич (РУДН)

Данные работы выбраны к публикации в журнале «Вестник ученых-международников» ДА МИД России.

Дипломы 2 степени присуждены следующим конкурсантам:

1. Менский Алексей Дмитриевич (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова)
2. Фролова Алена Андреевна (СПбГУ)
3. Эрдели Наталья Игоревна (РГСУ)

Дипломом 3 степени награждены:

1. Алёшина Анастасия Олеговна (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)
2. Исхаков Аскар Салаватович (НИУ ВШЭ)
3. Козырева Ксения Витальевна (СПбГУ)

Все призеры приглашены на торжественную церемонию вручения дипломов и наград в Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Колпаков Константин Олегович

к.истор. наук, председатель Совета молодых дипломатов
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Давыденко Роман Евгеньевич,
студент 3 курса факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов,
epsilon_dav@mail.ru

Roman E. Davydenko,
3rd year student of the direction "International Relations" of the Faculty of
Humanities and Social Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia,
epsilon_dav@mail.ru

**РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ:
УРОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**THE ROLE OF N RUSSIAN DIPLOMACY
IN ENSURING GLOBAL STABILITY AND SECURITY:
LESSONS OF THE COLD WAR AND MODERNITY**

Аннотация: с момента окончания холодной войны минуло уже тридцать с лишним лет, в связи с чем возникает закономерный вопрос: были ли усвоены человечеством ее суровые уроки, а если нет, когда это, наконец, произойдет?

Abstract: more than thirty years have passed since the end of the Cold War, which raises a natural question: have humanity learned its harsh lessons, and if not, when will it finally happen?

Ключевые слова: отечественная дипломатия, глобальная стабильность и безопасность, холодная война, современная политика.

Keywords: domestic diplomacy, global stability and security, cold war, modern politics.

Начало холодной войны между, казалось бы, недавними союзниками вводило в недоумение советское и американское общественное сознание. Этот затяжной конфликт основывался на неприятии идеологий, непримиримом чувстве соперничества и желании быть единственным лидером. Конец

холодной войне положила ставшая исторической встреча на Мальте в 1989 году. Как говорили тогда: «сверхдержавы помирились». Но было ли это так на самом деле?

Сравнительный контент-анализ российских Концепций внешней политики (далее – КВП) 1993 и 2016 годов, а также американских Стратегий национальной безопасности (далее – СНБ) 1993 и 2022 годов показывает, что за 30 лет с момента окончания холодной войны напряженность в мире не уменьшилась, а, наоборот, многократно возросла. И для России, и для США появились новые вызовы и угрозы, зачастую в лице друг друга, в связи с чем потребность в безопасности стала более острой для обеих сторон. Причем важно отметить, что РФ в 1993 году сильно нуждалась в США, перестав их считать своим непримиримым соперником. У США, напротив, Россия исчезла из фокуса внешней политики (далее – ВП), поскольку перестала являться угрозой их национальной безопасности, что ярко контрастирует с современностью: РФ упоминается в СНБ США 2022 года 59 раз, а США в КВП РФ 2016 года – 9 раз. К тому же в поле их интересов вошла и Украина (31), являвшаяся всегда «красной чертой» для российской дипломатии, которая на протяжении многих лет выступала за стратегическую стабильность в отношениях с США, равноправное сотрудничество, учет своих законных интересов и т.д.

Внутренний (содержательный) анализ КВП РФ 1993 и 2016 годов, а также СНБ США 1993 и 2022 годов лишь подтверждает результаты контент-анализа. Российской дипломатии всегда было свойственно стратегическое планирование, оформленное документально, а не доктринально, как в США (доктрины Монро, Трумэна, Картера и др.). В связи с этим различаются и подходы к мироустройству. Россия всегда была открыта к сотрудничеству, которое стояло в приоритете ВП страны, а международное право, базирующееся на Уставе ООН, было основой отношений с другими государствами. США, напротив, пренебрегая международными правовыми нормами, вели дестабилизирующую ВП по отношению к России и

постсоветскому пространству, создавая локальные угрозы и обвиняя в искусственной эскалации напряженности российское руководство. Упорное игнорирование российских просьб, а позже требований в области безопасности, ведение «двойной игры» с опорой на союзников с целью недопущения воссоздания СССР и восстановления России после упадка 1990-х гг. привели к современному геополитическому конфликту в Европе, где новым центром столкновения интересов РФ и США стала Украина.

Таким образом, начало в 2022 году второй холодной войны, демонстрируемые решительность и вовлеченность сторон определенно говорят о том, что уроки первой холодной войны не были выучены до конца, «сверхдержавы не помирились», конфликт интересов ужесточился, уровень угроз и количество вызовов многократно возросли. Важно, что российская дипломатия всячески стремилась избежать этого, надеялась на договороспособность и разумность западных партнеров, в связи с чем в январе 2022 года провела переговоры по гарантиям безопасности для России с целью учета своих интересов, но безрезультатно. Несмотря на то что западноцентричная система МО уже начала разрушаться изнутри, она еще не готова уступать свое место другим, поэтому те тектонические сдвиги, которые происходят сейчас, займут не один год, но видится неизбежным в будущем переход к новому миропорядку, в основу которого лягут многолетние призывы российской дипломатии к созданию многополярного мира и обеспечению глобальной стабильности и безопасности, а уроки первой и второй холодных войн будут наконец осознаны и выучены во благо будущих поколений.

Таблица 1.

КВП РФ 2016		СНБ США 2022	
Термины	Количество упоминаний	Термины	Количество упоминаний
Безопасность	78	Безопасность	160
Сотрудничество	64	<i>Вызовы</i>	76
Развитие	56	Союзники	66
Право	49	Развитие	50
Интересы	41	<i>Угрозы</i>	56
<i>Угрозы</i>	25	Сотрудничество	53
<i>Вызовы</i>	13	Право	28
Война	4	Война	21
Страны		Страны	
Россия/СССР	108/0	США	120
<i>США</i>	9	<i>Россия</i>	59
Китай	4	<i>Украина</i>	31
Украина/Беларусь	2/2	Китай/Тайвань	11/7
Организации		Организации	
ООН	38	НАТО/ОБСЕ	14/0
СНГ	14	ЕС	12
ШОС	8	ООН	8
НАТО/ОДКБ/ОБСЕ	4/4/4	QUAD	5

Таблица 2.

КВП РФ 1993		СНБ США 1993	
Термины	Количество упоминаний	Термины	Количество упоминаний
Сотрудничество	79	Безопасность	49
Интересы	74	Война	37
Развитие	51	Сотрудничество	29
Безопасность	39	<i>Вызовы</i>	22
Право	39	<i>Угрозы</i>	20
Война	10	Союзники	20
<i>Угрозы</i>	9	Развитие	16
<i>Вызовы</i>	2	Право	8
Страны		Страны	
Россия/СССР	192/25	США	79
<i>США</i>	39	Китай/Тайвань	4/0
Китай	6	<i>Россия / СССР</i>	3/20
Украина/Беларусь	4/4	<i>Украина</i>	0
Организации		Организации	
СНГ	57	ЕС	29
ООН	26	ООН	14
СБСЕ/НАТО	18/5	НАТО / ОБСЕ	6/3

Захаров Андрей Николаевич,
магистрант Дипломатической академии МИД России,
anz11072000@yandex.ru

Andrey N. Zakharov,
Master of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
anz11072000@yandex.ru

**РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ:
УРОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**THE ROLE OF RUSSIAN DIPLOMACY
IN ENSURING GLOBAL STABILITY AND SECURITY:
LESSONS OF THE COLD WAR AND MODERNITY**

Аннотация: после окончания Второй мировой войны начала существовать последняя, всеми признанная система международных отношений, которая стала называться Ялтинско-потсдамской. Казалось, она гарантировала долгий и прочный мир, способный не допустить нового крупномасштабного конфликта. Однако ход исторических событий внес свои коррективы в постулаты вышеупомянутой системы. Начиная с 1945 года мировой порядок претерпел несколько значительных изменений, повлиявших коренным образом на подходы к обеспечению национальной и общемировой безопасности. Необходимо при этом отметить важную роль отечественной дипломатии на каждом из этапов структурных трансформаций глобального мироустройства.

Abstract: after the end of the Second World War, the last universally recognized system of international relations began to exist, which became known as the Yalta-Potsdam system. It seemed that it guaranteed a long and lasting peace capable of preventing a new large-scale conflict. However, the course of historical events made adjustments to the postulates of the aforementioned system. Since 1945, the world order has undergone several significant changes that have fundamentally affected approaches to ensuring national and global security. It is necessary to note

the important role of domestic diplomacy at each of the stages of structural transformations of the global world order.

Ключевые слова: отечественная дипломатия, глобальная стабильность и безопасность, холодная война, современная политика

Keywords: domestic diplomacy, global stability and security, cold war, modern politics.

Российская дипломатия, вне зависимости от названия нашей страны, всегда отличалась верностью своему делу и высоким уровнем профессионализма. Анализируя становление послевоенной системы международных отношений, можно с уверенностью заявить, что в основе всей внешней политики нашего государства лежит философия совместной созидательной работы. Мы всегда были готовы далеко идти вперед в развитии глубокого, долгосрочного, многопланового сотрудничества со всеми, кто проявляет к этому встречную готовность. Яркими примерами этого в советские годы служат участие отечественных дипломатов в создании ООН и заключение различных договоренностей, прежде всего с США, по установлению ограничений и контроля за вооружениями. На современном этапе данная черта проявляется в создании таких важных международных организаций, как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, и многих других правительственных объединений, которые вносят значительный вклад в обеспечение общемировой стабильности.

Основой внушительной роли отечественной дипломатии в становлении современной системы международных отношений является постоянное членство российского государства в Совете Безопасности ООН с неизменным правом вето. Именно это обстоятельство позволяет нашим дипломатам играть существенную роль в обеспечении глобальной безопасности и не допускать принятия резолюций, не только угрожающих национальным интересам нашего Отечества, но и способных привести к новой мировой войне.

Важно отметить, что дипломатия Российского государства после 1945 года периодически трансформировалась и подстраивалась под хитросплетения мировой политики. Если, например, во время разрядки международной напряженности с конца 1960-х до конца 1970-х годов или в первые постсоветские годы отечественная дипломатия предусматривала некоторые уступки западным странам по тем или иным вопросам, то после обострения отношений между Россией и Западом в XXI веке наше государство было вынуждено качественно изменить свою внешнюю политику. В настоящее время Российская Федерация отчетливо дает понять, что готова эффективно решать задачи с другими странами только на основе принципов взаимного уважения, предсказуемости, честности и реального учета интересов друг друга. Российские власти извлекли уроки холодной войны и расширения НАТО на восток, поэтому будут выстраивать отношения с государствами, руководствуясь прежде всего прагматизмом.

Таким образом, можно выделить несколько ключевых приоритетов, отстаиваемых отечественной дипломатией как в послевоенные годы, так и на современном этапе: последовательное утверждение верховенства права в мировых делах, краеугольным камнем которого является Устав ООН; переформатирование системы глобального управления в сторону более равновесной и справедливой полицентричной модели; обеспечение стабильности и экономического роста в глобальном масштабе; стремление реформировать устаревшую финансово-экономическую архитектуру мира; неприятие политики с позиций диктата и силы; укрепление нравственного основания международных отношений. Исходя из всех вышеописанных положений, можно сделать вывод, что основная цель внешней политики России – обеспечение глобальной стабильности и безопасности. Поскольку российская дипломатия служит основным инструментом на этом пути, то ее значение в этом процессе сложно переоценить.

Источники и литература

1. Дробинин, А. Ю. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // Международная жизнь. – 2022. - Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/36410?ysclid=ldvvx8xghv735203327> (дата обращения: 08.02.2023).

2. Интервью С. В. Лаврова С. В. Филатову. Российская дипломатия и вызовы XXI века // РСМД. - 2012. - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-diplomatiya-i-vyzovu-xxi-veka/?ysclid=ldu7lmqv36200183236> (дата обращения: 07.02.2023).

3. Яковенко, А. В. К задачам российской дипломатии в мире, в котором мы живём // РСМД. – 2021. - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-zadacham-rossiyskoj-diplomatii-v-mire-v-kotorom-my-zhivem/?ysclid=ldvvocnfcm105211703> (дата обращения: 08.02.2023).

Сорокин Михаил Александрович,
3 курс бакалавриата НИУ ВШЭ (СПб),
msorokinur@gmail.com

Mikhail A. Sorokin,
3rd year of the HSE Bachelor's Degree (St. Petersburg),
msorokinur@gmail.com

**РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ:
УРОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**THE ROLE OF N RUSSIAN DIPLOMACY
IN ENSURING GLOBAL STABILITY AND SECURITY:
LESSONS OF THE COLD WAR AND MODERNITY**

Аннотация: кризисная атмосфера, в которую мировая политика окончательно погрузилась в 2022 году, заставляет российское внешнеполитическое ведомство многократно наращивать собственные усилия по поддержанию глобальной *стабильности* в самом широком смысле этого слова. Не стоит и говорить, что, несмотря на резкое увеличение противоречий в отношениях со странами коллективного Запада, ставшее максимально явным после начала специальной военной операции, евроатлантическое направление деятельности отнюдь не является единственно важным для российской дипломатии.

Abstract: the crisis atmosphere, into which world politics finally plunged in 2022, forces the Russian Foreign Ministry to repeatedly increase its own efforts to maintain global stability in the broadest sense of the word. Needless to say, despite the sharp increase in contradictions in relations with the countries of the collective West – which became as obvious as possible after the start of a special military operation – the Euro-Atlantic direction of activity is by no means the only important one for Russian diplomacy.

Ключевые слова: отечественная дипломатия, глобальная стабильность и безопасность, холодная война, современная политика.

Keywords: domestic diplomacy, global stability and security, cold war, modern politics.

Очевидно, что международные кризисы, к сожалению, все чаще перерастают в вооруженную эскалацию, не могут отменить тот факт, что Россия имеет широчайшие внешнеполитические интересы по всему миру. Во многих частях света предстоит еще много работы по увеличению российского представительства и посредничества в проектах, направленных на снижение неопределенности и обеспечение приемлемой среды для двустороннего, регионального или даже глобального сотрудничества.

Помимо выполнения дипломатических задач, непосредственно продиктованных национальными интересами (количественное и качественное увеличение дипломатического представительства в странах СНГ, сохранение контактов с партнерами из стран Азии, Африки и Латинской Америки, наращивание их продуктивности и т.д.), российская дипломатия также стремится к эффективному урегулированию и глобальных проблем, особенно тех, которые имеют стратегическое измерение. К их числу относятся хорошо известные вопросы, уже давно не теряющие актуальности: контроль над вооружениями, развитие систем коллективного реагирования, ядерная безопасность [5, с. 11–12]. Долгосрочные противоречия и системные кризисы, безусловно, становятся вескими основаниями для корректирования внешнеполитической доктрины. Однако приверженность принципам сохранения глобальной стабильности, тому, что Евгений Максимович Примаков называл «*стратегическими ценностями*» [4, с. 215], является единственно возможной дипломатической формулой для любой ядерной державы, двумя ногами стоящей на движущихся тектонических плитах устаревающего миропорядка. Полная самоотдача в вопросах национальной безопасности и настолько же полная вовлеченность в решение глобальных проблем – это та матрица мышления, которую российские дипломаты закономерно и вместе с тем совершенно рационально унаследовали от профессионалов, когда-то трудившихся в рядах советского внешнеполитического ведомства.

Символично, что в ушедшем 2022 году отмечалось 60-летие событий Карибского кризиса. Среди всего богатства аналогий с нынешней международной ситуацией важно, на наш взгляд, выделить несколько тривиальную, но все же полезную для размышления параллель: и в 1962, и в 2022 годах переход конфликта в «горячую» фазу случился во многом из-за нежелания стратегических оппонентов идти навстречу нашим дипломатическим усилиям [2]. Тогда, шестьдесят лет назад, в период острейшего кризиса советская дипломатия тем не менее продолжала работу по широкому кругу направлений, например устанавливала отношения с новообразованными странами в Африке, формулировала позицию СССР по отношению к региональным конфликтам [3, с. 270–272]. Отлаженный внешнеполитический механизм и грамотное распределение ресурсов позволяли МИД СССР сохранять устойчивость в дипломатической работе, непоколебимую даже исключительными по опасности инцидентами вроде Карибского или Берлинских кризисов. В ситуациях, когда опции военной эскалации не могли окончательно вытеснить переговорный процесс, подобное хладнокровие во время выполнения поставленных задач играло на руку не только советским дипломатам, но и их коллегам по всему миру. Поэтому и сейчас, несмотря на то что государства уже не обременены жесткими принципами биполярности, российская дипломатия может успешно перенять опыт упомянутого выше кризисного десятилетия, тем более что руководством нашей страны не первый год прилагаются усилия по дальнейшему развитию компетенций и расширению возможностей внешнеполитического ведомства [1].

Огромная роль отечественной дипломатии в обеспечении глобальной безопасности является очевидным, почти *естественным* фактом. Результаты деятельности российских дипломатов далеко не всегда идеальны, но важно отличать действительные недоработки от проблем, вызванных препятствиями, которые регулярно выстраиваются недружественными странами. Безотносительно к тому, как именно воспринимаются дипломатические

усилия России на международной арене и насколько сильно меняются «правила» современного глобального соперничества, важно не «забрасывать» меры по развитию дипломатического искусства, полного инициативы и проницательности. Любое предложение российской стороны, сегодня отвергаемое или игнорируемое международным сообществом, уже завтра может стать платформой для новых, позитивных решений в области *по-прежнему неделимой* безопасности.

Литература и источники

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства иностранных дел России / Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, 18 ноября 2021 года. [Электронный ресурс] URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4946550 (дата обращения: 07.01.23)
2. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для фильма «Мир на грани. Уроки Карибского кризиса» / Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, 30 октября 2022 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1835806/ (дата обращения: 07.01.23)
3. История международных отношений и внешней политики России (1648 – 2010): Учебник для студентов вузов / Под ред. А.С. Протопопова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – 384 с.
4. *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. – 239 с.
5. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. №640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 05.01.23)

КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ КЛУБА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДА МИД РОССИИ

В марте 2023 года Клубом международного права ДА МИД России проведен I Конкурс научных статей по международному праву.

В конкурсе приняли участие студенты и аспиранты ведущих университетов Москвы и НИУ БелГУ.

Членами жюри выступили Е.Е. Гуляева, к.ю.н., доцент кафедры международного права ДА МИД России, член редколлегии журнала «Вестник ученых-международников» и И.О. Анисимов, к.ю.н., доцент, заместитель декана факультета международных отношений ДА МИД России, член редколлегии журнала «Вестник ученых-международников».

По результатам оценки работ были выбраны победители:

1-е место – Дарья Неродовская, студент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья: «Право мирного прохода как обычай международного морского права».

2-е место – Оксана Бех, студент МГЮА им. О.Е. Кутафина.

Статья: «Экстраординарный характер заочного производства в международном уголовном праве».

3-ье место – Иван Антипов, аспирант ДА МИД России.

Статья: «Актуальные проблемы в международно-правовом сотрудничестве в области энергетики».

Статья Дарьи Неродовской «Право мирного прохода как обычай международного морского права» выбрана для публикации в журнале «Вестник ученых-международников».

Редколлегия журнала «Вестник ученых-международников» поздравляет победителей и благодарим всех участников конкурса.

Анисимов Игорь Олегович

к.юр.н., доцент, заместитель декана факультета международных отношений Дипломатической академии МИД России, член редколлегии журнала «Вестник ученых-международников»

Неродовская Дарья Константиновна,
студент МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
Daria K. Nerodovskaya,
student of Lomonosov Moscow State University, Moscow,
dasholko@gmail.com

Научный руководитель:
Лысенко Ольга Леоновна,
к.ю.н., доцент кафедры истории государства и права
МГУ им. М.В. Ломоносова
Scientific adviser:
Olga L. Lysenko,
Ph.D. of Law, Associate Professor of the Department of History of State and
Law
Lomonosov Moscow State University

**ПРАВО МИРНОГО ПРОХОДА
КАК ОБЫЧАЙ МЕЖДУНАРОДНОГО МОРСКОГО ПРАВА**

**THE RIGHT OF INNOCENT PASSAGE
AS A CUSTOM OF INTERNATIONAL LAW OF THE SEA**

Аннотация: актуальность и новизна статьи обуславливаются тем, что в ней рассматривается недавняя зарубежная судебная практика по вопросу предоставления иностранным судам права мирного прохода прибрежными государствами. Также в статье сравниваются концепции Mare Clausum и Mare Liberum, которые в отечественной юриспруденции представляются малоизученными. В статье рассматриваются история и суть института права мирного прохода, а также проблемы, связанные с возможностью предоставления права мирного прохода по концепции свободы судоходства.

Abstract: the relevance and novelty of the article are due to the fact that it considers recent foreign judicial practice on the issue of granting the right of innocent passage by coastal states to foreign vessels. The article also compares the concepts of mare clausum and mare liberum, which seem to be little studied in local jurisprudence. The article discusses the history and essence of the right of innocent

passage, as well as the problems associated with the possibility of granting the right of innocent passage according to the concept of freedom of navigation.

Ключевые слова: международное морское право, международно-правовой обычай, право мирного прохода, внутренние воды, морской порт, территориальное море, прибрежные государства, военные корабли.

Key words: international law of the sea, international custom, right of innocent passage, inland waters, seaport, territorial sea, coastal states, warships.

Введение

Международное морское право – это совокупность международно-правовых принципов и норм, которые устанавливают правовое положение пространств и ресурсов Мирового океана и регулируют отношения субъектов международного права, связанные с морской деятельностью [1]. Одна из особенностей международного морского права состоит в том, что оно в значительной степени сформировалось из обычаев, ведь именно в морском праве под влиянием научно-технического прогресса чаще всего возникают новые проблемы, требующие правового регулирования на универсальной основе. Согласно ст. 38 Статута Международного суда международный обычай трактуется «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» [2]. Признаками международного обычая являются длительное существование практики, убежденность в правомерности и необходимости соответствующего действия. Рассматриваемый в этой статье институт права мирного прохода соответствует этим критериям, что будет подтверждено судебной практикой далее. Более того, этот институт закреплен в Конвенции ООН по морскому праву [3].

Суть права мирного прохода и особенности этого института

Согласно ст. 18 и 19 Конвенции [3] суда любого государства вне зависимости от груза, вооружения или типа двигательной установки, как прибрежного, так и не имеющего выхода к морю, обладают правом мирного

прохода через территориальное море любого другого государства, для которого не требуется ни предварительного уведомления, ни разрешения. Проход – плавание через территориальное море с целью пересечь его, не заходя во внутренние воды, или пройти во внутренние воды, включая порты, или выйти из внутренних вод. Важно, чтобы такой проход был непрерывным и быстрым. Впрочем, он может включать остановку и стоянку на якоре, если они связаны с обычным плаванием либо вызваны непреодолимой силой, либо необходимы для оказания помощи.

Примечательно, что проход является мирным только в том случае, если он не нарушает мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства. Проход не является мирным, если проходящее судно допускает угрозу силой или ее применение против суверенитета, территориальной целостности либо политической независимости прибрежного государства или осуществляет любую другую деятельность, которая не имеет прямого отношения к проходу судна через территориальное море.

В статье 22 Конвенции [3] указывается, что прибрежное государство, в случае необходимости и с учетом безопасности судоходства, может потребовать от иностранных судов (например, танкеров или судов с ядерными двигателями, или судов, провозящих ядовитые и опасные вещества и материалы), осуществляющих право мирного прохода через его территориальное море, пользоваться такими морскими коридорами и схемами разделения движения, которые оно может установить либо предписать для регулирования прохода судов.

Далее, в Конвенции [3], в ст. 24 и 25, уточняются права и обязанности прибрежного государства, связанные с предоставлением права мирного прохода. В частности, оно не должно предъявлять к иностранным судам требования, которые на практике сводятся к лишению их права мирного прохода либо нарушению этого права, или допускать дискриминацию в отношении судов любого государства либо судов, перевозящих грузы в любое государство, из него или от его имени. При этом прибрежное государство

может приостанавливать осуществление права мирного прохода для недопущения прохода, не являющегося мирным.

Интересно также то, что иностранные суда не могут облагаться никакими сборами лишь за их проход через территориальное море, только сборами в оплату за конкретные услуги, оказанные этому судну.

История института права мирного прохода и два противоположных взгляда на свободу судоходства

Первоначально право мирного прохода в современном понимании начало формироваться в 1840-х годах (как обычай) с развитием мировой торговли и появлением пароходного судоходства. Этот обычай был закреплен в Женевской конвенции 1958 года и подтвержден в 1982 году. Есть две концепции, которые повлияли на международное морское право. Первая говорит о свободе судоходства (*Mare Liberum*) [5]. Согласно этой концепции море является общим для всего человечества и открыто для всех в навигации. Таким образом, это понятие ограничивает власть государства или лица в обладании морем. Вторая же концепция (*Mare Clausum*) направлена на ограничение использования моря. По этой концепции море может принадлежать отдельным лицам или государствам. Таким образом, тот, кто может подчинить себе какую-либо часть океанов, может на законных основаниях ограничить ее использование другими. Противостояние этих двух концепций на протяжении многих лет было формообразующим для морского права. Срединный путь взаимодействия этих двух противоречивых концепций – это право мирного прохода. После столетий бурной эволюции этот институт теперь, кажется, окончательно утвердился после его закрепления в Конвенции по морскому праву [3]. В настоящее время он рассматривается как кодификация обычного международного права.

Судебная практика и некоторые проблемы, связанные с предоставлением права мирного прохода

Реализация права мирного прохода вызывает некоторые сложности. Как было упомянуто ранее, проход не является мирным, если судно осуществляет «любую деятельность, не имеющую прямого отношения к проходу», что допускает весьма широкое толкование. Более того, мирный проход может быть приостановлен. Основания для такого приостановления, согласно статье 25 Конвенции [3], вроде бы ограничены – приостановление должно быть существенно важно для охраны безопасности прибрежного государства. В то же время это основание не сводится лишь к военной безопасности. Например, в последнее время случаи приостановления были связаны с массовой перевозкой мигрантов или пандемией. Кроме того, приостановление, как следует из самого этого термина, должно быть временным. Однако продолжительность «временности» – вопрос открытый [8].

Одним из самых известных в истории дел о праве мирного прохода было дело о проливе Корфу. Эскадра британских военных кораблей 22 октября 1946 года вышла из порта Корфу и двинулась на север через пролив. Корабли двигались вблизи албанского побережья по водам, считавшимся свободными от мин. Однако один корабль все же подрывался на mine. Англичане 13 ноября 1946 года обезвредили 22 мины в северной части пролива Корфу. Тральная операция в албанских территориальных водах проходила без разрешения со стороны правительства Албании. Ее дополнительной целью было использование мин в качестве вещественных доказательств факта, что англичане действовали в целях самообороны, пытаясь устранить опасность для судоходства. Позже обе страны согласились передать дело в Международный суд ООН. Великобритания требовала возмещения ущерба, причиненного ее кораблям. Международный суд признал Албанию ответственной за взрывы в мирном проходе, т.е. в северной части пролива Корфу. Суд посчитал, что Албания должна была заранее уведомить британцев о минах в ее территориальном море. Суд также постановил, что

Великобритания вмешалась в суверенитет Албании, осуществив разминирование в территориальных водах Албании без ее разрешения. Тем не менее суд обязал Албанию уплатить Великобритании компенсацию за ущерб эсминцам и гибель военнослужащих.

Правом мирного прохода пользуются все суда, торговые и военные. Это было зафиксировано еще в Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года [4]. Но в ней допускались оговорки, и ряд государств, включая СССР, считающих, что военные корабли не должны пользоваться правом мирного прохода без разрешения прибрежного государства, сделали соответствующие оговорки. В Конвенции 1982 года такие оговорки не допускаются. Однако некоторые государства продолжают считать, что военные корабли не могут проходить через территориальные воды без предварительного уведомления, но большинство из них не уточняют, когда это уведомление должно быть направлено. Саудовская Аравия [9], например, утверждает, что мирный проход не применяется к ее территориальному морю, если есть альтернативный маршрут через открытое море или исключительную экономическую зону (ИЭЗ), который подходит в равной степени [9]. Румыния [24] и Литва [25] запрещают проход через свои территориальные воды судов, перевозящих ядерное и другое оружие массового поражения. Существует ряд ограничений, связанных с загрязнением окружающей среды, которые лишают суда права мирного прохода. Так, по хорватским законам [11] акт преднамеренного загрязнения морской среды лишает судно права мирного прохода, при этом степень загрязнения не существенна. В случае Белиза [12] проход не является мирным, если акт загрязнения может нанести ущерб государству, его ресурсам или морской среде. Иранский закон [13] еще более строг в этом отношении. Он удаляет требование о преднамеренности загрязнения, делая проход «немирным» даже при случайном загрязнении среды. Страны также налагают больше ограничений на суда, перевозящие сверхопасные вещества. Например, Джибути [14], Пакистан [15], Мальта [16], ОАЭ [17] и Южная Корея [18] требуют предварительного уведомления от

таких судов до того, как они войдут на их территорию. Больше всего ограничений, конечно, связано с мирным проходом военных судов. В настоящее время Хорватия [11], Египет [19], Южная Корея [18], Мальта [16] требуют предварительного уведомления, прежде чем иностранный военный корабль сможет пройти через их территориальные воды. Однако большинство этих стран не указывают, когда иностранный военный корабль должен предоставить это уведомление. То есть теоретически он может сообщить о своем желании пройти за несколько мгновений до того, как войдет в территориальные воды страны. Однако Хорватия [11] все же несколько уточняет регулирование, требуя уведомления по крайней мере за двадцать четыре часа, в то время как Южная Корея [18] – за три дня. Албания [26] требует специального разрешения для прохода таких судов, за исключением обстоятельств непреодолимой силы. Дания [27] также предусматривает, что одновременный проход более трех военных кораблей одной страны через пролив подлежит предварительному уведомлению по дипломатическим каналам.

Законодательство большинства прибрежных государств не дает определения понятию «военный корабль» и, таким образом, как бы принимает определение, данное в Конвенции [3]. Другие страны прямо включили это определение в свое законодательство, как, например, страны бывшей Югославии. Между тем Мальдивская Республика [10] определяет военные корабли как военно-морские суда, которые могут участвовать в боевых действиях из-за наличия оружия на их борту. В то же время в определении Конвенции [3] нет прямого упоминания об оружии. Таким образом, Мальдивская Республика не считает корабль военным, если он не имеет оружия. Соответственно, мальдивское определение является более узким, чем определение Конвенции [3].

Заключение

Хотя Конвенция [3] не предписывает и не санкционирует законы, с вышеупомянутыми нормами государств трудно не согласиться. Прибрежные

государства защищают свои законные интересы путем ограничения прохода судов, которые представляют серьезную опасность, например, для окружающей среды. Это особенно верно, когда прибрежные государства не получают никакой выгоды, прямой или косвенной, от прохода таких судов в их территориальных водах. Однако, налагая подобные ограничения, нужно помнить для чего вообще вводилось право мирного прохода. Ведь истинная причина предоставления права мирного прохода – содействие торговле, коммерции и общению между государствами. Международное сообщество попыталось установить юридическую природу права мирного прохода. Однако сложный характер этого права затрудняет его толкование. Многие прибрежные государства чрезмерно ограничивают его, игнорируя принцип *pacata sunt servanda*. Ясно одно: борьба между *Mare Liberum* и *Mare Clausum* не ослабевает. Это разногласие будет и впредь формировать развитие морского права и права мирного прохода. По нашему мнению, было бы разумным для государств позволить свободе судоходства превалировать, так как это необходимо в нашем все более взаимозависимом мире. С этой целью странам следовало бы упорядочить свое внутреннее законодательство, сделав его совместимым с Конвенцией, с целью обеспечения единообразия практики по вопросу предоставления права мирного прохода иностранным судам.

Библиографический список

1. Международное право: учебник / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. 2-е изд. — М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2010. — 1003 с.
2. Статут Международного суда ООН. (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.)
3. Конвенция ООН по морскому праву. (10.12.1982)
4. Конвенция ООН об открытом море. (29. 04.1958)
5. «Свободное море» («*Mare liberum*»), 1609), Гуго Гроций.
6. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (*Nicaragua v. United States of America*), p. 14, para. 214 (1984)

7. “In practice this period of time [of suspension] should be coterminous with the related security threat”. Barnes R. A. Op. cit. Article 25, mn 14
8. Status of U.N. Convention on the Law of the Sea, Saudi Arabia: Declaration Made Upon Ratification (1996)
9. Maldives: Maritime Zones of Maldives Act No. 6/96, § 13, 41 L. (1999)
10. Croatia: The Maritime Code art. 24(8) (2000)
11. Belize: An Act to Make Provision with Respect to the Territorial Sea, Internal Waters and the Exclusive Economic Zone of Belize art. 11 (Jan. 24, 1992)
12. Iran (Islamic Republic of): Act on the Marine Areas of the Islamic Republic of Iran in the Persian Gulf and the Oman Sea (1993)
13. Republic of Djibouti: Office of the President of the Republic, Law No. 52/AN/78 Concerning the Territorial Sea, the Contiguous Zone, the Exclusive Economic Zone, the Maritime Boundaries, and Fishing (1979)
14. Pakistan: Territorial Waters and Maritime Zones Act (1976)
15. Malta: Declarations Made Upon Ratification of the Convention (1994)
16. United Arab Emirates: Federal Law No. 19 of 1993 in Respect of the Delimitation of the Maritime Zones of the United Arab Emirates (Oct. 17, 1993)
17. Republic of Korea: Territorial Sea and Contiguous Zone Act: Law No. 3037 (1997)
18. Egypt: Declaration Concerning the Passage of Nuclear-Powered and Similar Ships Through the Territorial Sea of Egypt (1984)
19. Romania: Act Concerning the Legal Regime of Internal Waters, the Territorial Sea and the Contiguous Zone of Romania (Aug. 7, 1990)
20. Lithuania: Legislation on the Territorial Sea (1994)
21. Decree on the Boundaries of the People's Republic of Albania (May 8, 1970)
22. Denmark: Ordinance Governing the Admission of Foreign Warships and Military Aircraft to Danish Territory in Time of Peace (Apr. 16, 1999)

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Степанченко Данил Андреевич,
студент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
stepanchenko.dan@yandex.ru

Danil A. Stepanchenko,
student of the Department of the History of Socio-Political Doctrines
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
stepanchenko.dan@yandex.ru

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ РУСОФОБИИ XVII В. (НА МАТЕРИАЛАХ РАБОТ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В РОССИИ)⁵

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF WESTERN RUSSOPHOBIA OF THE 17TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN EUROPEAN TRAVELERS IN RUSSIA)

Аннотация: статья посвящена изучению идейных оснований русофобии XVII в. на основе политико-текстологического анализа публикаций западноевропейских путешественников. Актуальность исследования обусловлена тем, что современная русофобия, являющаяся частью внешней политики западноевропейских государств и США, продолжает идеологическую традицию, берущую свое начало в XVI в. В свою очередь, XVII в. стал временем укрепления негативных стереотипов о России в западном общественном мнении, а также их активного распространения. Автор приходит к выводу, что русофобия XVII в. обладает собственной спецификой: в ней практически не встречается мотив об агрессивности России, о том, что она представляет прямую и явную угрозу Европе. Следовательно, пропадает и призыв объединиться против этой угрозы. Таким образом, акцент в источниках XVII в. смещается с обоснования того, почему

5 Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Идейные основания западной русофобии XVII в. (на материалах работ западноевропейских путешественников в России)».

Россия опасна для европейских государств и что нужно предпринять для того, чтобы ей противостоять, в сторону описания того, в чем заключается «инаковость» русских по отношению к Европе и почему они не являются частью «европейской цивилизации».

Abstract: the article is devoted to the study of the ideological foundations of Russophobia of the 17th century on the basis of a political and textual analysis of the publications of Western European travelers. The study is relevant due to the fact that modern Russophobia, which is part of the foreign policy of Western European states and the United States, continues the ideological tradition originating in the 16th century. The 17th century was a time of strengthening negative stereotypes about Russia in Western public opinion, as well as their active dissemination. The author comes to the conclusion that Russophobia of the 17th century has its own specifics: western travelers do not underline the idea that Russia is aggressive and that it poses direct and obvious threat to Europe. Therefore, the call to unite against this threat also disappears. Thus, the emphasis in the sources of the XVII century shifts from the justification of why Russia is dangerous for European states and what needs to be done to resist it towards describing what the "otherness" of Russians in relation to Europe is and why they are not part of the "European civilization".

Ключевые слова: XVII век, Россия, Московия, Западная Европа, русофобия, православие, русский народ, «русское варварство», тирания.

Keywords: XVII century, Russia, Muscovy, Western Europe, Russophobia, Orthodoxy, Russian people, "Russian barbarism", tyranny.

Русофобия как явление

Проблема русофобии как совокупности негативных представлений о русских людях, культуре и государстве, основанных на страхе и ненависти к ним, является одной из наиболее важных тем изучения современных российских социогуманитарных наук. В условиях информационной войны коллективного Запада против России, направленной на формирование антироссийских настроений у широких слоев населения, все более

актуальным становится изучение исторических предпосылок формирования идеологии русофобии. К тому же сущностные элементы современной русофобской повестки уходят корнями еще в XVI в., который можно считать временем оформления русофобии как явления. Это обусловлено культурно-историческим разрывом между Востоком и Западом, а также ростом русского политического и религиозного влияния в XVI в. Можно утверждать, что враждебность к России нарастала в течение XVI в. и достигла своего пика в годы Ливонской войны (1558–1583).

Именно в это время были написаны работы, где были оформлены основные тезисы идеологии русофобии – представления о русском народе как о невежественном и агрессивном, о царе, правящем с невиданной жестокостью, о «варварском» характере страны. Отдельно в них подчеркивалось то, что Россия не просто отличается от Западной Европы, но и представляет для нее угрозу, а значит «цивилизированному миру» нужно сплотиться против нее. В качестве примеров можно привести «Московию» А. Поссевино [12], «Письмо папе Клименту VII о делах в Московии» А. Кампензе [11], «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича» А. Шлихтинга [16] и т.д. Впоследствии различные тезисы XVI в. воспроизводились и актуализировались в русофобских текстах XVII–XXI вв. в зависимости от исторического контекста.

Исторический контекст формирования русофобии XVII в.

В XVII в. негативные представления о России не только укрепились в западном общественном мнении, но и активно воспроизводились и распространялись. Связано это прежде всего с развитием печати и ростом интенсивности взаимодействия Западной Европы и Российского государства. Можно утверждать, что именно в это время стереотип «варварской» России утвердился в сознании большинства европейцев.

XVII век стал периодом активного взаимодействия России и стран Западной Европы, которое проходило по трем тесно связанным между собой направлениям: политическому, экономическому и военному [2]. С одной

стороны, в европейских государствах шло становление капиталистических отношений, увеличение объемов морской торговли и количества мануфактур, из-за чего спрос на товары, поставляемые из России (древесина, деготь, меха и пр.), оставался стабильно высоким [17]. К тому же XVII век стал для европейских держав периодом крупных войн, что вынуждало их искать потенциальных союзников на Востоке [6]. С другой стороны, Россия в XVII в. также вела активную внешнюю политику, что приводило к военным столкновениям, прежде всего с Речью Посполитой и Османской империей. Поэтому в стране существовал запрос на поставки вооружения и специалистов по военному делу. Помимо этого, российская экономика, сильно пострадавшая в годы Смуты, нуждалась в установлении торговых отношений со странами Европы, способными увеличить поступления в казну и наводнить рынок необходимыми товарами [2].

Эти причины определили характер контактов между государствами Европы и Россией. В основном страны направляли друг другу посольства, состоявшие из купцов и дипломатов. Именно поэтому важным источником для изучения русофобии в этот период являются работы послов и путешественников. К числу таковых, например, можно отнести текст Адама Олеария (1599–1671) «Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию» (1646) [10], который посетил Москву в качестве переводчика голштинских посольств в 1633 и 1636 годах [7]. Следует также упомянуть произведение Яна Янсена Стрэйса (1630–1694) «Три путешествия» (1675) [14]. Стрэйс был голландским путешественником, нанявшимся парусным мастером на русский корабль и попавшим в Россию в 1668 году [9]. Здесь же нужно сказать и о работе Бернгарда Таннера (1654 – после 1715) «Описание польского посольства в Москву» (1680) [15], который побывал в стране в 1678 году вместе с польскими дипломатами [1].

На фоне предыдущих источников выделяется «Записка о миссии в Москву» (1641) Юрия Крижанича (1618–1683), поскольку она представляет собой не описание посольства, а план по обращению России в униатство,

который автор предлагал Папе Римскому [4]. Сам Крижанич при этом являлся не послом, а миссионером. Однако он прибыл в Москву в 1659 году для выполнения в том числе и политических целей: Крижанич пытался убедить царя пойти на союз с Папой Римским [3].

Важно отметить, что вышеописанные произведения имеют между собой ряд сходств. Во-первых, они все были хорошо известны на Западе, неоднократно переиздавались и, как следствие, оказали значительное влияние на укрепление негативных стереотипов о России у западноевропейского читателя. Во-вторых, источники продолжают уже сформировавшуюся к XVII в. жанровую традицию. В течение XV–XVII вв. выходило множество различных «описаний путешествий в Московию», которые были уже хорошо известны в среде европейских читателей (например, работы С. Фон Гербештейна, А. Гваньини и др.) [8]. Существовали также и планы по обращению России в другую веру (произведения А. Поссевино, А. Кампензе и т.д.) [8]. Рассматриваемые нами авторы, вероятнее всего, были знакомы с указанными произведениями, а некоторые на них даже напрямую ссылались (Олеарий, Крижанич).

Основные темы русофобии XVII в.

Можно выделить три основные «русские темы», которые встречаются в текстах XVII в. и которые Олеарий, Стрёмс, Крижанич и Таннер интерпретируют в близком ключе: *политическое устройство России, быт и нравы русского народа, его религиозность и православная вера в целом.*

Говоря о политической жизни в России, авторы подчеркивают, что монарх в стране обладает неограниченной властью и может править, не считаясь ни с чьим мнением. Нужно отметить, что они посещали Россию при разных царях, однако их власть они характеризуют одинаково. Стрёмс утверждает: «Император, или царь, является неограниченным государем: он назначает и сменяет должностных лиц, никого не спрашивая и ни с кем не считаясь; по его указу чеканится монета, повышается или понижается ее ценность; он заключает мир, объявляет войну. Словом, он поступает так, как

ему нравится и заблагорассудится» [14]. С ним соглашается Олеарий, указывая на то, что русские в целом склонны раболепствовать перед своим правителем и «боятся его весьма сильно, более даже, чем Бога», что достигается с помощью жестоких наказаний и цензуры [10].

Русский народ все авторы характеризуют как варварский и рабский и приводят примерно одни и те же основания для такого вывода. Прежде всего, русские, по их мнению, необразованны, не разбираются в науках и искусствах и, как следствие, грубы и невежественны. Таннер об этом пишет так: «Беседа у них бывает не о состоянии народов, политике или ином еще благородном либо приятном предмете, потому что в достохвальных знаниях они круглые невежды; не зная истории и примечательных деяний предшественников, они говорят, что взбрдет на ум, особенно же, что звучит непристойностью и бесстыдством» [15].

Далее, русские, согласно текстам, являются лгунами и обманщиками, которые везде пытаются найти себе выгоду. Крижанич характеризует русских таким образом: «Хотя москвитяне и не имеют познаний в свободных искусствах и благородных науках и едва умеют писать <...>, тем не менее, из всех северных народов они отличаются сметливостью, двуличностью и надувательством» [3]. По мнению Олеария, русские обладают большим умом, но используют его, исключительно «чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим» [10]. Он добавляет, что русские готовы идти в том числе на подлоги и доносы с целью получить выгоды [10]. Неудивительно, что при таких условиях они, как отмечает голштинiec, мало доверяют друг другу и очень подозрительно относятся к иностранцам [10].

«Рабская натура» русских проявляется еще и в том, что они крайне ленивы, поэтому чтобы заставить их работать, приходится обязательно прибегать к физической силе. Как утверждает Стрэйс, «они рабы по природе и рождены для рабства. Они весьма редко работают добровольно и без принуждения; их всегда понуждают к тому побоями» [14]. Олеарий, высказывая похожую мысль, продолжает: «Никакого недовольства они не

высказывают, так как положение их требует подобного с ними обхождения, и они к нему привыкли» [10]. Он отмечает и то, что русские уделяют чрезмерное внимание социальному положению и достатку, поэтому всегда ведут себя высокомерно тогда, когда общаются с человеком ниже их по статусу, и раболепствуют перед теми, кто находится выше них в социальной иерархии [10].

В целом все авторы сходятся в том, что взаимодействие с русскими людьми неприятно образованному иностранному человеку. Таннер делает такой вывод: «Удивительно, что <...> я не мог заметить в москвитянах ничего добродетельного, или приятного, или сколько-нибудь похожего на истинное благочестие. Я вынужден поэтому сказать, что в большинстве случаев они лукавы, развратны, обманчивы, надувалы, вероломцы, вздорливы, разбойники и человекоубийцы» [15].

В вопросе русской религии авторы придерживаются позиции о том, что русские являются христианами, однако исповедуют христианство неправильным образом. Стрэйс говорит так: «Что касается богослужения у московитов, то оно совершается по-христиански, но сильно загрязнено различными суевериями, иконами и старыми обычаями, сохранившимися со времен язычества» [14]. Как считает Крижанич, «москвитяне <...> совращены с пути греками, вследствие любви последних к первенству и споров их с Римскою церковью» [4]. При этом в текстах отмечается, что внешне русские являются крайне религиозными людьми, которые тем не менее в силу их общей необразованности мало понимают, во что верят [10; 15].

Специфика русофобии XVII в.

Подводя итог, можно сказать, что русофобия XVII в. оформилась в условиях усиления экономического и политического взаимодействия между западноевропейскими государствами и Россией. Она логически продолжает и развивает уже существовавшие на тот момент негативные стереотипы. Русский народ характеризуется как варварский, так как люди в стране являются необразованными, лживыми, недоверчивыми и обладают дурными

нравами. Помимо этого, они по природе являются рабами из-за необходимости физически принуждать их к любой работе и из-за их склонности к унижению перед вышестоящими. Ими правит царь, распоряжающийся судьбами подданных, как тому вздумается. Наконец, вера русских представляет собой неправильную, искаженную версию христианства, в которую те верят слепо, не понимая ее основ.

Что касается причин такого негативного отношения, то часть из них связана с личностями авторов: с их ближайшим окружением, степенью знакомства с русской культурой и языком и т.д. Однако следует подчеркнуть, что ключевые факторы, повлиявшие на их мнение о России, носят объективный характер. Во-первых, таковыми являются общий интеллектуальный фон эпохи и укрепившиеся в европейском обществе представления о России. Можно говорить о том, что в Европе на тот момент уже сформировался весьма определенный образ российского государства, основанный на источниках XVI в. Во-вторых, религия в Европе XVII в. играла большую роль во всех общественно-политических процессах; она же во многом определяла то, как европейцы воспринимали представителей других народов. В данном случае путешественники были выходцами из католической или протестантской среды, поэтому и те, и другие, как следует из текстов, считали православие искажением «истинного христианства».

В-третьих, отношения между русскими и иностранцами в XVII в. в целом носило неоднозначный характер. Как подчеркивает Т.Л. Лабутина, в течение XVI–XVII вв. в русском обществе сохранялась ксенофобия, проявлявшаяся среди всех слоев населения, от купцов и священников до простых людей [5]. Это может объяснить то, почему авторы отмечали столь негативное отношение к ним со стороны местного населения и сами характеризовали его как обладающее дурными нравами.

Однако существует ключевое отличие работ XVII в. от источников XVI в. Оно заключается в том, что в них в меньшей степени выражен элемент ненависти к России и к русским, свойственный текстам предыдущего

столетия. Также в них не встречается мотив об исходящей от России угрозе европейским государствам. Авторы менее резки в своих оценках. Так, русский царь, хотя и описывается как не ограниченный в своей власти правитель, более не характеризуется как жестокий и кровожадный тиран. Более того, Олеарий в целом положительно отзывається о личности монарха [10]. Он же подчеркивает, что русский народ обладает не только негативными качествами, но и позитивными, считая их сообразительными и находчивыми людьми [10]. Крижанич соглашается с ним и доказывает, что все дурные нравы происходят у них «от общения с греками» [4].

Тем не менее в текстах сохраняется важнейший идеологический элемент западной русофобии – акцент на противопоставлении «варварской России» «цивилизованной Европе». Авторы подчеркивают, что русские представляют собой дикий, необразованный народ, чей быт, традиции и вера отличаются от таковых в Европе в худшую сторону. Более того, русские, хотя более и не представляют явной и прямой угрозы Западу, настроены к его представителям враждебно. Эта совокупность факторов позволяет европейцам сделать вывод о том, что Московия в силу (с их точки зрения) объективных причин вряд ли сможет войти в число «цивилизованных государств».

Список литературы

1. *Ивакин Н.* Примечания. // Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / пер., прим. и прил. И. Ивакина – М., 1891.
2. *Ключевский В.О.* Лекция 53. // Ключевский В.О. Курс русской истории: в 5 частях – СПб., 1904.
3. *Костомаров Н.И.* Часть II. Глава 11. Юрий Крижанич. // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2017.
4. *Крижанич. Ю.* Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. / пер. с итал, лат., предисл. и прим. П. Пирлинга. – М.: Издание

императорского общества истории и древностей российских при Московском Университете, 1901.

5. *Лабутина Т.Л.* «Свои» и «Чужие» в имэджинологии: ксенофобия в англо-русских отношениях в XVI-XVIII веках // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 31.

6. *Лимонов Ю.А.* Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев – Л.: Лениздат, 1986.

7. *Ловягин А.М.* Введение // Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. – Смоленск: Русич, 2003.

8. *Монина Н. П.* Идеология русофобии: духовно-исторические истоки формирования // Общество: философия, история, культура. 2018. №3.

9. *Морозов А.* Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие. // Стрейс Я.Я. Три путешествия / пер. Э. Бородиной; ред. А. Морозова. – М.: Соцэкгиз, 1935.

10. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. – Смоленск: Русич, 2003.

11. Письмо Альберта Кампензе к Папе Клименту XVII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. – СПб.: Типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.

12. *Поссевино А.* Московия // А. Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия, Ливония» и др.). – М.: Издательство Московского университета, 1983.

13. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. – М.: Издательство Московского университета, 2013.

14. *Стрейс Я.Я.* Три путешествия / пер. Э. Бородиной; ред. А. Морозова. – М.: Соцэкгиз, 1935.

15. *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / пер., прим. и прил. И. Ивакина – М., 1891.

16. *Шлихтинг А.* Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Ивана Васильевича // Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и прим. А.И. Малеина. – Л.: Издательство АН СССР, 1934.

17. Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeen century / J.T. Kotilaine. – Leiden; Boston: Brill, 2004.

Матюхин Денис Сергеевич,
магистрант, Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Denissergm@gmail.com

Denis S. Matyukhin,
Master's Degree Student,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
Denissergm@gmail.com

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША 2023:
СТРАТЕГИИ КЛЮЧЕВЫХ ПАРТИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
PARLIAMENTARY ELECTIONS IN THE REPUBLIC OF POLAND 2023:
THE KEY PARTIES' STRATEGIES AND POSSIBLE OUTCOME**

Аннотация: в статье проводится анализ ведущих партий и партийных коалиций Республики Польша в преддверии парламентских выборов в 2023 году. Исследованию подвергаются стратегические шаги, которые предпринимают лидирующие политические силы Польши с целью расширения электоральной базы в рамках подготовки к основной фазе предвыборной гонки. Внимание уделяется проблемам, с которыми в условиях борьбы за голоса граждан сталкиваются члены правящей партии и оппозиции страны. Статья также содержит попытку составить портрет избирателей ключевых партийных сил Польши. В заключительной части статьи приводится ряд условий, при выполнении которых польская оппозиция будет располагать высокими шансами на победу на выборах.

Abstract: the article analyses the leading parties and party coalitions of the Republic of Poland ahead of the 2023 parliamentary elections. The study focuses on the strategic steps taken by Poland's leading political forces to broaden their electoral base while preparing for the central event of the electoral race. The article also addresses challenges faced by members of the country's ruling party and opposition as they compete for votes. It also attempts to draw a portrait of voters of the key party forces in Poland. The article concludes with a number of conditions under which the Polish opposition will have a high chance of winning the elections.

Ключевые слова: Республика Польша, парламентские выборы, Сейм, Сенат, «Право и справедливость», «Гражданская коалиция», «Левая коалиция», неолиберальная ортодоксия, электоральная база.

Keywords: the Republic of Poland, parliamentary elections, the Sejm, the Senate, Law and Justice, Civic Coalition, Left Coalition, neoliberal orthodoxy, an electoral base.

24 февраля с официальным визитом в Киев прибыл премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий. На первый взгляд может показаться, что приуроченное к годовщине «вторжения» России на Украину возложение венков к Стене памяти павших, расположенной неподалеку от Михайловского собора в центре украинской столицы, и посещение одного из военных госпиталей, где главе польского правительства составил компанию президент Владимир Зеленский [2], представляют собой очередной, неоднократно повторяющийся политический сигнал украинцам: Варшава, несмотря ни на что, будет и дальше оказывать Киеву военно-техническую, гуманитарную и иную помощь в борьбе с т.н. «российской агрессией».

Тем не менее в череде многочисленных визитов высокопоставленных официальных лиц Польши на Украину приведенная встреча М. Моравецкого и В. Зеленского по своему символическому содержанию все же занимает особое значение. Вероятно, в словах премьер-министра за дежурным подтверждением передачи Киеву первой партии из 14 обещанных танков Leopard 2 прослеживается также и косвенное послание в адрес польских избирателей: партия «Право и справедливость» заслуживает получить большинство голосов граждан страны хотя бы потому, что сейчас Польша занимает самую активную роль в «танковой коалиции» стран НАТО и готова на время смириться с ослаблением собственной обороноспособности, чтобы подобным актом самопожертвования на деле доказать не только решимость отстаивать территориальную целостность Украины, но и приверженность общеевропейским ценностям перед лицом «российского империализма».

Подобное предположение подкрепляется прежде всего внутривыборной ситуацией в Польше. В рамках предстоящих в этом году осенних выборов в Сейм и Сенат, нижнюю и верхнюю палаты польского парламента, ключевые партии и партийные коалиции страны начинают все активнее присоединяться к предвыборной гонке. В связи с этим представляется интересным попытаться определить, к какой тактике прибегнут ведущие партийные силы Республики Польша, в чем будет заключаться их политическая программа и, наконец, в чьих руках окажется долгожданная победа.

При этом следует отметить, что в соответствии со статьей 98 Конституции РП, а также с учетом того факта, что депутаты IX созыва Сейма, избранные на четырехлетний срок, впервые приступили к исполнению своих обязанностей 12 ноября 2019 года, очередные парламентские выборы в Польше должны пройти 15, 22, 29 октября или 5 ноября 2023 года. О принятии окончательного решения по вопросу даты выборов президент РП Анджей Дуда должен сообщить не позднее августа [12]. На каких же партиях и партийных коалициях следует сосредоточить главное внимание в рамках приближающихся выборов в Сейм и Сенат Польши?

В первую очередь относительно высокими шансами на победу располагает правящая национал-консервативная партия «Право и справедливость», лидером которой с момента основания в 2001 году является Ярослав Качиньский, брат-близнец погибшего в 2010 году в авиакатастрофе под Смоленском президента РП Леха Качиньского. Требуется заметить, что на парламентских выборах 2019 года ПиС удалось не только внести значительные изменения в политическую жизнь Польши, но и впервые в постсоциалистический период страны повторно сформировать де-факто однопартийное правительство (малочисленные «Солидарность Польши» и «Соглашение» бывшего вице-преьера Ярослава Говины выступили в роли партнеров партии Я. Качиньского лишь для формального подтверждения демократической ориентированности национал-консерваторов). В сравнении

с выборами в Сейм и Сенат РП в 2015 году, в 2019 году в условиях небывало высокой явки в 61% поддержка ПиС среди избирателей укрепилась примерно с 38% до 44%, число сторонников партии возросло с 5,7 млн чел. до 8 млн [1]. Среди проголосовавших за партию Я. Качиньского преобладали лица со средним образованием (40,2% голосов). Национал-консервативные силы одержали победу над своими либеральными и социал-демократическими соперниками в рамках всех возрастных групп польских избирателей, но наибольшей популярности ПиС достигла среди граждан в возрасте 60 лет и старше (55,6% голосов). Голос за правящие силы было готово отдать подавляющее большинство фермеров (67,4%), пенсионеров (56,8%), работников сферы услуг (38,5%) [18]. По какой же причине ставка партии Я. Качиньского на указанные группы избирателей оправдалась и ПиС удалось сохранить большинство в Сейме при 235 из 460 мандатов и формально занять первое место в борьбе за Сенат (48 из 100 мест) [17]? Если отвечать на поставленный вопрос кратко, то здесь одну из главных ролей сыграла активная социальная политика ПиС. Опираясь на данные статистики результатов выборов 2019 года, можно сделать вывод о том, что правое правительство РП на постоянной основе разыгрывает карту финансового поощрения наиболее уязвимых категорий населения: многодетных семей и пенсионеров, проживающих преимущественно в сельской местности и небольших городах. Поддержка первых осуществляется за счет выплат ежемесячного детского пособия в 500 злотых (около 8 500 руб.), вторые могут довольствоваться получением 14-й пенсии в конце каждого года, а также с октября 2017 года имеют право выходить на пенсию не в 67, а в 65 (мужчины) и 60 (женщины) лет соответственно. Кроме того, ПиС предпринимает эффективные шаги по расширению своей электоральной базы посредством обещаний строительства дополнительных 100 тысяч квартир для бедных представителей молодежи. Партия Я. Качиньского всегда пользовалась популярностью среди граждан, исповедующих католическую веру, приверженцев института семьи, запрета на аборт, борьбы с ЛГБТ-

пропагандой, расширенного участия церкви в жизни общества, в т.ч. в образовательной среде.

Внешняя политика действующих польских властей, с 2015 года традиционно имеющая яркий националистический окрас, также продолжает привлекать в ряды сторонников ПиС тех граждан Польши, которые выступают за правовой суверенитет страны на фоне давления наднациональных органов Евросоюза, расширение политического и военно-технического сотрудничества с США и активное противостояние т.н. «имперским устремлениям» России, в т.ч. в контексте вооруженного конфликта на Украине.

Далее, с опорой на вышеперечисленные факты необходимо определить политическую программу ПиС, которую с большей степенью вероятности национал-консерваторы представят на парламентских выборах в РП осенью 2023 года. Помимо поддержки традиционных многодетных семей, пенсионеров и малоимущей молодежи, а также проведения суверенного внешнеполитического курса националистического толка, партия Я. Качиньского выступает за прогрессивное налогообложение, декоммунизацию, 50-процентное снижение пенсионных взносов для молодых работников, установление запрета на торговлю по воскресеньям и выход польских высших учебных заведений из Болонской системы. Правящие силы выступают против замены польского злотого на евро, поспешной приватизации государственных активов, гражданских браков, эвтаназии, экстракорпорального оплодотворения и легализации легких наркотиков [10]. По словам бывшего премьер-министра Польши Беаты Шидло, в ближайшее время ПиС представит детали своей обновленной социально-экономической программы, учитывающей необходимость стабилизации показателей демографии и пропаганды семейных ценностей [11].

Теперь можно попытаться определить, каковы реальные шансы ПиС на победу в рамках предстоящих парламентских выборов в РП. Здесь, в отличие от политической ситуации 2019 года, когда правящим силам в целом удалось

сохранить стабильный контроль как над Сеймом, так и над Сенатом, современный предвыборный климат в Польше отнюдь не благоприятствует партии Я. Качиньского: поддержка ПиС давно упала ниже 40%. Несмотря на то, что относительное большинство избирателей все также готово отдать свой голос за национал-консерваторов, согласно данным эстонского исследовательского агентства United Surveys, актуальным на 20 февраля 2023 года, популярность ПиС среди населения составила 33,6%, что на один процентный пункт ниже, чем две недели назад [15]. На рейтинг правящих сил негативным образом влияет целый ряд внутри- и внешнеполитических обстоятельств.

Во-первых, Польша занимает одну из лидирующих позиций среди государств – членов ЕС по росту темпов инфляции. Так, если в июне 2022 года при средней по Евросоюзу инфляции в 9,6% в Польше она составляла 14,2%, то к сентябрю того же года данный показатель увеличился до 15,7% [4].

Во-вторых, в стране не утихают протесты как сторонников права на аборт, так и работников бюджетной сферы, требующих вместе с профсоюзами повышения заработных плат и макроэкономических поправок в бюджете 2023 года.

В-третьих, на фоне вооруженного конфликта на Украине польские граждане все чаще выступают против миграционной политики партии ПиС. С 24 февраля 2022 года в стране по-прежнему находятся около двух миллионов украинских мигрантов [3]. Масла в огонь добавляют отнюдь не всегда удачные попытки действующих польских властей убедить рядовых налогоплательщиков в том, что подавляющее большинство пересекающих польско-украинскую границу являются не мигрантами, но беженцами, которые, в соответствии с 14 статьей Всеобщей декларации прав человека, имеют право на «международную защиту», в т.ч. предоставление убежища. Статистика польского Управления по делам иностранцев, однако, свидетельствует об обратном: в первых трех кварталах 2022 года с заявлением о предоставлении статуса беженца в профильные учреждения РП обратились

всего лишь 1,5 тыс. украинцев. Разгадкой подобного парадокса является «специальный закон» (польск. *specustawa*) от 12 марта 2022 года, принятый польскими властями для помощи гражданам Украины. Приведенный документ не только легализует пребывание украинцев на территории РП в течение 18 месяцев с начала СВО и упрощает получение временного вида на жительство сроком на 3 года, но и дает им право на предоставление различных медицинских и социальных услуг, в т.ч. на семейную программу «500+» и единовременное пособие в размере 300 злотых на человека [9]. Если учитывать, что временным правом на работу пользуется лишь незначительная часть из около 1,4 млн новых обладателей особых идентификационных номеров PESEL, можно предположить, что в ближайшее время польские граждане в полной мере ощутят на себе столь существенный налоговый балласт и, отложив в сторону размышления о христианском милосердии, очевидно, потребуют ответов от партии Я. Качиньского.

Наконец, в-четвертых, рейтингу ПиС наносят урон действия Еврокомиссии, которая по сей день не удовлетворила заявку Польши на предоставление 24 млрд евро безвозвратных грантов и 11,5 млрд займов под низкие проценты из Фонда реконструкции ЕС, направленного на поддержку пострадавших от последствий пандемии коронавируса экономик стран-членов. В начале июня 2022 года в ЕК пояснили, что Польше потребуется выразить готовность к достижению определенных этапов, «вех» (польск. *kamieni milowuch*) в рамках национального законодательства, чтобы получить первый евротранш [13]. Среди них наиболее важными являлись защита принципа независимости судебной власти в Польше, в рамках которой ПиС была вынуждена пойти на уступки Брюсселю и завершить правовое оформление ликвидации дисциплинарной палаты Верховного суда РП в июне 2022 года, а также внедрение в польскую государственную систему особого IT-инструмента оценки рисков *Arachne*, направленного на поддержку стран – членов ЕС в их усилиях по борьбе с мошенничеством. Однако, несмотря на выполнение Польшей указанных двух условий Еврокомиссии, премьер-

министр М. Моравецкий все также продолжает откладывать сроки получения страной средств из Фонда ЕС на более поздний период, поскольку, по его словам, Сейм РП еще не одобрил правительственный проект поправок к закону об инвестициях в ветряные электростанции [6]. В приведенных условиях Брюссель, располагая столь весомым финансовым рычагом давления на Варшаву, мог бы быть заинтересован в приходе к власти в Польше либеральной и нацеленной на сотрудничество с наднациональными органами ЕС оппозиции. Возможно, в Еврокомиссии решат воспользоваться удобной возможностью раз и навсегда положить конец кризису в отношениях с РП и поспособствовать поражению партии ПиС на парламентских выборах посредством удержания средств из Фонда реконструкции. Тем временем, согласно данным опросов все того же агентства United Surveys, 41,6% польских граждан убеждены в том, что, в случае провала переговоров с ЕС по предоставлению стране финансовых средств, премьер-министр М. Моравецкий и министр юстиции З. Зебро должны лишиться своих постов [16].

При учете вышеназванных обстоятельств, отрицательно воздействующих на популярность действующего правительства среди польского населения, текущее лидерство «Права и справедливости» среди прочих политических сил в рамках приближающейся основной фазы предвыборной гонки отнюдь не неоспоримо и, скорее, является весьма условным. Партия Я. Качиньского, де-факто пытаясь отвлечь внимание избирателей от разрастающегося инфляционного и миграционного кризисов, угрожающих значительно снизить уровень жизни польских граждан, концентрирует внимание электората как на усилиях по продвижению национальных интересов в многолетних конфликтных отношениях с Брюсселем и борьбе за получение от Германии репараций в размере 6 трлн 220 млрд 609 млн злотых (1 трлн 532 млрд 170 млн долларов США) за ущерб во Второй мировой войне [14], так и по расширению сотрудничества с Соединенными Штатами в организации военно-технической и гуманитарной помощи Украине. Национал-консерваторы, вероятно, будут и дальше

пытаться завоевывать симпатии польских избирателей раздачей денежных средств целевым электоральным группам и обещаниями стабилизации экономической ситуации в ближайшее время. Время тем не менее работает против правящей партии. Не будет преувеличением сказать, что сейчас мяч находится на стороне поля оппозиции, и именно от того, удастся ли какой-либо политической силе подобного рода представить более привлекательную избирательную программу и объединить вокруг себя близких ей в определенных идеологических вопросах конкурентов, будет зависеть исход будущего сражения за Сейм и Сенат РП в рамках осенних выборов. В таком случае какие же оппозиционные силы могли бы выступить в роли координатора большинства оппонентов ПиС?

Очевидно, что подобным объединителем имеет все шансы стать «Гражданская коалиция Республики Польша», группа из нескольких партий, состоявшая перед выборами в польские органы МСУ в 2018 году из «Гражданской платформы» бывшего премьер-министра Дональда Туска (христианская демократия, социал-либерализм) и «Современной», партии депутата Сейма IX созыва Адама Шлапки (либерализм, свободный рынок). В 2019 году перед парламентскими выборами она расширилась за счет «Польской инициативы» депутата Сейма Барбары Новацкой (социал-демократия, социал-либерализм, феминизм, проевропеизм) и «Зеленых» советника Щецинского городского совета и депутата нижней палаты парламента Пшемислава Словики и его коллеги Уршули Зелиньской («зеленая политика», феминизм, альтерглобализм, социал-либерализм, проевропеизм). Возникает вопрос, по какой причине именно «Гражданской коалиции РП» суждено выступить главным вызовом для ПиС. Все дело в том, что на выборах в Сейм и Сенат РП в 2019 году ГК показала относительно неплохой результат, не только заняв после подсчета голосов второе место после партии Я. Качиньского, но и расширив свою электоральную базу.

Так, по результатам выборов 2019 года ГК, несмотря на потерю 32 кресел в нижней палате парламента из-за особенностей подсчета голосов и

перехода определенной части голосующих на сторону левых партий, сыграла одну из ключевых ролей в лишении партии Я. Качиньского абсолютного большинства в Сенате РП (61 мандат из 100 на выборах 2015 года против 48 в 2019 году), расширила свое присутствие в верхней палате польского парламента с 34 до 43 мест и привлекла на свою сторону на 200 тыс. больше избирателей, чем в 2015 году (27,4% проголосовавших, или 5 млн чел.) [1]. Если попытаться сформировать портрет типичного сторонника ГК, опираясь на данные выборов 2019 года, то можно прийти к выводу, что чаще всего это гражданин с высшим образованием (52,1% от общего числа проголосовавших за ГК) в возрасте примерно 40–49 лет (31,7%, второе место после ПиС), занимающий руководящие директорские посты (39,7%, первое место среди прочих партий в рамках указанной группы) или являющийся владельцем фирмы либо компании (38,8%, аналогично первое место). Кроме того, несмотря на то что в рамках возрастной группы в 18–29 лет ГК незначительно уступает ПиС (24% у социал-либералов против 26,2% у национал-консерваторов), конкретно среди студентов «Гражданская коалиция РП» пользуется наибольшей поддержкой (24,8% у ГК против 22,3% у ПиС) [18].

В чем же секрет популярности ГК среди вышеназванных социальных групп польских избирателей? Ответ следует искать в политической программе коалиции. Вероятно, представителей молодого поколения особенно привлекают призывы социал-либералов к официальному признанию гражданского партнерства, введению практики интернет-голосования, полноценному восстановлению права на аборт и госфинансированию экстракорпорального оплодотворения. Защитников окружающей среды привлекает пункт программы ГК о необходимости введения программы «Чистый воздух и вода» (постепенный отказ от использования угля в отоплении жилых домов и производстве электроэнергии). Владельцы фирм выступают за инициативу социал-либералов по отмене запрета на воскресную торговлю. Росту привлекательности «Коалиции» также способствует стремление ее представителей сократить НДСФЛ и сумму взносов работников

и работодателей в т.н. ZUS, Управление социального страхования, принять особый «Закон об обновлении демократии», установивший бы «подлинное» разделение властей в стране, и сохранить практику выплаты пожилым людям 14-й пенсии в конце года [7].

Обращаясь к рассмотрению реальных возможностей «Гражданской коалиции РП» нанести поражение ПиС в рамках осенних выборов 2023 года, следует отметить, что сторонники и союзники Д. Туска, как представляется, должны выполнить два важных условия. Первое заключается в том, что ГК требуется представить более комплексную программу социальных выплат населению, которая была бы понятна по своему содержанию рядовому избирателю и щедра по отношению к представителям т.н. «ядерного электората» ПиС – пенсионерам и многодетным семьям. В частности, «Гражданской платформе» как ядру ГК РП, в которой экономический либерализм в целом преобладал над всеми прочими идеологиями, всегда было свойственно пренебрегать мнением вышеуказанных социальных групп и делать ставку лишь на представителей бизнес-структур, отягощенных в т.ч. необходимостью вносить финансовый вклад в реализацию программы «500+», и молодежь со свойственными ей бунтарством и желанием противостоять консервативно-религиозным установкам партии 73-летнего Я. Качиньского. Сейчас «Гражданской коалиции» следует отказаться от стратегии складывать все яйца в одну корзину и попытаться расширить круг своего целевого электората. Осознание подобной проблемы Д. Туск, как представляется, довольно запоздало продемонстрировал 9 июля 2022 года в Щецине на встрече с молодежью. Риторика бывшего премьер-министра обозначила долгожданный поворот «Гражданской платформы» «влево», позволивший сформировать социально ориентированный характер партии и удалить из нее непривлекательный элемент «неолиберальной ортодоксии». Д. Туск подтвердил готовность в случае победы на выборах повысить на 20% заработную плату для всех работников бюджетной сферы – учителей, госслужащих, врачей, «заморозить» выплаты по кредитам на уровне декабря

2021 года, проводить жилищную политику по принципу «жилье – это право, а не товар», сохранить социальные программы ПиС и провести ограниченный по формату эксперимент с 4-дневной рабочей неделей [5]. Так, выступление Д. Туска в Щецине показало, что «Гражданской платформе» суждено раз и навсегда расстаться с имиджем финансово ответственной партии, отталкивавшейся от принципа «затягивания поясов» в угоду развития частного предпринимательства. Подобный шаг, по всей вероятности, позволит ГК РП, где «Гражданская платформа» играет ведущую роль, заручиться перед выборами поддержкой большего числа польских избирателей и лишить ПиС де-факто уникального козыря в виде все тех же щедрых социальных программ.

Второе условие для победы ГК РП над правящими национал-консерваторами заключается в острой необходимости объединения однопартийцев и союзников Д. Туска с представителями партий левого толка. Все дело в том, что на парламентских выборах 2019 года т.н. «Левая коалиция», объединение таких политических сил, как «Демократический левый альянс», «Весна» и «Левые вместе», смогла завоевать третье место и с 12,56% поддержки (около 2 млн чел.) получить 49 мест в Сейме РП [1]. Однако, несмотря на то что левым удалось мобилизовать значительную часть недовольных консерватизмом ПиС и неолиберальной повесткой ГК РП, этих усилий по-прежнему недостаточно для того, чтобы противостоять правящей партии в одиночку. Проблема состоит в том, что популярность ЛК, выступающей за радикальный слом тех ценностей, которые всегда составляли основу польской национальной самоидентификации, носит чрезвычайно ограниченный характер электорального охвата. Польскому рабочему классу, в большинстве своем исповедующему традиционный образ жизни, совершенно непонятны и даже чужды обещания ЛК «отделить» церковь от государства, распространять ценности ЛГБТ-сообществ, ввести гендерные квоты в правительстве и половое воспитание в школах. Именно поэтому «Левой коалиции» для победы над ПиС необходимо скорректировать свою политическую программу таким образом, чтобы информация о

вышеназванных планах не слишком часто доносилась до ушей нетерпимой к подобной идеологии аудитории, симпатизирующей тем не менее ряду левых установок в экономической жизни страны. Все вышеизложенное снова подводит к мысли об острой необходимости заключения какого-либо партнерского соглашения между ГК РП и ЛК для нанесения поражения ПиС на осенних выборах. На данный момент, однако, поводов для оптимизма в указанном вопросе немного. Действительно, либеральным центристам и представителям левых партий в целом удалось положить конец двустороннему конфликту, разгоревшемуся после голосования по ратификации Фонда реконструкции в мае 2021 года, когда первые обвинили вторых в сговоре с партией Я. Качиньского [5]. Тем не менее 6 февраля 2023 года на собрании клуба «Гражданской коалиции» Д. Туск, поручив 16 председателям региональных отделений «Гражданской платформы» приступить к созданию предварительных списков кандидатов для избрания в Сейм РП, заявил, что шансов на создание единого списка оппозиции вместе с левыми остается все меньше, поскольку до сих пор неизвестно, «созрели» ли другие оппозиционные группировки для объединения [8]. Указанное обстоятельство, очевидно, рождает в представителях правящей партии все крепнущую уверенность в том, что политические соперники так и не найдут оптимальный компромисс и выступят в избирательной гонке отдельно друг от друга, что закономерно приведет к третьему с парламентских выборов 2015 года поражению оппозиции.

Так или иначе, невозможно не согласиться с тем, что в рамках осенних парламентских выборов 2023 года партии Я. Качиньского придется отстаивать свои лидирующие позиции и право на власть в чрезвычайно неблагоприятных условиях для проведения успешной избирательной кампании. На ПиС оказывают давление как внутренние (стремительный рост инфляции, разрастающийся миграционный кризис, неутраченные протесты бюджетников и сторонников права на аборт), так и внешние негативные факторы (напряженность в отношениях с Германией по вопросу репараций, отсутствие

ясности в вопросе конкретных сроков предоставления Польше средств из Фонда реконструкции ЕС, необходимость поддерживать обороноспособность Украины за счет самих поляков). В связи с этим обещания ПиС о новых социальных выплатах выглядят не как оптимальный стимул для поддержания уровня жизни уязвимых категорий населения на достойном уровне, но как вполне реальная угроза экономической стабильности страны. На неудачи польского правительства граждане реагируют соответственно, все сильнее подтачивая популярность правящей партии, рейтинг которой давно не выходил за рамки 40-процентных пунктов. В указанном временном отрезке ключевые оппозиционные силы обладают уникальным шансом нанести поражение национал-консерваторам, однако либеральные центристы и левые должны принять к сведению тот факт, что пассивное ожидание позитивных изменений в свою сторону и разобщенность в рядах противников ПиС лишь отдаляют ГК РП и ЛК от заветной победы. Приведенным силам необходимо удалить или хотя бы скорректировать те пункты политических программ, которые могли бы быть условно определены как «перегибы» (в случае ГК РП – это элементы т.н. «неолиберальной ортодоксии», а для ЛК – агрессивная пропаганда ряда ценностей, вступающих в противоречие с традиционным образом жизни значительной части польских граждан). Результатом проделанной «работы над ошибками» определенно может стать расширение электоральной базы вышеназванных коалиций, которые должны акцентировать внимание избирателей на своих программах социального поощрения. Подобная стратегия запустит процесс «перетягивания» целевой аудитории ПиС (пенсионеров и многодетных семей) в единый левоцентристский лагерь, о создании которого говорить пока не приходится.

Как бы то ни было, сражение за места в Сейме и Сенате Республики Польша в рамках осенних выборов 2023 года обещает быть ожесточенным, поскольку позиции правящих и оппозиционных сил по целому спектру политической, социально-экономической и культурной жизни польского общества порой различаются кардинальным образом.

Список источников и литературы

1. Ведерников М.В. Парламентские выборы в Польше: национал-консерватизм vs «брюсселецентризм» // Научноаналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №5. С. 33-38. – URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Vedernikov52019.pdf> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный
2. Премьер-министр Польши Моравецкий прибыл в Киев // anna-news.info. – 24.02.23. – URL: <https://anna-news.info/premer-ministr-polshi-moravetskij-pribyl-v-kiiev/> (дата обращения: 25.02.23). – Текст: электронный.
3. Шишелина Л.Н. Вишеградские страны на фоне российско-украинского конфликта // Современная Европа. 2022. №6. С. 67-81. – URL: http://visegradeurope.ru/wp-content/uploads/2022/12/статья-СЕ_Шишелина.pdf (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.
4. Шишелина Л.Н. Вишеградские страны в 2022 г. // Научноаналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №6. С. 42-51. - URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/6-2022/Shishelina62022.pdf> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.
5. Co w PO sądzą o socjalnych pomysłach Tuska? "Donald przesterowuje partię. Mało kto ma takie cojones" // oko.press. – 15.07.22. – URL: <https://oko.press/co-w-po-sadza-o-socjalnych-pomyslach-tuska-donald-przesterowuje-partie-malo-kto-ma-takie-cojones> (дата обращения: 27.02.23). – Текст: электронный.
6. Kiedy Polska dostanie pieniądze z KPO? Jest zapowiedź Morawieckiego // next.gazeta.pl. – 14.01.23. – URL: <https://next.gazeta.pl/next/7,151003,29358121,kiedy-polska-dostanie-pieniadze-z-kpo-jest-zapowiedz-morawieckiego.amp> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.
7. Koalicja Obywatelska - program i obietnice wyborcze // wiadomosci.wp.pl. – URL: https://wiadomosci.wp.pl/koalicja-obywatelska-6304755920136321c_ (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

8. Mapa wyborcza po mijającym tygodniu: opozycja jednak się nie dogadała, będą trzy listy // www.bankier.pl. – 11.02.23. – URL: <https://www.bankier.pl/amp/wiadomosc/Wybory-parlamentarne-2023-Opozycja-jednak-sie-nie-dogadala-8488176> (дата обращения: 27.02.23). – Текст: электронный.

9. Piasta P. To nie są uchodźcy // myslpolska.info. - 4-11.12.2022. – URL: <https://myslpolska.info/2022/12/05/piasta-to-nie-sa-uchodzcy/> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

10. PiS - Prawo i Sprawiedliwość - program i obietnice wyborcze // wiadomosci.wp.pl. – URL: <https://wiadomosci.wp.pl/pis-prawo-i-sprawiedliwosc-6032701425284225c> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

11. PiS znów szykuje programy do rozdawania pieniędzy // www.bankier.pl. – 18.02.23. – URL: <https://www.bankier.pl/amp/wiadomosc/PiS-znow-szykuje-programy-do-rozdawania-pieniedzy-8491942> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

12. Plan na nowy wyborczy rok 2023. Zacznie się od trzęsienia ziemi? // www.rp.pl. – 1.01.23. – URL: <https://www.rp.pl/polityka/art37706721-plan-na-nowy-wyborczy-rok-2023-zacznie-sie-od-trzesienia-ziemi> (дата обращения: 25.02.23). – Текст: электронный

13. Polska wciąż bez miliardów z UE. Wiadomo, skąd rząd weźmie pieniądze // www.money.pl. – 8.12.22. – URL: <https://www.money.pl/gospodarka/polska-wciaz-bez-miliardow-z-ue-wiadomo-skad-rzad-wezmie-pieniadze-6842281630689824a.html?amp=1> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

14. Reparacje. Polska będzie się domagać od Niemiec 6 bilionów 220 mld złotych // www.rp.pl. – 1.09.22. – URL: <https://www.rp.pl/polityka/art36974351-reparacje-polska-bedzie-sie-domagac-od-niemiec-6-bilionow-220-mld-zlotych> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

15. Sondaż: PiS traci poparcie i oddala się od samodzielnych rządów // www.rp.pl. – 20.02.23. – URL: <https://www.rp.pl/polityka/art37988391-sondaz-pis->

traci-poparcie-i-oddala-sie-od-samodzielnich-rzadow (дата обращения: 26.02.23).

– Текст: электронный.

16. Sondaż. Polska dostanie pieniądze z KPO. Jeśli nie, powinny polecieć głowy // www.rp.pl. – 11.12.22. – URL: <https://www.rp.pl/polityka/art37588821-sondaz-polska-dostanie-pieniadze-z-kpo-jesli-nie-powinny-poleciec-glowy> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

17. Wybory do Sejmu i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej 2019 // sejmsenat2019.pkw.gov.pl. – URL: <https://sejmsenat2019.pkw.gov.pl/sejmsenat2019/pl/wyniki/sejm/pl> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

18. Wyniki wyborów: Jak głosy rozkładały się według wieku, płci, wykształcenia wyborców? // www.rmf24.pl. – 13.10.19. – URL: <https://www.rmf24.pl/newsamp-wyniki-wyborow-jak-glosy-rozkladaly-sie-wedlug-wieku-plci-wy,nId,3276136> (дата обращения: 26.02.23). – Текст: электронный.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательна разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении

библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации осуществляет набор в аспирантуру по следующим научным специальностям:

5.1.5. Международно-правовые науки

5.2.5. Мировая экономика

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Прием документов: I поток – с 22 по 30 мая 2023 г.

Проведение экзаменов: с 02 по 13 июня 2023 г.

Прием документов: II поток – с 07 августа по 01 сентября 2023 г.

Проведение экзаменов: с 06 по 15 сентября 2023 г.

СПОСОБЫ ПОДАЧИ ДОКУМЕНТОВ

1. Дистанционно – через личный кабинет абитуриента, ссылка на который расположена в разделе «Поступление - Аспирантура» официального сайта Академии;

2. Лично, по предварительной записи по тел. 8 499 940-10-05

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation is recruiting for postgraduate studies in the following scientific specialties:

5.1.5. International Legal Sciences

5.2.5. World Economy

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global
and regional studies

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Acceptance of documents: I stream – from May 22 to May 30, 2023

Exams: from 02 to 13 June 2023

Acceptance of documents: II stream – from August 07 to September 01, 2023

Exams: from 06 to 15 September 2023

WAYS TO SUBMIT DOCUMENTS

1. Remotely – through the applicant's personal account, the link to which is located in the section "Admission - Postgraduate Studies" of the official website of the Academy;

2. In person, by appointment by phone. 8 499 940-10-05

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2023. № 1 (23)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска Журнала: Козюлин В.Б. (к.п.н.),
Сидорова Л.Н. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Шангараев Р.Н. (к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Сидорова Л.Н. (к.п.н.),
Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина
А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.), Исхаков А.С.

Выпускающий и ответственный редактор выпуска Журнала:
Сидорова Л.Н. (к.п.н.)

Верстка: Л.Н. Сидорова

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано: 31.05.2023